

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

Ж.САДУЛЬ

Записки
о большевистской
революции

·КНИГА·

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АРХИВ

ДНЕВНИКИ,
ВОСПОМИНАНИЯ,
ПИСЬМА

Ж.САДУЛЬ

Записки
о большевистской
революции

(ОКТАБРЬ 1917–ЯНВАРЬ 1919)

МОСКВА
·КНИГА·
1990

ББК 84.4(Фр.)
С14

Редактор А. Н. Казакевич
Предисловие и комментарии
кандидата исторических наук Г. М. Ивановой
Перевод С. В. Козицкого
Художник Б. А. Лавров

С14   **Садуль Ж.**
Записки о большевистской революции. 1917 — 1919. — М.: Книга, 1990. 400 с. (Историко-литературный архив).

ISBN 5-212-00283-4

В «Записках» повествуется о событиях революции и гражданской войны, очевидцем и участником которых был автор. Описаны встречи и даны меткие характеристики видных деятелей партии (в том числе и Льва Троцкого, с которым Садуль был близко знаком) и Советского государства того периода.

Для широкого круга читателей.

4703010400-081
С 002(01)-90 **38-90**

© Перевод. Козицкий С. В. 1990.
Предисловие, комментарии. Иванова Г. М. 1990.

Российский народ, самодержец
своих судеб, верит в себя.

Жак Садуль

Выступая в июле 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов, В. И. Ленин с сожалением заметил: «Знают за границей про нашу революцию до смешного, до ужаса мало»¹. Сведения, поступавшие из Советской России в первый год революции, были прежде всего отрывочны, противоречивы, а порой просто лживы в зависимости от личности и убеждений корреспондентов. Контакты мировой общественности с русскими демократическими слоями носили преимущественно личный и случайный характер. В период военных действий 1917—1918 гг. все источники информации жестко контролировались военной цензурой. Одним из каналов проникновения за границу, в частности во Францию, правдивой и относительно объективной информации о революционных событиях в России стали письма члена Французской военной миссии Жака Садуля, адресованные видным общественным деятелям Франции. Французский социалист Жан Лонге в связи с годовщиной Октябрьской революции отмечал особую ценность «Хорошо документированных отчетов, точных и полных, которые наш дорогой и благородный друг капитан Жак Садуль посылал нам в течение года»².

Где же истоки симпатии (а отсюда и правдивости информации) французского офицера к русской революции?

По воспоминаниям современника, М. З. Вильдера, «Садуль был человеком очень красивым, с живым и жизнерадостным лицом. Голос у него был тихий, и все движения как бы замедленные. Но за спокойной внешностью скрывалась благородная и страстная душа революционера»³. Жак Садуль родился в Белльвиле, рабочем предместье Парижа, 22 мая 1881 г., ровно через 10 лет после падения Парижской коммуны. Родители Садуля не стояли в стороне от французского революционного движения: мать, как участница Парижской коммуны, избежала смертной казни, которая грозила ей во время тюремного заключения, только благодаря счастливой случайности. Политические воззрения отца — рабочего железнодорожных путей — были близки к идеям социалистов-прудонистов.

Рабочее происхождение и отсутствие достаточных материальных средств не помешали Садулю успешно закончить колледж и поступить в Сорбонну на факультет права. Учебу в университете при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 512.

² Виллар Клод. Первое знакомство французского рабочего класса с Октябрьской революцией (1918—1919) // Французский ежегодник, 1977. М., 1979. С. 11.

³ Вильдер М. З. Французские интернационалисты в защиту Великой Октябрьской социалистической революции: Воспоминания // Французский ежегодник, 1977. М., 1979. С. 40.

ходилось сочетать с временной работой для получения дополнительного заработка. Как-то один из покровителей Жака, американский миллионер, по достоинству оценивший физические (Садуль увлекался футболом, играл в команде Регби-клуба Франции) и умственные способности молодого француза, пригласил его на работу в США.

После недолгих раздумий предложение было принято. Садуль освоил трудную профессию ковбоя, хорошо изучил своеобразную жизнь американского Запада. Но ему не суждено было навсегда затеряться среди ковбоев Монтаны: во время очередных скачек Жаку не повезло — он упал и сильно повредил ногу. Пришлось расстаться с ковбойской шляпой и вернуться на родину.

Пребывание в США в период зарождения могущественного американского империализма, близкое знакомство с жизнью и нравами «деловых людей» заметно повлияли на мировоззрение Жака Садуля. «Я вернулся во Францию, принеся в своем сердце не только любовь к американскому народу, но и ненависть и отвращение к капитализму»¹, — писал он позднее.

В 1903 г. Ж. Садуль вступил во Французскую социалистическую партию, основанную в 1902 г. Ж. Жоресом. В Париже после сдачи специальных экзаменов Садуль получил звание адвоката. Начал вести активную работу в Народном университете. В партии Садуль придерживался центристского направления. Среди его друзей и единомышленников были Жан Жорес, Альберт Тома, Марсель Кашен², Эрнст Лафон, Жан Лонге и другие видные деятели Французской социалистической партии. В 1908 г. Жорес рекомендовал Садулю вести социалистическую пропаганду среди крестьян. В местечке Вьенн, близ Лиона, где Садуля хорошо знали и где он пользовался большим авторитетом у населения, его избрали секретарем местной социалистической организации.

Партия французских социалистов — Французская секция рабочего Интернационала — до первой мировой войны находилась в оппозиции к правительству. В парламенте, где ей в 1914 г. принадлежало 103 мандата, или 17 % голосов, она выступала против государственного бюджета, поддерживала профсоюзы и их право на забастовку; Ж. Жорес вел активную антимилитаристскую пропаганду.

Однако с началом мировой войны лидеры партии заняли открыто шовинистические позиции. В течение всей войны парламентская группа голосовала за военные кредиты. В декабре 1915 г. пост министра вооружений во французском правительстве занял социалист Альберт Тома. Хорошо зная и ценя способности Садуля, который не попал в армию из-за поврежденной ноги, Тома пригласил его на юридическую службу в свое министерство.

Летом 1917 г., когда возникла необходимость направить в Россию надежного «политического наблюдателя», выбор пал на Жака Садуля. Его назначили атташе при Французской военной миссии в Петрограде. Политические взгляды Садуля в тот период были вполне приемлемы для выполнения поставленных перед ним задач.

Анализируя позднее политическую позицию Ж. Садуля, М. Н. Покровский называл его «добросовестным оборонцем». «Добросовестность его, или наивность, — считал советский историк, — выражалась в том, что он, во-первых, верил во французский социализм, во-вто-

¹ *Вопр. истории.* 1967. № 9. С. 126.

² М. Кашен в 1924 г. издал в Париже отдельную брошюрой биографию Ж. Садуля.

рых, думал, что это и есть настоящий социализм, а не нечто, не имеющее ничего общего с социализмом, и в-третьих, верил в освободительные цивилизаторские цели империалистической войны»¹.

Сам Ж. Садуль признавался, что его политические взгляды в 1917 г. вполне совпадали с общественным мнением официальной Франции. В марте 1919 г., уже будучи коммунистом, Садуль писал: «Когда в сентябре 1917 г., т. е. за несколько недель до Октябрьской революции, я покидал Париж, общественное мнение Франции относилось к большевизму, как к грубой карикатуре на социализм. Руководителей большевизма считали преступниками или безумцами. Впрочем, я не могу осуждать это слишком строго, так как еще недавно сам разделял эти взгляды и, может быть, еще и сегодня был бы так же слеп, если бы не прошел здесь великой школы русского коммунизма»².

В Россию Садуль попал накануне Октября. Абсолютно не зная русского языка, он тем не менее сумел очень четко уловить общую атмосферу происходящих событий. Выполняя конфиденциальную просьбу А. Тома регулярно направлять доверительную информацию о политических событиях в России для руководства французских социалистов, Садуль 2 (15) октября направляет в адрес Тома свое первое послание. Ему есть о чем писать. Он находится в центре политической жизни Петрограда; имея доступ в Смольный, присутствует на заседаниях II съезда Советов, знакомится с лидерами большевистской партии — Лениным, Троцким, Каменевым, Коллонтай, Луначарским и многими другими; встречается с Г. В. Плехановым, лидерами меньшевиков и левых эсеров — круг его встреч и знакомств необычайно широк и разнообразен. Все увиденное и услышанное ложится на бумагу.

В своих почти ежедневных записях Садуль рассматривает революционные события в России сквозь призму интересов Франции, Антанты. В одном из писем он признавался: «Никогда у меня не было иной цели, кроме как служить интересам Франции, не нанося в то же время ущерба русской демократии»³. По-видимому, вполне можно согласиться с мнением М. Н. Покровского, который считал, что Садуль в своих письмах «совершенно искренне старался просветить свое французское начальство по части действительного положения дел в России, чтобы оно могло вести свою оборонческую политику, опираясь не на иллюзии, а на действительное соотношение сил и вещей в России»⁴.

Честно пытаясь разобраться в происходящих событиях, Садуль постепенно проникался идеями большевиков, начинал по-иному смотреть на их революционную деятельность. В биографических справках о Ж. Садуле, изданных в нашей стране, отмечается, что он перешел на позиции коммунизма под влиянием встреч и бесед с В. И. Лениным⁵. Безусловно, влияние Ленина на политические взгляды Са-

---

¹ Покровский М. Н. Октябрьская революция и Антанта. М.; Л., 1927. С. 16—17.

² Цит. по: Зак Л. М. Они представляли народ Франции. М., 1977. С. 40—41.

³ Письмо от 15 мая 1918 г.

⁴ Покровский М. Н. Указ. соч. С. 17.

⁵ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 520.

дуля было огромным. Однако, следуя за историческими фактами, правильнее было бы говорить о влиянии не только Ленина, но и Троцкого, может быть, даже Троцкого — в большей степени! В первые месяцы знакомства (Садуль познакомился с Л. Д. Троцким и В. И. Лениным 26 октября (8 ноября) 1917 г.) Ленин относился к Садулю весьма сдержанно. В последнем письме из Петрограда перед приездом в Москву Садуль признавался, что «холоднее, если не сказать враждебнее, всех остальных» большевистских лидеров к его действиям относился Ленин. Зато с Троцким, возглавлявшим в первом Советском правительстве Народный комиссариат по иностранным делам, у Садуля с первых же дней сложились теплые, дружеские отношения. Французский информатор не только многократно интервьюировал «безжалостного диктатора, властелина всея Руси» (шутливое определение самого Садуля), но и запросто бывал у него дома, был знаком с женой и детьми Троцкого. Лев Давидович прекрасно владел французским языком. Это способствовало их частым и продолжительным беседам на всевозможные политические темы.

Однако сильнее личных встреч и бесед на Садуля повлияла сама революция. Он сумел увидеть «наряду с неизбежной разрушительной и насильственной ломкой старого режима... достойные восхищения созидательные усилия правительства рабочих и крестьян России, все возрастающее доверие народных масс к Советской власти — несомненное свидетельство консолидации сил Русской Революции»¹. Несколько месяцев понадобилось французскому атташе, чтобы понять, что готовившаяся интервенция союзных войск в Россию — это не помощь ей в борьбе с Германией, как он убеждал себя и советское руководство в начале 1918 г., а борьба прежде всего с революцией. В письме к А. Тома от 27 июля 1918 г. Садуль признался: «Я слишком долго закрывал глаза на то, что очевидно. Против революции, и только против нее союзники направляли все свои удары в течение 9 месяцев».

Результат такого «прозрения» был весьма эффективен: в октябре 1918 г. Садуль вступил во Французскую группу РКП(б), организованную в Москве в конце августа этого же года. Инициатором создания и душой группы была Жанна Лябурб.

Став членом Французской коммунистической группы, Садуль выступал в печати, писал листовки, брошюры, обращения к французским солдатам. Объясняя истинные цели интервентов в России, излагал в доступной для понимания простых людей форме задачи и цели русской революции. Лейтмотивом всех его выступлений были слова «ни одного шага по русской земле, против русского народа! Ни одного выстрела против Революции!»²

Взбудораженное поведением Садуля общественное мнение Франции разделилось. Официальные круги негодовали, возмущались, называли его действия предательскими. В течение нескольких лет французское правительство неоднократно судило Садуля, трижды заочно приговаривало к смертной казни, и каждый раз парижский пролетариат выступал на его защиту.

В рабочей среде популярность французского коммуниста росла с каждым днем. Рабочие Франции видели в нем защитника русской

---

¹ Садуль Ж. Против интервенции в России // Новая и новейшая история. 1967. № 5. С. 108.

² Цит. по: Зак Л. М. Указ. соч. С. 173.

революции и поддерживали его действия. На конгрессе Французской социалистической партии, состоявшемся 6—11 октября 1918 г. в Париже, Жан Лонге зачитал письмо Жака Садуля к Р. Роллану, в котором бывший французский офицер клеймил позором действия стран Антанты в России. По словам женевого корреспондента «Правды», «это письмо произвело колоссальное впечатление. Слева кричали «Да здравствует Советская республика!»¹

Обнародованное в Париже письмо Садуля к Р. Роллану (от 14 июля) к тому времени было уже широко известно в Советской России. 24 августа 1918 г. его опубликовала правительственная газета «Известия ВЦИК», а многие другие большевистские газеты прокомментировали его на своих страницах. Это случилось помимо воли Садуля. Дело в том, что 5 августа, после обстрела союзниками Архангельска, Советское правительство арестовало в Москве часть французских офицеров. В помещениях, занимаемых Французской военной миссией, чекисты произвели обыск. Вместе с другими документами они конфисковали и папку капитана Садуля с копиями писем, которые он регулярно посылал во Францию. Чуть позже его также арестовали, но ненадолго. Одно из конфискованных писем власти по своему усмотрению опубликовали.

Переломным моментом в жизни Жака Садуля в этот период стала его встреча с Лениным, состоявшаяся в 20-х числах августа 1918 г. Ленин настоятельно советовал Садулю порвать со своим правительством и социалистической партией и вступить в коммунистическую партию. Жак Садуль принял совет большевистского вождя и вступил не только в коммунистическую партию, но и в Красную Армию, так как, по его убеждению, «в этой классовой борьбе место всякого искреннего социалиста, а следовательно, и мое — в рядах пролетарской армии против армии буржуазной»².

Начиная с осени 1918 г. Садуль целиком посвящает себя защите русской революции и пропаганде ее задач и целей. В годовщину Октябрьской революции в соответствии с планом монументальной пропаганды в Москве в торжественной обстановке были открыты памятники выдающимся деятелям мирового революционного движения. 3 ноября Садуль выступал на митинге в Александровском саду по случаю открытия памятника Робеспьеру. В своей речи, которую переводила А. Коллонтай, Садуль резко выступил против тех, кто видел в Робеспьере только вдохновителя террора и кровавого разрушителя.

7 ноября Садулю пришлось выступать на открытии памятника своему покойному другу Ж. Жоресу, павшему 31 июля 1914 г. от руки наемного убийцы. С уверенностью Садуль произнес слова: «Если бы теперь он был жив, то протянул бы руку тов. Ленину для дружной борьбы за благо всемирного пролетариата»³. Выступая на митинге, Садуль, естественно, не знал, что именно в этот день французское правительство приговорило своего «заблудшего сына» к смертной казни. Еще не зная о приговоре, Садуль отчетливо понимал, чем грозит ему революционная деятельность в Советской России. Но тем не менее он продолжал мужественно выступать в печати, на митингах, активно работал во Французской коммунистической группе. В начале 1919 г. стал председателем бюро, выбранного для руководства этой группой.

¹ *Правда*. 1918. 13 окт.

² *Коммунистический Интернационал*. 1919, № 7/8. С. 1118.

³ *Изв. ВЦИК*. 1918. 9 нояб.

В конце 1918 г. Садуль издал в Москве на французском языке брошюру «Да здравствует Республика Советов!», получившую благодарственный отклик В. И. Ленина¹. Глава Советского правительства, констатировав в ноябре 1918 г. факт присоединения Ж. Садуля к большевизму², относился теперь к нему довольно дружелюбно. Позднее Ленин привлекал членов Французской группы РКП(б), в том числе и Садуля, в качестве переводчиков на русский язык лучших произведений французских социалистов. «Однажды, — вспоминал Садуль, — Ленин с большой радостью обнаружил у меня экземпляр книги «Новая Армия» Жореса, которого он сам считал превосходным знатоком военных вопросов. Он заставил меня перевести большие отрывки из этой книги и передал их организаторам Красной Армии. Тогда же он предложил перевести и некоторые статьи Жюля Геда»³.

Французская коммунистическая группа принимала активное участие в подготовке к открытию Первого (Учредительного) конгресса Коммунистического Интернационала. Делегатом с совещательным голосом группа направила на конгресс Ж. Садуля, который по поручению группы выступал на заседании 4 марта.

В конце марта 1919 г. Садуль вместе с тремя французскими товарищами выехал из Москвы на Юг, занятый войсками интервентов. 1 апреля он прибыл в Киев. Здесь в короткий срок по инициативе Садуля была организована французская коммунистическая группа, куда вошли около 20 коммунистов и сочувствующих. 7 апреля в Киеве торжественно отмечали основание Коммунистического Интернационала. На заседании Всеукраинского ЦИК с яркой речью выступил Ж. Садуль. Его выступление активно поддержали присутствовавшие на заседании французские солдаты, добровольно сдавшиеся в плен Красной Армии.

Популярность и авторитет Ж. Садуля среди французских солдат, направленных в Россию на борьбу с большевизмом, были весьма заметны. Даже среди офицеров находилось немало таких, кто поддерживал и оправдывал «измену» Садуля.

В своих многочисленных обращениях к солдатам Франции и французским трудящимся Садуль взывал к их патриотическим чувствам, будил их гордость за славное революционное прошлое. «Разве навсегда погас в нас революционный пламень, товарищи?.. Будем достойны нашего великого прошлого...» — читали французские матросы в апреле 1919 г. в листовке, тайно доставленной к ним на корабль из Одессы и подписанной именем мятежного капитана⁴.

2 апреля французское командование в Одессе получило из Парижа приказ об эвакуации. Покидая Одессу, военные суда увозили на родину большое количество нелегальной литературы, в частности, журнал «Красное знамя», издание Французской коммунистической группы. На его страницах часто встречалось имя Ж. Садуля.

В апреле Садуль переехал в Одессу. После освобождения Одесса стала своеобразным центром агитационной работы французских коммунистов. Еще не все интервенты покинули акваторию Черного моря, часть французского флота находилась неподалеку от одесских берегов. Это требовало продолжения пропагандистской работы, начатой еще зимой в условиях глубокого подполья Ж. Лябурб и ее соратниками.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 253.

² См.: Там же. Т. 37. С. 226.

³ Цит. по: Зак Л. М. Указ. соч. С. 60.

⁴ Ист. архив. 1958. № 1. С. 37.

Теперь эта работа велась легально. Коммунисты организовали в Одессе «иностранный коллегий», куда вошли 8 коммунистических групп из разных стран, в том числе и французская группа. Президиум коллегии возглавил член Одесского губкома В. А. Деготь. Много лет спустя он вспоминал об этом времени: «Французская группа хорошо работала, особенно когда приехал тов. Садуль. По его приезду выпускалось много брошюр и прокламаций, а иногда и за его подписью, как капитана французской армии. Аэропланом вся эта литература разбрасывалась на румынской границе в Бессарабии, где стояли французские части»¹. В. А. Деготь вспоминал также, что в этот период неоднократно приходилось арестовывать подозрительных лиц, приходивших в Лондонскую гостиницу, где жил Садуль, — были реальные опасения, что французские правящие круги замышляли его убийство².

Весной и летом 1919 г. на военных кораблях французской черноморской эскадры восстали солдаты и матросы. Они требовали вернуть корабли во Францию, категорически отказывались воевать с русскими. Это была бесспорная победа интернациональной солидарности трудящихся, означавшая конец французской интервенции.

После окончания гражданской войны Садуль еще несколько лет оставался в России. Он был участником ряда партийных и советских съездов, активно работал в Коммунистическом Интернационале, занимался адвокатской практикой. В 1922 г. Садуль выступил в качестве адвоката на процессе над партией социалистов-революционеров. Его подзащитными были эсеры Г. И. Семенов и Ф. Е. Ставская. Хорошо понимая политическое значение процесса, Садуль в своей речи отмечал, что «это более чем суд над несколькими людьми, более чем суд над партией, это суд над определенным общественным строем, один из решительных фазисов борьбы революции с контрреволюцией»³.

За годы, проведенные в России, Садуль хорошо узнал и полюбил нашу страну. Он побывал во многих российских городах, с гордостью знакомил с ними приезжавших в Россию французских друзей и соотечественников. В 1920 г. для установления связей с III Интернационалом в Москву приехали французские социалисты Кашен и Фроссар. Огромной радостью была для Садуля встреча со старым другом Марселем Кашеном. Член парламентской группы Кашен не раз поднимал парижский пролетариат на защиту русской революции, — а вместе с тем и на защиту Ж. Садуля.

Осенью 1919 г. французские социалисты выдвинули Жака Садуля кандидатом на муниципальных выборах по второму избирательному округу Парижа. Однако Военный совет Франции 2 ноября заочно приговорил Садуля к смертной казни «за пособничество во врагу»⁴. Это лишало Садуля не только права баллотироваться на выборах, но и возможности вернуться во Францию.

В 1924 г. на очередных выборах французские коммунисты снова выдвинули кандидатуру Ж. Садуля, и снова правительство Франции объявило Садуля вне закона.

---

¹ Деготь В. Под знаменем большевизма: Записи подпольщика. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1933. С. 305.

² Там же. С. 307.

³ Процесс П. С.-Р. М., 1922. Вып. 2. С. 146.

⁴ За рубежом. 1988. № 45. С. 8.

Марсель Кашен возглавил борьбу за возвращение Жака Садуля на родину. Он призывал трудящихся Франции написать в своих избирательных бюллетенях: «Амнистию Садулю!» «Он наш, — заявлял Кашен. — Ради его прошлого — он наш. Ради нашего будущего — он наш. Вся его сила принадлежит нам. Мы требуем, чтобы нам его вернули»¹.

В мае 1924 г. во Франции состоялись парламентские выборы, принесшие победу «левому блоку». Правительство возглавил Эдуард Эррио, сторонник франко-советского сотрудничества. 28 октября 1924 г. Эррио направил в Москву ноту, в которой сообщалось о признании французским правительством Советского Союза и предлагалось установить нормальные дипломатические отношения. Нормализация франко-советских отношений давала надежду на благополучное решение судьбы Ж. Садуля. Он вернулся на родину в конце 1924 г. По возвращении — арест, тюрьма, суд.

Газета французских коммунистов «Юманите» развернула широкую кампанию протеста против необоснованных обвинений, предъявленных Ж. Садулю. Его обвиняли в измене, дезертирстве, «сношении с неприятелем». Однако Садулю с помощью адвоката, а главное благодаря активной политической поддержке французских трудящихся (был даже организован специальный Комитет защиты Садуля), удалось отвести все выдвинутые против него обвинения и убедительно доказать свою невиновность. 8 апреля 1925 г. военный трибунал оправдал французского коммуниста.

В течение всех последующих лет своей жизни Садуль остался верен коммунистическим идеалам, сохранил веру в Страну Советов, в интернациональную солидарность трудящихся. В Советском Союзе его заслуги перед революцией были отмечены орденом Красного Знамени. Эту награду вручил Ж. Садулю в 1927 г. член Реввоенсовета Республики А. Бубнов.

В годы второй мировой войны Садуль, несмотря на возраст и больное сердце, активно участвовал в движении Сопротивления. В 1941 г. его арестовали, после нескольких месяцев лагерных мучений Садулю удалось вырваться на свободу. Снова работа, но уже в подполье. Послевоенные годы целиком были отданы журналистской практике.

Умер Жак Садуль 18 ноября 1956 г. в Париже. Отдавая последний долг замечательному интернационалисту, газета «Юманите» писала: «Наша партия склоняет свои боевые знамена перед социалистом, который сумел постичь все величие Октябрьской революции, перед борцом славной Красной Армии, перед коммунистом, нерушимо верным своей партии и своему народу».

Жак Садуль обладал весьма незаурядным талантом публициста. За годы пребывания в Советской России он опубликовал большое количество статей, очерков, брошюр. Большинство его работ издавалось на французском языке, часть переводилась на русский. С 1932 г. Ж. Садуль в течение нескольких лет работал парижским корреспондентом газеты «Известия». Его перу принадлежали острые социальные и политические публикации. В 1946 г. Садуль издал книгу воспоминаний «Рождение СССР», где рассказал французскому читателю о ходе революционных событий в России. Много работ Ж. Садуля

¹ Цит. по: *Зак Л. М.* Указ. соч. С. 249.

² Цит. по: Там же. С. 254.

издано во Франции и за рубежом. Однако наибольшую, можно сказать, мировую известность, несомненно, получили его «Записки о большевистской революции» — письма, написанные в России по горячим следам революции.

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР хранятся копии писем Жака Садуля с 1 октября 1917 г. по 14 июля 1918 г. Они уложены в папку со старинными застёжками и все, кроме последнего рукописного экземпляра (письмо Р. Роллану), представляют собой машинописные копии разных цветов. Известная исследовательница французского интернационального движения Л. М. Зак высказала предположение, что это именно та папка, которую Садуль передал В. И. Ленину¹. Что заставило французского офицера отдать на прочтение главе большевистского правительства свои частные послания?

Выше уже отмечалось, что Ленин не питал особых симпатий к представителю союзнической военной миссии. 20 августа 1918 г. в «Письме к американским рабочим» он весьма резко отозвался о капитане Садуле, который, по его мнению, на словах сочувствовал большевикам, а на деле служил верой и правдой французскому империализму². Для Садуля такое заявление Ленина было равносильно пощечине — он считал Ленина своим хорошим знакомым и никогда не вел с ним двойной игры. Позднее Садуль рассказывал об этом эпизоде своей жизни одесскому соратнику В. Деготю. «Однажды утром беру «Правду», — делился воспоминаниями Ж. Садуль, — и мой секретарь мне сообщает ряд известий с фронта, а потом читает письмо Ленина к американским рабочим. В этом письме Ленин меня называет лакеем буржуазии, который никак не может порвать с ней. Меня это настолько огорчило, что все мои письма, посланные французскому правительству, копии коих у меня оставались, я послал Ленину.

Я ждал 2—3 дня. Я буквально не спал по ночам. Мне хотелось узнать, наконец, возьмет ли обратно Ленин то, что им было написано обо мне. По телефону секретариат Ленина сообщил мне, что он меня ждёт. Пришел к нему. Ильич меня встретил с улыбкой и, подавши мне руку, сказал: «Вы не думайте, что я жалею о написанном. Благодаря этому я имел удовольствие прочесть ваши письма и надеюсь, что вы поняли, что вам надо порвать как с правительством, так и с вашей партией, а письма надо опубликовать»³. В том же году письма Ж. Садуля были посланы в Швейцарию и изданы в Берне на французском языке под названием «Записки о большевистской революции». В последующие годы они вышли в Петрограде, Париже, Москве. Часть писем была переведена на немецкий язык и в 1919 г. отдельным изданием выпущена в Берлине. Позднее книга Ж. Садуля неоднократно переиздавалась во Франции.

В Советском Союзе на русском языке книга полностью выходит впервые. Отрывки из нее со значительными сокращениями и искажениями неоднократно печатались в различных сборниках воспоминаний. Однако вырванные из контекста, отретушированные, прошедшие строгий отбор на соответствие устоявшимся догмам и стереотипам, эти письма-записки французского офицера представляли

¹ Зак Л. М. Указ. соч. С. 264.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 55.

³ Деготь В. Указ. соч. С. 307.

весьма незначительный интерес для советского читателя. А немногочисленные экземпляры книги на французском языке хранились в библиотеках за таинственными дверями «спехранов».

Чем вызвана такая секретность? Почему советский человек не мог открыто читать о большевистской революции? Виной тому — названные в книге имена некоторых деятелей революции и собственная, авторская, не всегда положительная оценка деяний большевиков.

События Октябрьской революции освещаются в книге сквозь призму личного восприятия французского социалиста, воспитанного на демократических традициях западного мира. Он прибыл в Россию как представитель Антанты, и его прежде всего интересовали вопросы, связанные с возможностью продолжения войны до победного конца. Как представителя оппозиционной социалистической партии его увлекла борьба классов и партий, охватившая всю Россию. Садуль в центре этой борьбы, но ему далеко не всегда удается в хаосе событий правильно выделить главные, отделить центральные от периферийных. Садуль, как, впрочем, и большинство очевидцев, склонен преувеличивать роль и значение тех людей, с которыми он чаще всего общался, тех событий, в которых он принимал непосредственное участие; вопросы, которые интересуют его самого, выделяются им среди прочих, без их объективного осмысления. Запискам Садуля присущи все: глубокая проницательность и легковерная наивность, скептицизм и безоглядное восхищение, открытая доброжелательность и европейское высокомерие, абсолютная достоверность и расхожие домыслы. Некоторые суждения Садуля настораживают своей безапелляционностью, удивляют откровенным хвастовством и субъективизмом.

Все же, несмотря на свое сугубо личностное восприятие Октябрьской революции, Садуль увидел в ней главное: «быть с большевиками — это быть с громадной частью русского народа». Не все действия большевиков оправдывает Садуль. «Я вижу, сколь велико зло, принесенное России демагогической пропагандой большевиков», — заявляет он в письме 27 октября (9 ноября) 1917 г. Многие их ошибки Садуль прямо называет преступлениями. В одном из первых писем он подробно излагает антибольшевистские взгляды Г. В. Плеханова, не пытаясь полемизировать с ним. И все же его симпатии явно на стороне Советского правительства — решительного и сильного. По мнению французского посла Нуланса, которому Садуль в своих письмах дает совершенно убийственные характеристики, военный атташе — Садуль — находится в «неизлечимом ослеплении». Однако в первые месяцы пребывания в России это «ослепление» не мешало ему быть верным сторонником Антанты. Вольно или невольно Садуль играл в большевистских кругах, где он вращался, роль провокатора. Рефрен большинства его писем: не допустить русско-германского мира, заставить большевиков воевать вместе с Антантой до полной победы над Германией. И это при том, что одним из первых выводов, сделанных Садулем в России, был вывод: «Стремление к миру, немедленному и любой ценой, здесь всеобщее». Садуль считал вполне возможной и даже желательной интервенцию союзнических войск в Россию с целью помочь ей противостоять притязаниям германского империализма. Он не задумывается об истинных целях интервенции, и только 30 апреля 1918 г. в его письме впервые проскальзывает мысль: «Возможно, мы намереваемся осуществить интервенцию в Россию без Советов, т. е. против них?»

В письмах Садуля много места отводится рассуждениям на тему,

что было бы, если бы удалось свергнуть правительство большевиков и т. п. Эти рассуждения интересны тем, что передают логику мышления современника, не принадлежащего к лагерю большевиков. Особую ценность для советского читателя представляют публицистические зарисовки отдельных личностей. Чаще других в книге встречается фамилия Л. Д. Троцкого, подробно излагаются его взгляды по отдельным вопросам внешней и внутренней политики. Садуль с первых дней знакомства попал в сферу притяжения этого человека и находился под воздействием его революционного энтузиазма и личного обаяния. Отсюда в книге безудержное восхваление Троцкого, гипертрофия его личности и деяний. Субъективизм Садуля проявился и в оценке ряда других революционных деятелей и событий.

В целом же «Записки» Ж. Садуля — это уникальный документ эпохи, отразивший не только громадное историческое событие, но и запечатлевший благотворное влияние этого события на развитие человеческой личности — автора «Записок».

*Г. М. Иванова,
канд. ист. наук*

Петроград. 2 (15) нояб.
Г-ну Альберу Тома¹, депутату
(Шампиньи-сюр-Марн)*

Дорогой друг,

В Петроград я прибыл 1 октября, пять дней спустя был направлен по службе в Архангельск и вернулся обратно третьего дня. Не пробыв в России и полмесяца, дерзнул все ж таки поспешить написать вам эти строки, сугубо частные, и в которых не буду даже обещать, что предложу вам какое-нибудь сенсационное интервью. До сего дня ни с кем из политических деятелей, с которыми я должен встретиться, не виделся.

Но в дороге, в Архангельске, в Петрограде, где сам, где через переводчика я смог поговорить с полсотней солдат, офицеров, рабочих, с торговыми людьми и прочими. И главное — уже две недели я дышу воздухом России. На улице, в трамвае, в семье русских, в доме у которых я квартирую, я получаю прекрасную возможность для наблюдений. Эти наблюдения позволяют мне, человеку, чье восприятие действительности еще не притуплено слишком долгим пребыванием в данном месте, сделать немало открытий.

Основной вывод из первых наблюдений — надеюсь, что дальнейший мой опыт не опровергнет его правильность, — таков: стремление к миру, — немедленному и любой ценой, — здесь всеобщее.

В этом отношении все без исключения русские, с которыми я встречался, согласны с большевиками; разница лишь в четкости, а вернее сказать, в степени искренности при выражении этого стремления — конец войне во что бы то ни стало.

То, что русский народ в большинстве своем с отвращением и ненавистью относится к войне, что он страстно жаждет мира, каким бы он ни был, что люди увидели

---

* Далее адрес писем и адресат опускаются — все последующие письма, ныне публикуемые, направлены Альберу Тома. В скобках приводится дата нового стиля, декретом СНК введенного с 14 февр. 1918 г. (Примеч. ред.)

в Революции наиболее верное средство добиться этого мира, ныне не вызывает у меня никаких сомнений. Я знаю, что у представителей союзников совершенно другое мнение. Но то, что они не понимают положения вещей, говорит о том, что они не желают его понимать. Они предпочитают мрачной и безотрадней реальности приятные иллюзии, коими их любезно и, возможно, искренне убаюкивают сентиментальные политики, которые еще, может быть, и Правительство, но уже не Революция.

Наше же дело связано с Русской революцией, и только с ней. Только на нее мы можем рассчитывать в том, чтобы активизировать действия на фронте.

Нужно, чтобы правительства Антанты, не слушая лживо-оптимистичные донесения своих агентов, решились, наконец, повернуться лицом к русскому народу, взглянуть в него, понять его, если они хотят избежать катастрофы.

Может быть, вы назовете меня пессимистом или же упрекнете в том, что я поздно вато открываю Америку. Но я пишу, что есть и как оно есть.

Итак, констатировав факт, попытаюсь изложить по порядку основные аргументы — об эмоциях я и не говорю, — которыми большинство из тех, с кем я говорил, подкрепляли свой следующий вывод: мир нужен немедленно.

1. Победа Антанты невозможна.

Время не изменит в лучшую сторону военное положение Антанты. Затягивание войны, таким образом, обернется бессмысленными потерями людей и средств.

На Западном фронте союзники топчутся на одном месте. О своих грандиозных успехах на подступах к Ленеу и на Шеман де Дам они трубят в своих коммюнике уже больше двух лет. Их неспособность отеснить фронт противника очевидна. Что касается американской армии — положим, что она будет создана, — то когда еще она будет подготовлена, и где фрагтовать суда, необходимые для перевозки людей и боеприпасов?

На Восточном фронте русские долго не продержатся. Армия вконец дезорганизована. По вине командования, говорят большевики. По вине большевиков, отвечает командование. По вине и тех, и других, считают

люди. Действительно, армия находится в состоянии неслыханного упадка. Жестокость, непонимание, нехватка офицеров, отсутствие подготовленных специалистов, презрение к военачальникам, антиправительственные настроения. Дисциплина падает. Солдаты справедливо не доверяют офицерам.

Ежедневные убийства офицеров. 43 тысячи из них изгнаны из войск своими же солдатами и бродяжничают по стране. Солдаты не доверяют теперь и ими же избранным комитетам, отказываются им подчиняться. Массовое дезертирство. Отказы идти в бой. Как за несколько месяцев, в разгар войны, под немецкими снарядами вернуть к жизни эту плоть без души, все части которой поражены болезнью?

Да кроме того, что может сделать даже многочисленная армия без поддержки тыла?

Но если дисциплина на фронте продолжает падать, то в тылу уже царит анархия.

Последние полгода Правительство страной не правит, Милюковы, Керенские — неэнергичные, непоследовательные и неспособные чего-либо добиться идеологикраснобаи. Административный и экономический механизм рассыпается в прах. Воровство, грабежи, убийства происходят, следует признать, среди всеобщего спокойствия, безразличия. Новая Россия, рожденная революцией, хрупка воистину, как новорожденный.

Чтобы победить Германию или хотя бы оказать ей сопротивление, нужна промышленность, равная по мощи немецкой. Откуда взяться этому чуду? Советы, деньги, специалисты, на которые расщедриваются союзники, не могут заменить пушки, снаряды, вагоны, рельсы и т. д., чего не хватает. Даже англичане и американцы не смогут в необходимое время сделать столь колоссальные усилия.

Республика не пойдет на те чудовищные человеческие жертвы, которыми только и был обеспечен относительный успех наступлений Брусилова². Она не будет наступать по своим трупам. Из-за нехватки своих пушек русские отступят, чтобы избежать резни — когда немцы сосредоточат на каком-нибудь участке фронта имеющуюся у них значительную артиллерию.

Вопрос еще, продержатся ли солдаты до начала наступления? Самые слабые уже дезертировали. Оставшимся не хватает продовольствия и теплых вещей. Две

армии, не получившие приличных сапог, угрожают оставить позиции с первыми холодами.

Итак, на Западном фронте не приходится ждать решительно ничего. На Восточном — немцы, как бы измотаны они ни были (а они измотаны, это заметно), сохраняют такое материальное, организационное и командное преимущество, что прорвут фронт, когда и где им будет угодно.

2. Новая Россия сложится лишь в условиях мира

Я знал, сколь велика национальная гордость американцев, англичан, немцев, французов, но не подозревал, признаюсь, что национальная гордость у русских столь же развита.

Хотя их концепция патриотизма ощутимо отличается от нашей (их патриотизм менее «территориальный» и более «идеологический», чем наш), почти все русские, с кем я беседовал, говорили мне с таким энтузиазмом о прекрасном будущем, уготованном Великой России, что невозможно отрицать, что ими владеет очень сильное национальное чувство.

Они убеждены, что их страна — самая богатая природой и людьми, самая прогрессивная и она должна вскоре занять первое место среди цивилизованных наций. Но они добавляют, что для того, чтобы она проявила себя интеллектуально и экономически, чтобы организовать ее политически, — мир необходим (может быть, также — использование немецких методов и немецких специалистов).

Мир, какой бы он ни был, — уточнял коммерсант умеренных взглядов, опасавшийся, что немцы могут войти в Петроград до начала весны, и излагавший с тем свойственным для русских чрезмерным обилием доводов (как его поражение ложится в основу империализма), и почему немедленный, даже поражениеский мир нанес бы меньше ущерба интересам его родины, чем война, пусть и победная, но затянувшаяся на долгие месяцы.

Что для огромной России потеря нескольких волостей... Мир, — призывают революционеры, — и мы установим республику. Мир, — шепчет буржуазия, — и мы уничтожим революцию. Никакие наши аргументы не смогут убедить ни одних, ни других в выгодах, которые

несет для мира и для России энергично продолжаемая война.

3. Солдат хочет мира, чтобы воспользоваться завоеваниями революции.

Русский человек, рабочий и крестьянин, до войны не был счастлив. Попав в солдаты, он стал несчастен еще больше. Никакая армия, говорят здесь, не вынесла бы таких страданий и жертв, которые выпали за три года на долю русской армии. И этим рабам, бесправным в своем несчастье, этим полуживым солдатам революция внезапно обещает свободу, мир, землю — то есть все, что необходимо, чтобы жить и быть счастливым. Сказочные блага, которыми воспользуются только живые и освободившиеся от военного ярма... Кровная заинтересованность, эгоизм толкают солдата к миру, который только и даст страстно желанные блага. И ничто не удержит его более в войсках. Он не верит более в «царя-батюшку», не верит командирам, не верит больше в родину, понятие о которой, благодаря большевистской пропаганде и сепаратистским движениям, становится все более туманным. Все идолы повергнуты. Все звезды погасли. А тех, кто зажигает вместо них фонари, не хватает на Востоке точно так же, как на Западе.

Не будем забывать также, что этот крепкий и одновременно сонный, грубый и мягкий народ инстинктивно ненавидит войну.

Итак, жажда немедленного мира, любой ценой, кажется почти единодушной. Она выражается и косвенно, и что ни на есть впрямую.

Но вы лучше меня знаете, какая вечность может отделять в России желание и его исполнение, как Россия колеблется, раскачивается, отступает, прежде чем на что-либо решиться, то есть перед ответственностью. И это этническое безволие, похоже, тем сильнее, чем образованнее, развитее человек, чем больше стирались его волевые способности к принятию решений под заостренным ножом критического сомнения.

Вот почему русские, которые достаточно хорошо знают себя, ничуть не верят, что правительство, каким бы оно ни было:

- окажет достаточное давление на союзников, чтобы принудить их к немедленному миру;
- осмелится подписать сепаратный мир.

Очевидно, что люди, стоящие у власти, несмотря на их горячие заверения в святости нашего союза, бесконечно ближе пацифизму российских масс и не думают серьезно идти против их настроений. Они не понимают, что социальная анархия — следствие их собственной анархии, и взваливают всю вину за нее на войну. Вот почему они склонны думать, что только мир позволит организовать новую жизнь. Вместе с тем, кроме привычки соблюдать приличия, которая могла бы остановить руку министров в момент подписания — без нас — договора с противником, они — русские, и мы должны желать, чтобы здесь они были ими еще больше. Они будут хотеть мира, но не смогут его организовать. И это должно позволять нам не падать духом. Противопоставим силе русской инертности силу нашей собственной инертности. Без нажима, легко, не пытаясь их принудить к очень активной войне, продлим месяц за месяцем, неделю за неделей, каким бы малоудовлетворительным оно ни было, нынешнее положение вещей, пытаясь одновременно его улучшить.

Задача сложная. Но, кажется, осуществимая. Зимой русский фронт еще просуществует и притянет, несмотря на свою слабость, кое-какие дивизии противника. В тылу русский генеральный штаб должен предпринять попытку быстрой организации маневренной армии, состоящей из наиболее молодых и здоровых сил. Действия Французской миссии вместе с русским командованием могут принести значительный успех. Правительство, полагаю, будет этому способствовать.

Однако необходимо, чтобы миссия, руководимая человеком³, которого его давние сотрудники считают решительным, неконсервативным и гибким, выполняющая директивы правительства, имела бы широкие возможности и владела всей инициативой. Эффективно она сможет работать лишь при этих условиях.

Здесь восхищаются и любят Францию, вы это знаете, но в основном по причинам, разумом едва ли постижимым, любовью почти исключительно чувственной. С другой стороны, здесь сильное впечатление, особенно в кругах интеллигенции, производит немецкая сила; помощь же со стороны Франции по достоинству не оценивается (я попросил Роже Пикара выслать мне отчет о нашей помощи союзникам: артиллерия, боеприпасы, авиация, снабжение, инструкторы, специалисты

и т. д. Эти таблицы можно с пользой опубликовать здесь).

Остается сожалеть, что в России можно слышать рассуждения вроде этого, и слышать часто: «Французы хотят нам помочь. Спасибо. Но чего они добились за три года? Что они сумели нам сделать? Представьте, чего бы достигли немцы, будь у них в распоряжении, как у вас, этот замечательный источник людей, ресурсов, умов. Они-то нас бы уже организовали. А может быть, завтра они нас и организуют».

Это письмо придет, очевидно, после международной конференции в Париже⁴, где передовую часть русских должен представлять Скобелев⁵. Он, как мне сказали, должен будет изложить Антанте действительное положение — материальное и моральное — в России и сообщить:

1. Что Россия поддерживая формулировку «без аннексий и репараций», требует обнародования — в конкретной форме — целей союзников в войне.

2. Что Россия не может продолжать войну, если союзники не выделяют к определенному сроку столько то пушек, боеприпасов, вагонов, локомотивов, денег и т. д..

3. Что если эта помощь не будет своевременно оказана, Россия будет вынуждена заключить мир.

4. Что Россия, в этом случае, согласится принести определенные жертвы, чтобы позволить союзникам добиться удовлетворительных условий мира.

5. Что Россия хочет скорейшего созыва Стокгольмской конференции.

Проездом через Стокгольм (29 сентября) я виделся с Брантингом⁶, который изложил мне общее положение в Европе и подробнее — положение у него в стране. Он верит в возможность формирования либерального кабинета, куда он, может быть, войдет — без портфеля, не желая возглавлять правительство, которое может прекрасно проводить либеральную политику, но не умеет вести социальную.

По его словам, нет никакой опасности войны между Россией и Швецией, поскольку 85 % шведов — сторонники Антанты. Единственные наши противники собрались в королевском дворце.

Он просил передать, что восхищен вами. Он надеется, что вы сумеете и впредь оставаться интернациона-

листом, добьетесь выдачи паспортов и приедете в Стокгольм, чтобы закрепить победу социалистических секций союзников, которая, как он утверждает, сегодня уже обеспечена.

Также я встречался с Гюйсмансом⁷. В Стокгольме союзники считают его человеком подозрительным, он решительно протестует против выдвигаемых обвинений.

Как и Брантинг, он также надеется видеть вас в Стокгольме, но, должен сказать, верит в это меньше. Так же как Брантинг, он считает, что если бы вы больше уделили внимания международным вопросам, вы бы вместе с Вильсоном⁸ смогли заложить основы великого мира.

«Нужно, чтобы А. Тома был чуть меньше мэром Шампиньи-ла-Батай и чуть больше руководителем Французской секции Рабочего Интернационала!..»⁹ Эта фраза достаточно точно резюмирует наш разговор.

Гюйсманс рассказал о проекте письма социалистам воюющих и нейтральных сторон, которое сейчас готовится и будет опубликовано в конце месяца Голландско-скандинавской комиссией. Вот что, по сути, представлено на рассмотрение, вот главная мысль: обе воюющие стороны добились равновесия. Они могут и дальше истощать свои силы, но победить не могут. Бесполезно поэтому строить пустые гипотезы, возводить на песке химерические проекты мира. Коль факт равновесия сил налицо, требуется единственно выяснить: какой мир следует считать для всех и приемлемым, и долговременным.

Общие условия: учреждение Лиги Наций¹⁰. Арбитражные договоры. Постепенное разоружение. Свободный товарообмен, также постепенно нарастаемый с тем, чтобы война не была заменена экономическим сражением, которое, в свою очередь, породит новую войну. Ни аннексий, ни репараций — только возвращение несправедливо изъятых реквизиций и возмещение ущерба, нанесенного в нарушение Гаагской конвенции¹¹. Восстановление разрушенных территорий (кроме Бельгии) за счет средств общего международного фонда, в котором каждая нация будет участвовать пропорционально своему национальному доходу.

Право народов на самоопределение. Следовательно — плебисцит.

Для Эльзаса-Лотарингии — плебисцит по трем окру-

гам: Мец, Страсбург, Мюлуз. Участие в нем не принимают жители, эмигрировавшие во Францию после 1871 г., а также немцы, эмигрировавшие в Эльзас-Лотарингию после 19... .

...Русская Польша — независимая. Прусская и австрийская — решение плебисцитом. Ирредентистские¹² итальянские земли — плебисцит.

Полное восстановление территории Бельгии и репарации за счет одной Германии.

Восстановление Сербии с морским портом.

К Болгарии прирастает Македония.

Федерация русских народов в рамках республики. Объединение австро-венгерских югославов в автономное государство в рамках империи.

Обеспечение международного статуса Константинополя и проливов.

Гюйсманс основывает «Русский бюллетень». Для французского раздела собирается пригласить Лонге¹³ и Лафона¹⁴. В ближайшее время отправится в Петроград.

Он просил меня телеграфировать вам до начала съезда в Бордо содержание вышеозначенных предложений. По прибытии сюда я говорил об этом с Пати¹⁵, который, увы, кажется, очень занят и редко показывается на людях.

Пати сообщил, что накануне связь между Министерством вооружений и Петроградом прервалась, и единственно, как можно теперь связаться с вами — официальным путем (Посольство и Министерство иностранных дел) либо почтой (почтовый контроль).

Настаивать я не стал — Гюйсманс сказал, что он, со своей стороны, попытается сам передать вам письмо, текст которого пока еще обсуждается.

Отсутствие прямой связи с русской секцией министерства принуждает меня к определенной сдержанности в оценке деятельности некоторых французских должностных лиц, работающих здесь.

Генерал Ниссель крайне любезен со мной. Мы договорились, что он предоставит мне достаточную свободу, чтобы я мог поближе наблюдать за событиями и его информировать.

Мне вменяется ряд обязанностей. Вместе с полковником Гибером я занимаюсь паспортами, поставками спирта и платины. Я слишком занят в настоящее вре-

мя этими поручениями, чтобы с пользой работать вне миссии.

Сегодня вечером встречаюсь с Жоржем Вейлем¹⁶. В тот момент, когда Германия и ее агенты пытаются представить дело так, будто вопрос об Эльзас-Лотарингии по-прежнему является главным препятствием на пути немедленного мира, наш товарищ со своей точкой зрения рискует быть неправильно понятым и истолкованным здесь. Следует быть в величайшей степени осмотрительным. Я даже думаю, что он будет достаточно благоразумен и, по крайней мере на время, пока находится в Петрограде, заметит эту проблему на фоне комплекса вопросов, возникающих в связи с угнетенными народностями. Здесь у нас, к счастью, есть для пропаганды более благоприятные области.

Искренне ваш.

Петроград. 18 (31) окт.

Дорогой друг,

Вчера я был у Плеханова в Царском Селе. Как вам известно, он очень болен. Он принял меня лежа в постели. Беседа была долгой. Попытаюсь точно изложить то, что он говорил.

Внутренняя политика

«Уезжая из Петрограда, Альбер Тома говорил мне: «Оставляю Россию в состоянии тихой анархии». Напишите Альберу Тома, что анархия обострилась, что она уже более не тихая, что завтра она станет жестокой, потом кровавой».

Плеханов считает, что «выступление» (по-русски в тексте. — *Примеч. пер.*), провозглашенное большевиками, начнется в ближайшее время. Очевидно, что не между 20 (2) и 25 (7) октября, как объявляется, но в какой-то другой момент, предположительно до конца ноября (открытие Учредительного собрания).

Это вооруженное восстание будет иметь целью свержение Временного правительства и взятие власти большевиками, первым шагом которых станет, вероятно, заключение мира. Руководство большевистского движения разделилось по вопросу о своевременности

этой акции. Ленин и Троцкий требуют выступления. Каменев, Зиновьев, Рязанов и большинство других лидеров хотели бы избежать его, опасаясь неудачи и еще больше, может быть, успеха. Они понимают, что слишком многое обещали, чтобы суметь все выполнить. Приход к власти продемонстрирует бессилие большевиков и разом приведет их к краху. Однако множество рядовых большевиков идут за Лениным и Троцким ко второй революции. Похоже, задержать взрыв уже невозможно. Плеханов убежден в его неизбежности и желает его страстно, настолько, что дал понять — и это он, чья щепетильная демократичность вам известна — что если выступление не начнется самопроизвольно, его следовало бы спровоцировать. Он, в частности, думает, что положение в стране будет ухудшаться впредь до тех пор, пока пропаганда большевистских банд — чудовищной смеси из утопических идеалистов, глупцов, нечестивцев, предателей и анархистов-provokаторов — будет продолжать отравлять фронт и тыл.

«Нужно не просто обуздать, но раздавить эту нечисть, потопить ее в крови. Вот цена спасению России».

Временное же правительство никогда не возьмет на себя почин в этом необходимом кровопролитии. Керенский более расположен к уступкам, чем к борьбе. Как Барту¹⁷, ему не хватает того, чем обладал Дантон¹⁸, и когда ему предлагают в пример Робеспьера¹⁹, он только и знает, что улыбаться, — настолько устаревшей находит он параллель. Ни за что не возьмет он на себя ответственность за жестокие репрессии, если только не будет принужден пойти на это ради защиты самого себя. Его коллеги, за исключением министра продовольствия Прокоповича, страдают, кажется, тем же болезненным страхом перед мужественным поступком: «Духовные преемники ваших республиканцев 48-го, они — мечтатели, бунтовщики-говоруны, подручные Ламартина²⁰, впавшие в оппортунизм».

Вокруг них, во фракциях социалистов, социалистов-революционеров и социалистов-демократов, у кадетов, среди политических деятелей, стоящих на переднем плане, нет ни одного человека сильной воли. Ловкачи вроде Церетели²¹, на которого крупно рассчитывали, предусмотрительно попрятались, чуть почувствовали приближение грозы.

Единственная надежда — Савинков²², скомпрометировавший себя в деле Корнилова, политически рассорившийся с Керенским, но к которому министр-председатель сохраняет большую симпатию. Он один способен осуществить прекрасными якобинскими средствами дело очищения (не забывает ли Плеханов, что Савинкова финансирует Путилов?).

Не говоря о новых людях, которых завтра там и здесь поднимет на щит акт насилия, Савинков представляется многим — социалистам, кадетам, октябристам — спасителем, который либо придет на помощь Керенскому по просьбе последнего, либо займет место Керенского, если тот будет не способен организовать сопротивление большевикам, либо, в случае победы большевиков, возьмет на себя руководство единым движением против их партии. Таковы три гипотезы, к которым Плеханов приходит, анализируя факты, гипотезы, которые, разумеется, события могут опровергнуть.

Каковы материальные силы, на которые могут рассчитывать противоборствующие группы?

Большевизм всесильен — муниципальные выборы это доказали — лишь в Петрограде, Москве и в промышленных районах. Здесь, где начнется восстание, рабочий класс и большая часть гарнизона на его стороне. Однако сколько таких, кто видит в большевизме лишь предлог для отлынивания от работы, ослабления дисциплины, бегства с фронта, беспорядков, грабежа, саботажа «буржуа» или офицеров, и сколько их согласится выйти на улицы, рисковать своей жизнью? Немного, утверждает Плеханов.

Керенский — или если Керенский проявит малодушие, то кто-то вместо него — сплотит вокруг себя один-два гарнизонных полка, курсантов пехотной и артиллерийской школ и, наконец, несколько специально направленных в Петроград казачьих полков, то есть силу, много большую, чем та, которая необходима для разгона большевистских отрядов и уничтожения их руководителей.

Кроме того, если чудом большевики одержат победу, их триумф будет скоротечен. Разочарование масс проявляется уже повсюду. Измученные, изверившиеся, они требуют мира, но только потому, что большевики внушили им, будто мир, как по волшебству, обеспечит в

стране порядок, вернет к нормальным условиям жизни, даст населению, умирающему от голода, хлеб. Но большевики не принесут мира, потому что Германия не может пойти с ними на мир, ибо Вильгельм II не может поставить свою подпись рядом с подписью Ленина, или же это будет карикатура на мир. Они не обеспечат продовольствием в отсутствие порядка, а порядок они не создадут потому, что их энергичная, но анархическая деятельность порождает беспорядок.

Народ быстро поймет свою ошибку и повернется к тому человеку, который властно восстановит порядок. То будет реакция — необходимая и неизбежная. К чему она приведет?

Вокруг лидера, подобного Савинкову, уже готовы объединиться социалисты-патриоты, кадеты, октябристы, все элементы — от левых плехановцев до правых гучковцев. Все рассчитывают на поддержку казаков, уставших от анархии, лояльных к режиму, не социалистов, но республиканцев и демократов.

По сути, это, вероятно, будет повторением корниловской авантюры без Корнилова — может быть — и, главное, без сомнительных элементов, окружавших Корнилова; на это, по крайней мере, надеется Плеханов. Однако он предвидит, что на фоне такой встряски вновь перейдут в наступление реакционные партии, которые, усилив напор, уже добились в провинции таких результатов, что в некоторых деревнях крестьяне молят о возвращении Николая, а в городах публично сожалеют о благотворной дисциплине старого режима, о его варварской, но эффективной полиции и т. д.. Монархическая опасность еще не слишком велика, но если анархия будет продолжаться, она быстро возрастет. Вот почему нужно скорее покончить с большевизмом, под прикрытием которого плетут заговор монархисты.

Внешняя политика. — Война

Сначала Плеханов рассказывает мне о наказах Совета Скобелеву, в которых он узнает «программу-минимум» германского империализма. Однако нужно, чтобы союзники, все союзники скорейшим образом обнародовали свои предварительно пересмотренные цели в войне. Их молчание играет на руку большевикам, которые убеждают русский народ, что союзнический империализм ничуть не менее опасен, чем австро-герман-

ский. Союзники смогут затем действовать с большей энергией и правом, поскольку добьются от русского правительства не просто слов и обещаний. Без нажима, щадя столь обостренную чувствительность русских, они должны твердо изложить, сколь опасна и позорна затянувшаяся военная бездеятельность, и взяться активно поддерживать движение обновления России.

Каким бы ни было правительство у власти, сепаратный мир подписан не будет: «Если вести войну нам трудно, то заключить мир — невозможно!»

В случае победы большевиков их мир останется пустым звуком.

Приход же к власти (после подавления большевиков) сильного правительства очень быстро обеспечил бы восстановление относительного порядка внутри страны, способствовал бы преодолению голода, худо-бедно вернул спокойствие, необходимое для возобновления активных военных действий.

Несмотря на требование немедленного мира любой ценой, повсеместно выражаемое огромным большинством русских всех сословий, Плеханов утверждает, что сильное правительство — то, которое возникнет завтра на трупах большевиков, — должно заставить всю нацию, армию в том числе, продолжать войну; при этом оборона отечества останется главной его целью.

Армия голодает, лишена командиров, глубоко поражена большевистской пропагандой. Плеханов считает, что восстановить ее возможно. Около 28 процентов из десяти миллионов мобилизованных легко могут быть вновь приведены в боевую готовность в течение зимы. От остальных можно с пользой отказаться. Более всего армии, офицерам и солдатам не хватает военной подготовки. Единственные по-настоящему подготовленные категории были отданы в жертву, лучшие офицеры изгнаны или убиты. Несколько сот французских офицеров могли бы сделать прекрасное дело, аналогичное — с учетом соответствующих масштабов — тому, что осуществила миссия Бертело в Румынии²³. Но здесь потребуется много такта и осторожности.

Эта задача касается, в частности, и Социалистической партии. Франции следует вести активную пропаганду, чтобы показать, в какой огромной мере цели в войне у нашей демократии соответствуют общим чаяниям русского пролетариата.

Что касается политики Франции, сюда, похоже, доходят известия лишь о ее империалистических проявлениях. Чья тут вина?

Я познакомил Плеханова, как и всех русских товарищей, с кем я встречался ранее, с нашими ответами на стокгольмский опросник. Он читал их лишь в изложении, предоставленном в распоряжение наших русских союзников, и которое я бы охарактеризовал как исключительно неточное.

Служба пропаганды распространяет, с добрыми намерениями, я в этом уверен, брошюру под названием «Социалистическая партия и цели в войне», опубликованную Социалистическим комитетом за справедливый мир, якобы как официальный ответ партии. Вы знаете эту брошюру и ее ультраправые тенденции. Невероятно, но факт.

Посмотрите, не сможет ли Дюбрейль²⁴ выслать мне несколько сотен экземпляров «Настоящего ответа».

Не может быть, чтобы наших русских друзей не тронул и не покорила этот одухотворенный полнейшей искренностью документ, в котором ярко показано огромное и героическое усилие Французской секции, направленное на то, чтобы подняться над эгоистическими притязаниями, вырвать из души немало законных обид ради достижения справедливости и построения над полем брани, где проливается столько французской крови, здания долговременного мира на прочной и приемлемой для всех воюющих сторон основе. Мне не хотелось бы что-либо предпринимать без вашего согласия, но уверен, что пропаганда, основанная на нашем ответе, рассеет немало недоразумений. Сколько энтузиазма, признательности, сколько любви к Франции я почувствовал у Плеханова, когда пересказывал ему основные положения брошюры. Он был удивлен и смущен тем, насколько он плохо нас знал, — он, столь живо восхищавшийся нашей страной. Кроме того, я видел, какое положительное впечатление производит на многих крестьянских и рабочих депутатов, социал-демократов или социалистов-революционеров наша брошюра, главные идеи которой могли бы привести к согласию все социалистические секции.

Нам следовало бы иметь в России несколько представителей от французских социалистов. Какую бы пользу они принесли! Но я видел только одного — Жор-

жа Вейля. Он абсолютно порядочный человек, но, на мой взгляд, ему удалось лишь усугубить сумятицу, вбив в умы своей аудитории представления, будто его неортодоксальная позиция по вопросу Эльзас-Лотарингии и есть позиция подавляющего большинства французских социалистов. Вы, впрочем, знаете, что совершенно невозможно поставить большинство русских социалистов и не социалистов на традиционную французскую точку зрения. Нас разделяет пропасть. Эту пропасть закроет наш ответ, полностью приемлемый для всех. Буду работать над тем, чтобы о нем узнали.

Кроме Вейля, скоро возвращающегося во Францию, — никого. Большинство находящихся в Петрограде французов мне показались — вынужден об этом сказать — решительно неспособными ни представлять французскую демократию, о которой они ничего не знают, ни понять русскую революцию — по отношению к ней у них только насмешки, возмущение и презрение, — ни, а fortiori, укреплять связи, которые должны объединять то и другое. Русские, что и говорить, все видят, их это глубоко оскорбляет, и они все больше отворачиваются от наших представителей.

И вместе с тем как быстро они проникаются доверием, если чувствуют рядом с собой товарища, служащего близкому им идеалу, испытывающего к их революционным усилиям искреннюю симпатию, уважение, которого они заслуживают и в котором они так нуждаются! Они готовы выслушать тогда любые дружеские упреки, последовать любым советам.

Влияние Плеханова, оказавшегося почти полностью в тени, вновь растет. Его газету «Единство»²⁵ читают все больше, особенно в кругах интеллигенции. Я видел некоторых из его коллег по редакции. Они практически все разделяют взгляды Плеханова на события. Тем не менее большинство из них, более близкие улице, чем Плеханов, меньше мистики и больше реалисты, что ли, не столь уж верят в неизбежность столкновения с большевиками. По их словам, Керенский делает все, чтобы оттянуть роковой час; для того чтобы выиграть время, он пойдет на одну уступку за другой. В случае конфликта они опасаются в первую очередь победы, даже недолгой, большевиков, потому что она усилит анархию и почти в той же степени савинковское

движение, которое рискует скатиться отчетливо вправо и, вероятно, затянется гражданской войну.

Лично я продолжаю быть менее оптимистичным, чем Плеханов и его друзья. Стремление к миру любой ценой, которое выражают столько русских, мне кажется неумолимо. Они могут не достичь мира, но как, каким образом заставят они себя возобновить активные военные действия? Допуская даже, что большевики потерпят поражение и к власти придет энергичное правительство, на какие силы будет опираться оно в проведении необходимой реорганизации, которая должна предшествовать возрождению армии, и сколько месяцев потребуется ему, чтобы осуществить эту программу? В чудеса я не верю. Застой глубок. Его усугубляет движение большевиков, но не уменьшат и сильные потрясения, которые будут определять реакцию. Разномастные элементы, временно объединившиеся против большевиков, очевидно, придут в столкновение между собой сразу после победы. Конечно, нам нужно действовать так, как если бы предположения Плеханова суждено было сбыться. Они, кстати, и сбудутся, может быть, и тем вероятнее, чем энергичнее мы станем действовать.

Как я вам уже писал, то, что русский фронт может продержаться до тех пор, пока не подпишут мир союзники, — это уже кое-что. Если же к тому же он *будет*, — а он может быть *укреплен*, — это будет значить уже многое. Тем лучше, если наши усилия принесут еще большие результаты.

Но прежде съездим в Стокгольм.

Пишу вам эти строки наспех, будучи сильно занятым экономическими исследованиями и делами службы спирта и платины, которую мне поручила миссия. Надеюсь, вы простите нескладность и длинноты письма.

Рассчитываю писать вам приблизительно дважды в месяц. Сообщите, доходят ли до вас мои письма, и дайте знать, какую конкретно информацию вы хотели бы получить.

Пишу мадам Менар-Дориан, чтобы попросить ее подыскать вместе с вами компаньонку для находящейся в настоящее время в Париже мадемуазель Лидии Плехановой, которую ее отец хотел бы в ближайшее время видеть в Петрограде.

Министерство Пенлеве-Барту-Думера²⁶ здесь не имеет никакого успеха.
Искренне ваш.

Петроград. 25 окт. (7 нояб.)

Дорогой друг,

Выступление большевиков началось этой ночью. Из своей комнаты я услышал далекий отзвук перестрелок. Нынче утром на улицах спокойно, но в гостинице «Астория», где разместились несколько сот русских офицеров и большинство офицеров союзных миссий, охрану из юнкеров, верных Временному правительству, только что легко заменил отряд большевиков.

Час за часом мы узнаем, что вокзалы, государственный банк, телеграф, телефонная станция, большинство министерств постепенно оказываются в руках восставших. Что же предпринимают правительственные войска?

Возвращаясь после обеда в миссию, я наткнулся на четыре баррикады, обороняемые значительными по численности отрядами большевиков... правительственных войск. Что-либо понять невозможно. Понимают ли сами солдаты? Один из них отвечает, что его поставил сюда комитет его полка, но уточнить, наступают ли они на Временное правительство или защищают его, не может. Я пробую дойти до Мариинского дворца²⁷, чтобы увидеть Авксентьева²⁸, который еще позавчера наивно говорил мне, что он полностью уверен в принятых правительством мерах предосторожности. Дворец охраняют юнкера. Ни Авксентьева, ни кого бы то ни было — на месте нет.

Когда я пересекаю Мариинскую площадь, из окон «Астории» раздаются несколько выстрелов. Стреляют в охрану дворца. Я прибавляю шаг. Перестрелка продолжается с перерывами и без видимых результатов. На четыре часа у меня была назначена встреча с Альперном, секретарем Совета министров, он должен был меня представить Керенскому, которому я еще не передал ваше письмо. Но Зимний дворец окружен большевиками, и я представляю, что у министра-председателя сегодня есть дела поважнее, чем принимать меня. У меня, кстати, тоже.

Миссия встревожена. Ходит слух, что офицеры союзников подвергаются нападениям со стороны большевиков. Я предлагаю в качестве частного лица отправиться к руководителям восстания, обосновавшимся вместе со Съездом Советов в Смольном институте. Я с ними еще не знаком, но предполагаю, что довольно легко смогу попасть к ним. Я отлично научился знакомиться с русскими. Сначала скандал из-за моего предложения, затем все соглашаются, и я отправляюсь. Все перекрестки охраняются красногвардейцами. Повсюду патрули, мимо быстро проезжает несколько броневиков. То там, то здесь раздаются выстрелы. При каждом из них зеваки, которых огромная толпа, разбегаются, плюхаются на землю, прижимаются к стенам и набиваются в подъезды, но любопытство сильно, и вскоре они со смехом собираются снова. Перед Смольным множество отрядов красногвардейцев и регулярной армии — охраняют Революционный комитет. Броневики в саду. Между колоннами фасада несколько пушек. Вход строжайше охраняется. Благодаря моему пропуску в Совет крестьянских депутатов, записке Лонге для Стеклова²⁹ и, главное, благодаря моему незнанию русского языка, я преодолеваю сопротивление товарищей и прохожу внутрь. Смольный институт³⁰ — длинное, заурядное по архитектуре здание 18 века, просторные бело-кремовые коридоры заполнены вооруженной и радостной толпой, товарищами и солдатами. Мне не удастся найти ни Дана³¹, ни Чернова³², который оставил Петроград. Как и Церетели, он бежал, спасаясь от бури. Но я сразу же нахожу Стеклова, Каменева³³, Лапинского³⁴ и пр., и пр., счастливых, торопливых и говорящих по-французски. Они меня встречают по-братски и подробнее отвечают на самые нескромные мои вопросы. Во-первых, их возмутили клеветнические слухи, о которых я им поведал. С завтрашнего дня нота в газетах обеспечит всем сотрудникам посольств и миссий уважение, которое хочет соблюдать по отношению к союзникам вторая Революция. Затем они рассказывают о своих успехах. Весь петроградский гарнизон на их стороне, за исключением нескольких сотен казаков, юнкеров и женщин³⁵. Все административные органы в их руках. Временное правительство в осаде в Зимнем дворце. Его могли бы давно арестовать, если бы Ревком хотел прибегнуть к наси-

лию, но нужно, чтобы вторая Революция не пролила ни единой капли крови. Прекрасные надежды, которые трудно осуществить.

Завтра перед Съездом Советов будет изложена программа правительства большевиков, которое будет сформировано немедленно.

Важнейшие пункты программы момента следующие:

— предложение воюющим народам перемирия, которое позволит начать переговоры о заключении демократического и справедливого мира;

— отмена крупной земельной собственности и передача земли крестьянам в соответствии с процедурой, которую установят местные сельские комитеты и Учредительное собрание; оно будет созвано 12 ноября (?)³⁶;

— рабочий контроль за производством и распределением продуктов;

— банковская монополия;

— отмена смертной казни на фронте.

Каким будет новый кабинет? Без сомнений, исключительно большевистским. Кадеты, меньшевики, стоявшие у власти, потерпели крах. Трудящиеся сами обеспечат теперь полную победу демократии.

Возвращаюсь с известиями в миссию, затем вновь иду в Смольный. На площади перед Зимним дворцом сильная перестрелка. Решился ли уже комитет на вооруженную борьбу?

Большевики все более воодушевляются. Меньшевики, кое-кто из них по крайней мере, ходят мрачные. Им не доверяют. Они не знают, на что решиться. Поистине среди всех этих революционеров лишь большевики, инициативные и дерзостные, похожи на людей дела.

Присутствую на части ночного заседания исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. Страшный шум. Подавляющее большинство — у большевиков. Возвращаюсь к себе в четыре утра и сажусь писать эти строки. Буду вести этот дневник каждый день. Неизвестно, что может случиться. Не знаю, кстати, будут ли вам сколько-нибудь интересны торопливые записи, полные личных впечатлений, которые и дойдут-то к вам много позже телеграмм.

Как жаль, что не могу связаться с вами по телеграфу!

Дорогой друг,

Второй день восстания. Сегодня утром, идя в миссию, видел, как вытащили из Мойки тело генерала Туманова, помощника военного министра. Солдаты арестовали его этой ночью, а потом закололи штыками. Тело со смехом погрузили на низкую телегу, устроили там в нелепой позе и повезли в морг.

Хорошие новости для большевиков. Зимний дворец был обстрелян из пушек, взят, затем разграблен. Все предметы искусств, мебель, ковры, картины варварски разрушены³⁷. Женский батальон, оборонявший дворец, взят в плен и отведен в казарму, где несчастные, как говорят, были зверски изнасилованы³⁸. Многие из них — девушки из буржуазных семей. Большинство членов Временного правительства арестованы. Керенский бежал. Армия в руках революционеров. Полки, вызванные Временным правительством, один за другим переходят на сторону большевиков.

Однако в Петрограде уже формируется антибольшевистское движение. Опираясь на городскую думу, Временный совет, исполкомы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, фракции социал-революционеров, социал-демократов и народных социалистов осуждают преступную акцию и формируют Комитет общественного спасения для защиты родины и революции³⁹.

Но на какие народные силы будет опираться этот комитет, почти все члены которого ранее продемонстрировали свое безволие в борьбе с очень сильной организацией восставших, презираемых буржуа, но искренне поддерживаемых рабочим населением? Я видел Нуланса⁴⁰ и Пати этим утром. Наши официальные круги, похоже, решительно недооценивают значение могучей и организованной акции большевиков. Главное, на мой взгляд, не понимают, до какой степени эта акция соответствует общему настроению. Я писал вам по приезде. Из 100 русских 80 — откровенные большевики, остальные 20 — большевики стыдливые. Много надежд возлагают на казацьи войска. Но достаточно ли они многочисленны и не будут ли они уничтожены в ходе восстания? Договорено с посольством и миссией, что я буду внимательно следить за собы-

тиями в Смольном, поскольку мне выпал исключительный шанс — я не смею пока писать часто — быть принятым большевиками как товарищ. Вчера я не увидел в Смольном ни одного француза, даже из прессы, тогда как в зале съезда была дюжина английских и американских журналистов. Мы все поем победные гимны.

Вновь встречался с руководителями восстания. Познакомился с Лениным и Троцким.

Заседание съезда, который должен был начаться в 2, началось только в 9 часов. До этого различные фракции, которые не отказались в знак протеста против тактики государственных переворотов участвовать в его работе, собрались для обсуждения своего участия в новом правительстве. Мне сказали, что большевики, не согласившись идти на уступки меньшевикам, будут вынуждены формировать свое правительство в одиночку. Троцкий с легким сердцем принимает такую ответственность, но Ленин вскипает: «Изолируя нас, вы нас обрекаете на самоубийство!» Этот новый раскол в революционных силах безусловно поколеблет и без того обеспокоенное общественное мнение и усилит движение протеста, которое яростно поддерживают такие газеты, как «Дело народа»⁴¹ и «Новая жизнь»⁴². Последняя продолжает, однако, настаивать на соглашении во избежание краха революции.

И вот перед переполненным залом Ленин, которому устроили грандиозную овацию, читает, потом комментирует обращение к народам и правительствам всех воюющих стран и проект закона об аграрной реформе. Его выступление то и дело прерывается яростными аплодисментами. Возможно ли, чтобы людей, способных на такой энтузиазм, считали окончательно вышедшими из боя? После воззвания о мире все присутствующие — сосредоточенно и с воодушевлением — поют «Интернационал», потом похоронный марш, в память о погибших за революцию.

Перерыв на час... в час ночи. Я долго интервьюирую Троцкого, которого вот-вот изберут министром, вернее, народным комиссаром по иностранным делам.

Primo: Его мнение о восстании?

— В революции невозможно предвидеть все, но шансы на успех очень велики. Подготовка была тщательной. Она охватила всю территорию России, где

были созданы тысячи комитетов. Армия в подавляющем большинстве отныне на нашей стороне. Крестьянские массы привлекает передача им земель крупных землевладельцев. Опираясь на эти два элемента, революция должна победить. Чтобы прогнать стоявших у власти посредственных и мягкотелых людей, достаточно было махнуть метлой. Эти люди окончательно потеряли доверие демократии. Конечно, отсутствие меньшевиков достойно сожаления. Но они повели себя слишком большими гурманами. К тому же мы попытаемся понемногу вновь привлечь их на свою сторону. Программа, предложенная большевиками, по сути такова, что к ней должны последовательно присоединиться все левые партии, Керенский и тот в своей последней речи (24 октября) изложил ее основные положения.

Досадно, что Керенский не был арестован позавчера, когда это легко было сделать. Этот полудурок, при поддержке Савинкова и Каледина, может затеять возню, которую легко пресечь, но она продлит кризис. *Secundo: Какие надежды связывает Троцкий с обращением к народам о мире?*

— Несмотря на то, что правительства будут пытаться скрыть факт этого обращения или извратить его дух, оно не замедлит стать известным всем. Уже сейчас готовятся несколько миллионов листовок с этим обращением и призывом к немецким трудящимся начать восстание; листовки будут разбросаны самолетами на линии фронта и в тылу противника. Воззвание должно произвести большой эффект среди демократов, особенно во Франции, Италии и Германии. Без сомнения, сильное давление будет оказано на правительства пролетариатом соответствующих стран с целью добиться пересмотра целей войны и начала мирных переговоров. Троцкий никак не рассчитывает на Соединенные Штаты, еще меньше на Англию, чьей позиции он сильно опасается. Он не надеется на немедленную революцию ни в Германии, ни где бы то ни было еще. Тем не менее социальная революция, подчинение капитализма контролю трудящихся — вот единственная существенная цель в войне, цель, какую можно предложить всем народам. Она сама по себе уже подготовит окончательное уничтожение экономического империализма и приход социализма. Вместе с тем сейчас уникальный

момент для того, чтобы осуществить эти великие перемены. После войны будет поздно. Если народы не воспользуются этим случаем, чтобы добиться освобождения, они будут обречены на те же страдания, те же несчастья, что и до войны. Таким образом, нужно понимать, что вторая русская революция — революция социальная и что она любыми средствами попытается поставить в революционную ситуацию все европейские страны. Ко многим правительствам Троцкий не питает никакого доверия. Он отзывается о них не иначе как с презрением и отвращением. Точно так же, как и прусских мелкопоместных дворян, он ненавидит крупную французскую и английскую буржуазию. Он преклоняется перед чистым французским гением, но презирает наших невежественных политиков. Он сохранил самые плохие воспоминания о Мальви⁴³, который изгнал его из Франции в прошлом году. Естественно, это говорит в нем обида.

Итак, он верит не в немедленную революцию в Германии, но в выступления, забастовки немцев — народа, наиболее измученного войной, погибающего от голода. Западные товарищи недостаточно понимают, что долг революционной России — поддержать, влить новую струю в борьбу пролетариев за мир.

Троцкий уверен, что германское правительство, несмотря на давление социал-демократии, не примет предложения о перемирии на мирных условиях, выдвигаемых русской революцией: без аннексий, без контрибуций, предоставление народам права на самоопределение. Гогенцоллерны⁴⁴ не пойдут на то, чтобы подписать себе смертный приговор.

Если Германия отказывается, что тогда?

Тогда мы объявляем революционную войну, священную войну, ведущуюся не на принципах национальной обороны, а на принципах обороны интернациональной, социальной революции. Мы добьемся от наших солдат военных усилий, которых русские правительства, включая царизм, не сумели потребовать от армии, добьемся, доказав им (после того, как обеспечим пересмотр союзниками целей войны, честно и энергично поведем дело к началу переговоров о мире на основах, приемлемых для всех социалистов), что отныне они сражаются не за английский или французский империализм, но против немецкого империализма и за мир всему миру.

Троцкий не строит иллюзий. Русская армия измотана, обескровлена, хочет мира, и большевики, выдвинув эти цели, скорее добьются их осуществления, чем Керенский со своим разгильдяйством или Савинков и Каледин⁴⁵ — со своими нагайками.

Tertio: Но вы обещали хлеб?

— Мы обещали не хлеба, но только порядок в снабжении продовольствием и на транспорте. Мы осуществим это, с одной стороны, посредством контроля за производством и обращением продуктов, с другой — при поддержке сильного союза железнодорожников, чей крайне серьезный проект по интенсивному использованию подвижного состава мы примем.

Крестьяне, которым мы передадим землю, дадут нам зерно, которое они до этого прятали в амбарах. А главное — мы подготовимся к будущему урожаю. В этом году из-за нехватки орудий земледелия, которые более и не импортируются, и не производятся в России, урожай был недостаточным. Обязав промышленников организовываться в тресты, мы смогли бы интенсифицировать производство и передать для изготовления сельхозмашин часть заводов, работающих на войну. Таким способом страна получит плуги; землеобрабатывающих орудий сегодня решительно недостаточно.

...Я резюмирую то, что мне говорил Троцкий, а говорил он, кстати, то, о чем я слышал и от других большевиков.

На съезде меня поразило хладнокровие, прямота, отсутствие всякой риторики в выступлениях Ленина, Троцкого, Каменева, которые могут увлечь аудиторию, зарядив ее самым горячим энтузиазмом, и при этом никак не выдавать своего волнения.

Признаюсь, что несмотря на обвинения, выдвинутые против них, несмотря на большую вероятность того, что эти предположения верны, несмотря на доказательства, которые, как говорят, собраны против них, хотя мне они не известны, я с трудом допускаю, что такие люди, как они, многим пожертвовавшие во имя революционных убеждений, может быть, стоящие на пороге осуществления своего идеала и входящие в историю через парадный вход, могут опуститься до того, чтобы быть агентами Германии. Конечно, среди большевиков могут оказаться предатели, провокаторы. В какой оппозиционной партии, в какой пацифистской груп-

пировке их нет? То, что их лидеры какими-то подозрительными путями получали деньги, — возможно. Но то, что они сознательно служили интересам Германии против интересов русской революции, — в это я не верю. Но эта тема заведет меня в слишком долгие рассуждения, а я не должен забывать, что мои политические функции — дело второстепенное. Я должен заниматься платиной и спиртом.

Петроград. 27 окт. (9 нояб.)

Дорогой друг,

В союзнических и петроградских буржуазных кругах вновь пробудилась надежда на то, что восстание будет быстро подавлено.

Порядок большевики обеспечивают безукоризненный. Однако вести всё поступают — разные и противоречивые.

Керенский во главе значительных сил якобы движется на Петроград. Восставшие, посланные остановить Керенского, как говорят, разбиты и перешли на его сторону. Рассчитывают, что министр-председатель будет здесь уже вечером. Большевики дрогнули. Ленин и Троцкий якобы исчезли. Тем не менее я их видел днем в Смольном. Там по-прежнему толпа, но она уже не столь радостна, более озадачена. Трудное время.

Что следует ждать от завтрашнего дня?

В известных вам кругах мнения не отличаются разнообразием. Все жаждут победы Керенского и Савинкова. От последнего ждут безжалостной расправы над большевиками.

Позвольте мне высказать по этому поводу свои сомнения. Предположим, что большевики потерпят поражение и будут расстреляны. Гипотеза, на мой взгляд, кстати, сомнительная. Что произойдет потом?

Будет ли уничтожение Ленина, Троцкого и других руководителей-большевиков означать уничтожение большевизма, то есть если брать большевизм в его самом простом выражении — стремлении к миру?

На какие реальные силы обопрутсЯ Керенский, Савинков, Каледин и т. д... чтобы убедить армию продолжать против ее желания то, что Людовик Нодо⁴⁶

столь образно называет обезноживанием Европы? Речь идет уже не об отдельных проявлениях недовольства, неподчинения, подобных тем, что удалось подавить этой весной в некоторых французских частях. Все отмечают, что жажда скорейшего мира подорвала боевой дух почти во всех русских полках. Ни Савинков, ни Каледин не дадут армии того, чего ей не хватает, — новых разумных оснований продолжать войну. Они получают в свои руки армию, находящуюся в плачевном состоянии, в каком она была накануне восстания, да что там — в худшем. Ибо восстание состоялось. Оно обещало землю, пересмотр целей в войне, начало мирных переговоров.

Сколько пробудившихся надежд! Или завтрашнее правительство выполнит свои обещания и таким образом станет большевистским, или же оно их отметет, и вы представляете, в какую пропасть нового отчаяния погрузятся солдаты и какова будет реакция правительства? Расстрелы? Но скольких для этого придется расстрелять? И кто согласится расстреливать?

Я обещал высказывать свое мнение, как оно есть. И я высказываю вам его тем охотнее, что не являюсь здесь официальным корреспондентом, но просто свидетелем, который, к несчастью, вынужден заниматься отнюдь не любованием революцией. Вы в Париже получите другие доклады, подписанные более авторитетными и разбирающимися в российских делах людьми, чем я. Мое мнение к тому же столь антигосударственно и наивно, что возмущает или заставляет смеяться всех французов, которые хотя бы немного знают Россию.

Мне же не хочется смеяться, когда я вижу, как союзники нелепейшим образом разыгрывают битых тузов — таких, как Керенский, Савинков, Каледин и т. д., — у которых нет ни популярности, ни реальной силы. Мне кажется, что нужно не иметь никакого понятия о политике или даже просто здравого смысла, чтобы компрометировать себя, поддерживая этих людей, и не замечать, что они уже ничего собой не представляют и что за ними — лишь несколько богатых вдов, буржуа и функционеров. Лучшие силы интеллигенции, рабочие, солдаты отвернулись от них. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на размах движения левых сил, который различные социалистические фракции впрямую связывают с большевиками.

Сколько французов скомпрометировали себя здесь своим благосклонным отношением к Корнилову⁴⁷! Этот урок им не пошел впрок! Теперь те же роют пропасть между собой и подлинной русской демократией, потому что не понимают, что их кумиры пали и что, как бы они ни пытались поставить их на ноги, те не вырвут победу, которая рано или поздно должна достаться большевикам.

Я не большевик. Я вижу, сколь велико зло, принесенное России демагогической пропагандой большевиков. Я вижу даже, что можно было сделать и что не было сделано, чтобы отсрочить их выступление, разделить его, отвести его. Сегодня же большевизм — это факт. Я его констатирую. Он — сила, которой, на мой взгляд, никакая другая сила в России не может противостоять. Речь идет о том, чтобы выяснить, может ли эта сила быть использована на общие цели, преследуемые Антантой и революцией. Болезнь налицо. Она глубока и, без сомнений, неизлечима. Но, как и Верховный, бывший и, может быть, будущий военный министр, я думаю, что вирус большевиков может быть излечен большевиками же и ими одними.

«Армия, — говорил Верховский⁴⁸, — громко требует мира. Ее боеспособность поднимет только то правительство, которое активно проявит свое стремление к миру и решит, что если оно и продолжит войну, то только потому, что противник отказался от предложенного во всеуслышанье демократического мира».

Я уже писал вам, и не раз, что рассчитывать на возобновление активных военных действий на этом фронте — значит рисковать сильно разочароваться. Но большевистская партия, на мой взгляд, имеет больше возможностей заставить солдат сосредоточить все их усилия — если этой разложившейся армии все же придется сражаться, несмотря на то, что силы у нее на это не хватит.

Мне показывали в Смольном (не думайте, что меня там обратили в их веру) телеграммы с фронта, в которых военные комитеты заверяют, что если мир, предложенный большевиками, будет отклонен Германией, война должна продолжаться до победы.

Красивые слова, скажете вы. Тем не менее это единственная партия, которая сегодня может похвастаться такими решительными уверениями.

Резюмируя это длинное и бессвязное письмо, я заключаю, что с военной точки зрения, — единственной, с которой я могу рассматривать события, — уничтожение лидеров-большевиков не уничтожит большевизма и что сильная власть, сильная на самом деле лишь несколькими слабыми личностями, не сможет, следуя логике, улучшить моральный дух армии, который ему придется предварительно погасить.

Россия находится в состоянии революционной демократии. Огромное большинство в армии и, может быть, в массе рабочих и крестьян идет за большевиками. Это большинство должно, естественно, стремиться к осуществлению своих желаний. Опасно слишком его придерживать, и западные демократии покроют себя позором, если попытаются подавить это великое движение идеологов.

Вместо того чтобы препятствовать созданию с трудом намечающейся сегодня коалиции меньшевиков и большевиков, представители союзников должны, отказавшись от своих старых химер, позволить социалистическому блоку создать народное правительство. Вам, безусловно, неизвестно, как глубоко меняются с приходом к власти самые горячие идеологи — после столкновения их с реальностью, осознания ими неминуемой ответственности. Прочитанное на свежую голову обращение к народам, как считают все те, кто на месте следит за политикой большевиков, значительно смягчает те демагогические заявления, которые именно до последнего времени и ставили в вину большевикам. Все меньшевики, по сути, готовы его подписать, и новая программа правительства должна, даже если большевиков из правительства исключат, содержать основные пункты этого обращения.

С другой стороны, предполагают, что Троцкий и Ленин, придя к власти, но находясь в окружении Чернова, Дана и некоторых пораженцев, очень скоро могли бы сделать те несколько шагов, которые еще отделяют их от возможного, то есть от реальности. Как бы там ни было, только они — и это главное — могут совершить эту революцию и при этом не вызвать гнева масс, которых они зовут к миру и которых только они смогут удержать на фронте.

Однако все эти умопостроения рассыпятся в прах, если обнаружится, как убеждают сведущие люди, что

Троцкий и Ленин — предатели и держали у себя в кармане мирный договор, подготовленный вместе с немцами...

Как долго продержится большевистское правительство? Мы находимся в разгаре революции и, хотя об этом часто тоже забывают, на четвертом году войны. Грозит голод. На пороге зима. Вот те обстоятельства, которые очень быстро могут подорвать силы самых умелых политиков и еще быстрее — умных, но горячих и порывистых идеологов, как те, о которых я только что говорил. Однако, полагаю, что несколько месяцев, пусть даже несколько недель, относительного порядка накануне неизбежных анархии и реакции будут на пользу союзникам и России.

Петроград. 28 окт. (10 нояб.)

Дорогой друг,

Новостей по-прежнему изобилие. Керенский, утверждают, одержал сокрушительную победу в Царском Селе. Его войска будто бы на подступах к городу. Большая часть меньшевиков отказывается участвовать в большевистском правительстве. Их оппозиция становится активной, и похоже, что она — на радость официальным кругам, которые, по-моему, продолжают ничего не понимать в этой ситуации и добьются того, что к союзным державам усилится отношение недоверия и враждебности.

На улице вновь стреляют. Снова утверждают — так им хочется в это верить, — что Ленин и Троцкий бежали. Смольный, почти оставленный большевиками, якобы будут штурмовать войска Комитета общественного спасения. Ночью пошел в Смольный. Никаких сил Комитета общественного спасения не видно. Солдаты-большевики и красногвардейцы на своих постах. С трудом прохожу через 5 или 6 заслонов и еще вынужден 2 часа вести переговоры, несмотря на то, что у меня в Смольный постоянный пропуск. Пропускают, действительно, только членов Военно-революционного совета. Мое терпение вознаграждается. Вхожу в институт. Уже не чувствуется ни триумфа, ни беспокойства, — ожидание, напряжение и — должен признать — решимость.

После вестибюльной сутолоки солдат, вооруженных товарищей с серьезными лицами, — длинные темные и пустые коридоры. Как жалко, что у меня нет ни времени, ни таланта, чтобы подробнее описать эту атмосферу! Четверо красногвардейцев с примкнутыми штыками окружают меня и ведут на третий этаж, где в полутемном зале сквозь сизый дым различаю безмолвно сидящих человек 30 солдат при оружии. Встречают меня холодно. Становится не по себе. В голове нелепая мысль, что меня взяли в качестве заложника. Через деревянную перегородку слышатся голоса. Открывается дверь. Подходит офицер, представляется: Крыленко, министр, вернее, народный комиссар по военным делам. Невысокий, живой, седеющий. Стальные глаза. Он заметно удивлен моему появлению, но идет звать Троцкого. Дверь соседней комнаты, откуда доносятся голоса, остается открытой. В глубине за столом из светлого дерева под маленькой лампой вполголоса беседуют несколько человек. Длинные волосы, усталые и воодушевленные лица...

Троцкий подходит ко мне, спокойный, по-товарищески любезный, насколько может быть любезным этот холодный, сугубо умственный человек, откровенно враждебный к антибольшевикам, которых, по его мнению, я здесь представляю. Я знаю, что он запрашивал обо мне сведения. Но так как я веду себя очень благоразумно с самого приезда сюда, я ничего не опасюсь и, конечно, не в обиде на него. Мы беседуем пять минут в присутствии Крыленко. Как всегда очень спокойно и трезво Троцкий излагает мне ситуацию, по крайней мере, то, что он считает нужным мне сообщить. Я рассказываю ему о слухах про неудачу восстания и скором разгроме восставших. Он меня вежливо успокаивает. Ему известно о поражении в Царском Селе. У Керенского было четыре тысячи казаков, несколько артиллерийских подразделений: «25-го наши войска победили без боя. На радостях они решили, что могут теперь вообще отложить оружие в сторону. Вчерашний урок заставит их понять, что необходимо взять его в руки вновь. На всех участках фронта полки, целые дивизии предлагают сражаться на нашей стороне. Этой ночью продвижение Керенского на Петроград будет приостановлено красногвардейцами, отправленными сегодня вечером. Завтра его остановят артиллерией, ко-

торию мы только что получили. Через несколько дней он будет окружен большевистскими войсками, двигающимися с Северного фронта, и принужден сдаться, бежать или погибнуть».

Троцкий также не опасается выступлений, которые начали Каледин и его казаки на юге России. После Керенского примутся за Каледина. К тому же большевистская пропаганда, вероятно, разгонит его казаков без единого залпа.

Больше всего Троцкого беспокоит политическое положение в стране. Меньшевики что-то замышляют. Они потерпят поражение, но чтобы избежать новых попыток антибольшевистских мятежей, необходимо будет прибегнуть к безжалостному их подавлению, что усилит разрыв между революционными силами. Я писал, что Троцкий хочет в полной мере осуществить социальную революцию, ту, от которой, по сути, отрекся Керенский и его коллеги и которую хотели оттянуть люди «вроде Дана и Гоца⁴⁹, теперь столь подло организовавшие кампанию против большевизма и столь глупо — против революции». Но Троцкий понимает, что если сегодня, для того чтобы воевать, достаточно рук, то завтра, чтобы сохранить власть, — необходимы головы. Таким образом, большевики должны заручиться поддержкой, помимо народных сил, — сил интеллигенции из различных социалистических фракций. Поэтому они принимают коалицию. Но не поздно ли уже? Ночью город вновь выглядел по-военному: патрули, красногвардейцы на перекрестках, баррикады, броневики.

Петроград. 29 окт. (11 нояб.)

Дорогой друг,

А слухи — и правдоподобные, и сомнительные — по-прежнему ходят по городу. Все хотят знать, почему Керенский, чьи войска стоят у ворот города со вчерашнего дня, откладывает наступление. Он разочаровывает и возмущает своих последних поклонников. Его популярность катастрофически падает. Подозревают, что этот сентиментальный, нерешительный болтун по-прежнему занят разговором, колеблется и договаривается с врагами, то есть с большевиками. Тем не менее все

считают, что поражение восставших близко. Возобновились перестрелки. Отряды большевиков якобы дают себя разоружить и трусливо бегут от молодых юнкеров, собранных Комитетом общественного спасения. Юнкера отбили за утро несколько административных зданий, в том числе центральный телефонный узел на Морской, в двух шагах от Французского института, в сотне метров от миссии.

У меня обедал Людовик Нодо. Обыкновенно мрачный, сегодня он — как с похорон. Он считает, что «для нас все кончено!» Он не верит ни в Керенского, ни в средства Савинкова-Каледина. Он предрекает разложение, растущую анархию, голод, погромы. Неприятный сосед за столом. Он полагает, в той незначительной мере, в какой он позволяет себе вообще во что-то верить, что трагический опыт свободы, который только что осуществила Россия, бросит ее вскоре вновь в руки диктатора. Но, как и я, он считает, что было бы безумством искусственно создавать условия для этого движения назад.

Больше всего он боится глупости, из-за которой союзники могут, бросив Россию, позволить ей вести переговоры с Германией, которая не упустит случая поживиться за ее счет продуктами и людьми (я уверен, что за несколько месяцев немцы смогут организовать против нас те несколько сотен тысяч солдат, которых мы не сумели поднять против них), либо сами заключат — в ущерб России — мир, в результате чего Россия отдалится от нас и бросится к Германии, которой русские правящие классы мечтали бы себя вручить.

Нодо живо интересуется моя идея гомеопатического излечения, а вернее — возможного смягчения большевистской болезни с помощью большевиков. Я не колеблюсь изложить ее, тем более что Нодо считается человеком, судящим здраво о российских вопросах. Он говорит, что обдумает мою точку зрения. Кстати, со вчерашнего дня и улыбки, и возмущение, с которыми встречали мои аргументы, поутихли, и у меня уже появилось несколько ценных сообщников, которые понимают, что каким бы неприятным ни было лекарство, и каким бы неэффективным оно ни казалось, его нужно принять, поскольку другого — нет. Я добирался до миссии в самый разгар боя. Впрочем, это было не очень опасно. Стреляют отовсюду. По улицам носятся бро-

невики, стреляя неизвестно почему и неизвестно по кому. От Гороховой до миссии я бежал метров сто за одной такой машиной, вооруженной пулеметом и двумя ружьями, за щитками яростно сверкали глаза солдат, а стволы два-три раза целились мне в грудь. Мне не хватило смелости нырнуть в подъезд, как это делали другие, более привычные, чем я, к таким упражнениям, и я пережил крайне неприятную минуту.

Под нашими окнами убиты четыре юнкера, четыре красивых шестнадцатилетних парня. Большевики оставляют трупы на месте, но собираются снять с них сапоги. Мы вынуждены вмешаться. На улице Гоголя, на углу Гороховой, большой отряд большевиков сражается с юнкерами, защищающими телефонную станцию. К вечеру большевики штурмом берут здание. Узнаю из неофициальных источников, что с утра убито 400 или 500 юнкеров. Часть вечера я провел у Дестре⁵⁰, бельгийского посланника. Он тоже считает своевременным и необходимым установление отношений с коалицией меньшевиков-большевиков. Как и я, но куда откровеннее, он удивляется тому, что до и во время восстания союзники игнорировали большевиков, или, вернее, знали об их действиях лишь по информации из полиции. Он сожалеет, что некоторые западные социалисты не поддерживают постоянных контактов с теми кругами, куда, очевидно, еще не могут быть вхожи официальные лица и куда не будут допущены ни реакционеры, ни даже умеренные. Повторяю: с 25 октября я не видел в Смольном ни одного француза — ни журналиста, ни кого бы то ни было еще, а с позавчера, похоже, я — единственный иностранец, который допущен в штаб восстания.

А как союзникам было нужно владеть точной информацией и уже давно наблюдать — день за днем — на месте за действиями этих людей: предателей — перекупать или уничтожать, безумцев — изолировать, мечтателей — опускать на землю.

Но они ничего не захотели, или ничего не сумели сделать. Чтобы не казаться чересчур пристрастным, скажу, что наша деятельность, если угодно, не видна ни в том, как она ведется, ни по своим результатам.

Когда я прибыл сюда месяц назад, мне настоятельно рекомендовали избегать Дана и Чернова, к которым у меня были письма, поскольку они-де слишком красные и слишком темные люди. Через несколько дней, еще до

того даже, как я выбрал время с ними встретиться, они были почти «дисквалифицированы», потому что они превратились в слишком розовых и слишком слабых.

Мы не умеем предвидеть.

Сколько неуместной критики, подумайте вы, из уст новичка в Петрограде, который к тому же должен только смотреть и молчать! Мне хотелось бы, чтобы меня никто не слышал. И если я не говорю вам большего, то потому, что знаю, что мои письма не попадают к вам напрямую.

Петроград. 30 окт. (12 нояб.)

Дорогой друг,

Сегодня произошло жестокое столкновение между войсками Керенского и большевиками. Ничего не ясно, но Троцкий говорил мне сегодня вечером, что он все больше и больше уверен в победе. Керенский отступает под натиском лытышских полков, лучших частей большевиков, только что пришедших на помощь восставшим. Скоро он будет окружен и сдастся.

После вчерашних кровопролитных боев в Петрограде установилась спокойная обстановка, порядок поддерживают многочисленные отряды большевиков, вновь патрулирующие город. Следует признать, что, не считая отдельных частных случаев, общественный порядок обеспечивается лучше, чем до восстания. Число грабежей значительно снизилось. Комитет общественного спасения после своего поражения развалился. Очевидно, что он ошибся, рассчитывая на усталость красногвардейцев и антибольшевистские настроения населения.

Чуть раньше гражданка Коллонтай⁵¹, министр государственного призрения, сообщила, какова тяжесть политического кризиса.

Мощный профсоюз железнодорожников, хозяин путей сообщения, овладение которыми только и может обеспечить победу новому правительству, каким бы оно ни было, пытается привести большевиков и меньшевиков к взаимным уступкам, что позволит создать правительство социалистического единства. Каменев верит в возможность создания кабинета Чернова, куда вошли бы четыре большевика, четыре оборонца и два

интернационалиста. Из бесед у меня сложилось впечатление, что Ленин и Троцкий были бы готовы вообще отказать от постов, чтобы сохранить за собой полную свободу действий и критики и суметь избежать ответственности, бремени которой они уже опасаются. Я знаю, что в союзнических кругах делаются попытки исключить их из формирующегося правительства. У меня не хватает сведений, чтобы дать оценку тем доводам морального порядка, смысл и сущность которых сводится к исключению из правительства двух крупных лидеров большевиков. Но кажется очевидным и — с политической точки зрения — здравым, что ввести их в правительство было бы мудрым решением. Ясно, что они будут бесконечно менее опасными в правительстве, чем вне его. Если в кабинет войдут большевики только второго плана, и если это решение не осуществится, и если наступит в скором времени продовольственный кризис (хлеб, уголь и т. д.) — Троцкий и Ленин, оставаясь вне правительства, сохранят весь свой авторитет в массах и смогут возглавить новое выступление.

В газете Горького напечатано, что правительственным войскам, сражавшимся с большевиками в Москве (более тысячи убитых), помогали французские солдаты. Помимо того, ходит слух, что в Петрограде в воскресенье в броневике, стрелявшем по большевикам, был захвачен французский офицер. Нет необходимости говорить о том, какой досадный эффект произвело бы здесь французское вмешательство во внутреннюю политику, если бы таковое действительно произошло. Меня просили в посольстве сходить в Смольный. Троцкий ничего точно не знает. Он обещал направить сегодня же вечером в Москву представителя. О результатах он сразу же сообщит. Он сказал мне, что уверен в совершенной порядочности французского командования в таких делах. Ясно тем не менее, что подобные шутки могут дорого стоить союзническим миссиям, французской колонии и Франции.

Петроград. 31 окт. (13 нояб.)

Дорогой друг,

На улицах полнейшее спокойствие. Невероятно, что всю кровавую неделю, благодаря железной руке и ор-

ганизованности большевиков, городские службы (трамвай, телефон, телеграф, почта, транспорт и т. д.) не прекращали нормальную работу. Никогда еще порядок не был так хорошо обеспечен.

Практически единственные, кто бойкотирует порядок — администрация и буржуазия. Министерства пустые. Но Троцкий неумолимо заставит их выполнять свои обязанности, как только Керенский капитулирует, а это произойдет, без сомнения, уже через несколько часов. А принятые в провинции меры, когда они принесут свои результаты, докажут всем, что большевистское восстание способно сломить любое сопротивление.

Воскресенье дорого обошлось обеим сторонам. Говорят, более двух тысяч убитых в Петрограде. Еще больше — в Москве, где продолжаются невероятно жестокие бои. Якобы разгромлены винные склады. Банды пьяных воров, подонков из пригородов грабят, жгут, убивают, пока бывшие правительственные войска и большевики дерутся между собой.

В городе вопреки всему продолжают верить в поражение большевиков. Фракционная борьба довела до отчаяния самых безразличных. Меньшевики, поддерживаемые умеренными и правыми партиями, выражают свое негодование... тем, что не добились успеха. Они не протянут руку навстречу окровавленной руке убийц. На что восставшие отвечают, что именно меньшевики организовали в воскресенье этот мятеж, что на них одних ляжет вина за пролитую кровь, что умеренные партии, открыто призывавшие к расправе над большевиками, не устыдились бы расцеловать обогранные кровью большевиков руки Керенскому, Савинкову и Каледину, и что к тому же большевики достаточно сильны, чтобы обойтись сегодня без той поддержки, которой они добивались вчера, и за что над ними потешались.

Все это я предвидел и потому уже пять дней кряду зываю к согласию между меньшевиками и большевиками. Сегодня мы от этого дня далеки. Признаки конфликта между двумя партиями все очевиднее. Коалиция отныне будет трудной, и чтобы ее укрепить, потребуется много времени.

С каждым днем кризис подталкивает Россию к пропасти и позволяет противнику собирать все более значительные силы на Западном фронте. Такой взгляд на

события, похоже, не интересует ни одного русского: ни большевика, ни меньшевика, ни реакционера.

Я сопровождал вчера Луначарского, правого большевика, министра, вернее, наркома народного просвещения, к Дестре. Живо интересующийся делами в России, посланник Бельгии просил меня устроить ему встречу с Троцким, который возглавляет восстание, являясь его стальной душой, Ленин же более его теоретик.

Чтобы не терять времени, я договорился о встрече сегодня на вечер. Вот я и стал представителем дипломатии в Смольном. Дай-то Бог, чтобы наши господа решились поскорее, хотя бы через третьих лиц, повернуться в эту сторону.

Они бы поняли, не сомневаюсь, что вместо того, чтобы провоцировать Керенского на неумелое сопротивление, уместнее было бы дать этому несчастному, тем более что к тому его подталкивал его врожденный оппортунизм, сползти к этой новой партии, за которой он видел непрестанно возрастающую популярность.

Легко пророчествовать задним числом, что-де неизбежного можно было бы избежать. Я искренне верю, что, умело маневрируя, возможно было «сэкономить» на восстании и оставить большевиков без основной части их армии. Я еще больше уверен сегодня, что можно было избежать и справедливого негодования восставших, если бы нами не была избрана глупая позиция, направленная против них.

Дестре, кажется, это быстро понял.

В Смольном вновь установилась атмосфера первых дней восстания. Охрана не очень строгая, в коридорах оживление, яркий свет. Идут заседания Петроградского Совета. Троцкий принимает нас как победитель. Большевики деморализованы после своего позавчерашнего поражения. Керенский обречен. Кремль в осаде и скоро капитулирует. Провинция сдается шаг за шагом. Единственные безрадостные вести — с юга. Но Каледин далеко, и его очередь придет. Сколько побед... на внутреннем фронте! Троцкий позже даст нам понять, что другие победы, настоящие, над общим противником еще, вероятно, будут, если мы своевременно откажемся от скрытой оппозиции и если примем соответствующую политику сотрудничества, которую наши демократии обязаны предложить революционной России.

Ни следа от товарищеского радушия, почти дру-

желюбия, какое я встретил буквально накануне. Министр иностранных дел России дает аудиенцию г-ну посланнику Бельгии, который, однако, пришел сюда просто как социалист под предлогом попросить вернуть реквизированный у него автомобиль и получить кое-какие разъяснения о событиях в Москве, в которых якобы замешаны бельгийцы.

С ходу на этой первой же встрече с западной дипломатией Троцкий находит свой стиль. Стиль, однако, несколько резкий, чуть высокомерный. Настороженный, учтивый, умело уходящий от прямых ответов на затруднительные конкретные вопросы, Троцкий явно настроен не делать никаких уступок по сути и по форме, — и так в течение всех двух часов.

Только что одержанные им на внутренних фронтах, хотя и очень легкие, победы ничуть не располагают его к примирению. Большевизм очень силен. Как только своей мощью он убедит самых недоверчивых в том, что прочно стоит на ногах, — кабинет сложится сам, и меньшевики либо подчинятся ему, либо останутся за дверью, опозоренные и бессильные что-либо сделать.

Троцкий хочет восстановить в Петрограде нормальную жизнь. Он собирается принять самые жесткие меры, чтобы заставить служащих, коммерсантов и т. д., — тех, кто пока еще противодействует большевикам своей бездеятельностью, — выполнять свои обязанности.

Он также убежден, что сумеет если не преодолеть, то по крайней мере, облегчить трагические последствия продовольственного кризиса, всю ответственность за который должны нести предыдущие правительства.

Затем Троцкий переходит к общеполитическим вопросам. Он не отрицает, что победа германского империализма — смертельная опасность для демократии. В ответ на щедрую похвалу, которую Дестре высказал в адрес Франции, Троцкий обрушивается на нас, потом на все правительства — и союзников, и противника.

Я резюмирую только то, что он записывает нам в пассив. По отношению к нашим противникам он не был таким обходительным, он был просто более лаконичным. Да, он любит французский народ больше других. Но какой сарказм по адресу руководителей-социалистов! Какое презрение к нашей эгоистической левой буржуазии, как он честил наш парламент. Большинство — деревенские лавочники и нотариусы из субпре-

фектур. Республиканцы и демократы — таковые исключительно до своего появления в Бурбонском дворце. Простофили, невежды, хвастуны, дрожащие перед всяким Пуанкаре⁵², Барту и готовые совершить величайшие глупости, чуть перед ними помашут какой-нибудь дипломатической бумагой.

Это те демократы, что в 1905 г. дали царю миллиарды, которых тому не хватало, чтобы задушить первую революцию.

Это опять же они и их ставленники восемь месяцев назад, прибегая поочередно то к уговорам, то к угрозам, использовали слабого Керенского для того, чтобы не дать русскому народу пожать плоды, которые созрели благодаря второй революции. Наконец, они же, — те, кто вчера хвалил Керенского, а завтра будут поддерживать Савинкова или Каледина, — ведут компанию, отнюдь не идейную, а грубую, клеветническую против самых честных большевиков.

Они, выродившиеся наследники великой революции, пресмыкались перед кнутом. В течение двух лет войны они сносили любые унижения, любые мерзости царизма, любые предательства прогермански настроенных кабинетов министров. Приходит русская революция, и все меняется. Эти лакеи не желают принимать во внимание тяжесть наследства, доставшегося русскому народу; продажные бездарные правящие классы все больше заглядываются на Германию. Социальный механизм, армия — все это в упадке. Предстоит огромная работа.

Не хватает материальных, интеллектуальных, моральных ресурсов. А союзнические холоуи расправляют плечи. Преображаются в надменных господ, хулителей свободы. Западные демократы из кожи лезут, чтобы остановить головокружительное наступление юной социалистической демократии, слишком опасное для их капиталистических привилегий, сознательными или инстинктивными защитниками которых они являются.

Ни один русский революционер не сможет этого забыть, и горький опыт позволяет большевикам утверждать, что правящие классы любой страны безнадежно лживы, а Лига Наций, арбитраж, сокращение вооружений и т. д... — не что иное, как уловки, придуманные капиталистами с тем, чтобы удержать над пролетариатом свое отвратительное господство.

Против войны в будущем и в настоящем есть един-

ственное средство: социальная революция, которая передаст власть в руки трудящихся. Троцкий убежден, что в России совершается социальная революция, и своими усилиями он будет продвигать ее вперед и вперед быстрыми шагами. Он понимает, что не сможет пройти весь путь до конца, но он оставит после себя след и яркий пример, которому в скором времени последует пролетариат всей Европы.

«При условии, — замечает Дестре, — что у вас будет военная сила, которая только и позволит не допустить победы Германии, означавшей бы оправдание империализма и крушение демократии».

Троцкий признает, что рабский мир поставит революцию в трудное положение, по крайней мере, на какое-то время. Победа Антанты невозможна, но он верит в то, что Центральным империям будет оказано достаточное сопротивление, хотя силы равны и обе коалиции окажутся истощенными. Несмотря на возражения Дестре, он настаивает на том, что серьезные факты позволяют ему рассчитывать, что в ходе войны в Германии начнется революция.

Как бы там ни было, но если союзники пересмотрят цели в войне и если станет очевидным, что Германия отказывается обсуждать эти новые и честные положения, тогда будет провозглашена священная война.

«Но не попытается ли Германия вас обмануть, расколоть союзников, сделав вид, что принимает ваши условия, чтобы выиграть время и нанести на западе решающий удар?»

Троцкий утверждает, что в это он не верит. Он оживает и говорит с глубокой убежденностью, красноречиво развивая уже изложенные мною доводы, которые дают ему основания верить в новый подъем энтузиазма в русских массах, какими бы обессиленными они ни были.

Дух, живущий в русском народе, не ослаб. Его можно поднять, и Троцкий рассказывает нам о героических подвигах Красной гвардии в боях против Керенского. Он полагает, что сможет удовлетворительно решить весьма сложные проблемы технической реорганизации национальной обороны. В завершение он скромно замечает, что бесспорно, сила, которую вновь обретет армия благодаря большевизму, не позволит возродить военную державу первой величины, но он уверен, —

что большевики многого добьются в этом направлении благодаря своему идейному авторитету, обеспечивающему им полное доверие народных масс, чего не сможет добиться никакая другая партия.

На Дестре беседа произвела сильное впечатление. Даже более сильное, чем он хочет показать. Он признает, что Троцкий умеет держаться, и его убежденность, кажется, искренняя и глубокая. Однако Дестре хочет видеть в нем лишь теоретика.

Этот теоретик — продержится он или нет? Вот вопрос, и если продержится по меньшей мере, как я полагаю, несколько недель, несколько месяцев, не следует ли как можно скорее войти с ним в контакт и попробовать извлечь из его усилий максимальную пользу для союзников?

Петроград. 1 (14) нояб.

Дорогой друг,

Кризис разгорается. Каменев, из большевистских лидеров самый большой сторонник парламентаризма, в ужасе от чудовищной изолированности большевиков. Так же как Зиновьев, Рыков, Шляпников, Рязанов и большинство его товарищей, он считает, что только коалиционное правительство всех социалистических партий в состоянии спасти завоевания третьей революции.

Каменев откажется от поста народного комиссара, если режим террора, в который диктатура пролетариата повергает Россию, не будет в короткий срок заменен союзом меньшевиков и большевиков. В самом деле, кажется очевидным, каким бы стойким ни был Троцкий и изобретательным Ленин, что они не продержатся долго, если им придется бороться одновременно против умеренных реакционных партий и небольшевистских социалистических фракций.

В первый день восстания все как будто бы это понимали. От скольких я слышал: «С нами пролетарские массы. Они обеспечат нам победу. Они — гарантия смещения влево, к нам, других социалистических фракций. Нам остается лишь подождать. В один прекрасный день они придут к нам на поклон. И тогда их нужно

будет принять. Чтобы заложить основы нового общества, чтобы создать и, главное, твердо удержать социальную республику, нужно, чтобы голова направляла усилия рук. Увы, умы промышленности, лиц свободных профессий, администрации, интеллектуалов на стороне либо умеренных, либо меньшевистских социалистов.

Разумеется, не могло быть и речи о формировании правительства из всех левых и центристских партий, включая кадетов, но легко можно было составить однородное социалистическое правительство, которое, ведомое и контролируемое большевиками, смогло бы осуществить глубокую демократизацию России и заставить все умеренные партии принять этот коренной переход от политической февральской революции к подлинно социальной революции, которую Керенский никогда не мог и не хотел осуществить и которую одни большевики в одиночку не смогли бы навязать России. Начиная с 25 октября таково было мнение преобладающей части большевиков, я говорю о руководителях. Ленин и особенно Троцкий отстаивали противоположное мнение, странным образом поддерживаемые, кстати, чрезмерно и комично требовательными меньшевиками, уже побежденными и готовыми пойти на более унизительные и значительные уступки, чем те, которые им навязывали в прошлые среду и четверг.

Логика Троцкого проста: «До 25 октября мы вели против наших противников из социалистических фракций беспощадную войну. Мы доказали, что они бездарны, и заклеили их подлость. Мы дискредитировали их, а затем победили силой оружия. Они потерпели поражение. Если мы сегодня протянем им руку, наши войска этого не поймут. Они сочли бы это предательством и отвернулись от нас. Предположим, что, несмотря на это, такая комбинация состоялась. Если бы меньшевики проникли в наше правительство, они бы попытались заставить нас повернуть вспять. Они бы оттягивали проведение и глубинных реформ, которые мы обещали, и тех, которые мы хотим осуществить немедленно. Мы бы потерпели поражение».

«Сейчас большевики могут иметь лишь одну политику: продолжать в одиночку ту же самую политику, что они начинали в одиночку, осуществить ее, воспользоваться своим приходом к власти для того, чтобы

законодательно закрепить и начать осуществлять основные пункты программы: земля, мир, рабочий контроль и т. д., которую они обещали выполнить. Когда наше военное превосходство станет очевидным, а, с другой стороны, политическая программа будет на пути к выполнению, меньшевики смогут быть безболезненно допущены в правительство».

«Или они в самом деле пойдут по нашим стопам, проводя большевистскую политику — в этом случае они не смогут обойтись без большевиков, — либо попытаются вернуть все назад, но будет поздно, учитывая то, что уже сделано. Народ потребует выполнения нашей политики...»

Петроград. 2 (15) нояб.

Дорогой друг,

Свои мысли о необходимости — в интересах союзников, России и Революции — скорейшего объединения у власти меньшевиков и большевиков я каждый день повторяю Троцкому, всем большевикам, с которыми я поддерживаю отношения.

К несчастью, 25 октября меньшевики поставили для своего участия в правительстве условия, едва ли приемлемые для победивших большевиков; победители же по мере того, как осознают свою силу, становятся все более несговорчивыми.

Жаль, что лидеры демократических и социал-революционных партий либо упорствуют, не принимая в расчет происходящие события, находясь в непримиримо враждебном отношении к большевикам, либо ежечасно кидаются то в примиренчество, то в противоположную крайность.

Когда беседуешь со всеми этими людьми нынешнего центра и еще больше — с правыми, приходишь в отчаяние от их шатаний, от бесконечного «дрейфа» их перепуганного сознания. Без ясного идеала, без компаса, без звезд плывут они наугад по бушующему и страшному океану революции. Они не хотят приставать к гавани большевиков. И поскольку своей собственной гавани они до сих пор не нашли, их носит по волнам.

Нетрудно догадаться, видя сегодня, в каком они замешательстве, что они бессильны чего-либо добиться;

подтверждение тому — восемь месяцев бесплодных попыток.

Послушав после их бесполезных разглагольствований, что говорят большевики, чувствуешь, как обретаешь уверенность, что ты стоишь на неровной, ухабистой, но твердой и прочной земле.

Сегодня днем помимо людей второго плана, не знающих в какую сторону бежать, я встретил в крестьянском совете Русанова⁵³, одного из самых авторитетных лидеров социал-революционеров. В статье, которую он написал утром, он призывал к единству. Однако днем проголосовал против него. Его доводы — доводы русских, которые отстаивают чистоту идей, никак не учитывая факты.

Точно так же Чайковский⁵⁴, уважаемый отец русской кооперации, объяснял мне, что он не собирается сотрудничать с большевиками: 1. Чтобы не придавать восстанию 25 октября законной силы; 2. Чтобы не отдавать в руки большевиков государственный аппарат (административные органы, банки и т. д...), забастовка и саботаж которого могут за несколько недель сломить большевиков; 3. Чтобы помешать мирным переговорам, которые Вильгельм II не станет вести с большевистским правительством; 4. Потому что союзники никогда не пойдут на переговоры с большевиками.

Я не стану пересказывать здесь, как я пытался доказать Чайковскому слабость подобных аргументов, которые Троцкий без всякого уважения называет юношеским бредом выжившего из ума старика.

Все эти люди как будто не замечают, что, продлевая кризис, они еще больше разваливают страну, и что поражение большевиков равнозначно поражению России. Я по-прежнему думаю, что эта крамольная мысль не так уж и парадоксальна, что если отбросить все вопросы, связанные с социализмом, союзники при нынешнем соотношении сил в России должны стремиться к тому, чтобы большевики на какое-то время оставались у власти, потому что, по крайней мере, только они кажутся способными улучшить положение дел в России; и это начинают понимать в посольстве и в миссии.

Естественно, я не разделяю оптимизма Троцкого, я не верю, что революционное сознание поднимет на борьбу с врагами революции всех тех солдат, которые отказываются воевать против врагов родины.

Я знаю, в каком чудовищном состоянии находятся русские войска: отсутствие дисциплины, разложение, анархия. Армия живет плохо, но живет за государствен- ный счет и не желает ничего, кроме как продолжать эту бездельническую жизнь, очень соблазнительную, похоже, для большей части русских.

На передовой 80 % личного состава сложили оружие и перебрались подальше от фронта в города. А сколько из того количества штыков, которые пока еще есть в окопах, станут сражаться по-настоящему?

Офицеры, которые еще не потеряли последней надежды, — русские офицеры — считают, что если после организационных мер, на осуществление которых уйдет несколько месяцев, можно будет насчитать по одному батальону на дивизию, это будет замечательно. Мне куда ближе это мнение, чем мнение Троцкого, которого, как мне кажется, можно упрекнуть в недостаточном знании русского народа, материала, с которым он рабо- тает, и в непонимании того, что у этого народа душа не как у него — пылкая и деятельная, а скорее инерт- ная и ленивая.

Не буду вновь перечислять не раз приводившиеся аргументы; я прихожу к выводу, что большевики, — и потому что они, похоже, настоящие лидеры и потому что их программа в значительной мере отвечает общим чаяниям народа, — не могут быть с пользой заменены никакой другой партией до их естественного и неизбеж- ного падения или же принятия ими реалистической политики.

Если выразить мои размышления в цифрах, скажу, что если взять максимальную эффективность русской армии за 100, при том, что ее нынешняя боеспособность порядка 10, то любое правительство снизит эту эффек- тивность до 5, большевики же, если не пойдут на предательство, могли бы поднять ее до 15 или 20.

Петроград. 3 (16) нояб.

Дорогой друг,

Сегодня во второй половине дня был в редакции «Новой жизни». Благоустроенное местечко. В кассе

наверняка кое-что водится. В союзнических кругах поговаривают, что эти деньги из немецкого кармана.

Очевидно одно — это издание, которое ежедневно яростно нападает на английский и французский империализм, и не думает рассказать своим читателям — и читателям очень многочисленным — по крайней мере, о таких же неудобствах, которые представляют империализм и милитаризм германский. Подобное молчание, как минимум, подозрительно. Та же газета нередко отстаивает позиции, откровенно враждебные союзникам.

Я прошу объяснений по поводу общей позиции газеты. Официально опротестовываю две заметки, в одной из которых указывается на присутствие в Москве среди антибольшевистских подразделений французских солдат, а в другой сообщается об аресте прошлым воскресеньем некоего французского офицера, находившегося в броневике юнкеров.

Обе информации абсолютно фальшивы. Они могут зародить в России опасные антифранцузские настроения, которые не сумеет рассеять никакое опровержение.

Максима Горького нет. Меня принимают секретари редакции. Они признают свою безответственность и обещают, что в будущем... Однако с некоторыми оговорками. Русские телеграфные агентства передают много неправильной информации, которая ежедневно появляется во всех солидных газетах.

Я замечаю, насколько досадно, что непроверенная информация всегда или почти всегда направлена против союзников и никогда или почти никогда против Германии. Редакция протестует, но вяло.

Впервые с тех пор, как я познакомился с крайне левыми кругами, у меня возникло очень четкое ощущение, что передо мной какие-то липкие, расплывчатые люди. Впечатление это укрепляется, когда я пытаюсь узнать причины, внезапно вызвавшие резкий поворот «Новой жизни»; прежде она провоцировала большевистское выступление, а сегодня его клеймит и подспудно ведет кампанию, направленную на раскол социалистических сил и, как следствие, на затягивание анархии. Мои собеседники путаются в нелепых объяснениях.

Вечером в Смольном встречаю Луначарского. Утром я прочел его возмущенно-страстное письмо, в котором

он объявляет о своей отставке с поста наркома народного просвещения. «Значит, вы уже не министр!» — восклицаю я. Чувствую, что он смутился. Торопясь ответить, он признается: «Я забрал свою отставку назад. Вчера из депеш я узнал, что за несколько часов пушки большевиков полностью уничтожили две самые красивые церкви в Москве и шедевры искусства, хранящиеся в Кремле. Как нарком народного просвещения и изящных искусств я пришел в ужас. Я буквально пришел в бешенство и подал в отставку. Сейчас я от Горького. Он только что вернулся из Москвы. Обе церкви целы. Сокровища Кремля в безопасности. Я забрал свою отставку и счастлив, что могу остаться на боевом посту, который мне поручили мои товарищи!»

Отставку Луначарского с удовлетворением встретили бы многие, по крайней мере, в умеренных кругах. Его новое решение, безусловно, будет иметь меньший успех.

Петроград. 4 (17) нояб.

Дорогой друг,

Троцкий и Ленин рассчитывают вскоре получить точную информацию о том, какой отклик вызвала за границей третья революция. Уже имеющиеся сведения дают им основание верить, что она произвела на трудящихся исключительное впечатление, несмотря на меры предосторожности, принятые правительствами союзников и противников, постаравшихся пропустить в печать лишь короткие и лживые статьи. Но приход русского пролетариата к власти невозможно скрыть надолго. Этот факт сам по себе несет для мирового империализма громадную опасность, а для потерявших ориентиры трудящихся — новую надежду. Революционное правительство сделает все, чтобы не обмануть эту надежду, чтобы зажечь революционное пламя в таком же образом настроенных странах, чтобы довести до конца войну против войны и дать всем народам скорый мир.

Впервые правительство великой страны честно, публично будет осуществлять политику, основанную исключительно на интересах рабочих и крестьянских масс России и всех стран, отрицающих национальные и личные амбиции, политику, свободную от глупых и старых

дипломатических предрассудков и представлений об изживших себя условиях классического мира. Буржуазные правительства могут смеяться или возмущаться. Решения, принятые революционным правительством, — внутри страны направлены на то, чтобы установить царство справедливости и покончить с капитализмом, во внешней политике — на то, чтобы положить конец войне, — найдут отклик в каждом сознательном европейце. Невозможно, чтобы ни в одной стране не последовали примеру русского пролетариата. От социалистов Германии и Австрии уже идут горячие и одобрительные отклики. Они, растерявшись от неожиданности, через несколько дней взяли себя в руки. Они понимают, на какое великое дело зовет их Россия.

В Стокгольме состоялась конференция представителей революционного правительства и делегатов немецких большевиков. Они берутся проводить активную пропаганду за перемирие и начало переговоров на основе предложений русской революции: мир без аннексий и контрибуций, признание права народов на самоопределение.

Немецкие меньшевистские газеты призывают пролетариат к революции.

В Австрии проходят многочисленные демонстрации в поддержку мира на условиях русских.

В союзнических странах до последнего времени была не столь бурная реакция; кажется, в течение трех лет на большевиков было обрушено столько чудовищной клеветы, что во Франции и в Англии самые убежденные интернационалисты колеблются протянуть им руку и, должно быть, спрашивают теперь себя, не являются ли большевики, как грязно клеветают на них союзники, платными агентами Германии. Так что реакция в странах Антанты будет, без сомнения, не такая скорая, впрочем, за исключением Италии, где общественное мнение сильно взбудоражено — может быть, тем лучше, поскольку таким образом совершенно ясно, что страны противника затронуты той же пропагандой и пожинают ее первые плоды.

Ближайшие недели станут решающими. Даже если давление, оказываемое народами на свои правительства, не достаточно сильно, чтобы навязывать всем немедленное перемирие, которое означает в последующем скорый мир, войне и виновным в ней нанесен смертельный

удар. Они лишаются доверия наций. Идея мира будет проникать в умы, вырывать людей из кровавого гипноза, в который они погрузились в августе 1914-го. Русская революция срывает все покровы, показывает войну в ее чудовищной реальности, предлагает приемлемый для всех мир. Здравый смысл народов неизбежно поведет их по пути, открытому большевизмом.

Союзники не могут и дальше игнорировать большевизм. Он слишком отчетливо заявляет о своем существовании. Они признают эти «темные силы». Боюсь даже, что очень скоро им придется с ними считаться. Чем тогда обернется все это негодование и глупое упорство, если не враждебными по отношению к союзникам настроениями, которые долго будут давать о себе знать?

Я повторяю все это изо дня в день. Если бы вместо того, чтобы отрицать очевидное и стараться сломить самую значительную здесь силу, мы попытались бы ее использовать, мы бы оказали услугу России и еще большую — всей Антанте.

Пойдем ли мы это, в конце концов? Я начинаю в этом сомневаться. Во всяком случае, сколько уже упущено времени и сколько наделано ошибок, последствия которых скажутся в ближайшем будущем!

Петроград. 5 (18) нояб.

Дорогой друг,

В Петрограде по-прежнему совершенный порядок. Однако вдалеке, в стороне заводов Путилова, недавно слышалась перестрелка.

Долго беседовал с Троцким, который все настойчивее зовет заходить к нему каждый вечер. Он принимает меня, отложив все дела. Я остаюсь единственным связующим звеном между революционным правительством и союзниками.

Троцкий выглядит уставшим, нервничает и этого не отрицает. Начиная с 20 октября он не был дома. Его любезная супруга, яркая, подвижная, изящная женщина, рядовой партиец, говорила мне, что жильцы их дома грозятся убить ее мужа. Нет пророка в своем квартале, но, согласитесь, разве не забавно вообразить,

что сей безжалостный диктатор, властелин всея Руси, не смеет ночевать дома из страха перед метлой консьержки?

У Троцкого двое прелестных сыновей 10 и 12 лет⁵⁵, они время от времени прибегают и отрывают от дел своего отца, которого они обожают, при этом и грозный лидер не прячет своей радости.

Разве у «чудовища» может быть человеческое сердце?!

Он редко оставляет Смольный, проводит бессонные ночи, и его вклад в работу огромен. С помощью Ленина он почти в одиночку осуществляет управление революционным правительством. Сам Ленин часто присутствует при наших беседах. Он отлично понимает по-французски, но говорит на нем не так хорошо, как Троцкий, и никогда не включается в разговор.

В хорошо информированных кругах ходит слух о том, что Троцкому якобы пришла вчера зашифрованная телеграмма с ответом Германии на мирные предложения большевиков. С другой стороны, газеты сегодня утром напечатали официальную — по тону — ноту, объявляющую, что революционное правительство в случае, если ответ от союзников на предложение мира не поступит до 10 ноября, оставляет за собой право либо заключить перемирие, либо даже подписать сепаратный мир.

«Разумеется, — говорит мне Троцкий, — что я не могу вам сказать всего, но я вас никогда не обманывал и обманывать не буду. В свое время я объявил вам о нашем намерении направить дипломатическую ноту различным правительствам. Она еще не отправлена. Так что 10 ноября никакой ультиматум не истечет. Повторяю вам также, что мы не получили до сего времени никакого прямого или косвенного ответа от Германии».

Но через Стокгольм большевистское правительство получило телеграммы с приветствиями и обещаниями поддержки от немецких меньшевиков и большевиков и всех австрийских социалистических партий.

Из союзников никто до сих пор не подал признаков жизни, кроме американцев, да и те в очень официозной форме. Троцкий спрашивает меня, не ловушка ли это. Вот как он изложил мне странное предложение американцев.

«Если Россия действительно выходит из войны, — сказал ему американский представитель, — если она не

может возобновить эффективные военные действия без риска смертельно усугубить состояние внутренней анархии, Соединенные Штаты не будут рассматривать как недружеский акт подписание русско-немецкого перемирия при условии, что Россия возьмет по отношению к Соединенным Штатам обязательства не оказывать никакой помощи в какой бы то ни было форме Центральным империям и не возобновлять с ними торговых отношений до заключения всеобщего мира».

Если такое предложение было сделано, чему я верю, и если оно серьезно, в чем Троцкий сомневается, это доказывает, что реалисты-американцы спешат предупредить, пусть не самым удачным способом, опасность внезапного заключения мира с Германией.

Положение здесь действительно таково, что многие предполагают, что, даже само того не желая, русское правительство, — каким бы оно ни было, — может очень быстро под давлением народа прийти к необходимости заключения такого соглашения. Троцкий утверждает, что никогда не думал о перемирии вне рамок предварительного принятия противником основ демократического и справедливого мира.

Но как долго революционное правительство будет ждать германского ответа, который, без сомнения, так и не будет дан? До той поры, пока Германия не возобновит активные действия на Восточном фронте, то есть, замечая я Троцкому, когда она уже совершенно беспрепятственно, благодаря бездействию России, завершит операции, предпринятые на Западном фронте.

Троцкий мне возражает, говорит, что в настоящий момент войска лишены всякой боеспособности. Только германское наступление сможет заставить армию понять, что коль скоро обсуждение целей в войне, ясно предложенное Россией, отвергнуто, завоевания революции находятся в опасности и их нужно защищать. До того, может быть, отдаленного момента будет соблюдаться фактическое перемирие, однако все это время будет использовано для реорганизации армии с помощью союзных миссий, если они на то согласны.

Я добивался этого от Троцкого в течение нескольких дней. В результате добился. Троцкий уверен, что удержит войска на фронте так долго, как он этого захочет. Он вновь говорит мне о множестве делегаций и бесчисленных депешах от солдат, провозглашающих под-

держку большевиков и свою решимость вести, если потребуется, революционную войну против палача Вильгельма II.

Спрашиваю себя, не начинает ли Троцкий понимать, что немедленный мир повлечет за собой неподготовленную демобилизацию 10 миллионов человек, глубоко потрясет страну, а также лишит революционное правительство опоры на воинские элементы, которые составляют ее основную силу.

На некоторых участках фронта немцы просят русских помнить, что им позволили спокойно совершить февральскую революцию. В свою очередь, русские не должны атаковать немцев в течение зимы с тем, чтобы и немецкие трудящиеся могли подготовить революционное выступление.

Троцкий охотно признает, что в подобных заявлениях следует видеть лишь кампанию, проводимую по приказу немецкого командования в целях, о которых легко догадаться.

Ленин и Троцкий заявляют о своей растущей уверенности в окончательном характере их военной и политической победы. Поэтому они весьма мало озадачены составом кабинета. Меньшевики либо придут, либо не придут. Тем хуже для них.

Ни тот ни другой не признаются в том, что их обеспокоили отставки некоторых наркомов, среди которых и Каменев. Ушедшие в отставку не вышли из партии, однако их жест создает большие трудности правительству.

Троцкий сообщает мне, что понемногу служащие возобновляют работу. Завтра он побывает в Министерстве иностранных дел. Он добился передачи ключей от сейфов, где хранятся дипломатические досье. В ближайшее время он направит ноту послам союзных и нейтральных государств, в которых будет просить начать отношения с фактическим правительством, которое они настойчиво не признают.

В кругах, враждебных большевикам, кстати, несмотря на растущую надежду на их поражение, начинают отдавать себе отчет в том, что скоро придется идти на переговоры. Троцкий саркастически ликует, рассказывая мне о том, как сконфужены вчерашние хулители. Промышленники предлагают свою помощь, банки дают деньги. Все заявляют о готовности довериться энергич-

ному правительству. Темным пятном остается снабжение продовольствием, но значительные усилия сделаны для того, чтобы убедить крестьян, взять у них хлеб или обеспечить транспортом.

Учредительное собрание соберется с опозданием всего на одну или две недели! Хорошо проведенная избирательная кампания должна обеспечить большевикам на выборах победу. В города и деревни направлены преданные пропагандисты, среди которых несколько тысяч матросов.

Троцкий и Ленин, не читавшие газет, с изумлением узнают от меня о возникновении кабинета Клемансо⁵⁶. Они от всего сердца желают ему скорой и жестокой гибели. Францию, по их предположению, ожидает политика насилия, которая страхнет инертность с рабочего класса и ускорит революционное выступление.

С точки зрения международной политики их беспокоит неумолимый шовинизм старого вандейца. Применительно к России они считают, что французское и английское общественное мнение, информированное как подобает, то есть очень плохо, о значении и размахе большевистского восстания, будет спущено с цепи против России, и что патриотизм Клемансо, ужесточенный в подобной боевой атмосфере, рискует привести новое французское правительство к поспешным и досадным решениям.

Петроград. 6 (19) нояб.

Дорогой друг,

Два часа провел с Александрой Коллонтай у нее дома. Народный комиссар государственного призрения в элегантном узком платье темного бархата, отделанном по-старомодному, облегающем гармонично сложенное, длинное и гибкое, свободное в движениях тело. Правильное лицо, тонкие черты, волосы воздушные и мягкие, голубые глубокие и спокойные глаза. Очень красивая женщина чуть больше сорока лет. Думать о красоте министра удивительно, и мне запомнилось это ощущение, которого я еще ни разу не испытывал ни на одной министерской аудиенции. У наших министров, безусловно, иной шарм. Стоило бы написать эссе о

политических последствиях прихода к власти красивых женщин.

Умная, образованная, красноречивая, привыкшая к бурному успеху на трибунах народных митингов, Красная Дева, которая, кстати, мать семейства, остается очень простой и очень мирской, что ли, женщиной. У нас уже сложились хорошие товарищеские отношения. Но у себя, в своем скромном и со вкусом обставленном кабинете, эта большевичка, занимающая в партии крайнее левое крыло, кажется мне невероятно легким в общении человеком. В тот же день я снова видел ее — в Смольном, в штабе восстания, в помятом, обычном для женщин-партийцев костюме, более мужественной и менее очаровательной.

С каждой минутой, однако, она оживает. Официальный визит закончен, начинается беседа. Коллонтай сожалеет о неосмотрительном поступке Рыкова и еще одного наркома, подавших в отставку. Они дезертируют с поля боя. Их поступок внесет разлад в большевистские массы. Они сработали против революции. Что до нее лично, то она останется на своем посту, хотя у нее вызывают опасения взбалмошность, импульсивность, нервозность Троцкого и излишняя схоластичность Ленина, двух человек, исключительно выдающихся, но не имеющих достаточного контакта с народом. Она хотела бы привести своих товарищей к союзу с меньшевиками, необходимому для спасения Революции.

Не всё, как Троцкому, ей видится в розовом свете. После долгого пребывания за границей, как и большинство русских социалистов, подвергавшихся преследованиям, судебным гонениям, принуждаемых к эмиграции, она открыла для себя Россию, которую знала плохо, — Россию рабочих и крестьян, громаду мистическую, добрую, братолюбивую, но инертную и плетущуюся в хвосте западноевропейского пролетариата, еще неспособную понять глубинный смысл социализма.

Правда, есть в русском пролетариате достойная восхищения элита, сформированная наукой и страданиями, люди вроде Шляпникова, наркома труда. Но сегодня Коллонтай не верит ни в окончательную победу большевиков, ни даже в немедленное установление предколлективистского режима. Над меньшевиками и большевиками должны в скором времени возобладать

умеренные партии. Может быть, удастся создать подлинно демократическую республику? Однако какую бы судьбу ни уготовило будущее третьей революции, каким бы коротким ни было пребывание у власти русского народа, первое правительство, непосредственно представляющее крестьян и рабочих, разбросает по всему свету семена, которые дадут всходы.

«Наши противники ошибаются, полагая, что крах русской революции будет означать поражение международного социализма в целом. Легко увидеть, в какое состояние распада привел царизм Россию, которую юный социализм взял в свои слабые и неловкие руки. Задача превосходит его силы. Ее не разрешит ни одна партия. Поэтому большевики, без сомнения, погибнут, но прежде они научат людей неизвестным до них словам, новым мыслям, которые никогда не будут забыты. Декреты русского революционного правительства станут для будущего пролетариата тем, чем были для третьего сословия декреты Великой французской революции — маяком, освещающим лучший мир. Проснутся новые надежды, начнутся новые сражения».

Коллонтай с опаской смотрит на кабальный мир с Гогенцоллернами. Она не так уверена в возможности успеха революционной войны, как Троцкий. Недисциплинированность ужасающая — Коллонтай хвастается, что способствовала ее развитию, поскольку остается антимилицаристкой. Троцкий и Ленин хотят в военной области, как во всякой другой, тирански централизовать командование.

Они правы. Они хотят снизить роль солдатских комитетов. Но Коллонтай здраво полагает, что ее товарищи столкнутся с практически непреодолимым сопротивлением. Солдатские массы пришли к большевикам, потому что те были провозвестниками немедленного мира, эти же массы, безусловно, свергнут их — во всяком случае, откажутся за ними идти — в тот же день, когда большевики захотят вовлечь их в войну, пусть и революционную.

Коллонтай в скором времени совершит небольшую поездку в Финляндию. Она хвалит, и, на мой взгляд, справедливо, умную национальную политику, проводимую большевиками. Ее результаты уже дают о себе знать, в частности в Финляндии, где население было готово протянуть руку Германии и где сейчас уже

несколько дней как наметилось движение в пользу присоединения к Российской Федеративной Республике.

Поскольку в настоящее время я знакомлю Дестре с большевизмом, то прошу для него у Коллонтай встречи. Зная, что она очень занята, предлагаю устроить обед с ним у меня.

Она восклицает: «С вами — да. С ним — никогда». В конце концов, она признает, что посол Бельгии бесконечно более либерал, чем большевистский нарком, что она в душе более буржуазна и более подвластна пред-рассудкам, чем буржуазный социалист Дестре, но не сдается.

Позволю себе сказать, что хотя Коллонтай, так же как Троцкий и Ленин, официально обвиняется в том, что состоит на службе у Германии, я не могу в это поверить. Она производит сильное впечатление поистине убежденной, честной, искренней женщины.

Я продолжаю оставаться *единственным* представителем союзников — о чем горячо сожалею, — поддерживающим контакт со Смольным. Однако под постоянным нажимом дело, похоже, немного сдвинулось с места, и мне кажется, что англичане — первые, а за ними и французы (здесь это нормальный порядок инициативы) подумывают установить в неопределенном будущем отношения, которые, кстати, через несколько дней навяжут нам обстоятельства. Сколько упущено времени и возможностей!

Некоторые союзники крупно ошиблись в оценке подлинного размаха большевистского движения. Живя мечтами — мечтами о величии, — они не пожелали увидеть реальности. Сегодня они усугубляют свою ошибку. Вместо того чтобы мужественно сделать шаг навстречу, они цепляются за ошибки прошлого и продолжают неосмотрительно демонстрировать свое пренебрежение реальной силой, самой реальной из всех русских сил. Даже если завтра эта сила умрет, народ России никогда не простит им то, что они сначала с этой силой боролись, а затем также планомерно игнорировали ее.

Дорогой друг,

Троцкий разбирает сегодня дипломатические досье, обнаруженные в потайных сейфах Министерства иностранных дел. Похоже, досье полные. К тому же г-н Нератов⁵⁷ дал слово, что все досье целы.

Во всяком случае, как мне сказал Троцкий, в них есть очевидные доказательства националистических устремлений и необузданных appetitov союзнических правительств и правительств стран противника. Диктатор ликует. Он заявляет, что, несмотря на самое низкое мнение, которое у него было о буржуазной дипломатии, он и не подозревал, что она столь цинично преступна. «Каковы бандиты, каковы мерзавцы, и во имя этого народы идут на бойню! Если бы они знали!»

Но, очевидно, они скоро это узнают, поскольку Троцкий рассчитывает через несколько дней опубликовать самые важные из этих документов. Он спрашивает у меня, что подумают послы союзнических стран об этой публикации. Похоже, ему не терпится, чтобы я сообщил им о его решении. Так ли уж сенсационна его находка, как он говорит? И решится ли он опубликовать эти документы против очевидного желания правительств, которые, несмотря ни на что, союзники России?

Понимает ли он, что до тех пор, пока союз не нарушен, ему непозволительно раскрывать предложения или обязательства соответствующих правительств без их согласия, хотя его право — в будущем утверждать публичную дипломатию.

Хочет ли он оказать давление и с помощью этой угрозы добиться, к примеру, пересмотра наших целей в войне? Все эти гипотезы правдоподобны, какая истинная? Может быть, ни одна из них.

Разумеется, я сообщу об этом посольству. Если публикация того или иного документа может серьезно отразиться на национальной обороне, думаю, что я легко добьюсь того, чтобы она была отсрочена, если подобная уступка будет бескорыстна или за умеренную (моральную) цену.

Луначарский и другие говорят о скором включении в состав правительства трех или четырех социалистов-революционеров, в числе которых представитель союза железнодорожников.

Почти каждый вечер выхожу на улицу и возвращаюсь очень поздно — по пустынным улицам. Никаких подозрительных встреч, никаких драк, никаких криков. Поистине периоды революций имеют свои положительные стороны.

Петроград. 9 (22) нояб.

Дорогой друг,

Генерал прислал за мной сегодня автомобиль. Меня разыскивали всю ночь. Над посольством грянул гром в виде ноты правительства большевиков, официально уведомляющей об организации нового правительства и подтверждающей предложение о немедленном перемирии на всех фронтах, сделанном съездом Советов.

Меня удивило, какое мучительное недоумение вызвала эта нота: 1) о появлении которой я говорил, начиная с 25 октября и позднее, не один раз; 2) и которую я предлагал отсрочить или видоизменить. Но чудовищное предложение начать дискуссию, торг с партией предателей было отвергнуто.

Похоже, все полагают, что перемирие будет подписано сегодня же вечером. Я напоминаю об условиях, поставленных съездом Советов и четко сформулированных в ноте: мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов.

Таким образом, речь идет о простом предложении с условием. По сути, ничего не изменилось в положении де-юре. И я вынуждаю моих собеседников признать, что русская армия, по общему мнению, с августа 1917 г. не способна ни на какие военные действия и что официальная приостановка русско-германских военных действий никак существенно не изменит на Восточном фронте сложившегося положения — не лучшего, но понятного и лишь временно поддающегося улучшению.

Троцкий все это подтверждает. Он говорит мне, — и я это знал, — что ситуация со снабжением армий чудовищная. У многих из них нет больше хлеба, и только перемирие может поддержать и накормить людей благодаря возвращению многих в тыл. Он верит, что теперь давление немецкого пролетариата и буржуазии вынудит кайзера ответить на предложение о перемирии.

Он готов к тому, что Германия постарается «облапошить» их правительство, но большевики примут перемирие лишь после того, как Германия признает условия для переговоров, предложенные русской революцией.

Процедура будет следующей: Троцкий и Ленин будут ждать ответов союзных правительств и правительств неприятельских стран.

После получения ответов от Центральных империй, если такое произойдет, они их опубликуют (открытая дипломатия), известят о них союзников и совместно с ними, если союзники будут чем-то неудовлетворены, подготовят новую ноту Германии.

Если придет второй ответ, последует вторая публикация, второе извещение союзникам и т. д. до того дня, пока революционное правительство не сочтет гарантии, данные германским правительством, достаточными. После того перемирие, которое будет строго ограничено рамками военных действий, будет подписано, начнутся мирные переговоры и, по мнению Троцкого, военные действия, вероятно, прекратятся, настолько решающий эффект произведут переговоры на армии воюющих сторон.

Троцкий хотел бы, чтобы союзники согласились на всеобщее перемирие. С точки зрения снабжения и блокады ситуация не изменится. Вместе с тем исключительно военное перемирие благоприятно для союзников: Италии оно даст передышку, Америке — позволит продвинуться в организации своей армии, России — смягчить у себя анархию.

Во всяком случае, полагая, что его заявления, которые официальные круги считают лживыми, искренни; процедура, предваряющая перемирие, позволяет не торопиться.

Нет надобности говорить, что это предложение перемирия, без сомнения, укрепит большевистское правительство и будет поддержано теми, кто придет им на смену, если такое случится, поскольку народные массы, буржуазия, вся Россия по-прежнему единодушны в необходимости немедленного мира. Реакционная и умеренная буржуазия проявляет себя бесконечно более капитулянтской и прогерманской, более вероломной и враждебной по отношению к союзникам, чем народ.

За последние две недели я не раз встречался с представителями разных кругов буржуазии и составил о них определенное мнение.

Троцкий думает начать публикацию дипломатических документов с завтрашнего дня. Так как все архивы до 1914 г. исчезли, большевики пока не нашли следов переговоров, которые якобы велись Россией и Германией в Потсдаме и других местах. Я говорю ему, что исключительно антисоюзническая направленность публикации может укрепить мнение, будто он служит Германии.

Он обещает добавить в предисловии, которое он пишет, несколько слов, объясняющих, почему не удалось найти документов, доказывающих двурушничество Германии, и посоветовать немецким рабочим захватить, как это сделали русские, силой тайники, в которых имперская дипломатия хранит свои подлости.

Людовик Нодо и Клод Анэ⁵⁸ просили меня добиться для них интервью. В конце концов, Троцкому пришлось пообещать, что он примет журналистов через несколько дней. Он ответит только на переданные через меня письменные вопросы.

Почта уходит завтра. В своем последнем докладе я буду умолять кого следует не верить слепо официальным рапортам, в которых ситуация по-прежнему представляется в совершенно ложном свете.

Непрекращающаяся бездумная враждебность по отношению к правящим партиям и в особенности открытый разрыв с нынешним правительством будет иметь для судеб России и для наших судеб самые катастрофические последствия. Каким бы трудным ни было наше нынешнее положение, мне кажется, что мы должны держаться за Россию и не бросать ее, чего бы это ни стоило.

Петроград. 10 (23) нояб.

Дорогой друг,

День за днем все больше чувствуются неотвратимые и гибельные последствия проводимой здесь созниками — если можно это так назвать — деятельности.

Эта деятельность, бесконечно примитивная и задуманная без всякого напряжения ума, состоит главным образом:

— в том, чтобы непоколебимо поддерживать

позицию, занятую в отношении большевистских лидеров, особенно Ленина и Троцкого. Указанные люди — иностранные агенты. Честь союзников не позволяет им вести с этими людьми диалог, который к тому же не имеет смысла, ибо Ленин и Троцкий, как предатели, осуществляющие план, разработанный Германией, будут руководствоваться этим самым планом;

— в том, чтобы утверждать вопреки очевидному, что большевистская авантюра с часу на час провалится, что ее с трудом терпят народные массы, которые скоро ее проклянут; что поэтому достаточно терпеливо подождать еще несколько дней — и новое правительство продолжит политику Керенского и Терещенко⁵⁹. Стоит ли отмечать всю глупую наивность и опасность таких расчетов?

Абсолютная неприязнь, демонстрируемая зарубежными странами по отношению к Ленину, Троцкому и их товарищам, похоже, вызывает среди русских рабочих и крестьян — и это психологически естественно — эффект, противоположный ожидавшемуся. Каждый русский демократ, — я отметил это и у самых умеренных, — с присущей русским восприимчивостью, чувствует себя оскорбленным теми унижительными обвинениями, которые расточают большевикам пресса и союзнические власти; в результате же каждый из нас ощущает на себе все более растущую антипатию. Что же касается Троцкого и Ленина, то какими бы стойками они ни были, какая обида собирается у них на сердце!

«Как, — часто говорят они мне, — вы не понимаете, что вам никогда не удастся отделить нас от русской демократии, что в тот недалекий день, когда вы будете вынуждены признать наше правительство, личные отношения с людьми, клеветавшими на нас самым гнусным образом, будут невозможными, по крайней мере нелегкими, и не смогут носить доверительный характер, необходимый в отношениях между союзниками?»

А разве не может быть и так, что та радость, с которой они поспешно публикуют дипломатические документы (а вернее, документы, которые демонстрируют недобросовестность и неприязнь правительств по отношению друг к другу), отчасти содержит в себе и удовлетворение от личной мести, и желание поставить в неловкое положение и замарать тех, кто их очернял?

Наряду с презрением к людям царит полное игнорирование фактов.

Что бы там ни думали наши дипломаты, на самом же деле большевизм сегодня, как никогда, силен. Ленин и Троцкий могут исчезнуть, но вместе с ними исчезла бы и мощная боевая сила, то есть, вопреки всему, организация и порядок, иначе говоря, та сила, которую могли бы использовать союзники. Но после них их преемники, кем бы они ни были — кадетами или социалистами, — в течение неопределенного периода обязательно будут придерживаться их платформы по вопросу о перемирии и о мире, о земле и о рабочем контроле. Сразу никому не удавалось дать задний ход.

Церетели, Чернов, Гоц и сам Николай II были бы вынуждены стать сочувствующими большевикам, если не большевиками. Они бы расходились с Троцким и Лениным лишь в вопросах формы.

Нужно определиться. И главное — нужно принять решение. Разорвут ли союзники отношения с Россией или не разорвут? В этом весь вопрос, и его нужно решать скорее.

Разрыв отношений поневоле бросит Россию, которая не избежит кризиса анархии и не сумеет реорганизоваться в одиночку, в руки Германии. Сепаратный русско-германский мир, очевидно, быстро превратится в экономический и военный союз. Теперь и потом: серьезные трудности у России, серьезные трудности — безусловно, еще более серьезные — у союзников.

Разрыв может также привести к сепаратному миру между союзниками и Центральными империями в ущерб России. Может быть, это было бы лучшим решением, но вместе с тем сколько серьезных опасностей для будущего! Впрочем, мне непозволительно судить о столь важных вопросах как и высказывать то, что может думать социалист вроде меня по поводу чрезвычайно неприятных хлопот, выражающихся в подавлении демократической революции демократическими же нациями.

Если мы не пойдем на разрыв (а мне кажется, я достаточно громко кричал, доказывая безумство разрыва, чтобы его оттянуть), нужно любыми способами начать переговоры с большевиками, хотя бы для того, чтобы избежать разрыва с их стороны.

Ленин и Троцкий не придадут большого значения

тому, чтобы официально их признали как законное правительство. Но они не приемлют вмешательства союзников во внутреннюю политику России и возмущены открытой поддержкой тех, кого они называют контрреволюционерами. Они уже объявили мне, что если послы, а такой слух прошел, переедут из Петрограда в Могилев — где под крылом у ставки якобы формируется правительство Церетели — Чернова, — их придется, вероятно, арестовать. И в этом случае, к несчастью, они те самые люди, которые немедленно выполняют то, что говорят. Я мог бы процитировать, но у меня на это не хватит времени, десяток других их высказываний, которые показывают, в какое сильное раздражение мы опрометчиво привели этих двух людей, которые, не следует об этом забывать, считают себя временными руководителями (они сами думают, что продержатся максимально не более нескольких месяцев) России, но руководителями фактическими, коль скоро по вопросам собственного снабжения, передвижения, связи, одним словом, по малейшему вопросу представители союзников обязаны официально испрашивать разрешения у Смольного.

Большевики в скором времени примут по отношению к «союзническим контрреволюционерам» строжайшие меры, под стать тем, что применяют союзники против революционеров на Западе.

Таков первый результат отсутствия контактов.

Второй результат: повсеместное усиление анархии. Союзники бойкотируют большевиков, но вместе с тем саботируют Россию и самих себя. Ленин и Троцкий требуют, чтобы с ними напрямую согласовывали все технические вопросы, относящиеся к военным действиям и снабжению, которые обсуждаются союзниками и русским командованием. Нежелание союзников вступать с ними в контакт уже оборачивается самыми серьезными последствиями, и эти последствия станут вскоре непоправимыми.

Они требуют также, чтобы с ними напрямую согласовывались вопросы перемирия. Если правительства не дадут официального ответа, а Германия направит ноту, необходимо, чтобы союзники хотя бы частным порядком изложили свои замечания, которые будут использованы Россией при составлении новой ноты.

До сего времени, кроме генерала Нисселя, который,

как мне кажется, правильно понимает ситуацию, представители союзников, похоже, заняты только ожиданием.

Понятно, что они уже не будут советовать разорвать отношения, ясно, что они начинают понимать, что надо было давно начать переговоры (я убеждаю в этом уже две недели), но у меня такое впечатление, что они теперь не знают, на какой почве начать сближение.

И пока они пребывают в нерешительности, события развиваются без них и, стало быть, — против них.

Я уже говорил и повторяю, что можно было:

1. Оттянуть публикацию дипломатических документов и убедить опустить некоторые из них;

2. Отсрочить или внести изменения в сроки и порядок рассылки послам ноты о перемирии.

Но чтобы добиться этих результатов, нужно было вести переговоры. И уже две недели я твержу всем, кто умеет слушать, что, ведя переговоры с Троцким и Лениным, помогая им советом, их можно повернуть лицом к реальности и достаточно легко убедить пойти на сугубо необходимые уступки. Здесь знают, чего я уже сумел от них добиться, хотя я не получал никакого разрешения начинать с ними какие бы то ни было переговоры и не могу ничего обещать им в ответ на их уступки.

Я еще надеюсь, несмотря на возмущенные протесты, которые вызывает моя гипотеза, что в случае, если предложения о перемирии будут Германией приняты, мы сможем иметь своих неофициальных представителей при Ленине и Троцком для того, чтобы помочь им не допустить серьезных ошибок и не попасться в какую-нибудь кайзеровскую ловушку.

Увы, если так и будет, то не сегодня!

Ответственность за будущее лежит не только на большевиках. Огромная доля ее падает на союзников.

Мне кажется, что мы продемонстрировали здесь свою худшую политику. Очерняя людей, закрывая глаза на факты, мы безучастно наблюдаем, — как будто и не шло речи о жизни Франции, — за драматическими событиями, которые медленно, но верно толкают Россию к миру, то есть — к Германии.

Не сомневаюсь, еще можно что-то сделать. Но нельзя терять ни часа. Увы, наша провинциальная дипломатия боится малейшей ответственности, любой инициативы,

не желает действовать, а ждет директив от правительства, которое сама же постаралась взбудоражить, настроить к большевикам враждебно и которое за 3 000 километров от событий, среди антиподов русской души не может понять, что в нынешнем положении объявление войны большевикам есть объявление войны России.

Я с ужасом жду приказов Клемансо. Я отчетливо представляю, что это будут за приказы, и знаю, каким прискорбным будет их результат!

А ведь как просто было, нет, конечно, не возродить в новой России силу и боеспособность, но, как минимум, избежать величайшей катастрофы, направить в нужное русло большевистское движение, вернуть на землю пылких идеологов, живущих в тумане своих мечтаний. Но удобнее, считается, их вообще не замечать. Как будто так они и в самом деле куда-то исчезнут. И даже не возникает вопроса: а не потеряем ли мы заодно и Россию, и Антанту?

Есть дело и есть человек. Я вижу, что нужно делать. Нет пока только человека.

Убежден, что большевики оставят Россию на произвол судьбы лишь в той мере, в какой мы оставим ее сами, бросив их один на один с врагом во время мирных переговоров. Троцкий и Ленин понимают, что сепаратный мир в определенной степени отдает их на милость Германии, в которой дыхание революции еще слишком слабо и которая, без сомнения, завтра, как и вчера, будет капиталистической, если не милитаристской.

Они не хотят сепаратного мира. Но они больше всего хотят мира и подпишут его в одиночку, если, как они сами полагают, союзники к ним не присоединятся.

В этом случае, если союзники застынут в неподвижности, если, как было до настоящего времени, они останутся прикованными к берегу собственным величием и никак не ответят на германские происки, пропасть между Россией и союзниками станет еще глубже. И что бы там ни говорили, если сепаратный мир будет подписан пусть и большевиками, он будет встречен всей Россией с таким удовлетворением, что перерастет в окончательный мир. Сегодня предстоит смягчить последствия прошлых ошибок. Но это нужно делать быстро. Грядущие дни станут решающими. Это вопль человека, отчаявшегося быть услышанным там, наверху.

Если бы Тома был министром и я бы мог напрямую связываться с ним телеграфом!

Вывод:

Если разрыв не окончательный, то долг Франции, мне кажется:

1) в случае вероятного отказа союзников участвовать в перемирии и соответственно в переговорах между Россией и Германией — будет состоять в том, чтобы остаться с русскими, ведущими переговоры, кто бы они ни были и какова бы ни была судьба их договора, выступая как советники с позиций русских и союзников, помогая им в необходимый момент военной силой, чтобы они сумели противостоять непомерным претензиям неприятеля. Только так можно попытаться прервать переговоры, поставив немцев перед законными, но неприемлемыми для Вильгельма требованиями или же добившись на переговорах результата, который по возможности бы удовлетворял наши интересы;

2) в случае подписания сепаратного мира — будет заключаться в том, чтобы остаться с русскими, если нас не заставят покинуть страну, и, оказывая давление на них, обязать их, по крайней мере, соблюдать невраждебный нейтралитет и продолжать дружеские экономические связи.

Петроград. 11 (24) нояб.

Дорогой друг,

Изо дня в день в своих торопливых записках я привожу одни и те же аргументы. Действительно, я пытаюсь внедрить их в сознание парижан и одновременно то же самое вбить в головы здесь, в Петрограде. К несчастью, поскольку пользоваться телеграфом и даже обыкновенной почтой я не могу, средства воздействия на Париж у меня ограничены до минимума и очень неоперативны. Удары моей кувалды, звонкие и мощные, подогревают скандал. Два или три раза мне уже было замечено, что моя политика (?), противопоставленная политике (?) посольства, неприемлема. Мне пригрозили высылкой во Францию. Я ответил, что был бы удовлетворен таким решением, которое дало бы мне возможность в полный голос уточнить то, что

было написано по необходимости схематично и сглажено и уже отправлено во Францию и, может быть, не дошло до адресата.

Однако последние два-три дня оппозиция «моей политике» менее яростная. Факты столь полно подтверждают мои предположения, что теперь упрекнуть меня можно лишь в том, что я оказался прав, но официально выговаривать за это трудно.

С 26 октября я не переставал говорить г.г. Нулансу, Пати и пр., каждому в зависимости от его обязанностей:

1. Что большевизм в его нынешней форме не выдуман Лениным и Троцким, он следствие, продукт войны, что он долгие месяцы зрел в душе русских, что Ленин и Троцкий лишь выразили в понятных словах то, что было в каждом сознании: и в слабом, и в запуганном.

2. Что по вопросу немедленного мира действительно существует определенное согласие между большевиками и русским народом, так что поражение Ленина и Троцкого ощутимо не изменит ситуацию, поскольку те, кто придет после них, кем бы они ни были, вынуждены будут продолжать их политику мира, но, безусловно, будут проводить ее с меньшей последовательностью, организованностью и целенаправленностью, чем нынешние диктаторы.

3. Что все классы и все политические партии России единодушны в вопросе о необходимости немедленного мира, при этом аристократия и буржуазия проявляют себя бесконечно более капитулянтски, более склонными к территориальным и экономическим уступкам и готовыми к рабской жизни под германским сапогом, чем большевистские интернационалисты.

4. Что большевистское движение победит и просуществует по меньшей мере несколько месяцев, что с ним армия и что ей нельзя противопоставить ни одну организованную силу.

5. Что вместо того, чтобы возлагать все наши надежды на мертворожденные антибольшевистские движения, глупо компрометируя себя поддержкой Керенскому, Каледину, Савинкову, Гоцу, Дану и другим погасшим звездам, которые будут заметны лишь во время нескорого затмения, вместо того, чтобы обливаться грязью руководителей большевиков, тем самым делая все, чтобы нас возненавидела русская демократия, —

стоит лучше начать, по крайней мере неофициально, переговоры с Лениным и Троцким.

6. Что разрыва Антантой отношений с Россией, не нейтрализованного англо-франко-германским сепаратным миром, который почти неминуемо толкнет нашего союзника в объятия Германии, нужно избегать любой ценой.

7. Что, как только мы начнем с ними переговоры, большевики предоставили бы нам гарантии, пошли бы на уступки во имя очевидного, сблизилась бы с нами в результате этой акции, отвечающей интересам союзников в России.

8. Что в случае начала долгожданных переговоров с Лениным и Троцким мы сумеем привлечь их на нашу сторону, лишь пойдя на некоторые уступки или твердо пообещав их, — такие, как немедленный пересмотр наших целей в войне; уступка, на которую тем легче согласиться, коль скоро в самое ближайшее время мы должны будем волей-неволей этот пересмотр осуществить.

9. Что если из-за собственной нерешительности, нерасторопности мы не сможем помешать большевикам начать мирные переговоры с Германией, мы непременно должны быстрее всего образом сблизиться с ними, предоставить им аргументы, чтобы они сумели основательно защищать интересы России и Антанты.

10. Как вывод — поскольку нет ничего более неумного и вредного для интересов союзников, чем политика, которая систематически отрицает очевиднейшие факты, укрепляет в большевиках справедливую ненависть к правительствам Антанты и упорствует в своих грубейших ошибках, вместо того чтобы их признать, — следует покаяться в своих грехах, смириться с неизбежным и незамедлительно начать сотрудничать с большевиками, которые хотя и резки, и идейны, но обладают, по сравнению со своими предшественниками (и, очевидно, также по сравнению с теми, кто, возможно, будет после них), редким для России преимуществом быть людьми непреклонной воли, знающими, чего они хотят, и способными осуществить желаемое.

Спешу отметить, что мои неожиданные и крамольные заявления неизменно воспринимались моими начальниками из военной миссии со снисходительным любопытством, переходящим в заинтересованное. И я

благодарен генералу за то доброжелательное доверие, которое он постоянно ко мне проявлял.

В остальных кругах на меня сильно обижены за то, что я оказался прав. Другая моя величайшая ошибка в том, что я, друг Альбера Тома, был членом кабинета Альбера Тома, того самого, который совершил и то, и это, который начал злосчастное июньское наступление, который вынудил Францию предоставить чрезмерно большой кредит Керенскому, тому, который, в свою очередь, сам не сумел разглядеть и не показал союзникам плачевное положение России, и т. д., и т. д.

К счастью, это мрачное мнение, которое кое-кто высказывает о деятельности Альбера Тома, не находит здесь широкого отклика. В промышленных и военных кругах союзников, как и среди большинства русских политиков, Тома любят и сожалеют о его отсутствии. Он бы, конечно, все понял, и многих ошибок не было бы допущено. Если, как я предполагаю, большевистская политика, то есть политика мира под эгидой Троцкого, Ленина или любого другого деятеля, по-прежнему будет осуществляться в России, то в ближайшее время встанет вопрос об обновлении дипломатического персонала союзников. Нужно будет заменить тех, кто допустил ошибки, тех, кого не приемлют сегодняшние лидеры, тех, кто не добьется от них ничего, и к тому же, как представляется многим трезвомыслящим людям, — тех, кто не способен понять новую ситуацию. Если по непростительным соображениям протекции или неудобства их замены нынешние посланники останутся на месте, нужно будет направить сюда, по крайней мере, несколько политиков, способных на них воздействовать или руководить ими, то есть действительно представлять Антанту.

Что касается Франции (если Тома удерживают в Париже), я подумываю о таких людях, как Самба⁶⁰, Поль-Бонкур⁶¹, сам Бриан⁶², или о молодых — таких как Лафон и Лаваль⁶³, обладающих умом открытым, демократическим, гибким, способных умно пойти на необходимые уступки и положительно воздействовать на обстановку.

Я подумываю о представителях молодежи, которым будет предоставлена широкая инициатива, о людях решительных и готовых безропотно, безжалостно пожертвовать собой; вполне возможно, что события

примут неожиданный оборот, и Франция окажется вынужденной дезавуировать этих людей.

Решимся ли мы признать, пусть неофициально, большевистское правительство? Если бы мы не были участниками этой комедии, можно было бы посмеяться над тем, что мы не желаем его признавать, что, по крайней мере, допустимо. Но мы упорно игнорируем реально существующее правительство, которое в течение двух недель управляло страной лучше, чем все предыдущие — в течение 8 месяцев, и политика которого окажет огромное влияние на всю мировую политику как военного времени, так и послевоенного.

Под напором масс, которые они вовлекли в борьбу, большевики будут обязаны воплотить, по крайней мере на бумаге, основные положения своей программы. Дай Бог, чтобы союзники не наделали бессмысленных ошибок! Поддерживаемые обществом, Ленин и Троцкий не останутся ни перед каким протестом союзников. Всякая угроза лишь ожесточит их. У нас есть один способ воздействовать на них — направить их политику по нужному пути, смягчить ее последствия, опасные для Антанты, и этот способ — не протест, не демонстрация своего недовольства, не выжидание: это диалог или даже сотрудничество.

Петроград. 12 (25) нояб.

Дорогой друг,

В этих заметках я вкратце излагаю отдельные моменты лишь моих бесед с Лениным и Троцким. Это не значит, что прекратились отношения с другими большевиками и лидерами других социалистических фракций. Вчера я провел вторую половину дня у Гольденберга⁶⁴, меньшевика-интернационалиста, друга Горького, редактора «Новой жизни». Гольденберг считался в союзнических кругах (это ему продемонстрировали во время его недавней поездки за границу) человеком опасным, «сообщником» большевиков. На самом же деле с 25 октября он ведет в своей газете и в других яростную кампанию против Ленина и Троцкого, бывших близких друзей, которых он обвиняет в том, что они погубили революцию и Россию. Он только что вернулся

из Стокгольма, где работал с Гюйсмансом и циммервальдской комиссией. Завтра он едет туда снова, если Смольный выдаст ему паспорт, которого он тщетно ждет уже 10 дней. Он просил меня похлопотать за него, и, разумеется, мою просьбу удовлетворили. Он рассказал мне очень интересные вещи о деятельности, которую развернули в Скандинавских странах Ганецкий⁶⁵, Радек⁶⁶ и Парвус⁶⁷. Вчера и сегодня я вновь видел Церетели и Чернова, которые активно стараются отобрать у большевиков часть их сторонников среди солдат и крестьян. Крестьянский совет, их последний бастион, кажется, вот-вот перейдет в руки противника. Несмотря на отчаянные усилия их лидеров, крестьяне встают под знамя большевиков. Кстати, беседы с Церетели, Черновым и другими антибольшевиками-социалистами, с которыми я теперь встречаюсь, раз от раза разочаровывают меня все больше. Многие из них — опытные парламентарии, ловкие стратеги, трибуны и кумиры, но словесами уже не остановишь мощное и решительное наступление людей, властвующих в Смольном. Чернов же, Церетели и др., похоже, неспособны на энергичный шаг, на революционные действия. К тому же они упустили лучшие моменты, скрывшись из Петрограда при первой опасности. Сегодня — слишком поздно и слишком рано. Их словесные старания не помогают им вернуть себе авторитет, который они растеряли именно из-за того, что не сумели справиться с ролью лидера. Им остается только ждать неизбежного возвращения старых времен. Но сколько ждать — недели, месяцы? И какова будет их позиция в этот период? Сегодня они не могут ощутимо повредить большевикам, а вот Антанте и России могут — саботажем, к которому они призывают во всех учреждениях.

Они демонстрируют непоколебимую уверенность в результатах выборов в Учредительное собрание. Предрекают резкий подъем крестьянского движения против большевиков, в чем, я полагаю, они ошибаются. Вероятно, что в городах кадеты сплотят вокруг себя мелкобуржуазные элементы, служащих, консерваторов, реакционеров и т. д. Но голоса сельского пролетариата должны распределиться между социалистами-революционерами и большевиками. Эсеры же все больше и больше примыкают к большевизму. По основным

вопросам — земля, рабочий контроль, перемирие, мир — согласие полное. Впрочем, если уточнять с помощью конкретных вопросов позицию социал-демократов и социал-революционеров по этим основным пунктам, — люди, подобные Чернову и Церетели, в конце концов признают, что сами, приди они к власти, вынуждены были бы, чтобы не проиграть окончательно, следовать проторенным большевиками путем. Так что с их стороны есть определенное лицемерие в утверждениях, что выборы станут поражением большевиков, поскольку сами они признают, что могут быть избраны лишь, если замаскируются под большевиков. И именно подобного рода открытия позволяют мне сказать союзникам: «Все русские партии, способные взять власть, будут осуществлять с точки зрения интересов Антанты большевистскую политику! Зачем же тогда поддерживать их в борьбе против большевиков? С точки зрения интересов России тактика Чернова и Церетели отличается от тактики большевиков. Но это уже вопросы внутривнутриполитические, представляющие для нас лишь незначительный интерес, недостаточный для того, чтобы решиться поддерживать какую-то одну партию и выступить против другой».

Почему же Церетели и Чернов не идут на союз с Лениным и Троцким? Причины, которые приводят они сами, ничего не объясняют. В действительности же все эти люди знают, что они уступают Ленину и Троцкому как деятели. Знают, что если они войдут в состав кабинета, те их сомнут. Вот почему они согласны сформировать правительство с большевиками, но без Ленина и Троцкого. С другой стороны, они предпочитают оставить за большевиками, которые, кстати, ничего не предпринимают для того, чтобы их привлечь, всю ответственность за нынешние непростые события. Церетели и Чернов хотят немедленного мира и не очень щепетильны в отношении качества этого мира, но предпочитают, чтобы его подписали одни большевики, а они бы сохранили за собой все права протестовать. Они как огня боятся мнения союзников. В каждый миг на их лицах читается единственный вопрос: «Что об этом думают союзники?» Они ненавидят большевиков так же, как некоторые французские радикалы ненавидят социалистов. Они готовы завопить: «Лучше пусть погибнет Россия и Антанта, чем совершится

победа большевизма!» Я говорил, что они призывают к забастовке служащих. Они собственными руками задушили бы Россию, если бы были уверены, что одновременно задушат и большевиков. Я говорил, что они со страхом ловят каждое слово союзников. Это не потому, что они любят их безгранично. Они открыто заявляют, и, может быть, они не во всем ошибаются, что Франция и Англия несут значительную долю ответственности за нынешний хаос. По их словам, именно представители союзников, оказавшие на русскую внутреннюю политику давление, перемежаемое угрозами, тем более опасное, что оно было непонятным, поскольку угрозы были обращены к чаяниям народа, не дали Керенскому вовремя отделиться от кадетов, а позднее помешали формированию необходимого чисто социалистического правительства. Тем самым они усилили недовольство народных масс и постепенно скомпрометировали всех социалистических лидеров, включая Чернова и Церетели. Этим они открыли дорогу большевизму. Чернов и Церетели с нетерпением ожидают конца войны, который лишит большевиков их самого главного козыря и позволит их противникам начать более успешную борьбу по экономическим вопросам, в ходе которой общественные классы вновь восстанут друг против друга, буржуазия против пролетариев, рабочих и крестьян.

Петроград. 13(26) нояб.

Дорогой друг,

Послы союзников, естественно, не отвечают на ноту Ленина и Троцкого относительно переговоров о перемирии и мире.

Я горячо желаю, чтобы союзники ограничились тем, что констатировали бы право повстанческого правительства, не признанного Учредительным собранием, принимать подобные серьезные решения и чтобы они не бросились бы выдвигать обвинения, которых потом не вернешь. Нетрудно представить, в каком состоянии находится сейчас общественное мнение Франции. Наша любимая великая страна, столь многое принеся в жертву, с ужасающей щедростью проливавшая свою кровь, заплатив-

шая в ходе этой войны много больше, чем была должна и по здравому смыслу могла заплатить, столь неосмотрительно отдавая в залог свое будущее не только ради себя самой, но и в пользу более проворных или считающих себя таковыми, и более скупых на свою кровь и свое золото союзников, — бедная Франция, должно быть, в ярости от политики, которая кажется ей настоящим предательством. Нашему правительству нужно быть более хладнокровным при оценке фактов.

Я уже сообщал, и не только я, в каком состоянии уже долгие месяцы находится русская армия. Это состояние ниже всякой критики. Июльское наступление было последней судорогой в агонии, длившейся уже два года. Анархия, неповиновение — повсеместны. Войска потеряли всякую боеспособность, требуют мира любой ценой, в массовом порядке оставляют фронт, грабят, бесчинствуют в тылу и т. д., и т. д...

Где такая армия почерпнет новые силы? Только не в России. Падение производства угля и стали ведет к постепенному закрытию промышленных предприятий и соответственно к общему кризису безработицы. Плохие урожаи, оборачивающиеся страшной проблемой снабжения, транспортный кризис, усугубляющий все эти трудности и делающий практически невозможной необходимую между тем частичную демобилизацию, — вот некоторые из причин, породивших состояние всеобщего недовольства во всех без исключения слоях России, состояние, которое, что бы мы ни делали, может лишь усугубляться до тех пор, пока не наступит мир.

Этого мира армия и народ хотят немедленно. Союзники должны понять, что, нападая на большевиков в этом вопросе о мире, заявляя, что большевики, — потому что они хотят мира, — предатели и иностранные агенты, они одновременно впрямую выступают против всего русского народа.

Так какой же должна быть политика Антанты?

Вновь попытаться заставить русских немедленно возобновить военные действия и оставить всякую мысль о скорейшем мире — значит добиваться невозможного и еще больше оттолкнуть от нас Россию.

У меня есть основания полагать, что Германия пойдет на предложенные ей переговоры. Она будет рассчитывать на то, что вобьет клин между союзниками и Россией, а это было бы для нее победой тем более полной, что

русские, покинутые нами, очень быстро под руководством обладающего организаторским гением противника станут значительной силой. Кроме того, Германия надеется, что перемирие высвободит все еще значительные силы, которые, несмотря ни на что, приковывает Восточный фронт. Наконец, она мечтает, без сомнения, о выгодном для нее сепаратном мире.

Я думаю, — поскольку все больше верю, открыто признаюсь, в честность Ленина и Троцкого, — что у немцев есть серьезные основания считать, что эти два человека не продадут Россию, однако они могут надеяться, что им легко удастся «прокатить» противников, которые любят мир во имя мира и, может быть, недостаточно озаботятся условиями этого мира.

Надежды неприятеля имеют тем больше шансов осуществиться, чем больше мы будем поддерживать по отношению к большевикам нынешнюю активно враждебную или, что хуже всего, выжидательную позицию, которую, похоже, мы настроены вскоре занять. В период действий надо действовать. Уравновесить воздействие немцев на большевиков своим противодействием. Нужно вступать в переговоры. Это нужно было сделать две недели назад, меня возмущают все эти проволочки, которые оборачиваются для французов новыми потерями.

На сегодня я единственный человек, кто поддерживает диалог со Смольным — без официального мандата, исключительно по собственной инициативе. Уже несколько дней беседы с «диктаторами пролетариата» и их помощниками посвящены анализу условий, предваряющих подписание перемирия, и рассмотрению условий сепаратного мира.

Исходя из принципов, провозглашенных русской революцией: мир без аннексий, без контрибуций, с правом народов на самоопределение, — я прихожу к выводу, что большевики с помощью наших советников, при нашей военной поддержке должны выдвинуть такие условия перемирия, затем мира, что немцы или сочтут, что эти сообразующиеся со стремлением к демократическому и честному миру требования для них неприемлемы и прервут переговоры, или — и это фактически определит, насколько они ослаблены, — примут эти условия и заключат с Россией мир, приемлемый для русской революции, то есть благоприятный для союзников и отвечающий их общим интересам.

Мне возражат, что мои рассуждения справедливы, лишь если Ленин и Троцкий искренни в своих целях. Уже две недели я провожу часть каждого дня с этими людьми. Я знаю все их тревоги, надежды, замыслы. Есть эмоции, которые нельзя подделать, и сегодня, как никогда, я имею основания говорить о глубокой убежденности большевистских лидеров. Никогда еще я не видел их такими сдержанными, если так можно сказать о них, людях рассудка, неуклонно продвигающихся по заранее намеченному пути, поддерживаемых и окруженных энтузиазмом рядовых борцов. Это люди выдающихся способностей и воли. Какова бы ни была пропасть, отделяющая их идеологию от буржуазной, с каким бы презрением они не смотрели на мелочные расчеты правительств союзников и противника и на низкие интересы, которые преследуют правящие классы, я убежден, что если мы предоставим им условия, опирающиеся на провозглашенные ими принципы права и справедливости, они сумеют решительно отстоять их и проявить большую требовательность в отношении Германии, чем любые их предшественники.

Я уже предложил им целый ряд условий для заключения перемирия, которые заставят содрогнуться германскую делегацию: продолжение братания и революционной агитации, запрещение переброски войск с одного фронта на другой, проведение переговоров на нейтральной или русской территории, очень невыгодные для немцев военные условия и т. д., и т. д.

Настойчивость, с которой Ленин и Троцкий будут отстаивать эти условия, станет пробным камнем их искренности.

Условлено, что Троцкий будет час за часом извещать меня о состоянии на переговорах и что ни на один из вопросов, поставленных противником, не будет дано окончательного ответа до тех пор, пока мы его не обсудим (разумеется, я буду докладывать о них кому следует).

Нет надобности говорить вам о том, насколько явно недостаточна моя личная помощь, которую я им оказываю.

Следовало бы выстроить четкую, упорядоченную систему дипломатической обороны с последовательным рядом тыловых рубежей.

Но для этого нужны контакты. Когда же мы на них решимся? Когда, без сомнения, будет уже поздно. Союз-

ники в очередной раз потерпят поражение со своей программой оперативных и целенаправленных действий.

Эти переговоры мне представляются замечательным способом революционной агитации или — проще — морального давления на немецкие массы. Условлено, что всякий раз, когда делегация противника будет уходить от рассмотрения или от приемлемого решения какого-либо фундаментального условия демократического и честного мира, Троцкий и Ленин будут публично критиковать недопустимое отношение неприятельских правительств и отмечать в обращениях к немецкому и австрийскому народам двуличность их правительств и их ответственность. Они мне это обещали. Могли и не обещать. Я уверен, что они сдержат свое слово, несмотря на все протесты Вильгельма II, которого эта жестокая процедура не преминет возмутить.

Кто знает, не будет ли вынуждена официальная Германия пойти дальше, чем ей хотелось бы, Германия, с улыбкой собирающаяся на эту встречу, преисполненная презрения к своим оппонентам, утопистам и невеждам? Кто знает, не увидят ли союзники в этой репетиции переговоров долгожданный, как я полагаю, для всех повод внимательнее рассмотреть цели каждого из них в войне? Кто знает, не приблизимся ли мы постепенно по ходу переговоров (большевики настроены их затягивать) к всеобщему миру?

Можно было бы многое рассказать из того, о чем я не могу написать, прежде всего, за неимением времени (я ложусь спать не раньше трех, четырех утра и пишу эти строки, измученный усталостью закончившегося дня и заботами, как решить вопросы, которые встанут завтра) и еще потому, что понимаю, что вне большой очной дискуссии мои аргументы слишком сильно задели бы сознание французов, чересчур отдаленное от современной русской реальности, чтобы верно оценить их значение. Я обещал себе никак не касаться в этих ежедневных записках личной политической полемики. Являясь социалистом, я хочу забыть здесь о своем социализме, оставить его и пользоваться лишь теми аргументами, которые должен признать каждый непредвзятый человек.

В какой мере Троцкий прав, думая, что мирные переговоры прозвучат на всех фронтах похоронным звоном

по войне и что волей-неволей союзники будут вынуждены двигаться в этом направлении? Будущее покажет.

Три года войны, кажется, доказали, что только силой невозможно разрешить поставленные войной вопросы. Не утопия ли еще бóльшие надежды возлагать на силу идеи? Даст ли агитация за мир бóльшие результаты, чем пропагандистская война, вновь начатая союзниками, если им верить, несмотря на сокрушительное поражение, которое потерпели в этой области войска Первой Республики?

Я, разумеется, говорю о нынешнем, на 13 (26) ноября 1917 г., военном положении России, ее союзников и ее противников, а не о каком-то неопределенном периоде прошлой или будущей войны, имея перед собой военную карту, такую, какая она есть, а не какая она должна быть в соответствии с нашими желаниями.

Я уже писал, что в случае провала переговоров большевики объявят революционную войну для защиты завоеваний трудящихся. Я говорил, что не строю больших иллюзий относительно эффективности усилий, которые будут предприняты в этом направлении. Тем не менее, если такое случится, мы должны самым решительным образом поддержать большевиков и помочь им вдохнуть немного физической и моральной силы в развалившуюся армию. Союзнические миссии находятся здесь именно для этого — хотелось бы, чтобы они про это не забывали.

Но что будет являть собой завтрашний день?

Будет ли Учредительное собрание антибольшевистским и будет ли оно в этом случае распущено правительством, которое уже наглядно доказало свое яacobинство? Наконец, если буржуазные и антибольшевистские элементы придут к власти, не вызовет ли эта внутренняя победа рецидив гражданской войны, не доведет ли она анархию до крайней степени и не довершит ли она распад армии? Переговоры имеют то преимущество, что временно закрепляют положение на Восточном фронте. С этой точки зрения они могут быть нам нужны. Срыв переговоров и гражданская война, безусловно, позволят немцам продвинуться вплоть до Петрограда, принудят русских заключить кабальный мир или, по крайней мере, дадут им новые преимущества, с которыми придется считаться в день подведения окончательных итогов.

Дорогой друг,

Я с тревогой жду, какое решение примут союзнические правительства, получив известие о подписании временного русско-германского перемирия. Если, как мне этого хочется, разрыва отношений или отзыва послов, пусть и завуалированного, не последует, надеюсь, что мы решимся, наконец, сменить выжидательную позицию и начать переговоры, по крайней мере неофициальные, со Смольным. На мой взгляд, долг представителей союзников, которые не захотели или не смогли предупредить и предвидеть катастрофу, — отчаянно, до конца бороться за то, чтобы отстаивать интересы Антанты в той мере, в какой это еще возможно. Судя по моим последним беседам с Лениным и Троцким, надеяться на многое уже не приходится. Но как бы то ни было, — и что бы об этом ни думали те, кто после таких уроков, столь жестоких для них и опасных для союзников, все еще отказываются смотреть на вещи реально, — предварительные переговоры о перемирии, видно, уже начались. Верховное германское командование, таким образом, склоняется к переговорам, что, впрочем, не означает, что оно настроено заключить перемирие.

Было бы безумием, на мой взгляд, пока мы еще здесь, пока мы не отозваны нашими правительствами и не изгнаны большевиками, которые относятся к нам все хуже, пассивно и молчаливо наблюдать за начинающейся трагедией.

Повторяю, большевики негодуют по поводу того, что они считают недопустимым вмешательством в их внутренние дела. Телеграмма Клемансо рассматривается как воззвание иностранной державы к русскому командованию и войскам с целью спровоцировать неповиновение приказам Совета Народных Комиссаров. Ограничусь одним примером, характеризующим подобные настроения. Вчера Троцкий заявил мне о своем намерении арестовать господина Бьюкенена⁶⁸, который (у него как будто есть доказательства) не прекращает впрямую поддерживать контрреволюционеров Каледина, Савинкова и др., а также будто бы целенаправленно, путем перечисления средств, помогал созданию Комитета общественного спасения, центра по борьбе против большевизма. Я, как мне кажется, убедил его в нежелательности та-

кого шага в тот момент, когда посольства склоняются начать переговоры.

Очевидно, что нам необходимо, если мы останемся здесь, постараться быть в числе советников при Смольном. Это единственный оставшийся нам способ либо ускорить русско-германские переговоры, либо привести их к минимально невыгодным результатам. Но наша дипломатия должна понять, — а это трудно, — что времени больше не осталось и что нельзя в тишине и бездеятельности дожидаться инструкций, которые неминуемо будут отражением отправленных отсюда панических сводок, скорее всего трехнедельной давности. Что до меня, то я решительно открыто говорю начальству, что я об этом думаю. Представляю, что не всем по вкусу моя позиция, но я пожертвовал своим личным спокойствием. На карту поставлены интересы Франции, и промедление смерти подобно.

Генерал, которого вряд ли можно заподозрить в симпатии к марксистам, склоняется, похоже, к неофициальным переговорам. Похоже, он не сторонник милой для некоторых посольств политики наибольшего зла, плоды которой пожинают в настоящий момент Россия и Антанта. Что касается, собственно, предварительных переговоров о возможном теперь заключении перемирия, то я посылаю с письмом набросанную наспех и несовершенную схему позиций, которую, как частное лицо, разработал вместе с Троцким. Не питаю ни малейших иллюзий о результате этих бесед, которым не хватает веса, поскольку они не могут считаться даже неофициальными. Тем не менее я не прекращаю их, так как считаю, что нужно, не теряя надежды, бороться, чтобы добиться какого-то улучшения в складывающейся для нас ситуации. Веду кошмарный образ жизни. Вокруг меня с утра до вечера происходит слишком много событий, чтобы хватало времени хотя бы для того, чтобы подвести итог дню.

Петроград, 17(30) нояб.

Дорогой друг,

Опасаясь, что будет принято решение о разрыве отношений, против чего я борюсь изо всех сил, я решил направить вчера следующую депешу, адресованную одновременно Альберу Тома и Лушеру:

«Лушеру, министру вооружений, Париж.

Личное мнение. Результат выборов в Петрограде, решение Крестьянского съезда следовать политике большевиков, положительный ответ германского командования на предложение о перемирии временно укрепили позицию большевиков. Разрыв союзников с большевиками в настоящее время означал бы разрыв с Россией. Подумайте обо всех последствиях. Я верю в честность Ленина и Троцкого, с которыми встречаюсь ежедневно и которые обещают, что в ходе переговоров большевики сумеют проявить требовательность по отношению к Германии. „Союзнические правительства, — говорят они, — защищают лишь интересы; русская революция будет защищать принципы“».

Троцкий уже учел и, без сомнений, будет учитывать представленные мною замечания. Он обязуется лично держать меня ежедневно в курсе русско-германских переговоров. Даже в случае разрыва отношений будет неверно оставлять большевиков один на один с неприятелем. А fortiori, если отношения с Россией продолжатся, совершенно необходимо иметь подле большевистской делегации тех, кто будет неофициально защищать русские и союзнические интересы. Не устаю повторять это уже три недели.

Садуль».

Посол, которому генерал показал эту депешу, отказался ее отправить, несмотря на то, что она написана как сугубо личное послание и под мою исключительно ответственность. Не слишком ли — запрещать французскому гражданину, даже если он офицер, связываться по телеграфу, предварительно поставив в известность представителей Франции, с министром, который его об этом просил, и с другом, депутатом, у которого есть серьезные основания для того, чтобы быть достаточно информированным о действительном положении в России? Неужели я не имею права писать о своих впечатлениях Лушеру и Альберу Тома, людям, достаточного уровня для того, чтобы их прочесть.

Я не раскрываю никаких секретов. Я их и не знаю. Исходя из фактов, с которыми все должны быть согласны, я прихожу к выводам, которые нравятся не всем.

С любопытством жду естественного продолжения этого запрета на депешу. Завтра, вероятно, мне запретят писать, говорить и, может быть, думать. Послезавтра меня попросят прекратить всякую связь со Смольным, где мое присутствие должно, очевидно, компрометировать интересы Франции. Однако, если бы я не информировал союзнические круги изо дня в день о действиях и намерениях большевиков и не оказал бы, с другой стороны, спасительного воздействия на Ленина и Троцкого, не обошлось бы без более крупных ошибок, и раз-

рыв, вследствие готовившихся против нас репрессий, был бы уже фактом прошлого. Я не требую проявления благодарности, но умоляю чуть шире понять интересы Франции. Решительно, мне не могут простить того, что я оказался прав настолько, что в последние дни политика, следовать которой я призываю уже три недели, похоже, взята на вооружение теми, кто больше всего надо мной смеялся. Увы, эта политика требует энергии. А энергия, которую я не спутаю с упрямством, товар, который не продают на Французской набережной.

Петроград. 20 нояб. (3 дек.)

Дорогой друг,

Мы продолжаем отрицать, что земля вертится, то есть утверждать, что большевистского правительства не существует. Тем не менее за четыре недели этот миф принес — в самых разных сферах — чересчур реальные результаты, последствия которых мы можем, увы, ощутить уже сейчас или в ближайшем будущем. И они для нас катастрофические. Сотрудничеству, даже неофициальному и сдержанному, мы предпочитаем политику самую неприемлемую. Некоторые представители союзников не только отказываются вести переговоры с большевиками, но и поощряют к активному или пассивному сопротивлению различные политические фракции, гражданских и военных служащих, чиновников, промышленников, банкиров и т. д. Как нетрудно было предположить, эта восхитительная тактика приносит ужасающие результаты. Разумеется, ее конечная цель, которая состояла в том, чтобы за несколько дней свалить большевиков, не достигнута, и теперь мы сталкиваем Россию в политический и экономический хаос, из которого она уже не скоро выкарабкается. И высокопоставленные и мелкие русские чиновники прекрасно адаптируются к такого рода действиям, ведя открытые и «итальянские» забастовки, суть которых в бездействии.

С чувством удовлетворенной лени они саботируют государственные службы, разваливающиеся одна за другой. Дела стоят, вернее, идут все хуже и хуже. Армия, которая, казалось, достигла при Керенском максимальной степени разложения, теперь с каждым днем все

больше «разжижается». Троцкий и Ленин, — по крайней мере они так мне сказали, — настроены решительно восстанавливать то, что они столь же мощно разрушали. Однако будучи несравненными специалистами в разрушении вообще и в антимиитаризме в частности, они, похоже, обладают меньшим талантом — во всяком случае меньшим опытом — в деле восстановления. Эти прирожденные разрушители прекрасно этот факт осознают и зовут к себе на помощь. Они постоянно повторяют, — я об этом много раз писал, — что в случае, если противник не примет революционные условия заключения мира, они прервут переговоры. Они понимают, что, если переговоры будут прерваны, придется возобновить военные действия и соответственно иметь армию. Они отдают себе отчет в том, что одного Крыленко⁶⁹, которого они ценят за его волевые качества при очевидной нехватке технических знаний, будет недостаточно для такой значительной задачи по реорганизации армии. Те же немногие русские офицеры, чья подготовка имеет какую-то ценность, были или убиты, или изгнаны из армии, или сами оставили военную службу, будучи законно недовольными царщей в армии анархией, или же осели в штабах с единственной целью саботировать их изнутри. Наша позиция может быть истолкована (что было бы, очевидно, неточно) так, что мы выступаем за саботаж против реорганизации. Во всяком случае, хотим мы того или нет, наш отказ вести переговоры и соответственно — сотрудничать вынуждает нас безвольно, с замиранием сердца наблюдать агонию России, которой мы как бы говорим: «Можешь тонуть. Мы и пальцем не пошевелим, чтобы тебя спасти».

Следует признать, что, по сути, действия на второстепенных направлениях, поддержка различных наций, очевидно, изначально неэффективны и обречены на провал, если предварительно не будет согласованности между нами и центральным органом, неизбежно большевистским, русским верховным командованием. Мне кажется, что военная миссия это понимает, но, будучи подчиненной посольству, действует в соответствии с получаемыми директивами.

Относительно промышленности столь же грустные известия.

Шляпников⁷⁰ и все те большевики, которые заняты неблагоприятной задачей — реорганизацией экономики

России, с горечью говорят о саботаже со стороны промышленников, банкиров и специалистов. Систематически отказывая в каком бы то ни было содействии (естественно, коль скоро они приняли большевистские принципы, преисполненные желания жить в согласии), они отдают Шляпникова на произвол хлещущей через край демагогии грубого, не обладающего культурой рабочего класса, у которого в основной массе есть только аппетиты. Заметим особо, что в России большинство рабочих в этот период войны являются рабочими неквалифицированными, случайными. Это крестьяне, которые вернутся к земле сразу же после подписания мира, они, стало быть, не заинтересованы лично и непосредственно в процветании своей промышленности, но стремятся лишь побольше заработать и накопить с помощью промышленника и завода небольшие сбережения, которые они надеются привезти с собой в деревню.

Я пытаюсь подвести промышленников и банкиров, тех, с которыми я вижусь, к более здравому пониманию общих интересов и убедить их не уезжать, — а многие на это настроены по причине невероятных трудностей и реальных опасностей, угрожающих их жизни.

По сути, их отъезд привел бы сегодня лишь к усилению анархии, а в будущем — помешал бы им вновь занять свое место, а стало быть, и вновь обрести свое влияние, французское влияние в России. В самом деле, осуществи они свои намерения, они были бы финансово уничтожены, а морально — дискредитированы, место их займут либо некомпетентные рабочие, которые очень быстро приведут промышленность к развалу, либо немцы, чьи агенты по-прежнему стараются осуществить такую замену.

Не подлежит никакому сомнению, что нашу антибольшевистскую деятельность горячо приветствуют те партии, которые стремятся отвоевать позиции у большевиков. Осмотрительно ли разыгрывать карту этих ослепленных злобой партий, озабоченных в первую очередь лишь тем, чтобы добиться своего политического триумфа, и готовых пожертвовать общими интересами России и Антанты, если такая жертва сможет привести их к власти?

Да, я по-прежнему считаю, что большевики все еще могут потерять власть. Я уже писал, что их власть может быть переходной и что любая катастрофа внутри страны — экономическая или политическая — способна

смести их за несколько дней. Вопрос в другом — должны ли мы ждать их свержения (а это может случиться и через многие месяцы) для того, чтобы возобновить сотрудничество с Россией, учитывая, я повторяю, что преемники Троцкого, кем бы они ни были, не могут принять — по вопросу о войне — программу, существенно отличную от той, которой придерживаются большевики.

Троцкий говорил мне сегодня вечером, что его большая надежда на удачное завершение русско-немецких мирных переговоров зиждется на знании немецкой психологии, которое заставляет его сделать заключение, какое я уже сделал однажды в 1915 г. вместе с венскими друзьями.

Немцы, утверждает он, реалисты, люди дела, неспособные поддаваться чувствам. Они давно поняли, что войну им уже не выиграть. В сложившихся условиях международных экономических обменов Германия, страна преимущественно экспортирующая, заинтересована сохранить своих поставщиков и покупателей с большим покупательным и торговым потенциалом. Поскольку военное равновесие уже не может быть изменено в пользу одной из воюющих групп, немцы согласятся на мир, который может быть подписан до того, как истощатся их силы и силы их противников. Тем самым их минует угроза окончательного разрушения Европы, захвата наших рынков стремительно развивающимися странами Азии и, особенно, Америки, не затронутыми, а, наоборот, укрепленными войной.

Как говорил Норман Анжелл, война оказалась великой иллюзией. Немцы это поняли. Сегодня они готовы от этой иллюзии отказаться. Теперь очередь за союзными демократиями принять в ходе мирных переговоров все меры предосторожности — чтобы они привели к разоружению, и борьба между нациями отныне была бы ограничена промышленными проблемами, мирными сражениями за экономическое развитие.

Петроград. 21 нояб. (4 дек.)

Дорогой друг,

Сегодня под вечер я застал Троцкого в состоянии тихой ярости. Мне не было необходимости долго расспра-

шивать его, чтобы выяснить причины этого часто случающегося состояния, которое, я знаю по опыту, выльется в новую акцию против союзников. Только оскорбительные вымыслы, клевета способны вывести из себя этого горячего, но волевого человека. Так и есть, он протягивает мне статьи из газет, радиотелеграфированные Парижем, то есть, замечает он, удостоверенные французским правительством. Ленина и Троцкого называют в них предателями, бандитами, германскими агентами и недоумками. Троцкий говорит, что на худой конец он согласился бы на последний эпитет. Но он не собирается безропотно наблюдать за тем, как на него ежедневно обрушивают потоки грязи.

«Какая низость, — говорит он мне, — этот Клемансо, Клемансо Панамский, Клемансо, замешанный во множестве других грязных историй, этот Пуанкаре, который не один раз принимал под видом гонораров деньги за свою поддержку, оказываемую им крупным капиталистическим обществам, но не как адвокат, а как влиятельный член парламента. Это все те, кто превращают политику в ремесло, за счет которого они живут нагло и «жирно», это все те, кто бессовестно и цинично клеветают или из-за нехватки смелости заставляют клеветать свою продажную прессу на наших товарищей-большевиков. Между тем им известно, что Ленин, я сам, все наши борцы не наживались на своих убеждениях, а страдали за них, что за них они шли в тюрьмы, в Сибирь, в ссылку, рисковали жизнью, сносили унижения и самые чудовищные лишения».

Троцкий вновь сравнивает тут французские газеты и правительство с английскими и американскими. Последние, будучи в политической полемике не менее резкими, чем кто бы то ни было, не делают глупостей и не опускаются до нападок на отдельных лиц.

Решатся ли понять в официальных французских кругах Петрограда и Парижа, до какой степени подобные подлые методы опасны?

Тем самым большевиков еще больше подталкивают на антисоюзнические позиции, способствуя их сближению с Германией. Такова ли конечная цель? Не ясно ли после месяца унижительных уроков, преподнесенных событиями, что так или иначе, но нужно вести переговоры; не очевидны ли просчеты выбранной позиции, быстро и верно ведущей нас к еще более грозным катастрофам?

Перемирие, затем сепаратный мир, заключенный без нас, — это мир против нас.

Без нас. Я не хочу сказать — пусть меня поймут правильно — без вступления союзников во всеобщие переговоры о перемирии и о мире. Просто я допускаю, хотя и не верю в это, что союзники могут быть заинтересованы не участвовать в этих переговорах. Но я не хочу углубляться в этот сложный вопрос о всеобщем мире. Должно быть, только кабинеты Лондона, Парижа и Вашингтона в состоянии сопоставить силы немцев и соответственно союзников, точно оценить пассив и актив каждой группы противников и сказать, может ли американская помощь компенсировать выход из войны России, что будет представлять из себя в таком случае помощь Японии и т. д., и т. п. Однако позвольте мне, по крайней мере, повторить то, о чем я уже не раз писал, о чем я без устали говорю здесь, дабы не оставалось больше иллюзий о возобновлении активных военных действий на Восточном фронте. Необходимо понять, что если какие-то действия и возможны на русском фронте, то вести их может только находящаяся ныне у власти партия. Увы, наши официальные дипломатические представители, вместо того чтобы признать эту истину, продолжают строить замки на песке. Вместо того, чтобы начать переговоры со Смольным, они стараются организовать саботаж большевизма. По нескольку раз на дню возвещают о его крушении. Убеждены, что Учредительное собрание его сметет. Направляют национальные движения (Украина, Кавказ, Польша и т. д.) скорее в сторону антибольшевизма, чем национальной организации. Одним словом, всеми этими акциями, акциями политическими, как раз теми, от которых нам следовало бы отказаться, — мы усугубляем российский застой, а против внешнего противника не делаем ничего. Никакая другая позиция не могла бы быть более на руку немцам.

Мы подталкиваем Россию к миру — сепаратному или всеобщему, — которого она ждет с нетерпением, все более заметным во всех партиях.

Представляю, какое возмущение может вызвать одна только гипотеза, допускающая немедленные переговоры о всеобщем мире. Тем не менее я уже около трех лет убежден, что, поскольку мирные переговоры — это еще не мир, безумно отказываться, более того — безумно не стараться начать диалог, который дает определенные

шансы выйти из войны. И я никогда не мог понять рассуждения политических руководителей воюющих стран, которые сводятся к заявлениям: «Я не буду говорить с врагом, пока он жив». Впрочем, я не собираюсь утверждать, что большинство моих соотечественников придерживается того же мнения, что и я, хотя само по себе оно основывается на здравом смысле. Я просто прошу внимательно изучить ситуацию, прежде чем вновь разражаться руганью и демонстрировать презрение или жалость в ответ на новые предложения, которые через несколько дней будут направлены большевиками воюющим державам.

Можно допустить, что всеобщие переговоры не начнутся немедленно. Однако оправдать то, что союзники все еще не нашли компромисса со Смольным, — невозможно. По причине какого заблуждения оставляют они русских парламентариев один на один с немцами в Брест-Литовске, не командируют в Петроград к Ленину и Троцкому официальных представителей с поручением защищать русские и союзнические интересы? Я по-прежнему один выполняю эту миссию, будучи убежденным, что мое непосредственное начальство видит всю ее пользу, но также и с уверенностью, что посольство самым враждебным образом относится ко всяким действиям, которые, очевидно, полностью противоречат его бездействию или, вернее, его склонностям к действиям иного рода.

В день, когда г.г. Нуланс и Бьюкенен поведут переговоры с Лениным и Троцким, вопрос о перемирии и сепаратном мире окажется чудесным образом отложенным — наши дипломаты сумеют одной лишь силой доводов убедить большевиков выдвинуть против Германии цели революционной войны. Эти революционные цели могут быть приняты империалистической Германией. Именно в этом направлении я и действую и должен отметить определенность предельно точных обязательств, уже взятых на себя в этой связи Лениным и Троцким. У меня есть уверенность, что по основным принципам они не пойдут на сделку со своей совестью и, если потребуется, решатся даже на разрыв переговоров с противником. Если мне удалось добиться этого от них по принципиальным вопросам, несмотря на сугубо личный и чисто дружеский характер моих действий, легко представить, чего можно было бы добиться в каждом конкретном случае, если бы я был официальным представителем

союзников в Смольном и обладал — под руководством и контролем со стороны посольства — всей свободой действий и возможностью гарантировать в ответ на сделанные уступки экономическую и военную помощь союзников. Говорю о себе, потому что я здесь, и мне полностью доверяют люди, с которыми предстоит иметь дело, однако я уже писал о том, кто из французских политических деятелей мог бы, на мой взгляд, быть полезен в этой роли в Петрограде.

Нужно ли продолжать сравнивать то, что делается, с тем, что должно делаться?

Мы по-прежнему ограничиваем наши действия безосновательным утверждением, что Троцкий и Ленин являются марионетками, все нити от которых тянутся в Берлин. Ничего не предпринимается для того, чтобы потянуть за некоторые из этих нитей. А ведь как легко было бы взять их все в свои руки.

Рискуя показаться занятым исключительно культом самого себя, должен отметить, — в том, что касается, в частности, условий перемирия, я поставил все вопросы, которые должны быть поставлены, и заранее убежден, что положения, принятые большевиками, могут быть приемлемы для любого правительства, разумеется, при соблюдении принципа сепаратных действий.

В том, что касается мирных переговоров, которые последуют за подписанием перемирия, — а я полагаю, что оно будет подписано, — я буду действовать в том же направлении, однако нужно понять, что русским будет необходима наша помощь, вся наша помощь, чтобы в этом случае противостоять пропаганде и угрозам со стороны Германии. Будем ли мы упрямяться в своей глупости?

Петроград. 22 нояб. (5 дек.)

Дорогой друг,

Я только что с ужасом перечитал свои вчерашние записи. Жалко несчастного читателя этих аморфных, разрозненных, путаных и неполных строк. Да простит он меня и вспомнит, что строки эти писаны наспех, между двумя и четырьмя часами ночи после неизменно изнурительного дня, и что я в состоянии кое-как запи-

сать лишь некоторые из мыслей, родившихся за день. Пересказывать факты я не хочу. Газеты, официальные телеграммы — исключительно обильный и точный источник информации.

Вчера я писал о мирных переговорах. В самом деле, похоже, что мы должны быть готовы к довольно скорому заключению перемирия.

Я не раз обращался к Троцкому с доводами относительно переговоров о перемирии и мире либо на русской, либо на нейтральной территории.

Троцкий склоняется к нейтральной стране. Он мне уже говорил о Стокгольме, который, как он полагает, в географическом и моральном смысле расположен лучше любого другого города. Нам не следует, однако, строить иллюзий. Большевики с полным презрением относятся ко всякого рода формальностям, им важна лишь суть, и я думаю, что если немцы будут настаивать на том, чтобы переговоры состоялись в Бресте, большевики в отсутствие союзников не станут делать из этого разногласия повод для разрыва.

И вновь я возвращаюсь к невеселой теме: я имею в виду абсолютное непонимание внутривосточной ситуации.

25 октября (7 ноября) реальность, как ее представляли в союзнических кругах, состояла в том, что выступление большевиков не продлится дольше утра, и следовательно, нужно терпеливо ждать тех, кто придет им на смену, тех, кто, как предполагалось, будет столь же воинственным, настроен столь же националистически и просоюзнически и, главное, будет столь же великим организатором, сколь пацифистским, интернациональным, антисоюзническим и разрушительным представлялся большевизм.

Несколько недель ставки с трогательной настойчивостью делались на самых престарелых несущих. После Керенского, Савинкова, Корнилова союзники возлагали всю свою надежду одновременно или последовательно на Учредительное собрание, на сепаратистские национальные настроения в их буржуазном проявлении: Украинская Рада, сибирское, финское, кавказское, калединское казачье правительство и т.д. Так и проходит время — в ожидании спасителя, которого все нет, как ни удивительно. По сути, союзники сами выносят себе приговор своей пассивностью, в то время как события, подобно

вихрю, подхватывают русских и влекут их к скорейшему перемирию, а следом — и к сепаратному миру.

Последние несколько дней большую надежду союзники возлагают на Учредительное собрание. Ясно, что они ничего не предпримут до его созыва. Любопытно отметить, с какой легкостью наши осторожные послы, страдающие прямо-таки фобией активной ответственности, берут на себя разного рода ответственность пассивную. Очевидно, что они не отдают себе отчета в том, что часто опаснее не действовать, чем действовать.

Итак, ждем созыва Учредительного собрания. А если оно не будет собрано? Или будет созвано лишь через несколько недель? И только для того, чтобы констатировать свершившийся факт, не будучи вправе что-либо изменить? Подобные гипотезы лучше не выдвигать в официальных кругах. В самом деле, это вызывает лишнее беспокойство. Хорошим же вкусом считается верить в очень скорый созыв Учредилки и еще верить, что она очень скоро и очень удачно справится со своей антибольшевистской миссией, которую мы от нее ждем.

Допуская, что собрание будет созвано, каким оно будет? Каким будет большинство?

Кадетско-калединским или большевистско-левоэсеровским?

В последнем случае, который весьма вероятен, — учитывая движение, которое все больше крестьян приводит к социалистам-революционерам, социалистов-революционеров к своему левому крылу, а их левое крыло к большевизму, — потерянное нами время будет всего лишь потерянным временем.

В случае, если сложится большинство из представителей буржуазных партий и умеренных социалистов, я полагаю, что большевики найдут тысячу способов помешать созыву Учредительного собрания, отложить его, по крайней мере, до того, как будет подписан мир. Кроме того, если собрание будет созвано во время переговоров, можно ли надеяться, что оно серьезно вознамерится их аннулировать? Полагать так — значит думать, что буржуазные партии настроены возобновить активные боевые действия. Однако, — я писал об этом уже не раз, — глубокое убеждение всех, от правых до крайне левых, едино: России необходим немедленный мир. Следовательно, те самые партии, на которых союзники возлагают столько надежд, безусловно, будут рады

оказаться в ситуации, когда они не смогут дать задний ход, и в глубине души будут признательны большевикам за то, что те взяли на себя тяжкое бремя ответственности за сепаратный мир, которого хотят все русские, но многие побоялись бы его подписать и будут затем его критиковать.

Кстати, в отношении Учредительного собрания позиция Ленина и Троцкого очевидна. Поскольку она одержит верх, и при необходимости — силой, ее стоит знать.

Суть ее проста. Кадеты и оборонцы сошлись с российскими контрреволюционными силами (казаки, Рада и т.д.). Установить их материальное и моральное пособие легко (пропаганда, речи, брошюры, встречи и переписка с главами контрреволюции, пересылка денег, оружия и т. д.). Таким образом, если необходимо, против них будет начат процесс, подобный тому, который вели монтаньяры⁷¹ против жирондистов⁷².

Кадеты и оборонцы стараются использовать в контрреволюционных целях национальные движения, до того поддерживаемые большевиками, подобно тому, как в свое время жирондисты заложили основы и использовали сепаратизм в Нормандии, Вандее и т. д.

Процесс будет большой политической победой большевиков. Они докажут таким образом, что они были правы, отказав в участии в Учредительном собрании противникам, которые взяли в руки оружие и с которыми, стало быть, невозможно что-либо обсуждать парламентским путем. Их нужно судить и вынести им приговор или уничтожить оружием.

Троцкий видит в подобном процессе, на который, как он говорит, он согласится лишь в случае крайней нужды, один недостаток. Он опасается, что массы пойдут по этому пути с чрезмерным энтузиазмом, и тем самым будет положено начало террору.

Во всяком случае, похоже, что ошибочно рассчитывать на поддержку, которую может оказать союзническим целям избираемое в настоящее время Учредительное собрание. Или оно не будет создано, или будет большевистским. Когда же мы решимся начать переговоры с Троцким и Лениным?

Я описал вчера Пати, как только мог красочно, какой непоправимый вред может нанести выжидательная позиция. Вот уже месяц, как наши возможности воз-

действовать на большевиков с каждым днем уменьшаются. Легко понять почему. Они постоянно действуют — без нас, против нас. Мы не могли помешать переговорам о перемирии. Мы не сумеем помешать заключению договора о нем. Если мы в спешном порядке не решимся вмешаться, в скором времени будет поздно помешать переговорам о мире и заключению мирного договора.

Пати начинает понимать. Когда он начнет действовать?

Петроград. 25 нояб. (8 дек.)

Дорогой друг,

Я отдал курьеру, сегодня утром отъезжавшему во Францию, столь толстые конверты, что мне даже немного стыдно вновь братья за перо вечером того же дня, хотя, вернее, — утром. Я вернулся из Смольного, времени три часа утра, и мне следовало пометить эту страницу 26 ноября (9 декабря).

Поздние часы, в которые я пишу свои заметки, должны извинить их пространность (нет времени писать их короче), утомительные повторы, из-за которых их, наверное, трудно читать (не хватает мужества перечитать их самому). Я, кстати, рассчитываю в самое ближайшее время отказаться от этого ежедневного «домашнего задания» и возобновить традицию писать раз в неделю или в полмесяца. Я полагал, что в период революционного оживления, с одной стороны, риск какой-нибудь неожиданности, возможной в кругах, в которых я бываю, делает предпочтительными ежедневные записки, и что, с другой стороны, у впечатлений, записываемых изо дня в день, есть то преимущество, что они вернее передадут читателю ощущение неизбежного хаотического характера событий, чем написанный холодно отчет, в котором с расстояния нескольких дней или нескольких недель легче оценить относительное значение фактов, избежать скорых выводов, более тенденциозных, но более непосредственных.

Сегодня вечером я виделся с Каменевым и Сокольниковым⁷³, возвратившимися из Брест-Литовска. Не буду пересказывать то, что в разговоре с ними касалось

сути русско-германских встреч. Должен быть опубликован очень точный отчет.

О том же, что вокруг переговоров, как раз стоит рассказать.

Прежде всего — теплый прием, оказанный большевистской делегации. Прусские офицеры, естественно, преисполненные самодовольства, принимали представителей русской демократии, к которым, однако, должны были бы испытывать глубокую неприязнь и среди которых были солдат, рабочий, крестьянин и женщина⁷⁴, с любезностью, граничащей с заискиванием. Было очевидно, что генерал Гофман⁷⁵ и его австро-германские спутники получили исчерпывающие инструкции о поведении и хладнокровии. Ясно, что их подготавливали к встрече с феноменами — примитивными, свирепыми и необузданными сумасшедшими. И они были в недоумении, увидев большевиков вроде Каменева и Сокольников, то есть людей, в высшей степени образованных, безупречно воспитанных, уравновешенных и способных серьезно защищать русские и союзнические интересы.

По этому вопросу все члены русской делегации единодушны. Немцы, как, впрочем, и русские офицеры, приданные делегации Иоффе⁷⁶ — Каменева, были убеждены, что мир будет обтяпан в любом случае и быстро. «На наших офицеров, — говорил мне Сокольников, — было больно смотреть. Они ехали в Брест, как бараны на бойню. Они были уверены, что большевики, сторонники мира любой ценой, готовы пойти на самые унижительные жертвы, чтобы добиться этого мира. С замиранием сердца они ехали присутствовать при предательстве своей Родины».

В немецкой делегации готовились провести операцию на два счета и под барабанную дробь. К переговорам было образовано две группы. Первая, военная, должна была за несколько часов подписать перемирие на сугубо военной основе. Другая, дипломатическая, присутствие которой не афишировалось, должна была затем присоединиться к военной группе для обсуждения, после подписания перемирия, вопроса о мирных переговорах и подготовки договора.

Эта вторая группа, понятно, не принимавшая участия в заседаниях, с жалким видом бродила по руинам Брест-Литовска, дожидаясь своего выхода на сцену. В ее состав входили несколько австро-немецких диплома-

тов, в том числе и граф Мирбах⁷⁷, бывший посол Германии в Риме. Ей так и не пришлось появиться в зале из-за позиции, занятой большевиками. Большевики, как я и предсказывал несколько недель назад, решительно стояли на принципиальных позициях, не пошли ни на одну опасную уступку, оставили в недоумении немцев, которые не были готовы к такому проявлению интернационализма и патриотизма, и вызвали восхищение русских офицеров, в частности адмирала Альтфатера⁷⁸, который, как сказал мне Троцкий, «вернулся из Брест-Литовска, — видно, на него снизошла Божья благодать, — большим, в этом вопросе о мире, большевиком, чем большевики».

Условия, окончательно возмутившие немцев, были связаны с:

- 1) эвакуацией с островов Моонзунда;
- 2) продолжением братания в случае заключения перемирия. Решительно, немцы панически боятся демократической заразы;
- 3) распространением большевистской литературы на франко-англо-германских фронтах;
- 4) запрещением переброски войск с Восточного фронта на Западный. По последнему пункту немцы поставили вопрос весьма умело. Они брали на себя обязательство не увеличивать численность войск на русском фронте. Таким образом, сами русские, — поистине парадоксальная ситуация, — были вынуждены заставить немцев удерживать против них больше войск, чем предлагалось немцами. Немцы не преминули с иронией заметить, что они были готовы (и еще как!) оголить Восточный фронт и что русские сами позаботились об интересах союзников, между тем весьма враждебных революционной демократии.

Эти и многие другие условия, которые будут выдвинуты позднее, были, хочу напомнить, разработаны мною, и я буду вновь настаивать, что само собой разумеется, на том, чтобы основополагающие из них русские решительнейше отстаивали на следующих встречах.

Впечатление у русской делегации такое, что первые переговоры преподнесли немцам неприятный сюрприз. Троцкий думает, что немцы, столкнувшись с требованиями большевиков (если эти требования удастся отстоять), откажутся от сепаратного мира, который будет более невыгодным, чем они предполагали, и станут до-

бываться только перемирия, которое позволит им выиграть время и начать на Западном фронте подготавливаемые ими операции. И чтобы нарушить эти планы, новая делегация русских получит приказ самым четким образом поставить принципиальные вопросы, прижать по каждому из них немцев к стене. Каждый раз, когда ответ немцев будет уклончивым или отрицательным, публикация протоколов, с одной стороны, а с другой — обращения Ленина и Троцкого к народам неприятельских государств будут раскрывать злонамеренность и империалистические происки австро-германских правительств.

Петроград. 26 нояб. (9 дек.)

Дорогой друг,

Я рассказал Троцкому о том, что ходит слух о подготовке немцами наступления на Петроград. Говорят даже о точных сроках этой операции — с 6(19) по 12(25) декабря. Троцкий в это не верит. Однако поставит вопрос на заседании штаба. Мы вместе обсудим технические проблемы, возникающие в связи с возможными событиями.

Троцкий все больше верит в удачный исход переговоров. Занятая большевиками в Брест-Литовске позиция серьезно укрепит политическую ситуацию. На мой взгляд, немцы уже не смогут — психологически — начать наступление на Россию, которая публично, перед всем миром доказала свое стремление к демократическому и честному миру. Кажется очевидным, что, несмотря на дисциплинированность немецких войск, ненависть или, проще говоря, инстинкт национального самосохранения уже не вдохновит немецкого солдата, а в сердцах тех, кто окажется вдруг брошенным в эту чисто империалистическую агрессию, может зародиться определенное недовольство. Другой результат Брест-Литовска состоит в том, что союзники, может быть, решатся понять, что коль скоро большевики не предатели и переговоры начаты, следовало бы если не официально участвовать в них, то, по крайней мере, непосредственно следить за их ходом, направить к большевикам советников и подготовиться к оказанию им при необходимости по-

мощи. Парижу и Лондону виднее, стоит ли поспешить воспользоваться, разумеется в интересах всех, представившимся случаем, какой, быть может, еще долго не повторится, чтобы положить конец чудовищному убийству.

Сокольников мне говорил: Троцкий повторил снова, сколь разнообразны усилия предпринимала немецкая делегация, чтобы оторвать Россию от союзников. Она, не переставая, противопоставляла добрую волю, проявленную Германией по отношению к большевистским предложениям, оскорбительной и презрительной заносчивости, выказываемой союзниками к народным комиссарам. Генерал Гофман не раз выражал удивление по поводу настойчивости, с которой русская делегация защищает то, что, по его мнению, является интересами исключительно Англии и Франции. Действительно, что мы делаем? Когда решимся понять, что теряем драгоценное время? Я сделал все, что мог сделать один для того, чтобы хрупкая нить, связывающая пока что русскую демократию и союзников, окончательно не порвалась. Пока мне это удавалось. Но моих усилий в этом деле явно недостаточно. Когда же союзнические круги решатся занять более четкую позицию и действовать в направлении, единственно соответствующем интересам союзников, то есть в направлении сотрудничества с большевиками?

Есть еще безумцы, которые рассчитывают на возобновление гражданской войны. Они делают упор на силы кадетов и оборонцев и в связи со скорым созывом Учредительного собрания собираются поддержать антибольшевистское движение, не замечая, что это движение, если оно провалится, вызовет лишь усиление анархии, от которой пострадают одновременно и союзники, и Россия, а в случае победы — поставит у власти правительство из людей куда менее волевых. Они по преимуществу для нас вопросу вынуждены будут занять в точности большевистскую позицию и одновременно сражаться на внутреннем фронте, последствий чего предвидеть невозможно.

Рассчитывают также на подъем национальных движений (Украина, Кавказ, Сибирь, Финляндия и т.д.). Я не раз уже писал, что Троцкий и Ленин проводят с 25 октября исключительно умелую национальную политику. Предоставив всем народам России абсолютнейшую

свободу определить свой политический, экономический и военный статус, они обратили лицом к России (я имею в виду Российскую Федеративную Республику) те народы, которые ранее ориентировались на Австрию, Германию или Швецию; такая ориентация вызвана была неумелой и недостаточно либеральной политикой предыдущих правительств. Вместо того, чтобы поддержать в этом большевиков, в социалистических, буржуазных и даже чисто реакционных украинских, кавказских и т.д. кругах затеваются интриги с целью превратить эти национальные движения в антибольшевистские. Тем самым наверняка будет приближена гражданская война и охлажден энтузиазм, с каким большевики пока относятся к народам России, которым они хотят дать независимость. В конечном итоге будут ощутимо меньшими результаты действий, в которых мы полностью заинтересованы.

Когда мы чуть позже оглянемся на глупости, которые столько умных людей позволили себе наделать из страха и ненависти к большевизму, мы будем ошеломлены. Увы, будет уже поздно исправлять ошибки, и расплачиваться за их последствия придется не тем, кто их совершил, а России, Антанте и Франции.

Троцкий сказал еще, что единственный военный, член делегации, кто показал в Бресте свою компетентность и силу характера — адмирал Альтфатер. Он спрашивал, не могу ли я назвать ему других офицеров, которые смогли бы с пользой заменить в отъезжающей послезавтра делегации тех, кто присутствует в ней бесполезным балластом. Буду говорить об этом с генералом. Постараюсь также убедить его принять адмирала Альтфатера. Разговор с этим твердым, ясного и волевого ума человеком позволит генералу точнее оценить значение программы, отстаиваемой большевиками, и услышать из более авторитетных уст, какие идеи должны отстоять союзники в Бресте, если они не хотят, чтобы их принесли в жертву.

Петроград. 27 нояб. (10 дек.)

Дорогой друг,

Саботаж в государственных учреждениях продолжается. Это одно из основных препятствий, с которыми столкнулись большевики. Дело поставлено исключительно

но организовано. Как только стало очевидным, что большевики придут к власти, начальство выплатило служащим и себе первый аванс в размере месячного жалованья.

Сразу же после восстания второй аванс и годовая премия были выплачены работникам, обязующимся не служить новому правительству. Таким образом, персонал государственных учреждений был обеспечен, чтобы жить, не работая, по январь месяц. Но это не всё, были приняты и другие меры, чтобы продлить сопротивление. Накануне захвата большевиками центральных учреждений были спрятаны резервные фонды, которые должны пойти также на выплату заработной платы. Наконец, были призваны на помощь антибольшевистски настроенные частные банки, в том числе — утверждают большевики — контролируемые капиталистами Антанты. Полагают, что суммы, которые уже были или будут вот-вот распределены среди служащих, позволят им продержаться четыре-пять месяцев, то есть значительно дольше, чем предположительно большевики продержатся у власти.

Нужно не знать русских и особенно русских служащих, чтобы не понимать исключительный успех такой операции. С восхитительным мужеством смелые функционеры присоединились к движению, которое подарило им долгий и полностью оплаченный отпуск.

Большевики сильно озадачены.

Они уже уволили без пособия некоторое число упрямых служащих. Но этих мер не хватило для того, чтобы заставить вернуться в свои кабинеты большинство забастовщиков. В Смольном рассматриваются более жесткие меры. Прежде всего — национализация банков, что позволит контролировать распределение депозитных фондов и помешает осуществить новые выплаты саботажникам.

Затем будут опубликованы несколько новых декретов, разрешающих мобилизацию на гражданскую службу пожилых служащих и на военную — молодых. И хотя речь идет не об экономической забастовке с корпоративными требованиями, а о политической, поддерживаемой за счет разграбления государственных средств, в руководстве еще колеблются, опасаясь ущемить неотъемлемое признанное право всех трудящихся на отказ от работы. И пока одни бастуют, а другие не решаются сломить сопротивление диктаторскими средствами,

громоздкая административная машина все более разваливается.

Большевики попытались осуществить полную замену недостающего персонала. Но в их распоряжении есть бесконечное количество рук, им же не хватает голов. Они без труда находят вспомогательный персонал. Они легко набрали третьеразрядных клерков и даже рассыльных, но начальников и помощников начальников служб по-прежнему не хватает.

Помощь, оказанная союзниками, их официальными и финансовыми кругами саботажникам революции, вызывает у большевиков негодование.

Здесь я снова скажу: тем хуже для союзников, если помощь, которую они оказывают этому достойному сожалеяния делу дезорганизации, столь велика, как полагают Ленин и Троцкий. Я по-прежнему не понимаю, какую пользу мы надеемся получить, довершая распад российского административного аппарата. Допуская даже, ткнув пальцем в небо, скорое свержение большевиков, — а это мне кажется совершенно невозможным, — и замену их энергичным правительством, настроенным продолжать войну против Центральных империй, нужно учесть, что спровоцированная анархия не закончится в один день и нанесенный вред скажется, в чем только можно.

Когда большевики отмечают целенаправленность наших контрреволюционных действий, саботаж промышленности, большевистской армии, принципы построения которой мы не желаем признавать, но отказываемся даже попытаться ее реорганизовать, когда они видят, что мы неизменно против них и вместе с их врагами на Украине, на Дону, в Петрограде, в Москве, когда они читают оскорбления, расточаемые французской прессой и радостно радиотелеграфируемые им изо дня в день, их сердца переполняются горечью.

Как потом удивляться, что все громче слышны враждебные союзникам призывы?

Ясно, что по отношению к нам большевики допустили величайшие ошибки. Прежде всего их непростительная ошибка в глазах западной буржуазии состоит в том, что они — революционеры. Разумнее ли наша позиция? Разве мы не делаем все, чтобы оправдать эту враждебность и увековечить ее? И уверены ли мы, что однажды, когда, решив попытать свою силу, которую мы продол-

жаем отрицать, большевики разорвут с нами все отношения, так, что ничего нельзя будет поправить, русская общественность не будет в душе с ними, против нас?

Сравним нелепо враждебную позицию друзей и союзников с позицией неприятеля, который льстит русскому самолюбию, с бесконечной осторожностью ведет себя по отношению к представителям всех московских партий, преклоняется перед Смольным и делает ему самые соблазнительные предложения.

Не могу поверить, что наши правительства, коль скоро они обязуют своих представителей выполнять свои директивы и сами следуют им, не взвесили все возможные их последствия. Если мы не хотим вступать в переговоры, если ничего не делается для того, чтобы пощадить самолюбие большевиков, но наоборот — если мы, похоже, изоощряемся в том, как бы их настроить против нас, то ясно, что мы считаем необходимым, неизбежным, благотворным разрыв с ними. Так, по крайней мере, считает Троцкий. Лично я представляю, что если бы мы решились на разрыв, мы бы сделали это более открыто, более достойно и умно, не рискуя будущим.

Если так необходимо, то рвать отношения нужно умело, не ждать, пока с нами разорвут большевики.

Тем не менее сегодня, больше чем когда бы то ни было, мне кажется, что разрыв с большевиками означает разрыв с Россией, крушение нашего влияния, неумолимый и непоправимый поворот России в сторону Германии. Если война не завершится сокрушительной победой Антанты, разрыв позволит немцам осуществить свою восточную мечту.

Аграрная, с нетронутыми недрами Россия, экономически зависящая от промышленной, расположенной по соседству и властной Германии, станет для наших противников сказочной, неистощимой колонией. А за Россией, через Россию, вся Азия широко распахнет двери для германских посланников.

Петроград. 29 нояб. (12 дек.)

Дорогой друг,

В эти дни я вновь виделся с некоторыми из социалистов-революционеров и социал-демократов центра и

правого крыла, с помощью которых я тщетно пытался агитировать за необходимость определенного сотрудничества с большевиками. Хотя это было трудно предвидеть, события в огромной мере оправдывают надежды Ленина и Троцкого.

Когда на второй день после их революции я хотел сблизить их с меньшевиками, Ленин и Троцкий мне ответили: «Потерпите, через несколько недель меньшевики придут сами. Если бы они вошли в правительство уже сейчас, они бы саботировали нашу программу, задержали бы и даже помешали бы осуществлению основных пунктов. В одиночку мы сумели решить или по крайней мере начать решение фундаментальных проблем. Тогда меньшевики могут и прийти. Подталкиваемые к нам общественным мнением, они окажутся под нашим руководством и не смогут уже из-под него выйти».

Обладающие определенным политическим чутьем, эсеры и эсдеки признают сегодня значение политики большевиков и то, что на настоящий момент изменить ее невозможно. Результаты переговоров о перемирии, которые, безусловно, скоро определятся, вероятное скорое открытие мирных переговоров укрепляют позиции Троцкого. И что бы ни говорили на народе, что бы ни писали в прессе, его противники считают, что, в сущности, условия перемирия и мира, предложенные большевистской делегацией, правильные.

Очевидное решение большевиков, неожиданное для многих — заключить только демократический и справедливый мир (которого горячо ожидают все партии всех народов России), — значительно пополнит ряды их сторонников.

В этом главном для нас вопросе войны, а точнее — мира, эсеры и эсдеки, не будучи чистыми пораженцами, безусловно присоединятся к ним, опасаясь потерять поддержку.

То же, очевидно, и по вопросу о земле.

Итак, после открытия — дата которого еще не известна — Учредительного собрания большинство депутатов, нет сомнений, смирится с фактами и тем самым признает эффективность политики большевиков.

В отношении рабочего контроля, национализации банков и т. д. Они также не смогут выступить против

них по сути, но лишь по частным аспектам этих преобразований.

Таким образом, оппозиционные партии могут серьезно столкнуться с большевиками лишь по второстепенным вопросам о свободе печати, о терроризме, об отрицательном отношении к союзникам, а на этих позициях большевики готовы дать впечатляющий отпор.

Стало быть, уже сегодня нужно исходить из того, что если только не случится какой-нибудь катастрофы, и после Учредительного собрания не произойдет смены руководства в правительстве, и даже если Ленин и Троцкий должны будут уступить свое место, то новый кабинет сформируется на большевистских основах и с участием большевиков.

Так зачем упорствовать в отказе от нашего сотрудничества с пролетарскими диктаторами, на которых еще с 25 октября мы могли успешно влиять в интересах России и союзников?

Петроград. 30 нояб. (13 дек.)

Дорогой друг,

Троцкий объявил о признании вне закона и аресте руководителей кадетской партии, явных пособников контрреволюционеров. Союзники получили еще один *casus belli** против большевиков.

Я понимаю, хотя не извиняю, озабоченность представителей союзников. Как говорит Троцкий (не смею отнести это утверждение на собственный счет), почти каждый из этих господ был в своей стране честным буржуа, всякий раз трезвонившим о предательстве еще в мирное время, как только его немощные социалисты боязливо заявляли какой-нибудь протест и предлагали самую невинную реформу.

Самые платонические угрозы социального преобразования приводили их в дикую ярость. И вдруг их забросило прямо в пролетарскую революцию. Они в полной растерянности наблюдают за самыми жестокими и смелыми, самыми торопливыми и глубокими

---

* Предлог для начала войны (лат.).

экспериментами во всех областях. Воздух в России для них невыносим. Они ничего не понимают. Не могут понять. Не могут простить этому несчастному, забитому тысячелетним рабством народу отчаянные, неумелые и восторженные шаги, которые он делает, чтобы завоевать свободу и все свои права. Они могли бы быть ему ненавязчивым помощником, ценным советником, но они предпочитают стоять в стороне. И если бы они действительно оставались в стороне! Но эти честные мужи хотят погасить скандал, ибо русская революция — какое нахальство! — для них вечный скандал. Они забывают, что свойство всякой глубокой революции временно выносить наверх то, что внизу, и опускать вниз то, что наверху. Им кажется, что они оказались в доме, где все вверх дном. Они в ужасе оттого, что их привели в приют для умалишенных, отделение буйно помешанных, и не спрашивают себя, неизлечимы ли эти ненормальные, нельзя ли им помочь, вылечить их или, по крайней мере, поправить их состояние с помощью врачей-союзников. Как и подобает, они считают, что единственные разумные русские — те, которые похожи на них, а именно русские буржуа — кадеты и пораженцы, жалким образом прицепившиеся к кадетам и скомпрометировавшие себя заодно с ними. Они не пытаются узнать, что главное заинтересованное лицо, русский народ, думает об этих партиях. А было бы нужно, между прочим, попытаться.

Так что же сделала эта великая кадетская партия, чтобы заслужить наше доверие? Чему помешала? Что она станет делать завтра? И какой она станет?

Каким будет ее вес на предстоящем Учредительном собрании? Нужно отрицать очевидное, не разглядеть порыва, который подталкивает русский народ к партиям крайнего левого крыла, чтобы не понять, что кадетская партия скоро потерпит поражение.

Когда Париж, Лондон, Вашингтон и т. д. поймут, что мы будем делать глупость за глупостью до тех пор, пока кто-нибудь из демократов не приедет сюда для установления контакта с правящими партиями и не изложит им западное понимание демократии — не ощутив на себе их влияние, которое, следует признать, нам совершенно необходимо учитывать?

Демократам, которые в свое время критиковали французское правительство за антиреспубликанское

поведение блистательных аристократов, посланных представлять Республику за границей, отвечали с видимостью логики, что-де не стоит пугать монархов союзнических держав. Почему же теперь ничего не значит логика, когда речь идет о том, чтобы выбрать представителей республиканской Франции в революционной России? Если бы союзники были представлены в Петрограде — нет, не большевиками (выбор, которым мы располагаем на Западе, до сего времени недостаточно широк по качеству и количеству), но подлинными демократами, представителями социалистического большинства и меньшинства, — они бы оказались более объективно информированными об обстановке, забыли бы обо всех своих страхах, пошли бы на нужные жертвы, и перемирие не оказалось бы уже почти заключенным.

Петроград. 1(14) дек.

Дорогой друг,

В последней ноте, разосланной Троцким в связи с возобновлением переговоров о перемирии, не содержится ничего нового. Я просил его еще раз уточнить в этом документе различные условия демократического и честного мира, единственно приемлемого большевиками. Как всегда он охотно согласился, с улыбкой заметив: «Вы явно хотите меня скомпрометировать». Я не скрывал от него никаких своих целей, и торопливая готовность, с которой, должен сказать, он каждый день принимает мои предложения, — не осмеливаюсь написать «советы», — свидетельствует, на мой взгляд, ярчайшим образом о его доброй воле.

С первых же дней восстания я не переставал повторять, что Ленин и Троцкий кажутся мне людьми абсолютной политической честности. Разумеется, я говорю об их нынешней политике. Не знаю, какими они были раньше. Но мы могли бы положиться на обязательства, которые они взяли бы на себя по отношению к нам, если с ними будет официально начат диалог. Я стараюсь заставить их твердо придерживаться точно сформулированных принципов, чтобы они не смогли ими пренебречь и которые когда-нибудь оградят их от

собственной непоследовательности — а ее неизменно следует опасаться у политиков, опирающихся на необразованные, нетерпеливые народные массы, которые могут пойти дальше, чем хотелось бы этих политикам.

Я почти уверен, что на переговорах произойдет разрыв, если хотя бы одно из трех выдвинутых им предложений — мир без аннексий, без контрибуций, право народов на свободное самоопределение — будет отклонено противником или, что вероятно, принято с такими оговорками, что смысл этого маневра будет всем очевиден.

Когда я об этом говорю, — а я об этом кричу каждый день, — мне смеются в лицо. Я в отчаянии, готов плакать от ярости и ужаса, не потому, что мое самолюбие задето этими насмешками, с которыми знаком любой сторонник передовых партий; тяжело — после месяца упорных и изнурительных усилий — видеть, что все мои призывы наталкиваются на неизменный скептицизм, который ставит преграду любому серьезному делу. На чем основываемся мы, чтобы утверждать, — а мы все еще утверждаем, — что большевики лишь осуществляют план, подготовленный для них Германией, и примут самые позорные условия мира? Ни на чем, меньше, чем ни на чем, ибо сведения, данные специальными службами, до настоящего времени последовательно опровергались самой реальностью.

Тем не менее рискнем ли мы, я не говорю поверить, но только допустить, как предположение, что большевики не согласятся на рабский мир?

Не вижу никаких неудобств в этой позиции. В чем ее выгоды, понять легко. Первое — то, что мы могли бы, наконец, решиться ответить на призыв, который Троцкий и Ленин при моем посредничестве три недели назад направили союзническим миссиям с целью реорганизации русской армии, необходимой на случай возобновления военных действий.

Мне отвечают, что эти люди разложили армию и не могут заслуживать никакого доверия. Разве я собирался отрицать их негативное влияние на положение на фронте?! Но разве их прошлые преступления (!), их сегодняшние ошибки — причина для того, чтобы окончательно оставить один на один с их ошибками большевиков и одновременно русскую армию, то есть Россию и Антанту.

Поскольку Троцкий и Ленин предлагают нам эксперимент по реорганизации армии, не является ли нашим долгом отнестись к нему лояльно?

Петроград. 2(15) дек.

Дорогой друг,

Троцкий сегодня вечером вновь долго говорил мне о необходимости срочно реорганизовать армию. Он понимает, что выдвинутые Германией условия мира будут более приемлемы, если противник будет знать, что в случае прекращения переговоров он столкнется с русской армией, если не грозной, то достаточно сильной, чтобы затянуть его операции, его продвижение вперед, заставить его удерживать на Восточном фронте несколько десятков дивизий. И он не собирается отрицать возможность разрыва на переговорах. Он ничуть не верит в порядочность империалистических правительств, как противников, так и союзников. Он понимает, что представители Вильгельма согласятся на условия русской революции лишь по необходимости, под давлением тяжелого военного, экономического, политического положения у себя в стране, и что они, разумеется, постараются обмануть большевистскую делегацию.

Троцкий, таким образом, осознает, что в определенный момент он может быть вынужден прервать переговоры, провозгласить революцию в опасности и возобновить военные действия. Какими силами? Силами художественно подновленной армии. И он рассчитывает — уже месяц я настойчиво убеждаю его в этом, потому что хочу верить, что *in extremis* наши представители придут-таки в себя, — что союзнические миссии, если возобновятся действия на фронте, будут в его полном распоряжении и выступят против внешнего врага вместе с большевиками, не рассуждая о цвете русского флага. К сожалению, эта относительная реорганизация армии произойдет отнюдь не в ближайшие дни. Кое-кто опасается укрепить положение большевиков, начав сотрудничать с ними немедленно. Возможно. Но не стоит ли пойти на такое политическое укрепление большевиков, коль скоро для всякого трезво мыслящего

человека давно ясно, что оппозиционные партии большевиков со дня на день не свергнут и что в любом случае они одного мнения с ними в вопросе о мире? Вместо того, чтобы поддержать намерение, которое большевики готовы осуществить, — и не смогут его осуществить в одиночку, потому что у них не хватает средств: специалистов, оружия, финансов, — мы помогаем в создании каких угодно национальных армий за исключением главной, кстати, тоже национальной — российской армии. Да, наш долг поддерживать все формирующиеся на территории России самостоятельные вооруженные силы. Но почему не попытаться осуществлять эту работу в контакте с большевиками, которые всегда признавали право российских национальностей на автономию и даже на независимость и которые безо всякого недоверия позволили бы нам помогать украинцам, полякам, казакам и т. д., если бы не чувствовали, что сейчас все эти национальные формирования, обученные и вооруженные с нашей помощью, в частности на Юге, предназначаются для переброски не на внешний фронт, против Центральных империй, а на внутренний, против большевиков? Так — вольно или невольно — мы создаем мнение, что под предлогом помощи в формировании национальных армий скрывается наше желание обеспечить победу контрреволюции. Я не хочу выяснять, какую долю неправды содержит этот поверхностный вывод, я констатирую его и, каким бы несправедливым он ни был, утверждаю, что мы должны его учитывать.

Кстати, нужно сказать, — то, что мы поспешно кидаемся в объятия казаков и украинцев, выглядит тем более странно, что мы ничего не делаем для того, чтобы смягчить недоразумения, разделяющие нас с большевиками, и что единственная армия, которой мы пренебрегаем, — именно армия русская в полном смысле этого слова.

«Как, — говорит мне Троцкий, — мы можем верить, что вы готовы сохранять политический нейтралитет, если видим, что вы активно поддерживаете католическое движение польских легионов, буржуазное движение Украинской рады, контрреволюционное движение Каледина, и в то же время каждый день замечаем, наоборот, вашу непримиримую враждебность в отношении народных комиссаров и их людей? Мы не про-

сим вас соглашаться с нашими принципами. Но разве нельзя договориться по техническим вопросам?» Что могут противопоставить этим здравым доводам правительства союзников, и как объяснить, почему мы упорно стоим все на той же высокомерной, враждебной позиции, — ведь пребывание на ней уже обернулось множеством достойных сожаления последствий, а в будущем оно рискует отозваться последствиями куда более серьезными?

Петроград. 3(16) дек.

Дорогой друг,

Вчера ужинали в отдельном кабинете с Коллонтай, Эшбергом и двумя руководителями шведской большевистской партии — Хёглундом и Чильбумом.

Эшберг, директор стокгольмского Социалистического банка, дружен с Брантингом, но нашей разведкой установлено, что он был посредником в снабжении большевистской кассы немецкими деньгами.

Кстати, не очень симпатичный тип.

Хёглунд и Чильбум приехали в Петроград, чтобы договориться с Лениным и Троцким об организации в скором времени здесь международной Циммервальдской конференции. Замечаю им, что их международная социалистическая конференция будет дублировать приближающийся конгресс. Ничего не хотят слышать. Они с глубоким презрением относятся к центристскому большинству. Несчастный Гюйсманс, прусский агент, по мнению союзников, у большевиков считается жалким социал-патриотом, опустившимся так же низко или почти так же, как Вандервельде⁷⁹, Альбер Тома, Рендель⁸⁰ и Шейдеман⁸¹.

Из чрезвычайно интересного разговора, который у нас получился, я бы выделил сейчас набросанную шведами картину внутривосточной ситуации в воюющих странах.

По их мнению, Германия переживает страшный внутренний кризис. Революция еще далеко. Но гул ее уже слышен. «Меньшинство» предприняло нелегальные акции — распространение листовок подрывного содержания, призывы к бунту, организацию вооруженных

манифестаций, которые вызвали безжалостные репрессии, с каждым днем вызывающие все большее недовольство рабочих. Правительство опасается продовольственного кризиса. В феврале или в марте от немецкого народа потребуют пойти на жертвы, долго которые он выносить молча не сможет. Не хватает сырья. Оборудование ломается из-за отсутствия смазки, резины и т. д. В последние месяцы значительно снизилась производительность рабочих и станков.

В Австро-Венгрии переговоры о перемирии усилили народные выступления; лидеры социал-демократов, за которыми полицией установлена постоянная слежка, полагают, что нужно совсем немного, чтобы возникла революционная ситуация. Если переговоры, начатые большевиками, не приведут к всеобщему или, по крайней мере, к приемлемому сепаратному миру, в самом скором времени можно будет ожидать больших столкновений.

В Италии также усиливается брожение после последних военных событий.

Во Франции — ничего неожиданного. Пролетариат, убаюкиваемый ложью прессы, удерживаемый в полном неведении о большевистском выступлении, размах которого от него скрывают, все еще в спячке. В Стокгольме особенно рассчитывают, что его заставит очнуться жестокость Клемансо, который не преминет, чтобы показать свою хватку и в ближайшее время пойти на какую-нибудь провокацию против рабочего класса.

В Англии — положение Ллойд Джорджа⁸² сильно пошатнулось. Растет недовольство его империалистической и экстремистской политикой. Любопытно, но самую активную кампанию против него, за скорейшие мирные переговоры ведут консерваторы. Он налаживает союз с лейбористами. Самые умеренные из этих последних, в частности Гендерсон⁸³, сближаются с Макдональдом⁸⁴ и другими пацифистами. В скором времени можно ожидать формирования правительства консерваторов и лейбористов, четко нацеленного на заключение мира.

Дорогой друг,

Сегодня днем произошло событие, которое может иметь значительные последствия. После долгих усилий мне удалось организовать встречу г. Нуланса и Троцкого в посольстве Франции. Я добился, чтобы встреча состоялась до парламентского запроса в комиссию по делам России, слушания по которому должны состояться в палате депутатов послезавтра. Полагаю, что этот новый факт станет в нужное время известен парламенту и правительствам. Беседа — в сердечной атмосфере — продолжалась около двух часов. Я присутствовал при ней, на отдалении, соблюдая протокол, сохраняя молчание. Ни одного резкого, ни одного непоправимого слова не было сказано. Поскольку речь идет о дипломатическом мероприятии в старом понимании этого термина, не смею передать ни единого слова из этой беседы, коммюнике о которой, составленное по обоюдному согласию, должно быть, кроме того, завтра в печати. Собеседники расстались, как мне кажется, очень удовлетворенные друг другом. Мост заложен. Пусть лучше поздно, чем никогда. И надеюсь, что это начало — всего лишь начало.

Перемирие подписано. Сепаратный мир — пока еще нет. Мы можем оттягивать его, вероятно, даже до бесконечности, своей неофициальной помощью большевикам, советами по отстаиваемым в Брест-Литовске требованиям и, главное, военной поддержкой, которую мы им гарантируем. Во всяком случае, если мы этого хотим, сепаратный мир может содержать такие условия, что он будет неблагоприятным для нас в такой незначительной степени, в какой этого только можно желать.

Не раз уже я писал о значении психологического фактора. До нынешнего дня включительно большевики слышали от союзников, и особенно от французских лиц, лишь провокационные оскорбления. Сегодня вечером тон изменился. Мы разговариваем. И, без сомнения, будем беседовать. Завтра, может быть, мы поведем переговоры. Я очень этого хочу.

У России и у союзников остались общие интересы. О них забыли. О них нужно вспомнить и их нужно отстаивать. Отныне именно на защиту этих интересов

должны направляться самые активные наши усилия. Думаю, что союзники это поняли и уже не ищут виноватых.

Петроград. 6(19) дек.

Дорогой друг,

В Петрограде оживление после вчерашней встречи народного комиссара по иностранным делам и посла Франции. Знаю, что Нуланс пока что доволен своим несколько запоздавшим отважным шагом. Надеюсь, правительство поймет, что он был полезен, и даст разрешение продолжать тем же путем двигаться ко все более тесному сотрудничеству с большевиками.

Посол получил сегодня выговор от представителей всех союзнических кругов, промышленных и официальных, где начинают ощущать серьезные последствия враждебной выжидательной политики.

Но останавливаться на этом нельзя. Нужно торопиться действовать. Подготовка к мирным переговорам уже идет. Необходимо именно сейчас определить общие принципы, по которым должны предварительно договориться обе делегации, прежде чем перейти к основному этапу переговоров.

Никакой интересной информации о встречах в Бресте сегодня вечером в Смольный не поступало. В единственной депеше сообщается, что делегации с обеих сторон, кажется, настроены на новый и скорый перерыв в переговорах, чтобы вновь обратиться к союзникам с призывом присоединиться к участникам.

Мне не хотелось бы теперь появляться в Смольном без конспекта аргументов по вопросам об аннексиях, контрибуциях, права на свободное самоопределение народов, которые будут рассматриваться в Бресте.

Мои, и только мои аргументы были изложены уже несколько недель назад. Они фундамент моих бесед с Троцким, Лениным и всеми их соратниками.

Вчера утром Ленин и слышать не хотел о встрече в посольстве. Он во всем бесконечно более категоричен, более доктринер, более настойчив, более резкий, чем Троцкий. Он считает, что после презрительного молчания, которым отвечали представители союзников на

неоднократные приглашения большевиков, после всех оскорблений, которые ежедневно телеграфируются из Парижа, первый шаг должны сделать союзники. Я смог его убедить, что большевики, поехавшие в Брест, чтобы вести переговоры с Германией, вполне могут поехать на Французскую набережную, чтобы поговорить с Францией.

Сегодня вечером Ленин, наоборот, с энтузиазмом говорил мне о встрече Нуланса и Троцкого. Он верит в дружеское сотрудничество союзников с Россией и в их скорое появление на всеобщих мирных переговорах. С большим трудом доказываю ему, какая пропасть разделяет его желания от действительности.

Троцкий передал мне первый номер ежедневной русской революционной газеты на немецком языке⁸⁵, ее тираж — сотни тысяч экземпляров, она будет распространяться в немецких окопах. Большевики готовят также целую библиотеку для революционной агитации в Германии.

Кроме того, Троцкий объявил о начале агитационной поездки по лагерям австро-немецких военнопленных некоего венгерского офицера в сопровождении его товарищей-военнопленных и агитаторов-большевиков. Тема их выступлений такова: революция предложила Центральным империям мир, который обеспечит всем угнетенным народам независимость или, по крайней мере, автономию. Если Центральные империи откажутся от такого мира, нужно, чтобы австро-немецкие военнопленные взяли в руки оружие и вместе с войсками большевиков пошли в бой против германского и австрийского правительств.

Петроград. 9(22) дек.

Дорогой друг,

Каждый раз, когда я вижу посла и представителей союзников, я повторяю то, что я ежедневно говорю своему начальству: «Почему оставляют без ответа вопрос, который поставили большевики и уже не раз ставили люди, которые все отчетливее осознают, что оставляя их без всякой нашей помощи, как мы это делали до сего дня и как, похоже, решительно хотим продолжать делать,

мы отдаем их, связанными по рукам и ногам, Германии? По нашей вине германские империалисты смогут с легкостью навязать русским чудовищный мир, который, со всей очевидностью, приведет к политической гибели большевиков, — и в том случае, если они прервут переговоры и пустятся на военную авантюру, обреченную без нашей военной поддержки большевикам на провал, и в том — если они покорно примут позорные, губительные для России и Антанты условия и вызовут тем самым всеобщее негодование.

Почему не протянуть им руку, сказав: «Правительства Антанты не прощают ошибки, которые вы совершили, усугубив разложение армии и начав сепаратные переговоры с противником. Но сегодня вы просите нас о помощи, вы заявляете, что мир, предложенный Германией, не является справедливым и демократическим миром, о котором говорится в программе большевиков, вы провозглашаете священную войну.

Вы говорите, что эта война может быть закончена только с нашей помощью.

Мы заранее уверены, что немецкие условия будут для вас неприемлемы. Следуя своим обязательствам, вы возобновите войну. Будьте уверены, что мы будем на вашей стороне. Вы хотите получить оружие, специалистов, вам нужна общая военная поддержка. Все это мы вам предоставим. Мы обязуемся не вмешиваться в ваши внутренние дела. Мы не ставим для нашей помощи никаких политических условий. Но, продолжив войну, обещайте и вы сражаться против общего противника так же решительно, как и мы, и до тех пор, пока мы не обеспечим всем народам дружеских и враждебных стран право свободного самоопределения».

Какие тайные задние мысли мешают союзникам начать говорить на этом языке, который поймут большевики и все русские?

Питаем ли мы по-прежнему безумную надежду на то, что завтра большевики будут свергнуты, и мы предоставим помощь новому правительству, готовому немедленно прервать мирные переговоры, способному заставить русский народ согласиться с этим решением и вновь свергнуть Россию в войну?

Или же большевики правы, настаивая на том, что постыдные аннексионистские аппетиты Антанты, некоторых народов Антанты, не дают им во всеуслышание

заявить, что они при случае не станут злоупотреблять победой, хотя пока она и маловероятна?

Или же большевики правы, когда утверждают, что западные буржуазные демократии борются теперь против двух врагов: Германии и русской революции, которую они ненавидят и боятся больше, чем Германии, и что они с большим удовольствием позволят Центральным империям победить Россию, растерзать ее и растоптать, чем сделают шаг, который спасет Россию, но вместе с тем будет иметь то отвратительное побочное действие, что оставит большевиков в живых и у власти?

Вокруг я вижу много людей, проникнутых этой слепой яростью. Для них оплошности большевиков, какими бы опасными они ни были для России и для нас самих, кажутся отнюдь не пагубными, но благотворными. Они придерживаются того единого мнения, что уместно не мешать большевизму барахтаться в собственных ошибках и в них утонуть, пальцем не пошевелив, чтобы помочь ему выпутаться. Контрреволюционным и так называемым либеральным партиям предоставляется великолепный случай, чтобы отвратить народные массы от того крепнущего социализма, который у стольких стоит поперек горла и стольким отравляет мечты о будущем.

Война, приведшая к банкротству буржуазной политики, высветившая глупость политиков и недалекость военных, объяснила многим крестьянам и рабочим, что по окончании военных действий стоило бы, может быть, поднатужиться и разрушить старые режимы и на их обломках создать правительство народа и для народа.

Волна социализма неумолимо росла и никогда еще столь серьезно не угрожала имущим классам. Они видят в большевистской направленности русской революции, в зависимости от того, какой оборот примут события, — либо свой смертельный приговор, либо свое спасение. Если большевизм победит, если власть пролетариата окажется способной и достойной жить, как, несмотря даже на ее серьезные ошибки, избежать того, что она будет провозглашена во всех странах и что ее удивительному примеру последуют другие? Если же, наоборот, этот красивый опыт провалится, если завтра капиталисты смогут сказать народу: «Осторожно, смотрите, что наделали русские социалисты! Они предали союзников, они опозорили Россию, они обезоружили страну и отдали ее германскому империализму, они развалили, рас-

строили промышленность и сельское хозяйство!», если такое можно будет сказать, то какую силу, считают тут, будет иметь этот пример, каким непопулярным станет социализм и какую отсрочку получают буржуазные классы!

Я далек от предположения, что государственные деятели, какими бы антисоциалистскими они ни были, были бы до такой степени готовы — либо из-за собственного неприятия идей Маркса, либо из-за стремления сохранить собственное спокойствие — пожертвовать во имя столь безумной ненависти, столь низких эгоистических интересов благом и жизнью наций, судьбами которых они вершат в этот трагический период?

Но почему не отвечаем мы большевикам?

Петроград. 10(23) дек.

Дорогой друг,

Один мой товарищ, прочтя то, что я написал вчера, мне сказал: «Вы неисправимо наивный человек. Если союзники отказываются помогать большевикам, то не потому, что замыслили против существования социалистической революции макиавеллиевские планы, которые вы им приписываете. А прежде всего потому, что дни большевиков сочтены, и было бы глупо, поддерживая опасных анархистов, продлевать их разрушительную агонию и оттягивать приход к власти сильного и настоящего правительства, с которым Антанта могла бы вступить в союз. И еще — и это главное, — потому что большевики — агенты Германии, и они осуществляют план, разработанный в Берлине. Союзники обесчестили бы себя и попались бы в ловушку, расставленную для них предателями, которые ведут сепаратные переговоры с противником».

Я привожу эти доводы только потому, что они восхитительным образом отражают общее союзническое мнение и особенно — официальное мнение в столь жизненно важном и не терпящем отлагательств вопросе, как военное сотрудничество, вопросе, который был поставлен Советами месяц назад и до сих пор остается без нашего ответа.

Я не навязываю свою точку зрения по первому из приведенных мною аргументов. Я уже не один раз повто-

рял, что я думаю о том, как долго могут продержаться большевики у власти, и о том, что я не очень верю, в случае если их свергнут, в ту решительную позицию, которой так легко наделяют возможных наследников Ленина и Троцкого, и не буду возвращаться к этому снова. Большевизм, без сомнения, будет жить еще долгие месяцы.

Но второй аргумент, с которым я встречаюсь ежедневно, стоит того, чтобы его коротко проанализировать еще раз.

Имеем ли мы право говорить, что большевики — агенты Германии и что они готовят предательский мир?

Выдвигая подобные обвинения, мы забываем в первую очередь о том, что стремление к миру было в России всеобщим, характерным для всех классов задолго до 25 октября. Я отмечал это в первых же записках из Петрограда. Бесспорно, что стремление к миру способствовало удивительному успеху большевиков, сразу же вставших на эту платформу, и больше чем любой другой пункт их программы определило их победу. Но не менее очевидно, что оно же в большой степени обеспечило популярность февральской революции.

Русский народ не ждал Ленина и Троцкого, чтобы заявить о своей воле к немедленному миру любой ценой.

Свидетельства товарищей из миссии, которые наблюдают за русской армией с 1917 г., показательны на этот счет.

Стало быть, не Ленин и Троцкий спровоцировали это стремление к миру. Единственное — они им воспользовались как политики и развили его в сознании рабочих и крестьянских масс. И свою пацифистскую деятельность они осуществляли тем более активно, что она — логическое следствие той самой кампании, которую они неустанно вели, начиная даже не с революции, но с 1914 г. и даже еще до начала войны. Добавлю, что они оба вели ее неизменно параллельно, по мере возможностей, во всех странах, союзнических и неприятельских, что Ленина и Троцкого, как нежелательных лиц, изгоняли не только из Центральных империй и нейтральных государств, но и из стран Антанты, и что во время войны Троцкий, после того как он опубликовал антимилицаристскую брошюру, был приговорен в 1916 г. немецким судом к 18 месяцам тюрьмы.

В какой момент их пацифизм перестал быть принци-

пиальным и бескорыстным и стал германофильским и наемным?

Запутанные и противоречивые истории с немецкими деньгами, переданными большевикам, пока еще не сумели убедить меня в нечистоплотности большевистских лидеров. Мне, кстати, так и не удалось получить ни одного удовлетворительного разъяснения у разведывательных органов, которые распространяют все эти обвинения. Они и многое другое распространяют с такой же легкостью.

Зная Ленина и Троцкого так, как я их знаю сегодня, мне стыдно, что приходится защищать от столь низких нападок этих людей, чью интеллектуальную честность и моральную порядочность признают даже их противники, я говорю о тех, кто в свое время боролся вместе с ними и разошелся с ними после начала войны. Тот, кто хотя бы немного знал об их деятельности, об их двадцатилетней борьбе за социалистический идеал, о громадных жертвах, на которые они шли, о полном их презрении к материальным благам, о той сверхскромной жизни, которую они всегда вели и которую они с радостью продолжают вести, находясь у власти — должен отбросить эту клевету, как не имеющую к тому же под собой серьезных оснований.

Предательство, — корыстное, низкое, оплаченное, — я в это не верю.

Ну, а сепаратные мирные переговоры, можно ли их рассматривать как моральное предательство этих аморальных, кровожадных монстров? Могут ли они окончательно дискредитировать этих людей, помешать нам вести с ними переговоры и заключать договоры?

Составляя эти записки, я неизменно стараюсь абстрагироваться от своей партийности. Я не занимаюсь ни философией, ни идеологией, ни агитацией. Я держу в себе свои личные чувства, оставляя их на будущее. Моя задача — информировать. Я стараюсь информировать объективно. Я — очевидец, который видит и рассказывает, или, вернее, судья, не участвующий в процессе, который происходит у него на глазах. Так что я забываю, что я — социалист, и чтобы ответить на этот деликатнейший вопрос о моральном предательстве, оставив в стороне всякий сентиментализм, хочу рассуждать здраво.

До того, как взять власть, Ленин и Троцкий повсюду провозглашали, что они уничтожат буржуазию, до основания разрушат прошлое, постараются взять из социа-

лизма все, что сможет принять сегодняшняя Россия, и зажечь по всей Европе пролетарскую революцию.

Завоевав власть, они пытаются осуществить эти положения своей политической программы, и при этом русская буржуазия, империалистические правительства, терпящие экономическое и политическое поражение, не думают кричать о предательстве.

Точно так же, прежде чем взять власть, Ленин и Троцкий объявили, что, как только они победят, они призвуют воюющие стороны подписать перемирие, собраться на конгресс, подготовить и обсудить мир, условия которого они предварительно определили.

Придя к власти, они осуществляют то, что они много месяцев назад обещали миру сделать. Можем ли мы говорить о предательстве?

«Кого мы предаем? — спрашивает меня Троцкий. — Союзников? Каких союзников? наших? Нет — царя. Наши союзники — пролетарии, которых ни разу за четыре года не спросили, что они думают о войне и о ее продолжении, и которых ни Пуанкаре, ни Вильсон, ни Георг V, ни Вильгельм II не имеют право представлять. Какие обязательства взяли мы по отношению к правительствам, которые разрешают им обвинять нас в предательстве?

Если бы в августе 1914-го русский народ свободно, по своей воле вступил в войну и если бы в декабре 1917-го он уходил «не простившись», он бы вас предал. По крайней мере, этот вопрос стоило бы обсудить и посмотреть, почему — оттого, что народы Антанты одновременно вступили в войну, — война эта должна продолжаться бесконечно под тем предлогом, что какая-то одна из воюющих наций желает ее продолжить против воли и интересов соучастников.

Но в войну вступил не русский народ, а царь, враг народа, чья империалистическая политика, разоблаченная нами, Жоресом⁸⁶ и всеми социалистами всего мира, неизбежно должна была толкнуть Россию в чудовищный конфликт, к которому стремился и который подготавливал прусский милитаризм.

Против царя, против войны совершал русский народ революцию. Он покончил с царем. Он хочет покончить с войной. Мы предупредили союзников, народы и правительства, что мы не согласимся продолжать войну, которая не наша война. Ее начали без нас, мы закончим

ее без правительств и без народов, которые не пожелают услышать, наконец, голос человечества. Мы не хотим сепаратного мира. Мы очень хотим мира всеобщего. Пусть же руководители Антанты приедут в Брест. С их помощью мы сумеем заставить Германию принять почетные условия длительного мира. Если же Германия принять их откажется и если у вас в войне честные цели, мы продолжим войну бок о бок.

Если правительства Антанты не желают ехать в Брест, если пролетариат стран Антанты по-прежнему позволяет безропотно вести себя на бойню, если он неспособен последовать нашему примеру и свергнуть своих палачей, мы одни проведем переговоры о мире и одни заключим его. Вам нравится продолжать войну. Нам хочется заключить мир. Это и есть свободное осуществление права народов самоопределяться в любых условиях своего существования. Предатели не большевики, а западные правительства, предатели по отношению к России, предатели по отношению к своему пролетариату, который они обрекают на разруху, на смерть и на варварство.

Мы взяли на себя двойное обязательство перед русским народом и международным пролетариатом: осуществить социализм и установить мир.

Если бы мы не предпринимали усилий, чтобы выполнить свою программу, тогда бы мы действительно были предателями».

Вот в очередной раз изложенные как только можно объективно и близко к тексту аргументы большевиков. Разве не стоит учитывать их, и если они спорны, то противопоставить им не презрительное молчание, но серьезные доводы?

Петроград. 20 дек. (2 янв.)

Дорогой друг,

Конфликт между Францией и народными комиссарами вновь обостряется. Я это предвидел и предупреждал. Добившись встречи Нуланса и Троцкого, я полагал, что отвел кризис. Не будь этой встречи, он бы вспыхнул мгновенно. Однако встреча не привела к положительным результатам, как это должно было быть, — по вине союзников, которые здесь, в Петро-

граде, извратили содержание беседы, и по вине Парижа, телеграфировавшего коммюнике. Коммюнике, не имеющее ничего общего с тем, которое приняли Нуланс и Троцкий, и неуместно оскорбительное для последнего, с полным основанием считающего себя единственным, полностью выполнившим совместные договоренности.

С другой стороны, Троцкий согласился на эту встречу, инициаторами которой были мы, потому что я дал ему понять, что она подготовит улучшение отношений. Отношения же ухудшились, как никогда.

Гроза разразится завтра утром: Троцкий пошлет в военную миссию ноту угрожающего содержания. В ней он будет требовать:

1. Объяснений по поводу статьи в «Дне»⁸⁷, содержащей обвинения, дискредитирующие большевистское правительство, и представленной как официальное сообщение миссии.

2. Объяснения по поводу деятельности службы пропаганды миссии вообще.

3. Объяснений по поводу деятельности французских офицеров в контрреволюционных кругах Украины, Дона и т. д.

В случае получения неудовлетворительного ответа Троцкий решил отдать приказ о немедленной высылке миссии.

Я надеюсь, по возможности, на честный ответ, который инцидент закроет. Продолжаясь, он опасно обострится.

Поймет ли Париж, что пришло время отказаться от двойной игры? Нужно признать Украину, Финляндию и т. д., если союзники не опасаются, что гербовые бумаги придадут слишком большую силу австро-германо-шведско-финским сепаратным движениям, которые нам отнюдь не выгодны. Что же касается народных комиссаров, то они не станут возражать, хотя некоторые из них, более последовательные интернационалисты, чем остальные, опасаются, что слишком либеральная политика Советов по отношению к российским национальностям, по крайней мере на первых порах, способствует развитию в некоторых районах шовинизма и потому идет вразрез с намеченной целью.

Этот шаг обеспечил бы нам большую свободу, открыл бы возможность действовать официально и соответственно — более эффективно в различных признанных нами

регионах. Но если, признав Украину и Финляндию, мы в то же время будем упорно игнорировать единственную действительно сильную власть, какая существует в России, — большевистское правительство, — в каком тупике мы окажемся? И как раз в тот момент, когда большевики с болью в сердце, но по совести признают двоедушие Германии и более чем когда-либо задумываются о возможном возобновлении военных действий. Не будем строить иллюзий, — вернуть к жизни мертвую армию будет трудно. Троцкий и Ленин понимают это не хуже, чем мы. Вот почему я в очередной раз повторяю: нужно, чтобы они нам доверяли, чтобы они поняли, что цели в войне у нас именно те, которые мы провозглашаем, пусть и туманно, и уже три года не решая их уточнить.

Нужно также, чтобы они знали, что уже сейчас союзники готовы технически и финансово поддержать реорганизацию армии. Они прекрасно отдают себе отчет в том, что без нашей поддержки их усилия, какими бы решительными они ни были, будут неминуемо бесплодны. Для осуществления реорганизации, которую они предполагают провести в два этапа: 1) до прекращения мирных переговоров — устная и письменная агитация за необходимость поддержать с оружием в руках защиту революционных завоеваний; 2) после разрыва — проведение программы реорганизации, им потребуются миссии союзников. За дело они серьезно возьмутся, лишь получив от союзников официальные гарантии. Они пообещали мир, они высвободили тем самым силу явного и скрытого пацифизма русских масс, то есть всей России. Если они не смогут заключить обещанного демократического мира, им придется просить народ продолжать войну. Вот мы и вернулись к тому, что три месяца назад говорил Верховский: «Русская армия хочет мира немедленно. Предложим Германии мир. Зафиксируем ее ответ, который в том или ином виде будет означать отказ дать делу законный ход. Публично доказав аннексионистские и милитаристские аппетиты противника, мы возобновим войну».

Трудная задача. Попытаться ее осуществить с некоторыми шансами на успех могут лишь большевики. Они одни жестоко, но откровенно продемонстрировали свое стремление к миру. Только они и смогут, может быть, убедить людей согласиться на возобновление вой-

ны. Мы не можем и дальше закрывать глаза на реальность. Мы не имеем права рассчитывать на другие партии. Выборы в Учредительное собрание доказывают, что кадетская и оборонческие партии мертвы, по крайней мере на какое-то время. Эсеры получают огромное число мест, не меньше трехсот или четырехсот. Но как они распределятся? В каждом округе избирателям предлагается единый список эсеров — от крайне правых до крайне левых. Значительная группа эсеров-депутатов безусловно поддержит политику большевиков.

В какой степени могли бы мы рассчитывать на эти другие партии? Я постоянно поддерживаю контакт со многими из них. Они заигрывают со мной, так как знают о моих тесных связях со Смольным; не раз группа правых эсеров и меньшевиков просила меня выступить с сообщением о положении союзников и о внешней политике, которую, на мой взгляд, должно выработать Учредительное собрание. До сего времени я откладывал это выступление. В частных разговорах я всеми силами борюсь против распространенного среди эсеров и эсдеков мнения, что в случае срыва брестских переговоров Учредительное собрание должно немедленно попытаться их возобновить. Те из них, с кем я встречаюсь, по сути, — не устаю повторять, — занимают по сравнению с большевиками бесконечно более капитулянтскую позицию. Они куда охотнее, чем большевики, пойдут на уступки по вопросам о Курляндии, о Литве, о Польше и т. д. о праве наций на самоопределение, о разоружении и т. д.

Они выступают против нас, как только мы поддержим большевиков или любую другую партию, решившую возобновить военные действия.

Петроград. 21 дек. (3 янв.)

Дорогой друг,

Совет Народных Комиссаров подготавливает постановления о скорейшей реорганизации армии. Они уточняются — в сторону создания армии добровольцев с высоким жалованьем, образуемой путем отбора лучших элементов из нынешней армии и вербовки еще не мобилизованных граждан.

1. Организация частей прикрытия, формируемых главным образом из фронтовых и тыловых единиц и образующих костяк непосредственной обороны, под прикрытием которой сможет осуществляться демобилизация разложившихся частей.

2. Организация новых частей из мобилизованных гражданских лиц, в короткие сроки обученных в тыловых лагерях, и более опытных бойцов — солдат, красногвардейцев, матросов и т. д. Организация должна быть закончена в три-четыре месяца, под прикрытием русской зимы.

Уже несколько недель я тороплю моих друзей из Смольного начать действовать в этом направлении. Пока никаких существенных практических результатов добиться мне не удалось. Однако ход переговоров заставляет предполагать возможность революционной войны. Троцкий безоговорочно верит в то, что большевики сумеют справиться с этой гигантской задачей. Он из тех, кто никогда не сомневается. Революцию, как он говорит, нельзя победить.

«Народ, который совершил революцию, сумеет пойти на смерть, защищая ее и вместе с ней европейскую социальную революцию, ибо русские предоставят новую армию в распоряжение пролетариев, которые захотят взять власть в свои руки».

Я остерегаюсь рассеивать иллюзии большевиков, и к тому же только будущее скажет, в какой мере их надежды преувеличены.

Людам, как они, перед которыми дел — непочатый край, нужно видеть работу. А когда она готова, соответствует общим, расплывчатым и потому не очень жестким указаниям, какие дают большевики, умелый исполнитель без труда сможет отстоять свои взгляды.

Если бы союзнические миссии были использованы таким образом, они стали более чем помощниками — техническими руководителями, к мнению которых, к величайшему благу России и Антанты, чаще всего прислушивались бы.

Эта важная роль еще может быть сыграна. Об этом нас просили в Смольном вчера. И попросят еще, когда конфликт, столь неуместно возникший между большевиками и миссией, будет исчерпан. Нужно признать, что в этом инциденте наиболее серьезные ошибки допущены с нашей стороны. Если бы в результате нас

изгнали из России, против нас оказались бы все рас- судительные русские — есть таких несколько — и все эмоциональные — а такие русские все. Во всех странах считается недопустимым подстрекательство к заговору и активному вмешательству во внутривластную борьбу. Поспешим же, не демонстрируя чрезмерного самолюбия, дать требуемые от нас объяснения и будем впредь избегать подобных ошибок.

Имея в виду реорганизацию армии, я передал в Смольный основную часть докладов Дюбуа-Крансе и Карно⁸⁸ (хотя они и устарели, в них есть еще то, над чем стоит подумать реорганизаторам русской армии). С другой стороны, хотелось бы, чтобы союзники публично отреагировали на заявления Троцкого о возобновлении военных действий и официально объявили, что мы готовы поддержать новое решение большевиков о защите революционных целей в войне, которые должны быть, по сути, приняты всеми западными демократиями.

Петроград. 22 дек. (4 янв.)

Дорогой друг,

Завтра вместе с русской делегацией в Брест-Литовск предполагает ехать Троцкий. Он хочет обсудить вопрос о месте проведения переговоров (нейтральная территория), по которому, он думает, дело не дойдет до разрыва. Кроме того, он хочет лично оценить действительные намерения австро-германской делегации, в порядочность которой он ни капли не верит. Он надеется, наконец, на месте нащупать настроение германского общественного мнения. Его поездка будет, вероятно, короткой. Кроме того, отдохнуть на несколько дней в Финляндию уезжает Ленин⁸⁹. Вот мы и остались без диктатора.

Троцкий берет в Брест Радека. Он верит в его чрезвычайно живой ум, в его политическую честность и убежден, что непримиримость и принципиальность энергичного и пылкого Радека взбодрят более спокойных и мягких Иоффе, Каменева и других русских делегатов. Участие Радека, австрийского подданного, левого социал-демократа, в брестских переговорах, оче-

видно, вызовет возмущение делегаций противника.

Я попытался умирить то очень сильное и опасное для нас впечатление, которое произвели на Троцкого сведения, полученные в последние дни из Франции и Англии и, вероятно, подброшенные, скорее даже подготовленные австро-германской делегацией, находящейся в настоящее время в Петрограде. Троцкий считает, что между союзниками и Германией официально начаты сепаратные мирные переговоры. Он рассуждает так: союзники, признающие невозможность добиться победы, решили воспользоваться слабостью России, чтобы заключить мир за ее счет и пожертвовать восточными народами, включая Румынию, объяснив затем этот отказ от своих принципов ссылками на предательство большевиков.

Я ответил Троцкому, что если союзники не хотят участвовать во всеобщих переговорах, они, должно быть, еще меньше думают о заключении сепаратных сделок. Очевидно, что если бы Антанта действительно вела параллельные и сепаратные переговоры с Центральными империями, — то есть велись бы одновременно, с одной стороны, русско-германские и, с другой — франко-германские переговоры, — она бы сыграла на руку Германии, которая, опираясь то на одних, то на других, обеспечила бы себе легкий успех и там и там.

Ясно также и то, что союзники, по крайней мере, если они не признают себя побежденными, не могут позволить Германии обеспечить себя на востоке территориальными аннексиями и экономическими преимуществами, которые в более или менее короткий срок дадут ей возможность победить и уничтожить Западную Европу.

Мои аргументы задели Троцкого. Но не убедили. Я считаю, что подобное состояние духа опасно для нас, потому что опасение, что сепаратный мир может быть заключен за счет России, может подтолкнуть русскую делегацию к ненужным уступкам. Троцкий, кстати, заверил меня, что даже если союзники предадут Россию (такая точка зрения может казаться на Западе парадоксом), русские не предадут революцию и будут следовать своим принципам.

Мне бы очень хотелось, чтобы конкретные заявления союзнических правительств доказали большевикам, что их опасения беспочвенны.

Я добился от Троцкого обещания, что он примет Шарля Дюма. Встреча была назначена на вчера. Инцидент с французской миссией настроил его отложить эту встречу. В связи с его отъездом в Брест она откладывается еще. Жаль. Я долго беседовал с Дюма⁹⁰, показал ему кое-какие из моих ежедневных записей. Он уже слышал объяснения нашего посла. Он мог судить, сравнивать, и я знаю, чью сторону он занял. Я был, кстати, в этом совершенно уверен.

Петроград. 24 дек. (6 янв.)

Дорогой друг,

Собираясь ехать в Брест-Литовск, Троцкий говорил мне, смеясь: «Беру вас с собой!» Велик был соблазн проделать это путешествие инкогнито. Но я слишком хорошо представляю, какое негодование это бы вызвало, и не без оснований, поэтому я даже и не думал обращаться к начальству за разрешением на отъезд. Какой бы был скандал! Военные и классические дипломаты из всех людей, похоже, меньше всего способны действовать в современных условиях. Пребывая в плену тесных рамок, самые умные из них не могут понять ни величие, ни глубину явлений, потрясающих мир. Они ничего не знают об идеях социализма, о чаяниях народов, о великом загадочном движении, которое властно, подобно инстинкту, влечет русские массы по самым трудным и запутанным дорогам к чистейшему идеалу всемирного братства. Удивительные события, которые мы наблюдаем, оставляют их в непонимании и растерянности. Они замечают лишь их внешние беспорядочные проявления, ограничиваясь констатацией растущей анархии, и отказываются верить в то, что за этим беспорядком скрыта огромная красота, энтузиазм и будущий новый порядок в человеческом обществе.

Они смотрят и не понимают и поэтому бездействуют, и события развиваются без них, а значит — против них. Вот-вот будет слишком поздно. Единственные, кто в Европе, похоже, в состоянии верно оценить значение русских событий, влияние, которое они неизбежно окажут на весь мир, — это социалисты, больше других приблизившиеся к идеалу, более гибкие, более маневрен-

ные, чем остальные, единственные, кто знает, на каких левых принципах будет завтра строиться Европа, единственные, кто обладает комплексом политических и экономических учений, которые позволят сначала уничтожить прошлое, а затем организовать будущее.

Вот почему, когда официальные лица приходят в ужас оттого, что большевистские лидеры один на один сталкиваются в Бресте с лучшими дипломатами и самыми блестящими деятелями Центральных империй, я стараюсь их успокоить. Я убежден, в частности, что Троцкий способен лучше, чем кто-либо в России, — я не хочу сказать, чем все европейские политики, — достойно защищать новую Россию, и знаю, что, твердо опираясь на великие принципы революции, он легко даст отпор в дискуссиях Кюльманам⁹¹ и Чернинам⁹².

Тяжелые дни. Я часто испытываю отчаяние. Нужно много мужества, чтобы продолжать борьбу после стольких напрасных усилий и обидных неудач. У меня такое впечатление, что мы делаем все возможное, чтобы скатиться в пропасть. Каким полезным могло бы оказаться присутствие здесь нескольких умных, активных, смелых товарищей. Но я один, совершенно один. Я уже говорил, что мое начальство в миссии и в посольстве с интересом выслушивает мою ежедневную новую информацию. Оно признает, что мои советы ценны, и радо, что несколько раз им последовало. Я смог предупредить несколько досадных ошибок. Мои дружеские отношения с Лениным и Троцким позволили не раз отвести серьезную угрозу интересам союзников. Но эти негативные результаты кажутся мне очень незначительными, когда я представляю, какую огромную позитивную работу мы могли бы, и пока еще можем, здесь осуществить. Конечно, возможности уменьшаются по мере того, как разворачиваются события. Однако многое можно было бы сделать или попытаться сделать, и прежде всего:

1. Помочь в создании революционной оборонной армии.
2. Оттянуть подписание русско-германского мира.

Дорогой друг,

Весь день провел у Коллонтай. Уже несколько недель я веду среди большевистских лидеров активную кампанию в пользу создания добровольческой армии. Идея продвигается медленно, с переменным успехом. Она наталкивается на скептицизм, разочарование, на трусость.

Дочь и жена генерала, крестница знаменитого Драгомирова⁹³, Коллонтай — самая страстная антимилитаристка в большевистской партии, какой только может быть женщина-большевик, к тому же еще из семьи военного.

Я подарил ей сегодня «Прощальную песнь», ту красивую гравюру Стейнлена⁹⁴, на которой изображены настоящие солдаты-фронтовики, которые тяжело и торжественно, повинувшись горячей вере, следуют за «Поющей свободой», и сказал, показывая на Победу, молодую и восхитительную, похожую на Марсельезу де Рюда: «Эта женщина, эта Победа — вы. Мир скомпрометирован. Нужно, чтобы вы стали великой жрицей священной войны, чтобы вы выколдовали Красную Армию, которая сначала защитит завоевания русской революции от внутреннего врага, потом — от внешнего. Последние заявления Германии вынуждают Советы продолжать борьбу. Подписать мир, какой готовит Германия, означает предать Интернационал и укрепить германский империализм. Не забывайте, что вы прежде всего интернационалисты, что завтра вам нужно будет дать на Конгрессе отчет о всех допущенных ошибках. Конечно, русскую революцию нужно рассматривать как единое целое, складывающееся из того, что в ней красиво и что — отвратительно. Я представляю, что такое единое целое покажется многим столь же замечательным, как творение, ощутимо неравное, более кровавое, созданное французской революцией. Однако вы бы не выполнили своей миссии, погубили бы ваше творение, если бы, с одной стороны, не обеспечили успех вашего движения внутри России и не следовали бы в полной мере своим социалистическим принципам в ваших переговорах с Германией».

Долгая дискуссия с Коллонтай, которая признает, что я прав, что большевики не могут уступить, что они

должны готовиться к боям. «К несчастью, — говорит она, — не все товарищи так думают. Но ведь это был бы очень красивый конец, смерть в бою. Да, это то, что нужно делать: победить или умереть».

Я знаю, так же как и она, с какими трудностями столкнутся организаторы Красной Армии, хотя речь уже не идет о том, чтобы набрать и обучить несколько миллионов человек и подготовить оружие, необходимое для большой наступательной войны. Достаточно будет разместить по Восточному фронту от 5 до 600 тысяч человек на оборонительных позициях, вынудив немцев держать против них несколько десятков дивизий и тратить силы, которых у них, похоже, уже не осталось. Чего можно опасаться? Взятия немцами Ревеля, захвата нескольких стратегических пунктов, несколько отчаянных рейдов к Петрограду или на Украину. Партизаны могут с небольшими силами нанести им значительные потери и свести до минимума их преимущество. Очевидно, что некоторые изменения на карте войны практически не улучшат положение неприятеля. Россия, огромная экономическая и моральная сила, не станет существенно меньше ко времени всеобщего мира, оттого, что немцы временно занимали то или иное число провинций.

Россия станет завтра державой с замечательным будущим, на которую будет заглядываться Европа. И именно русским можно особенно не опасаться аннексий, которыми им угрожает Германия. Она не может полностью пренебречь уроками прошлого. Иначе ей пришлось бы сильно раскаиваться. Она не решится затеять себе в ущерб новые Эльзас и Лотарингию, потому что этот вопрос будет стоять в 1918 г., а не в 1871 г. и будет затрагивать интересы 15—20 миллионов, а не 1.500.000 человек, и его будет бесконечно труднее решить, чем в первый раз. Может ли Германия полагать, что ей удастся, даже если бы западные державы ей это позволили, ассимилировать, поглотить завоеванные народы? И после этого — как может она надеяться поддерживать отношения добрососедства с униженной и ограбленной ею нацией?

Очевидно, что завтра — экономически и дипломатически — германская политика должна быть политикой сближения с Россией, возможного только, если мир, подписанный обеими странами, будет миром почетным.

Учитывая военные усилия союзников на Западном фронте, немцы к тому же уже не могут нанести на Восточном сосредоточенный удар, чтобы разгромить Россию и принудить ее подписать грабительский мир. Военное сопротивление русских, даже минимальное, даже сведенное к одной Красной Армии, к партизанской войне, будет достаточно, чтобы помешать быстрому наступлению неприятеля и лишить его всякой реальной возможности обеспечивать себя продовольствием и боеприпасами.

Но Красная Армия будет создана и может быть создана только с помощью союзников.

Петроград. 26 дек. (8 янв.)

Дорогой друг,

Диктаторы пролетариата покинули Петроград. Троцкий — в Бресте, Ленин уехал в Финляндию отдохнуть на несколько дней. Пока не похоже, чтобы Россия пострадала после их отъезда.

Оба этих человека — поистине душа революции. Это замечательные люди действия, вожди толпы, каких я еще не видел. Они смогли завоевать и удержать, несмотря на всю клевету, в самых сложных условиях поразительный авторитет. Они обладают в высшей степени всеми качествами и недостатками великих политических и религиозных вождей — железной волей, невероятной выдержкой, восторженной убежденностью, верой, которая сдвигает горы и разбивает все преграды.

Троцкий, человек исключительно живого и гибкого ума, бывает или умеет быть недалеким, когда это нужно, когда он чувствует, что не следует допускать дискуссии, потому что дискуссия — это сомнение, а сомнение командира заканчивается поражением войск. Представляю, что у учеников Лютера, сторонников Робеспьера, старой гвардии Наполеона не было столь слепой веры в их идола, столько почитания, сколько их проявляют по отношению к Ленину и Троцкому красногвардейцы, матросы и рабочие, составляющие главное и прочное ядро большевистских сил.

Троцкий часто рассказывает мне, как глубоко его впечатляют неизменное бескорыстие, абсолютная пре-

данность своему лидеру, которые проявляют к нему его обездоленные друзья, и какую силу придает ему эта любовь. Когда он говорит о своих пламенных и самоотверженных бойцах, его голос, столь часто насмешливый и резкий, смягчается. Самого его охватывает какое-то нежное чувство, какое очень редко заметишь у этого нервного, холодного и желчного человека, чья сатанинская усмешка порой приводит меня в дрожь. Ибо душа Троцкого переполнена горечью, презрением и, могу сказать, ненавистью к правящим классам.

Поистине я убежден, что два этих человека, исключительные, если не великие люди (сам по себе их успех позволит буржуазной куртизанке, как называют историю, назвать их таковыми), действуют сегодня из самых высоких побуждений. Меня часто спрашивают, любят ли, на мой взгляд, Ленин и Троцкий власть ради власти. В том, что касается Ленина, никакие сомнения недопустимы. Власть для него не самоцель, но только средство привести к победе Идею. И мне также кажется, как бы ни было заметно удовольствие, которое испытывает от своей власти Троцкий, что он бы не оставил ее за собой, если бы должен был через нее служить иному, чем большевизму, делу.

Но пришедшие в движение толпы очень быстро разбивали своих самых дорогих идолов. Сколько еще месяцев устоят диктаторы пролетариата? Их может погубить неожиданный поворот событий, кризис транспорта, снабжения, безработицы, разрыв на переговорах и последующее за ним наступление, кто знает, что еще?

Анархия обостряется с каждым днем, и какой бы замечательной ни была способность русских приспособляться к любому беспорядку, к голоду, к страху, недовольство может обернуться катастрофой. Я говорю «катастрофа», потому что все больше убеждаюсь, что внезапное падение большевиков было бы страшной катастрофой для России и для союзников. Нам выпал редкий шанс столкнуться с русскими, которые знают, что хотят, заявляют об этом пусть грубо, но честно. Если мы соизволим, наконец, заметить в их программе то, что выгодно для Антанты, если мы откажемся от вмешательства во внутренние дела, от поддержки контрреволюционных действий, обреченных на провал, если мы прекратим, одним словом, способствовать беспорядку и одновременно попытаемся вернуть большевиков

к буржуазной идеологии, если мы пойдем на то, чтобы увязать наши цели в войне, мы смогли бы иметь большую пользу от этого правительства.

Какими будут те, кто придет после них, вы увидите по их делам. Это будут настоящие русские, непостоянные и разные.

Социал-демократы ли, социал-революционеры, — мы не должны ни в коем случае рассчитывать на них. С точки зрения внутренней политики они долгое время не смогли бы, даже если бы захотели, — а они этого откровенно не захотят, — ничего переиначивать что-либо из сделанного большевиками. С военной точки зрения они склонны возобновить мирные переговоры, если они будут прерваны, и будут неспособны защищать русские интересы с героической решительностью, демонстрируемой большевиками. Засыпав нас красивыми словами, поклявшись нам в своей верности, они без стыда предадут нас при первом же случае. Желая, чтобы будущее поскорее меня опровергло.

Петроград. 28 дек. (10 янв.)

Дорогой друг,

Вчера в Брест-Литовске возобновились переговоры. Теперь, как никогда, большевики вообще и Троцкий в частности явно настроены на то, чтобы их затянуть. В соответствии с общей обстановкой, действительно, все меньше вероятности, что Центральные империи предложат России удовлетворительный мир. Заключить с Россией демократический мир без аннексий и контрибуций, без навязывания экономических условий, обеспечивающих Германии, по крайней мере, на несколько лет положение наиболее благополучной нации, одним словом, заключить на Востоке чистый мир, означало бы вынудить неприятеля либо продолжать войну на западном фронте до победы, которая позволит ему на этом фронте получить территориальные и экономические преимущества, от которых он отказался на восточном, либо принять мир Антанты. Поскольку победа над Антантой, по крайней мере, сомнительный факт, нельзя предполагать, что немцы

уже теперь настроены подписать восточный мир на честных и демократических основах. Следует, таким образом, предвидеть, что они будут настаивать, завуалировав их с чуть большим лицемерием, на своих грабительских предложениях и что они не отступятся от своих претензий ни по вопросам Курляндии, Литвы и Польши, ни от требований по установлении некоего экономического статуса, который бы обеспечивал, с одной стороны, господство ее промышленности на русском рынке, а с другой — направлял бы на ее территории зерно в количестве, необходимом для снабжения голодающего населения.

Чтобы выиграть время, оттянуть выдвижение ультиматума, который поставит большевиков перед жесткой альтернативой согласиться на разрыв на переговорах и попытаться возобновить военные действия или же подписать рабский мир, Троцкий рассчитывает придать дискуссиям, которые теперь развернутся, максимально возможный размах. Он хочет воспользоваться и даже злоупотребить громкой трибуной Бреста. Уверен, что этот необыкновенный человек будет на высоте своей задачи и что Гернин и Кюльман в своей принципиальной позиции будут не раз поставлены им в трудное и даже очень трудное положение. У этой гибкой тактики, кроме того, что она затянет переговоры, есть и другие преимущества. Она как никогда ярко выветит непоколебимое стремление большевиков согласиться только на честный мир, и какими бы ни были усилия Центральных империй, они непременно увеличат разрыв, который, что бы ни говорили представители Антанты, все больше разделяет австро-германские правительства вместе с их империалистической кликой — от либеральных и социал-демократических масс. Действительно, пресса этих партий, как в Австрии, так и в Германии ведет мощную кампанию за русский мир против пангерманского мира. Один из самых удивительных и важных результатов, которого добилась русская делегация своей честной, отважной и прямой позицией, — тот, что в социалистической и даже либеральной прессе неприятеля, с одной стороны, читаешь о неизменном одобрении и поддержке Троцкого, а с другой — немцы все активнее выступают против чрезмерных претензий своих собственных представителей. Вероятно, это уникальный феномен в истории, когда

интеллектуально и численно значительная часть воюющей страны так поддерживает неприятеля, так поносит делегатов, которые должны отстаивать интересы своей нации, и все громче и угрожающе кричит своему правительству и миру: «Наша делегация не права. Прав неприятель. Его, а не наши предложения должна принять Германия».

Невозможно, чтобы это священное германское единство по основному вопросу, вопросу о мире, не вызывало значительного беспокойства у правящих классов Центральных империй. Ясно, я ничуть не верю в неизбежность революции. Но растущий антагонизм между чаяниями и образованных, и угнетенных масс, с одной стороны, и неумеренными аппетитами их хозяев — с другой, способен разбудить всю нацию. Я думаю, кстати, что австро-немецкие делегаты не строят никаких иллюзий относительно опасности той маленькой игры, которую ведут их собеседники в Брест-Литовске.

Не решат ли они, пока не поздно, сжечь мосты и сразу поставить русским ультиматум, — чего именно и опасаются Ленин и Троцкий? И что в этом случае будут делать русские? Я веду в Смольном среди всех лидеров, с которыми я встречаюсь, отчаянную кампанию за сопротивление. Но сопротивление многим представляется крушением обещаний немедленного мира, которые были сделаны три года назад и неоднократно повторялись. Не приведет ли это крушение к краху? А крах — это невозможность продолжать внутри страны великий эксперимент социализма.

Эсеры и эсдеки уже насмеяются над своими противниками, объявляют об их крушении, и, к несчастью, можно не сомневаться, что в случае разрыва на переговорах все эти господа, в которых с непостижимой наивностью по-прежнему верят союзники, сделают все, чтобы помешать формированию Красной Армии. Станут ли большевики — изолированные, опозоренные, окруженные врагами внутри страны и в Антанте — рисковать крахом, отлично зная, что те, кто займет их место, кто бы они ни были, незамедлительно возобновят переговоры и, безусловно, не поколеблются подписать мир, который большевики презрительно отклонили?

Вот та темная туча, которую Антанта могла бы развеять. Для этого, на мой взгляд, было бы достаточно,

чтобы союзники решились конкретно и согласованно определить свои цели в войне. Сегодня, после всех уточнений и последовательных уступок, на которые — увы, запоздало! — пошли союзники в отношениях между собой, мне кажется, лишь три вопроса разделяют правительство Советов и Антанту.

Вопрос Эльзас-Лотарингии, по которому невозможно будет обойтись без плебисцита, если только не произойдет решительной победы. И плебисцит будет провозглашен (благоприятным ли будет, в зависимости от поставленных вопросов, для нас результат или нет) не декларацией Антанты, но на Конгрессе мира. Как не думать, что в этих условиях невозможно будет добиться у Германии удовлетворительной для нас процедуры, хотя мы будем располагать средствами для торговли, — отвратительная вещь и отвратительное слово, — такими, как африканские колонии Германии, франко-английские колониальные владения и Россия? Разве Германия не заинтересована сегодня больше в возможности экономического продвижения на Востоке или в Африке, чем в закреплении своих политических и экономических прав в Эльзас-Лотарингии? Эльзас-Лотарингия представляет собой полтора миллиона населения. Германия рискует своими куда более населенными африканскими владениями. В Эльзас-Лотарингии есть руда и калий. Что это по сравнению со значительными богатствами в недрах России или наших заморских владений? И даже без торгов, поскольку социал-демократы с трудом, думаю, пошли бы на это позорное барышничество, если представляется невозможным обеспечить Франции полное политическое и экономическое владение потерянными в 1871 г. провинциями, нельзя ли представить решение, которое, возвращая нам Эльзас-Лотарингию, в какой-то мере учло экономические интересы, имеющиеся там у Германии?

Вопрос Малой Азии и законных интересов Англии, Италии, Франции, которые могли бы быть обеспечены не путем раздела территории на отдельные сферы влияния, но международной организацией по контролю и экономике.

Вопрос Ирландии, которой Англия, похоже, не сможет более отказывать в определенной автономии.

Колониальные вопросы, «символически» поднятые большевиками, могут быть мгновенно сняты. Троцкий и

Ленин прекрасно осознают трудности, которые помешают серьезным консультациям с населением таких стран, как Индия или Мадагаскар, и понимают, что референдумы, неизбежно проведенные под контролем и влиянием заинтересованных метрополий, не внесут серьезных изменений в положение этих политически необразованных народов.

После такого заявления Антанта могла бы успешно обратиться за помощью к русскому народу и гарантировать правительству, каким бы оно ни было, свою полную поддержку в вооруженной борьбе против Центральных империй за честный и демократический мир.

Петроград. 29 дек. (11 янв.)

Дорогой друг,

Ленин показался мне сегодня вечером усталым и мрачным. Видел его и вчера, после его возвращения из Финляндии. Короткий отдых не улучшил ни здоровья, ни настроения. Лихорадка спала, усталость не исчезла. Но я знаю за этим невероятным человеком столько силы и воли, что вскоре, уверен, он воспрянет.

Положение в стране, естественно, не блестящее. Транспорт работает все хуже и хуже, что все больше обостряет продовольственный кризис, и без того усугубившийся борьбой против Украины, которая отныне не пропускает на Север эшелоны с хлебом. Промышленность день ото дня разваливается. Она лишена сырья с Юга, забойкотирована промышленниками, банкирами и высшим техническим персоналом, с ней не церемонится рабочий класс; необразованный, грубый, он злоупотребляет опасным оружием, которым в его немелких руках является рабочий контроль. Чтобы привести все в порядок, нужен бы умный, энергичный, многочисленный штаб. Однако кадров по-прежнему большевикам не хватает.

Кроме того, Ленин опасается близкого разрыва на переговорах в Бресте. Он признается, что народные движения, предполагаемые в Австрии и Германии, запаздывают дать о себе знать. Недовольство растет повсюду. Революция неизбежна. Но произойдет ли она в нужное время? И в случае прекращения перегово-

ров, что делать? Сопротивляться — какими силами? Создать Красную Армию будет очень трудно, учитывая, с одной стороны, усталость народа, его единодушное настроение, а с другой — враждебную пропаганду правых социалистов-революционеров в крестьянских массах против возможного возобновления войны. Довод у эсеров простой. Большевики окончательно дезорганизовали армию. Восстановить ее уже невозможно. Не стоит даже пытаться. Сопротивление позволит немцам захватить новые земли и навязать чуть позже и при пособничестве союзников условия более позорные для России, чем те, которые противник предлагает сегодня.

Ленин, как и Троцкий, убежден, несмотря на речь Вильсона, которая все же произвела на него благоприятное впечатление, что между Германией и Англией начаты переговоры. Считая невозможным, не дойдя при этом до полного истощения сил, добиться победы, Германия и Англия, похоже, готовы ублажить друг друга экономически за счет своих соответствующих союзников, а территориально и экономически — за счет России, которая будет разделена на зоны влияния и политически задавлена. Империалистические державы — союзники и противники — чувствуют опасность, которую может представлять для них существование на Востоке крупной республики с глубоко социалистическими тенденциями. Пример может оказаться заразительным. Не логично ли, что капиталисты Берлина и Лондона хотят устранить эту опасность, угрожающую будущему, и заставляют себя идти на соглашение, чтобы задавить рождающийся большевизм? — К тому же какой демократ посмеет упрекнуть преданную и загубленную царизмом Россию, встретившую в своей революционной активности сопротивление внутренних врагов, окончательно покинутую союзниками России за то, что она на время уступила грубой немецкой силе и подписала мир, каким бы страшным он ни был. Избавившись от войны, большевики направили бы все свои силы против внутренней и внешней буржуазии, организовали бы Россию и создали в мирных условиях революционную армию, которая затем помогла бы пролетариату Центральной и Западной Европы, в свою очередь, избавиться от старого режима. Вот тогда-то вновь и встанет вопрос о всеобщем мире. Временный мир, подписанный Россией, таким образом, окажется

лишь перемирием, и, кстати, именно так большевики представили бы его России и миру.

Я долго спорил с этой теорией отчаяния, но в настоящее время я не очень рассчитываю на поддержку Лениным нового наступления. К счастью, меня есть кому поддерживать, и я буду продолжать делать свое дело.

Петроград. 30 дек. (12 янв.)

Дорогой друг,

Депеша из Бреста свидетельствует, что немцы нервничают и одновременно настроены агрессивно. Гневный протест, заявленный генералом Гофманом, — этим «бандитом в каске», как говорит Троцкий, — против большевистской и антимилитаристской пропаганды, развернутой Советами не только в прессе, но и в официальных телеграммах, свидетельствует о той нервной обстановке, которую создала среди военных смелая дерзость их оппонентов. Неприятель также отдает себе отчет, — что бы ни говорили скептики из Антанты, — в революционном значении братания, все более распространяющегося, несмотря на установленный немецким командованием на позициях санитарный кордон. Большевистские принципы чрезвычайно заразительны, и наши противники справедливо опасаются, что зараженные большевистской бациллой солдаты, эвакуируемые с русского фронта, перенесут болезнь на франко-английский фронт.

Расчетливое негодование генерала, представляющего в Бресте как никогда сильную партию Гинденбурга⁹⁵, несмотря на смягчающие речи осторожного Кюльмана, «этой бюрократической каналы», — тоже слова Троцкого, — контрастирует с почти подобострастной предупредительностью, которую блюли до последнего времени австро-немецкие представители в отношении к пролетарским делегатам.

Натура берет свое. Немцы поняли, что одними только убеждениями не склонить большевиков согласиться на их чудовищные цели в войне. Они стали размахивать кулаками и угрожать. Им легко угрожать. Лучшие козыри у них на руках. Большевики должны

противостоять колоссальным трудностям. Все, что еще есть ценного в армии, направлено на восстановление порядка внутри страны. Союзники же, с другой стороны, изо дня в день твердят, кричат на весь мир, что им безразличны переговоры в Бресте, что они ни за что не будут помогать предателям-большевикам. Немцы в высшей степени рады таким заявлениям, появление которых лишь отражает мрачную ситуацию. (Мы оставляем большевиков, то есть, нельзя об этом забывать, всю Россию, на их произвол). Они ею воспользуются, можно быть уверенным. Хорошо бы даже, если бы они ею злоупотребили. В самом деле, было бы куда опаснее, если бы у Германии хватило мудрости предложить даже не справедливые и демократические условия мира, но хотя бы почетные. К счастью, quos vult perdere Jupiter, dementat*. Большевики, Россия, народы Антанты поймут, что такое мир по-пангермански. Однако не лучше ли помешать этому миру? Каким бы позорным он ни был, результатом его окажется то, что, по крайней мере, на несколько месяцев у Центральных империй будут развязаны руки в войне против Антанты, что они получают возможность возобновить с Россией выгодные экономические отношения, и сам мир может быть представлен народам Австро-Германии как первая победа, предзнаменование счастливого и скорого выхода из всемирного конфликта.

Петроград. 31 дек. (13 янв.)

Дорогой друг,

Здесь с признательной симпатией комментируют замечательную и умную речь Вильсона⁹⁶. Дань уважения, которую президент Соединенных Штатов выразил идеализму большевистских принципов, дружеский тон его обращения удивляют и льстят самолюбию людей, на которых Антанта с отчаянной беззаботностью ежедневно выплескивает ушаты грязи.

То, что им больше всего нравится в этой сенсационной речи, которая оскандалит здесь многих союзнических представителей, это то, что она написана со

---

* Кого Юпитер захочет погубить, того он лишает разума (лат.).

всей искренностью страстным демократом, не социалистом, конечно, но способным увидеть красоту мечты русских революционеров.

Решатся ли теперь английское и французское правительства пойти, наконец, по пути, проторенному Вильсоном? Только этим путем можно прийти к сотрудничеству, чрезвычайную необходимость которого должен в этот час понимать каждый. Согласятся ли они с признанием хотя бы чистоты намерений, если не значения достижений большевистских лидеров? Согласятся ли они присоединиться к условиям мира, определенным Соединенными Штатами? Страшно понимать, что после трех с половиной лет войны державы Антанты еще не пришли к согласию о целях, которые они преследуют.

Петроград. 1(14) янв.

Дорогой друг,

Раковский⁹⁷, большевистский агитатор, вернувшись недавно с Юга, привез тревожные для Советов новости.

По его словам, румынское правительство ведет тайные переговоры с Германией. Поскольку брестские переговоры лишили его всякой надежды получить австрийскую Трансильванию, оно якобы готовит оккупацию русской Бессарабии, которую Центральные империи ей охотно уступят. Учитывая состояние русских армий, оккупация пройдет легко, тем более что ей будут способствовать бессарабские помещики, готовые броситься в объятия кого угодно, — австрийцев, немцев или русских, — лишь бы их освободили от Советов. Патриотизм этой крупной буржуазии действительно находится на уровне земли. Он не помешает им предать русскую родину, чтобы сохранить свои привилегии и поместья. Подлый материализм, который проявляют правящие классы Бессарабии, Украины и Финляндии, способен подтвердить правильность пресловутой поговорки: «Родина — это там, где нам хорошо».

Угроза оккупации Бессарабии может ухудшить австро-румынские отношения. Но куда больше большевиков поразило презрение, с которым румынское командование относится к русским войскам. Оно отказывается поддерживать связь с избранными командирами, с солдатскими комитетами; оно препятствует свободному передвижению русских частей.

49-я русская дивизия, возвратившаяся с передовой, была окружена румынами. 194-й полк — разоружен. Фураж и часть продовольствия 49-й дивизии были румынскими войсками конфискованы. Большевиков арестовывают и расстреливают.

В качестве ответной меры Совет Народных Комиссаров отдал вчера приказ об аресте румынского посланника Диаманди, которого я накануне предупредил. Это

недопустимое покушение на личность одного из их коллег вызвало бурную реакцию среди дипломатов, аккредитованных в Петрограде. Сегодня днем они в полном составе направились в Смольный и потребовали у Ленина освободить Диаманди⁹⁸ из-под ареста.

Ленин, которого я видел этим вечером, заверил меня, что завтра же просьба европейской дипломатии будет удовлетворена. Его сильно потешает, с какой поспешностью дипломаты, молодые и старые, союзные и нейтральные, до сего времени с возмущением отвергавшие малейший контакт со Смольным, вмешались в дело. Он не ожидал такого торжественного приема в день Нового года и с улыбкой говорил мне, что до сих пор взволнован, что разом увидел столько благородного люда. Он с иронией пожалел, что послы, проявляющие такую прекрасную инициативу, когда нужно защитить привилегии их благородной корпорации, не поступают таким же образом, когда речь заходит всего лишь о том, чтобы пощадить интересы своих правительств и не допустить пролития крови своих солдат.

Петроград. 5(18) янв.

Дорогой друг,

Сегодня днем в лихорадочной обстановке в Таврическом дворце открылось Учредительное собрание. Вооруженные солдаты и матросы шумно патрулируют роскошные галереи дворца. Депутаты будут находиться под их неусыпным надзором.

Подавленная, нервничающая оппозиция выглядит жалко. Ни одного красивого жеста, ни одного возвышенного слова. Никакого мужества, никакого напора. Пусто, мертво, никак. Чернов, избранный 244 голосами против 153, поданных за Спиридонову⁹⁹, председателем собрания, произносит длинную декламационную, пустую, осторожную речь против большевистской тирании. Программа, предложенная им, с некоторыми формальными оговорками, практически схожа с программой правительства. Единственное — он предлагает вместо большевистской «вся власть Советам» формулировку «вся власть Учредительному собранию». Внимательно выслушивают Церетели, единственного меньшевика, ко-

того как политика признают Ленин и Троцкий. Его критика большевиков благородна, тверже, чем критика Чернова. Но по вопросу о войне, о мире, по основным вопросам, Церетели, Чернов и другие не осмеливаются открыто разойтись с большевиками. Они утверждают, говоря о внешней политике, что хотят обратиться к союзническим правительствам, созвать международную социалистическую конференцию, ратифицировать программу Циммервальда. Но не разрывать перемирия. Они будут продолжать мирные переговоры. Тогда?

Позавчера меня пригласили на заседание депутатов от правых и центральных с.-р. и с.-д. Я, как подобало, заклеил их позорную и неискреннюю позицию. Имел с Рудневым¹⁰⁰, московским руководителем, бурную дискуссию: он признался, что его партия ни за что не будет помогать большевикам в возобновлении войны. Сегодняшнее заседание подтверждает все мои опасения, доказывает правильность всей моей критики.

В перерыве большевики и левые эсеры покинули зал заседаний, протестуя против позиции большинства, не согласившегося немедленно одобрить декларацию, подготовленную Центральным Исполнительным Комитетом Советов, провозглашающую права русского народа и поддерживающую политику Советов.

Шумное ночное заседание впечатлило не больше предыдущего. Около пяти часов утра какой-то матрос обратился к Чернову: «Охрана устала. Пора кончать заседание»¹⁰¹. Сбитый с толку Чернов что-то пробормотал, начал вяло препираться с моряком, и после зачтения нескольких декретов Учредительное собрание, растеряв чувство собственного достоинства, трусливо, не смея протестом заклеить насилие, осуществляемое против законного представительства народа, повиновалось приказам матроса.

Учредительное собрание, вероятно, существовало всего одно утро. Этих нескольких часов с лихвой хватило, чтобы показать его бессилие и слабость его руководителей.

Одна из состоявшихся днем манифестаций в поддержку Учредительного собрания наткнулась на баррикады красногвардейцев. Произошла перестрелка. Около двадцати манифестантов были убиты.

Дорогой друг,

Центральный Исполнительный Комитет принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Вот и рассеялись последние иллюзии союзников, которые, планомерно упрямясь в своем ослеплении, упорно возлагали все свои надежды на Учредительное собрание.

Это заседание ВЦИК было исключительно интересным. Ленин выступил против Учредительного собрания. Он напомнил, что его члены были избраны по спискам, составленным еще в сентябре, то есть еще до большевистской революции. В эсеровском списке, к примеру, правые и центральные эсеры, союзники буржуазных партий, числились вместе с левыми эсерами, сторонниками большевиков. В связи с этим избиратели были лишены возможности осуществить свой выбор. Чтобы его узнать, потребовалось бы провести выборы заново. Но зачем? Учредительное собрание — изживший себя орган, плохая копия буржуазных парламентов, потерпевших крушение во всей Европе.

Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, наоборот, представляют все трудящиеся классы и являются подлинно демократическими органами, единственными в состоянии, в благоприятных условиях, повести народ на борьбу с правящими классами, победить их сопротивление и подорвать основы капиталистического общества.

Отказываясь голосовать за декларацию прав народа, предложенную ВЦИК, Учредительное собрание показало свою враждебность народным массам и выступило против Республики Советов. Оно само приговорило себя к исчезновению.

Власть Советов должна быть действительно неделимой. Советы, самое важное из творений революции, быстро развивались после февраля 1917-го. Ограничивая вначале свою деятельность контролем над правительством, они показали в октябре, что они способны сами взять власть. С тех пор они обеспечили подлинную власть народа. Это действительно единственная политическая система, которая позволяет осуществлять надзор, постоянное сотрудничество избирателей с их избранниками.

Этот тезис, — я его хорошо знаю, — развернут Ле-

ниным с большой силой. Я все больше нахожу в нем некоторые основные идеи, которые уже долгие годы отстаивает кое-кто из французских синдикалистов. Политические и экономические права трудящегося проистекают в меньшей степени из его качества гражданина и больше из его качества производителя. Они должны, таким образом, предоставляться человеку не как таковому, а человеку, обладающему общественной значимостью, и только ему.

Мне было бы любопытно узнать, что думают об этом расширенном применении знакомых им идей Шарль Альбер, Мергейм¹⁰², Грифьюэльз¹⁰³, с которыми, помню, мы обсуждали эту занимавшую нас проблему.

Конечно, советская система представляется бесконечно превосходящей ту парламентскую систему, которую мы знаем. Она создает более прямое представительство, более эффективное руководство общественными делами. Это центростремительная система. Действия идут от периферии, то есть от народа, к центру, то есть к избираемой ассамблее.

Наша центробежная система, очевидно, не столь абсолютно демократична.

Советский режим более действенный, гораздо более глубоко народный, более способный удовлетворить чаяния масс, более живой и гибкий. Но у всех этих преимуществ есть своя обратная сторона. Советский режим предполагает, как мне кажется, относительно развитую политическую и социальную культуру рабочих и крестьян. При отсутствии такой необходимой подготовки он рискует, еще легче, чем буржуазный парламентский режим, склониться или к анархии, или к тирании горстки людей. Люди же, за которыми слепо идут необразованные массы, движимые только аппетитами и чувствами, могут сохранить свой авторитет, или вернее, могут сохранить власть лишь в той мере, в какой они будут последовательно соглашаться на уступки, более или менее значительные, пролетарским аппетитам и чувствам.

Хватит ли таких железных людей, как Ленин и Троцкий, на эту тяжелую задачу? Допуская, как гипотезу — они, победив внутри страны своих политических противников и устранив опасность извне, которая угрожает им со всех сторон, победят ли анархию? Сумеют ли они, с другой стороны, избежать опас-

ности выдавать непомерные обещания в период роста этого народа-ребенка?

Опыт, осуществленный Лениным и Троцким, бесконечно более трудный, чем тот, который могли бы поставить в этой же области французские, английские или немецкие социалисты. Действительно, в этих трех странах элита рабочего класса и крестьянских масс обладает бесконечно более передовой политической культурой, чем русский народ. Она обеспечивается сотрудничеством с ними значительной части современных технических работников, инженеров, промышленников, агрономов, которых страшно не хватает большевикам. Она, эта элита, не столь нетерпелива, более способна ограничить свои требования, поскольку лучше осознает трудности осуществления и необходимость времени для этого великого дела разрушения, а затем — переустройства.

Можно представить существование Советов в Париже, Бордо, Лиможе, в большинстве наших промышленных центров и в значительном числе сельскохозяйственных районов, где процветают синдикализм и кооперация. Но на какой опасный путь меня это заведет?

Можу ли я хоть раз забыть, что я социалист?

Петроград. 7(20) янв.

Дорогой друг,

С удовольствием прочел депешу с изложением запроса социалистов в палату депутатов о дипломатическом положении. Мейера¹⁰⁴, Камен, Тома, похоже, прекрасно выступили, сказав, что необходимо принять немедленно все вильсоновские принципы, и предложили всем конкретные условия демократического мира. Я особенно рад был узнать о прошении на выдачу паспортов для поездки в Россию. С какой радостью я встречу делегацию, состоящую из таких людей, как Камен, Лафон, Прессман¹⁰⁵ и одного-двух умных радикалов! Как вовремя они указали на допущенные ошибки и заставили говорить о более умной политике! Уверен, что недельной поездки было бы достаточно, чтобы обеспечить эту необходимую переориентацию. Я в

отчаянии, что все еще не имею права телеграфировать в Париж. Спрашиваю себя, доходит ли моя ежедневная информация, мои письма корреспондентам, соизволяет ли посольство включать в свои телеграммы самое важное из моих сведений.

За два месяца не было ни одной недели, чтобы большевики через меня не запрашивали (неофициально, это правда, но откровенно) союзников о военном содействии. Мне не верится, что Париж в курсе этих неоднократных, все более настойчивых обращений. Он бы не упорствовал в столь опасном молчании.

Что мы потеряем от сотрудничества, ограниченного военной помощью?

Какому риску подвергается Антанта, помогая России?

Стало быть, Франция и Америка отказываются в соответствии с вильсоновскими принципами осуществить тот пересмотр целей в войне, который является предварительным, самым важным, можно сказать, единственным условием, поставленным большевиками для сотрудничества?

Или же правда то, что ненависть к большевикам затмила разум государственных деятелей настолько, что они позволяют подписать столь же катастрофический для нас, как и для России, мир, даже не пошевелив пальцем, чтобы себя защитить? Не может быть, чтобы состояние наших вооруженных сил не позволяло союзникам направить сюда несколько франко-англо-американо-японских дивизий.

Неужели никто не понимает, что без нас большевики будут неспособны по-настоящему возобновить военные действия? Они все отчетливее это чувствуют, и именно этим объясняется подавленное настроение Ленина, его готовность принять позорный мир, все более конкретные призывы, обращенные к нам.

Как горячо я желаю, чтобы наши товарищи приехали в Петроград. Но пусть торопятся!

Петроград. 11(24) янв.

Дорогой друг,

Несколько раз видел вернувшегося из Бреста Троцкого. Он злой и подавленный. Немцы раскрыли свои планы. Аппетит пангерманистов непомерен. Они хотят аннексировать у России 150 тысяч верст. Требуют значительных экономических выгод.

Троцкий передал мне привезенную из Бреста карту, на которой генерал Гофман собственной рукой провел роковую линию, которая разделит Россию пополам. Эта линия начинается от Финляндского залива, восточнее Моонзунда, и тянется до Бреста через Валк и Минск.

Троцкий просит меня вернуть ему этот документ, показав его генералу и послу.

«Мы не хотим подписывать такой мир, — говорит он, — но что делать? Священная война? Да, мы объявим ее, но к чему мы придем? Настал момент союзникам решиться!»

Что предпримут союзники? Увы, все больше опасаться, что ничего.

Петроград. 12(25) янв.

Дорогой друг,

Проходящий в эти дни Съезд Советов обсуждает, как и следовало думать, вопрос о мире. Все в тревоге. Согласиться на такой мир — это ослабить и навсегда дискредитировать режим Советов. Возобновить войну без поддержки союзников — это выставить революцию на немедленное уничтожение. Однако значительное большинство высказывается за оборону. Я совершенно пал духом и даже не в состоянии доверить бумаге свои ежедневные впечатления. Слишком они мрачные.

Петроград. 13(26) янв.

Дорогой друг,

Шарль Дюма на меня зол. Почему?

Я пытался договориться для него о встрече с Ле-

ниным, который не пожелал открыть свои двери бывшему главе кабинета Жюля Гед¹⁰⁶, социал-патриоту (это здешний термин), клеветавшему на большевистских лидеров. Мне удалось устроить ему встречу с Троцким. Шарль Дюма назначил время этой встречи, не предупредив меня. Случай распорядился, однако, так, что войдя в кабинет Троцкого как обычно, то есть без стука, я вижу Шарля Дюма. У меня нет никаких причин уходить. Троцкий был бы озадачен необычайной таинственностью этого визита, тем более необъяснимой, что его посетитель — французский товарищ, мною же ему и представленный.

Дюма произносит большую речь, кстати интересную. Главным образом он излагает причины победы Антанты и справедливо подчеркивает эффективность американской помощи. Сидя напротив Троцкого, он распяляется, повышает голос, бьет кулаком по столу. Троцкий заметно нервничает. Он не произносит ни слова. Он читает, пишет, что-то рисует, явно показывая свое раздражение. Когда г. Дюма (так его называет Троцкий) закончил свою речь, он попросил разрешения задать Троцкому несколько вопросов.

Начинается такой диалог:

— Вы хотите задать мне вопросы. Но кого вы все-таки представляете? — спрашивает его Троцкий. — Французскую социалистическую партию?

— Нет.

— Французское правительство?

— Нет.

— Зачем вы сюда приехали?

— Я политик, который должен быть информированным, который хочет быть информированным и к чьему мнению (Дюма чуть позже будет настаивать на том, чтобы в коммюнике, составленном Троцким, была в полном виде включена его самохарактеристика) иногда прислушиваются.

— Я не буду отвечать на ваши вопросы.

— Это и есть политика открытости? — замечает Дюма.

— Вы русский гражданин? Нет. Вас делегировала какая-нибудь международная группа? Нет. Вступая на пост, я не брал обязательств давать интервью всем политическим деятелям, заезжающим в Петроград. Я отчитываюсь только перед теми, кто доверил мне

мандат. К тому же почитайте газеты. Вы получите полную информацию о моей деятельности. Социал-патриотический тезис, который вы только что мне долго излагали и который я отлично знал, укрепляет меня в том намерении, которое у меня было: ничего вам не говорить. С другой стороны, сам факт, что вы добились у Клемансо паспорта, в котором он отказывает французским социалистам, свидетельствует о том, какое качество вашего социализма. Решительно, разве вы не представляете правительство? Вы не собираетесь передать мне или получить какое-то официальное сообщение?

— Нет.

Троцкий встает. Обмен несколькими банальностями, и все.

Шарль Дюма, похоже, оскорблен тем, что я присутствовал при этой неудачной и, безусловно, без всяких надежд на продолжение беседе. По сути, в этой беседе я ожидал от Дюма совсем иного. Я советовал ему представиться, а он имел на это право, как неофициальный представитель Министерства иностранных дел, и затронуть единственный заслуживающий сегодня внимания вопрос о сотрудничестве союзников с Советами.

Петроград. 15(28) янв.

Дорогой друг,

Румынскому посланнику г. Диаманди о том, что ему угрожает, я сообщил за несколько дней до его ареста. В таких же условиях мне удалось узнать, что он будет изгнан из страны. Сегодня утром ему было предписано покинуть Россию в течение дня. Г. Нуланс и сам Диаманди попросили меня днем похлопотать в Комиссариате по иностранным делам об отсрочке исполнения декрета. Я бы мог добиться отсрочки на день-два, если бы г. Диаманди не решил в то же время послать в комиссариат полковника из своей миссии, которого я и встретил в приемной. Когда я входил в кабинет Залкинда¹⁰⁷, этот полковник мне сказал: «Я с вами!» тоном, не позволяющим мне оставить его в коридоре без риска, если мне ничего не удастся до-

биться, навлечь неприятные подозрения на человека, чья роль посредника делает его чуть-чуть подозрительным, но все же подозрительным для большевиков, и чья невероятная настойчивость в призывах к сотрудничеству с большевиками делает его чрезвычайно подозрительным для союзников.

Тем хуже для г. Диаманди. Моя беседа с Залкиндом вылилась лишь в обмен незначительными любезностями. Таким образом, мне удалось добиться отсрочки всего на несколько часов (румынская миссия должна будет уехать из Петрограда ночью) и предоставления выдворяемым специального состава. Последнее ценнее, чем первое. Учитывая осложняющуюся обстановку в Финляндии, о чем сегодня вечером у меня был в Смольном разговор, можно опасаться, что путешествие румын несколько затянется.

Поздравим заодно себя с этим первым выдворением дипломатов, за которым, может быть, последуют и другие. Положение союзнических послов становится все более трудным. Поскольку мы не решаемся признать правительство Советов и продолжаем действовать против него, почему бы не отозвать наших представителей и не заменить их дипломатическими, финансовыми, экономическими миссиями, возглавляемыми деловыми и активными людьми, которые могли бы действовать под свою собственную ответственность, не компрометируя свои правительства, и действовали бы эффективно среди тех политических деятелей, у которых г. Нуланс и его официальные помощники не имеют до сего времени никакого успеха?

Таким образом были бы налажены неофициальные контакты, которые сгладили бы немало острых углов и сделали бы возможными полезные переговоры, более полезные, чем те, что веду я, и которые почти всегда носят строго частный характер.

Почему, главное, не решиться направить из Франции и других стран несколько умных демократов, несколько гибких социалистов, которые наладили бы отношения с Советами, говорили бы с ними с позиций здравого смысла и были бы способны если не убедить их, то, по крайней мере, их понять?

Более чем очевидно, что сведения, получаемые союзническими правительствами по сей день (я говорю об официальных сведениях), дают возможность людям,

подобным Ллойд Джорджу и Клемансо, — несмотря на то, что о них постоянно говорят, я не считаю их планомерно враждебными к большевикам, и которые, во всяком случае, перестанут быть таковыми, если заметят пользу в изменении своего отношения, — осознать политическую силу в настоящее время находящейся у власти партии и осознать бессилие некоторых других партий, более близких буржуазной демократии, стремящихся свергнуть Советы и создать в России правительство, обладающее хоть какой-то стабильностью.

Петроград. 16(29) янв.

Дорогой друг,

В ближайшее время будет опубликован декрет об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Флота. Эта последняя попытка провалится, если мы ее решительно не поддержим. Русский офицерский корпус не станет по доброй воле помогать большевикам в этой реорганизации. Генералы, когда им говорят о том, что родина в опасности и что всем патриотам независимо от их убеждений необходимо встать под знамя отечества, какого бы цвета оно ни было, находят многочисленные причины, чтобы объяснить, почему они отказываются передавать свой опыт. Да и смогут ли Советы сами, без нас, призвать на помощь этих людей, чей престиж они разрушили, собрав в течение нескольких месяцев страшнейшие доказательства некомпетентности и предательства их начальства? Крыленко же, беспорядочный, вспыльчивый демагог, не возродит новые полки, которые нужно наделить национальным чувством, дисциплиной и смелостью. Большинство его коллег, скорее антимилицаристы, чем специалисты в военном искусстве, вряд ли способны, как и он сам, решить эту задачу.

Только союзнические миссии, и особенно французская, лучше других обеспеченная техниками, руководимая первоклассным генералом, могли бы сослужить эту великую службу России и Антанте. Большевики это знают. Ленин и, особенно, Троцкий — о чем я не перестаю писать уже многие недели — готовы пойти на

это необходимое сотрудничество, без которого они будут вынуждены принять условия победителя и подписать мир, унижительный для России и смертельный для революции. Доверить эту задачу союзникам, империалистическую сущность которых они пламенно разоблачают и со стороны которых особенно два последних месяца встречают безграничную враждебность, они согласятся без всякого энтузиазма. Действительно, сотрудничество с союзниками означает контроль и в определенной степени руководство со стороны Антанты новой армией, и соответственно, поскольку у большевиков уже нет никаких иллюзий о симпатиях наших правительств к ним, они имеют право опасаться возрождения контрреволюционных элементов. Наше сотрудничество обозначит еще и совершенно новое направление в общей политике — конец гордой социалистической изолированности, чистого интернационализма, сближение, то есть, в некоторой степени, подчинение одному из двух империалистических лагерей. Это будет, таким образом, поражение в области принципов, поражение, внешне ограниченное военными вопросами, которое, однако, в силу вещей, за короткий период расширится до поражения в вопросах экономических и политических.

Этот внезапный поворот позволит оппозиции, большевикам-экстремистам, правым и левым демагогам начать опасную и легкую кампанию. Однако это ядовитое лекарство — единственное, которое может спасти в России и в революции то, что может быть спасено. Ненасытный аппетит немцев все отчетливее проявляется на каждом драматическом заседании в Брест-Литовске. Прямые территориальные претензии уже подпираются экономическими пунктами, которые станут еще более грабительскими. С политической точки зрения побежденные, униженные большевики, чья слабость была бы запротоколирована и усугублена этим унижением, станут игрушкой в руках германских милитаристов, которые не позволят существовать демократическому государству, чей пример может быть гибельным для их собственного господства. Именно по этим причинам за последний месяц с лишним Ленин и Троцкий при моем посредничестве все чаще обращаются к союзникам. Троцкому пеняют, что он не обращался со своими просьбами официально и продолжает в прессе

антисоюзническую кампанию. Аргумент не такой уж веский, как кажется. При всем том большевики действительно имеют основания обвинять нас в клевете, выступлениях и заговорах, не прекращаемых против них Антантой.

Они не прекратят свою кампанию до тех пор, пока не будут уверены, что союзники откликнутся на их призыв и презрительно не оттолкнут их ради того, чтобы затем придать гласности их обращения и скомпрометировать в глазах народных масс.

Не один раз я доказывал послу, что на следующий день после того, как я смогу дать Троцкому официально подтвержденную гарантию, что мы готовы помогать правительству Советов в деле реорганизации армии на борьбу с Германией и что мы официально обязуемся не вмешиваться во внутренние дела России, я принесу на Французскую набережную запрос, подписанный Троцким от имени Совета Народных Комиссаров.

За несколько недель, опираясь на здоровые элементы — такие еще есть — в нынешней армии и на различные национальные армии, мы сумеем выстроить в шеренгу несколько десятков тысяч человек, которых хватит в зимнее время и вплоть до распутицы, чтобы не допустить значительного продвижения немцев. Таким образом мы предоставим большевикам возможность, которой у них без нас не будет (немцы об этом знают), с оружием в руках противостоять противнику, — либо до того, пока они не добьются более приемлемых условий мира, либо до разрыва на переговорах, после которого Россия вновь вступила бы в войну вместе с Антантой. Существенный результат.

Я вскипаю от возмущения, когда слышу от представителей Антанты, обязанных защищать ее интересы, отстаивать эту линию, которая, похоже, одерживает верх в официальных кругах, что не стоит рассчитывать на Россию, что нужно поставить крест на предавшей Антанту союзнице, перестать интересоваться ее делами, а точнее, делами бандитов, которые разыгрывают сегодня в Петрограде немецкую карту.

Потому что правительство Советов нам не по вкусу, — продолжать заявлять, что оно не существует, потому что оно уже допустило много ошибок, — не мешать ему совершать непоправимые ошибки, потому что мы его презираем и будем счастливы, если оно погиб-

нет, — решительно ничего не делать, чтобы избежала гибели вся Россия, — что за глупая политика, эта политика худшего! И я бы предпочел не быть среди тех, кто ее проводит. На их плечи ложится груз непомерной ответственности!

Как не видеть, что, предоставляя большевикам помощь, для которой они ставят самые незначительные условия и которую они запрашивают неофициально, но открыто, мы, я уверен, во-первых, берем руль в свои руки и, во-вторых, удерживаем Россию в наших руках. Немецкие условия не могут быть приемлемыми. Почему у нас никто не хочет видеть, что главное для Антанты — удержать Россию в войне, какой бы слабой Россия не была? Это еще возможно. И не ясно ли, что, наоборот, отказывая во всякой помощи большевикам, мы обрекаем их на смерть, — а они хотят жить, — или на подписание мира на любых условиях? Подписанный же мир будет миром настоящим. Нужно страдать неизлечимой близорукостью, чтобы полагать, как это и делается здесь, что позорный мир вызовет негодование русских, положит начало движению против Советов и что, кроме того, Вильгельм II никогда не подпишет мирного договора с авантюристами вроде Ленина и Троцкого. Осмеливаться полагать, что мир, который совершается на наших глазах, вдруг приведет к власти просоюзническое и настроенное на войну правительство, значит демонстрировать полное неведение чувств, которые терзают русскую душу последние десять месяцев. Февральская революция была уже революцией, главным образом, против войны. Октябрьская революция стала революцией за мир. Понятно, что угрожающий сегодня мир не будет тем честным, демократическим, идеальным миром, которого хотят лидеры и бойцы революции. Но все примут его таким, какой он будет, и простые бойцы еще легче, чем их командиры. Подъем национального чувства, если он и произойдет когда-нибудь, когда тяжкое бремя кабального мира заставит пожалеть о тех выгодах, которые сулило продолжение войны, — он произойдет слишком поздно, чтобы как-то быть на пользу Антанте. Словом, своим отказом помогать большевикам мы вручаем связанную по рукам и ногам Россию неприятелю. А она обеспечивает ему осуществление на Востоке пангерманской мечты: Германия — хозяйка Балкан, Малой Азии, России, и потому господ-

ствующая в мире, если только военная сила западных союзников не вырвет у нее победу. И насколько уже нескорой и трудной будет эта победа, если Германия, избавившись от всех тревог за Восточный фронт, обеспечиваемая Россией снарядами, продовольствием и, может быть, людьми, бросит против нас всю сотню с лишним дивизий, удерживаемых сейчас здесь.

Прежде чем сказать Троцкому «нет», были ли взвешены последствия такого отказа?

Сотрудничество с большевиками неизбежно внесло бы элемент порядка, сдержанности в политику Советов. Россия и Антанта быстро бы это почувствовали.

С другой стороны, несколько союзнических дивизий, которые будут костяком для нескольких русских корпусов, реорганизованных под нашим руководством и частично обеспеченных нашими офицерами, позволят большевикам избежать мира, иначе говоря, позволят возобновить военные действия. Русский народ, вырванный из своего пацифистского сна жестокостью немецких притязаний, поняв необходимость борьбы, вскоре встанет с нами в один ряд. Поэтому сотрудничество с большевиками — это победное окончание войны за один год. Отказ от сотрудничества — это... рука не поднимается написать, что это такое, будущее продемонстрирует это тем, что не хочет этого видеть!

Петроград. 17 (30) янв.

Дорогой друг,

На днях я вновь встречался с Залкиндром, Каменевым и Александрой Коллонтай, которые должны вскоре с разницей в несколько дней ехать в Стокгольм, Лондон и Париж.

Залкинд займется организацией в Швеции органа большевистской пропаганды. Каменев должен исполнять во Франции обязанности полномочного министра.

Коллонтай едет с краткой миссией; ей, в частности, поручено изложить английским и французским социалистам большевистскую точку зрения по вопросу о войне.

Программа делегации была принята задолго до отъ-

езда. Я всячески поддерживал кандидатуру Каменева и Коллонтай. Хотя она занимает крайне левое, а он — крайне правое крыло большевистской партии, оба они согласны по основному вопросу: они придерживаются мнения, что Советы могут принять лишь почетный и демократический мир без аннексий и контрибуций. Я уже писал, сколь настойчиво Коллонтай и ее муж Дыбенко доказывали необходимость быстрой и серьезной реорганизации армии. Каменев после возвращения из Бреста не устает предостерегать большевиков от лживости и непомерных appetitов Германии. Коллонтай и Каменев — образованные, гибкие люди, способные выслушать любой довод и не запираются в мистическом упрямстве. Им поручено не только установить связи с товарищами — западноевропейскими социалистами, они попытаются также встретиться с английскими и французскими министрами. Я уверен, что такого рода встречи дадут прекрасные результаты и что хорошо информированный посол окажет решительное влияние на плохо информированных наркомов.

Этим вечером вновь виделся с Чичериным¹⁰⁸, окончательно заменившим Троцкого на посту наркома; зачастую он, в свою очередь, заменяет Залкинда. Тот — человек нервный, импульсивный, нередко грубый. Чичерин — благовоспитанный, интеллигентный и образованный. Чистой воды идеолог. Пожертвовал положением и состоянием во имя своих идей. Порядочный человек в самом широком смысле этого слова. Он принадлежит к одной из лучших семей Москвы, где его дядя¹⁰⁹ был мэром. Поддерживать с ним отношения будет легче. Однако он не показался мне ни волевым человеком, ни крупным дипломатом. Нервный, зажатый и нерешительный — по крайней мере, таково первое впечатление, которое он на меня произвел; в настоящее время он задыхается под грузом усложнившихся внешних проблем, и кажется, не в силах быстро реорганизовать пребывающее в хаосе министерство.

Решительно, отсутствие настоящих руководителей — громадный камень на пути прочного успеха большевиков. В их руководящем аппарате встретишь идеологов, исполненных благими намерениями, но без опыта в доверенных им практических вопросах управления и политики. В целом я встретил до сего времени лишь двух действительно ценных, очень ценных людей, спо-

собных превращаться из кабинетных руководителей в людей действия, извлекать пользу из уроков, которые преподносит жизнь, и перестраиваться: это Ленин и Троцкий. Первый — более логик, второй — человек менее волевой, но более гибкий. Вокруг них есть и очень умные интеллигенты, и очень горячие партийцы, но как далеки и те и другие от жизни. Ниже — никого. Если большевики не обеспечат в скором времени сотрудничество буржуазных специалистов и значительной части интеллигенции, их быстро похоронит анархия.

Петроград. 18(31) янв.

Дорогой друг,

Я уже не раз указывал на кризис чиновничьего аппарата, от которого страдают большевики и который день ото дня все глубже подтачивает цельность их власти. По большей части кадры подбираются из заслуживающих полного доверия, но авторитарных и неподготовленных партийцев. Вокруг них в большинстве административных органов собрались молодые, буржуазного происхождения, живого, даже слишком живого, ума, карьеристы и деляги, у которых, похоже, нет другого ясного идеала, кроме как поскорее набить себе карманы. Они мастерски развернули взяточничество, уже известное в царской России, и, как следствие, коррупция все больше расплзается в большевистских кругах. Я указал наркомам на некоторые серьезные факты. В частности, злоупотребления были допущены при инвентаризации содержания конфискованных банковских сейфов. Всем известно, что умело предложенная комиссия в размере от 10 до 15 % позволяет частному лицу изъять из сейфа любые ценности и суммы. Само по себе это не страшно. Но меня особенно возмутили воровство и шантаж. Их жертвами стали некоторые из наших соотечественников. Ленин отдает себе отчет в том, какую опасность несет для режима подобная практика. Он приказывает отправлять под суд и даже расстреливать пойманных преступников. Но их слишком много. Сегодня утром было объявлено об аресте многих членов Комиссии по ревизии сейфов. Они уличены во взяточничестве.

С другой стороны, правительство зовет к себе специалистов — финансистов и промышленников. Но я сомневаюсь, что они пойдут на предложенное сотрудничество. Тем не менее я не перестану повторять, что нынешняя анархия, дискредитирующая и истощающая большевиков, одновременно разрушает и экономические силы России. И в этой области союзникам также не хватает технических органов, позволяющих информировать их о том, как далеко зашла болезнь, и способных предложить способы ее лечения. Сложившаяся ситуация не улучшится только от того, что ею пренебрегают. Похоже, мы недостаточно задумываемся над тем, что под угрозой находится существенная часть французской подвижности. Пассивность тех, кто должен был бы быть защитником наших вкладов, в высшей степени преступна. Немцы не позволяют себе до такой степени пренебрегать своими интересами, и если мы допустим подписание Брестского мира и не окажем большевикам серьезной военной поддержки, о которой они просят, — то в скором времени наши противники захватят русский рынок, который мы оставляем с беззаботностью, приводящей в отчаяние.

Петроград. 19 янв. (1 февр.)

Дорогой друг,

Как оценивать сообщения о сильных волнениях в Германии? Ленин, очень посвежевший за последний месяц, проявляет определенный скептицизм в отношении того, что они предвещают революцию. Но можно и не говорить, что в советских кругах все с напряжением, надеждой ждут колоссальных событий. Самые дальновидные считают, что если этим забастовкам политического характера суждено быть быстро и жестоко подавленными, они, по крайней мере, явятся такой угрозой для германского правительства, которое поймет, что следует не затягивать переговоры, а, наоборот, ускорить их ход. Действительно, еще долго, может быть, Центральные империи не будут тревожиться за свое будущее, торопиться покончить со своим восточным противником, готовым бросить своему народу сепаратный мир (который они представят как залог скорого

всеобщего мира), и тем более, предлагать относительно почетные условия России.

Если бы союзники, сумев поскорее воспользоваться этим исключительным шансом, направили бы русскому народу братскую помощь, о которой я так давно говорю, если бы они заверили большевиков, что готовы в военной области помочь им в борьбе против германских притязаний, мы бы могли надеяться достичь одной из двух целей, от которых мы ни при каких обстоятельствах не должны были отказываться — или побудить Россию разорвать переговоры и возобновить наши совместные действия, или же, используя нашу военную помощь, добиться такого договора, который бы не ущемил смертельно русские интересы и вместе с тем сохранил бы и наши. Как можно заявлять, что подобная позиция, выгодная одновременно и России и Антанте, скомпрометировала бы наше достоинство? Как можно совершенно серьезно утверждать, что тем самым мы оттолкнем от себя активные (о, еще как!) симпатии некоторых русских партий? Какие безумцы, видя свою родину при смерти, решатся упрекнуть нас за то, что мы протянули ей руку? Сейчас тот самый случай — прийти на помощь России, поднять наш престиж, предложить находящимся под угрозой Советам демократический союз, который спасет их, спасая их страну. Но действовать нужно сегодня. Завтра будет уже поздно.

Петроград. 20 янв. (2 февр.)

Дорогой друг,

Я договорился сегодня о встрече генерала Рампона с наркомом, членом Комитета по военным и морским делам Подвойским. У меня была возможность предварительно показать генералу некоторые из моих записей. В том, что касается сути, мы с ним согласны. Он знает Россию, ее солдат, ее крестьян. Он антисоциалист. Но его глубокая неприязнь к большевистскому режиму не мешает ему признавать, что он закрепился значительно прочнее, чем продолжают думать союзники, что он будет существовать еще не один месяц, что нет никакой силы, которая бы в ближайшее время была

способна свергнуть его и взять власть. Как солдата, как француза брестские переговоры приводят его в отчаяние. Он понимает, что Россия огромными шагами идет к миру, что мы одни можем ее от этого оградить с помощью единственного средства, которое у нас есть: военное сотрудничество с большевиками. Он из тех немногих людей, кто осознает здесь необходимость такого шага. Потому что он один из тех немногих, кто понимает, какой ужасной катастрофой для Антанты обернется мир на Востоке. Не говоря уже о будущих перспективах, которые Брестский мир откроет Германии, он сразу же позволит ей значительно увеличить свои силы на Западном фронте, иначе говоря, если смотреть на эту ситуацию с оптимизмом, — предоставить ей возможность бесконечно продолжать войну за наш счет. Если мы не добьемся полной победы, если нам придется довольствоваться на Западе *status quo bellum**, даже если нам удастся вернуть Эльзас-Лотарингию, — это все равно будет означать почти полное исполнение пангерманского плана. Германия, располагающая отныне неистощимыми ресурсами, вполне сможет после короткой передышки приступить к осуществлению своей мечты о мировом господстве. Так что нужно помочь России. И помочь быстрее. Генерал, кстати, считает, что время уже упущено, что период колебаний был слишком долгим, что мы дали анархии в России зайти слишком далеко. Тем не менее он не теряет надежды.

Петроград. 21 янв. (3 февр.)

Дорогой друг,

Коллонтай празднует победу. Ей удалось подписать проект декрета о разделении церкви и государства и об отмене церковного бюджета¹¹⁰. Многие наркомы опасаются, как бы эта мера не вызвала новые трудности у правительства, чья непрочная власть и без того наталкивается на многие препятствия, и как бы религиозная война не добавилась к мировой и гражданской. Коллонтай напомнила о принципах и убедила осторожных. Как бы глубоко религиозным ни был русский, он

---

*положение, которое было до войны (лат.).

с невеликим почтением относится к своим священникам, грубым и алчным. Попы и монахи наперегонки грабят крестьянина, ведут праздную, разгульную жизнь, требуют от трудящегося человека всевозможных десятин и оброков. Если народ увидит, что церкви и культовые предметы уважаются, что церковные служащие не подвергаются грубому обращению, что огромные монастырские замки розданы крестьянам, он не будет активно протестовать. Священнослужители тем не менее не будут довольны и не махнут рукой на этот декрет. До сего времени они были уверены в своей неприкосновенности. Они считали, что никакое правительство не посмеет посягнуть на их мощное сообщество. Поэтому они открыто и не выступали против нового режима. Очевидно, что их кампания оппозиции новому режиму станет отныне более активной.

Петроград. 22 янв. (4 февр.)

Дорогой друг,

Долгий разговор с Лениным. Забастовки в Германии, похоже, кончились. Очевидно, в них не было ни того размаха, ни той революционной силы, которые некоторые хотели в них видеть, и они закончились, не успев оказать на брестские переговоры влияния, на которое рассчитывали. Конечно, это признак недовольства, с которым германским империалистам придется считаться, но сила слишком мала, а опасность слишком далека. Нужно ожидать ужесточения германских притязаний. Россия не слушается руля, не может реорганизоваться одна. Союзники продолжают притворяться глухими, когда большевики неофициально обращаются за поддержкой, которую они не могут просить официально, пока не получают гарантии, что она будет им оказана. Ленин надеется, что жест перемирия будет сделан, что большевистской России будет протянута рука межсоюзнической конференции в Париже. Он убежден, — об этом мне уже говорил Троцкий, — что буржуазная Украинская Рада, эта верная союзница Антанты, ведет секретные переговоры с Германией. Теперь она всего лишь непрочное правительство, уже свергнутое большевистской Радой, которую Советы ста-

раются ввести в брестские переговоры, но немцы не покинут своих сообщников и будут продолжать выполнять договор, подписанный низложенным кабинетом. Долго ли еще сможет сопротивляться Германии раненая, изуродованная германо-украинским миром, лишенная своей богатой житницы Россия? Сгущаются тучи на Дальнем Востоке. Алчная Япония показывает зубы. Под предлогом волнений в Сибири японский премьер-министр дает понять, что в скором времени может потребоваться вооруженная интервенция. Если они осуществят свою угрозу, — как далеко пойдут японские империалисты, столь же ненасытные и бессовестные, как их германские кузены, с которыми они связаны если не фактическими, то, по крайней мере, сердечными узами!

Похоже все-таки, что румынским наступлением в Бессарабии руководят французские офицеры.

Как безоружная Россия, преданная Украиной, под угрозой Японии, завоеванная Румынией, брошенная на произвол судьбы своими бывшими союзниками, будет сопротивляться Германии? Какого результата следует и ожидать от этого сопротивления и как, кстати, его организовать?

Разрыв на переговорах при нынешнем состоянии русского фронта вызовет быстрое продвижение противника, захват новых земель, огромных трофеев, падение Советов.

Что ж останется, если не мир, мир ненадежный, в тени которого воспрянут силы германофильского и антидемократического царизма?

Тем не менее Ленин считает, что эта передышка позволит правительству Советов укрепиться внутри страны, подготовить экономическую и военную реорганизацию, для которой нужно время, много времени.

Россия не погибнет. Понесенное ею чудовищное унижение еще больше всколыхнет народ. Если международная революция вскоре не исправит допущенную против России несправедливость, она, придет время, поднимется одна. Сейчас для большевизма главное — спасти революцию, удержать власть народа до того дня, когда европейские пролетарии решатся последовать ее примеру. Для этого нужно жить. А чтобы жить, нужно заключить мир, поскольку союзники не дают России средств продолжать войну.

Петроград. 23 янв. (5 февр.)

Дорогой друг,

Крыленко подготовил длинный, резкий, напыщенный манифест, чтобы призвать русский пролетариат в массовом порядке записываться в Красную Армию. Я упорно не верю в результаты этого предприятия. Большевики наберут людей, без сомнения. Они не сделают солдат. Они не создадут командиров.

Ничего серьезного не может быть сделано без нашей помощи и вне нашей помощи. Ничего серьезного, кроме мира, который сейчас утверждает себя с абсолютно стоическим равнодушием. Я уже начинаю верить, что союзнические правительства и в самом деле осознают опасность, соизмерили ее и теперь уверены, что, несмотря на русский мир, они победят Германию так же верно и так же быстро, как и с помощью Восточного фронта, который они не хотят организовывать.

Петроград. 24 янв. (6 февр.)

Дорогой друг,

Газеты публикуют декрет, аннулирующий государственные и, в частности, все заграничные займы.

Этот неловкий жест большевиков должен весьма законно усугубить по отношению к ним враждебность общественного мнения стран, в которых, как во Франции, много мелких держателей русских ценных бумаг. Пока эта мера подготавливалась, я постоянно доказывал большевикам опасность такого решения и его катастрофических последствий, которые оно рискует повлечь для них. Мне удалось, по крайней мере, добиться дополнительного заявления, гарантирующего мелким держателям бумаг, иностранным и русским, компенсацию в той или иной форме.

Большевики не пожелали ничего понять. Они, кстати, утверждают, что эта аннуляция имеет чисто символическое значение, что на самом же деле за время войны различные правительства, чтобы погасить недовольство, от которого они могли бы пострадать сами, обеспечат выплату по купонам своим гражданам, что после войны финансовое положение воюющих сторон

будет столь плачевным, что они все придут к более или менее замаскированному банкротству и что общий пересмотр заключенных международных обязательств станет необходим всем. Наконец, большевики надеются, что революция охватит всю Европу после, если еще не до заключения общего мира, что везде возникнут демократические правительства и что с ними правительство Советов, если оно будет существовать, очень легко договорится по всем спорным вопросам.

Эта аннуляция займов между тем логическое следствие угрозы, когда-то брошенной, в частности, Францией русскими революционерами, заявившими, что, придя к власти, они не станут учитывать обязательства, подписанные царем, и что они откажутся выплачивать проценты с капиталов, преступно одолженных царской бюрократии и использованных ею для собственного обогащения и для жестокого подавления попыток либералов завоевать свободу.

В сущности, эта мера могла быть отсрочена. И была бы отсрочена, если бы союзники сделали хотя бы один шаг в сторону Советов. Она представляет собой, на мой взгляд, главным образом новое проявление плохого настроения, поддерживаемого у большевиков нашим систематически враждебным и презрительным поведением. Большевики пошли на нее не без надежды на то, что державы Антанты, чтобы смягчить последствия этой аннуляции и отменить ее, решатся, наконец, на сближение. У меня есть сильные опасения, что они замечтались. Антанта с таким безразличием наблюдает за тем, как Россия сползает к миру, с таким спокойствием следит за брестскими переговорами, окончание которых высвободит множество немецких дивизий, находящихся на Восточном фронте, что мне трудно поверить, что она откажется от своего высокомерия, когда речь идет всего о нескольких миллиардах.

Если она считает, что не может или не должна ничего сделать для того, чтобы помешать отправке на наш фронт новых сил противника, — что равносильно ничего не делать для того, чтобы предотвратить гибель сотен тысяч французских и английских солдат, как же она соизволит заинтересоваться вопросом о значительных затратах? Величие Антанты не позволяет ей, похоже, идти на какой-либо компромисс с большевиками. Она предпочитает жертвовать своими миллиардами и своими

солдатами, чтобы только не разговаривать с «этими людьми». Так что я, по-видимому, имею основание опасаться, что нынешняя позиция Антанты не изменится.

Петроград. 25 янв. (7 февр.)

Дорогой друг,

Разговоры о сепаратном мире ходят уже несколько дней даже в официальных кругах. Действительно, нужно ожидать эту катастрофу, последствия которой недостаточно представляют в лагере союзников. Большевики сделали все для того, чтобы мы присоединились к Брестским переговорам, включая несколько неловких и грубых жестов, которые этой цели мешали. Именно для того, чтобы заставить нас последовать их примеру, и вместе с тем, чтобы вызвать в Германии революционные события, они затягивали эти переговоры. Может быть, потому, что и немцы разделяли их надежды, они терпели эти проволочки. Сегодня, похоже, затягивание переговоров, не принесшее ни одного из тех двух результатов, на которые надеялись, оборачивается для русских больше неудобствами, чем выгодами, поскольку оно позволило немцам с большим основанием убедиться в военной слабости России и дало им возможность стать более требовательными. Противник готов воспользоваться своим преимуществом, понимая прекрасно, что союзники, после того как их оставила Россия, решили теперь сами оставить ее на произвол судьбы. Они и пальцем не пошевелият, чтобы ее спасти. Мы оказываем врагам огромную услугу. Не надо ждать от них благодарности. Я не должен развивать здесь собственное мнение об участии союзников в Брестской конференции. Лично я всегда думал, что они напрасно не совершили это неприятное путешествие. Обсуждать мир — не значит подписать его. Пленарные заседания, собравшие все воюющие стороны, вполне могли бы заставить Центральные империи либо пойти на достаточные и приемлемые уступки, либо побудить их к изложению генерального плана войны и мира. Раскрытие по понятным причинам скрываемых целей — наше отсутствие позволяет противнику их скрывать — решительно

бы усилило боевой дух народов Антанты. С другой стороны, наше присутствие рядом с Россией в Бресте, положив начало более полному сотрудничеству, может быть, привело к разрыву переговоров. К несчастью, мы не ограничились тем, что не поехали в Брест. Мы не пожелали быть неофициальными, за кулисами, советниками русских и поддержкой для них в этом трудном испытании. Сегодня вновь мы отказываем большевикам, у которых приставлен нож к горлу, в военной помощи, о которой они просят и которая только и может их спасти от смерти или мира.

Так как же им устоять?

Петроград. 26 янв. (8 февр.)

Дорогой друг,

Обед с графом Свято-Спасским (шурином Шнейдера¹¹¹, владельца «Крезо»), управляющим в России крупными предприятиями «Шнейдер и К^о» (150 тыс. рабочих). Реакционер, каких бы побольше у реакции и во Франции. Он единственный промышленник, который не махнул на все рукой, согласился встретиться со Шляпниковым, попробовал ужиться с рабочими комитетами. Умный, увлеченный, он сумел сохранить на ходу, благодаря своей гибкости, некоторые свои заводы. Если эта огромная французская компания выдержит бурю, которая еще какое-то время будет носиться над Россией, она будет целиком обязана этим Свято-Спасскому и только ему одному. И французские капиталисты, оказавшие ему доверие, и вся Франция у него в должниках.

Хотелось бы, чтобы его примеру последовали другие, но такие начинания слишком редки. К тому же они, похоже, не поддерживаются нашими представителями. Его как будто порицают за то, что он нашел общий язык с ужасными большевиками, за то, что он, похоже, поверил и, что еще хуже, доказал своим собственным примером, что волевой человек всегда сможет противостоять событиям и в некоторой степени с ними совладать.

Дорогой друг,

Встреча с графом де Шевили (имя — целая программа), директором службы пропаганды Французской Республики при Русской социалистической революции, и капитаном Лапортом, парижским финансистом. Только что из Франции. Хотят получить сведения об общем положении и о возможностях защитить в Советах наши интересы в России.

Здесь многое предстоит сделать. Но нам необходимо сотрудничать, если мы хотим добиться прочных результатов. Де Шевили, галантный, ироничный, но глубоко закосневший в старорежимных идеях, не кажется мне способным, несмотря на свою безусловную образованность, понять ситуацию и извлечь из нее возможную пользу.

Лапорт собирается побывать в Комиссариате финансов как просто любопытствующий. Уверяю его, что в таком случае у него не будет ни единого шанса быть должным образом проинформированным. Советую ему, поскольку он финансист, подготовить проект реорганизации большевистского дела, учитывая намерение большевиков провести в определенной степени национализацию банков. Советам очень не хватает компетентных работников, и они с симпатией встретят его помощь и учтут его советы, если у них сложится впечатление, что Лапорт не старается ими злоупотребить и с добрыми намерениями будет способствовать как охране капиталистических интересов, так и в определенной степени — государственных принципов.

Допускаю, хотя и не понимаю, что союзники продолжают действовать как политические противники большевизма, что они отказываются помогать ему в военной области. Но в экономической — было бы безумием не установить в этом правительством, как и с множеством других, постоянных экономических отношений.

С болью отмечаю, что у нас нет здесь никакого органа, который мог бы защитить 25 или 30 французских миллиардов, которыми мы рискуем в России. Дипломатическими протестами не помешать большевикам в их упорных идеологических экспериментах и не спасти нас от разорения.

Почему мы не решаемся мобилизовать на работу

всех французских коммерсантов и промышленников, предписав им не покидать своих постов, оставаться на них, чтобы всеми средствами защищать наши интересы, которые в равной степени и их интересы, от всевозможных рабочих комитетов и советов, которые совершают тем большие безумства, чем полнее предоставлены наши предприятия фантазиям их варварской некомпетентности.

Почему бы не создать центральную экономическую организацию, французскую или межсоюзническую, со штаб-квартирой в Петрограде, имеющую представителей в основных центрах, связанную с комиссариатами финансов, по делам торговли, труда, требующую гарантий, предлагающую различные соглашения, указывающую на опасность некоторых слишком скорых преобразований, дающую четкие директивы нашей торговой и промышленной колонии и способной ее решительно поддержать?

Точно так же, как было бы возможно, вернее, как было — еще несколько недель назад — возможно сотрудничать с Троцким в реорганизации армии, можно было бы легко договориться с такими людьми, как Шляпников, и добиться от них значительных выгод в экономической области.

Петроград. 28 янв. (10 февр.)

Дорогой друг,

Ухожу после каждой своей беседы с нашим послом в глубокой тоске. Ясно, что я ошибаюсь в своем настроении, и главное, я не имею права ни пребывать в нем, ни говорить, что оно у меня именно такое, если оно у меня именно такое. К тому же г. Нуланс должен быть еще более мрачным, чем я, и сожалеть о моем неизлечимом ослеплении, которое позволило мне, однако, он сам это признает, предвидеть почти точно три месяца назад, что произойдет.

Г. Нуланс очень хороший человек. Но, может быть, во время большевистской революции нужно быть не только хорошим человеком, но также опытным и доброжелательным политиком.

Г. Нуланс однажды мне сказал: «Когда я уезжал из Франции, ваш друг Ренодель мне заявил: «Держу пари,

что вы вернетесь из России социалистом!», и я ему ответил: «Пари принимаю!». Я совершенно уверен, что г. Нуланс выиграет свое пари, и мне жаль, что бедный Рендель так верил в силу убеждения русских революционеров. Уехав из Франции «радикалом», г. Нуланс и вернется «радикалом». И признаюсь, что предыдущий столь глубоко антимарксистский опыт, при котором он здесь состоит, не мог по своей сути ускорить обращение в другую веру, которое мне кажется невозможным вообще. Есть же люди милостью государственной. Но г. Нуланс не считает, я в этом уверен, что исключительной или даже первоочередной задачей его работы может быть это обращение в нашу теорию. И было бы катастрофой, если бы наш посол, привезя с собой в Россию склоки Бурбонского дворца, искусился бы просто не поддержать правительство, потому что оно социалистическое, или же был бы всего-навсего рад, если бы большевики пали, использовать это падение в качестве яркой иллюстрации утопичных идей марксистов. Я не хочу, кстати, думать и, по крайней мере, верить, что г. Нулансом руководит подобная доктринерская предвзятость. Но не остается сомнений, что все, что он здесь видит и слышит, вызывает у него негодование, что позволительно, и растерянность, что уже опаснее.

Те широкие, бескрайние просторы, в которые так легко с фантазией, неизменно привлекательной и часто рискованной, вторгается одержимая вечностью русская мысль, — просторы эти так далеки, что примерный французский буржуа, каким является г. Нуланс, никогда не попадет в них, хочет он этого или нет. Он по-прежнему за 3 тысячи километров от Петрограда, за 10 тысяч лье от Советов. Троцкий утверждает, что он ничему не научился и ничего не забыл. Не хочу брать ответственность за якобы клевету. Но он обладает столь богатым опытом, так тесно был связан с самой высокой политикой радикальной партии, что его переполненный мозг не воспринимает так называемые новые идеи. Признаю, кстати, что нашему послу помогают советами несколько восхитительных, очень элегантных секретарей, которые отлично смотрелись бы на придворных приемах.

Дорогой друг,

Не стоит заблуждаться, я никогда не покрывал ошибки, если угодно, преступления, совершенные большевиками. Одно я утверждаю — эти ошибки были допущены от отсутствия опыта, от отчаяния, от идеологической предвзятости, от идеализма куда больше, чем из германофильства и антантофобии. Большевики взяли власть в чрезвычайно трудный период. Они, безусловно, ускорили кризис анархии, в котором задыхается Россия, но без них он бы развился чуть медленнее, конечно, но оказался столь же глубоким. Активная враждебность союзников, саботаж буржуазией всех публичных учреждений, всех экономических организаций, а также техническим персоналом, служащими, интеллигенцией сделал задачи, поставленные большевиками почти невыполнимыми даже для настоящих государственных деятелей, я хочу сказать, для тех, кто был воспитан в лучших традициях и кто располагал нормально функционирующим государственным механизмом.

Кто может это отрицать?

Даже в военной области, — союзникам это было прекрасно известно, — никакое русское правительство, каким бы оно ни было, не смогло бы возродить в одиночку армию, разложенную тремя годами царской войны и десятью месяцами революции, и они решительно шли на помощь России. Франция, если говорить только о ней, направила значительную миссию, численность которой предполагалось быстро увеличить, чтобы справиться с задачей того же порядка, как и та, которую успешно осуществил генерал Бертело в Румынии.

При Керенском этой миссии не удалось сделать ничего.

Теперь, похоже, никто не хочет, чтобы она попыталась сделать хоть что-то. Тем самым большевиков обрекают на смерть или на мир. Никто не может это отрицать.

Но этот мир, повторяю вновь, будет настоящим. Русские массы, вырвавшись из войны, не захотят больше по собственной воле рухнуть в эту страшную пропасть. И я не знаю, какой гражданский или военный деятель был бы в состоянии их к этому принудить.

Допуская даже скорое падение большевиков, — а я считаю, что большевики, наоборот, на какое-то время по крайней мере, благодаря миру укрепятся, — те, кто смеет их, даже, если бы они к этому стремились, — и я не думаю, чтобы они этого искренне хотели, — не возобновят войну на следующий же день.

Единственное, таким образом, что союзники должны сделать, это не ждать, скрестив руки, чтобы попытаться затем совершить чудо и толкнуть Россию в новую войну, а остановить заключение мира.

Единственный способ для этого — помочь большевикам. Может быть, времени уже не осталось. Но стоит, по крайней мере, попытаться. Эта попытка была бы бесконечно почетной для Антанты. Даже если она сорвется, она обеспечила бы нам признательность России. Сегодня русские из всех партий, — кстати, очень легко забывающие про собственную громадную ответственность, но сравнивающие наши колебания, наше безволие с дальновидностью, последовательностью, сильной волей немцев, — выносят нам самые неприятные приговоры. Они считают нас людьми симпатичными, но совершенно неспособными ни хотеть чего-либо, ни действовать.

«Будьте с нами!» — говорят большевики.

«Будьте против большевиков!» — кричат их противники.

Я же говорю: «Решимся!» Я повторяю это три месяца, прибавляя: «Быть против большевиков — это быть с несколькими недовольными политиками, корыстолюбивыми, враждующими между собой, неспособными объединиться на правительственной программе, непризнанными, кстати, народными массами, что бы там ни думали наши представители, которые не смогли и не захотели увидеть то, что является политической правдой в этой стране с 25 октября и даже много раньше. Быть против большевиков, таким образом, быть ни с кем. Сегодня быть с большевиками — это быть с громадной частью русского народа».

Дорогой друг,

Неожиданный финал. Троцкий не подписывает мир, но заявляет, что состояние войны между Центральными империями и Россией прекращено. Накануне своего отъезда в Брест он дал мне понять, что такое фантастическое завершение переговоров возможно. Я не верил этому, и все еще этому не верю. Так высоко парить в своих идеалистических представлениях, подняться выше самых головокружительных вершин социализма, пытаться разом, дерзко и внезапно совместить практику и теорию толстовского учения о непротивлении злу насилем, надеяться, наконец, что Гофманы, Кюльманы и Гинденбурги тут же вдруг растрогаются от такого благодеяния и по-отечески потреплют грубую щеку мужика, которую им с простодушной доверчивостью подставляют большевики, — какое безумие и насколько опасное безумие!

Я и не думаю шутить! Те, кто знают Россию, кто знают ту жажду абсолюта, которая терзает настоящих русских, абсолюта во всем, в хорошем и в плохом, жажду абсолютной доброты, абсолютной красоты, абсолютной истины; те, кто, как я, видели, как стала воплощаться в жизнь прекрасная мечта, от власти которой трудно и медленно освобождаются Троцкий и Ленин, те, кто знают, сколько скрыто в этих русских душах морального величия, с каким энтузиазмом они стараются создать реальность будущего из химеры настоящего, те единственно достойные видеть, единственно способные понять великие события, происходящие на наших глазах, — те не могут смеяться. В этом уникальном жесте, в котором большинство союзников видят лишь отвратительное лицемерие, скрывающее очевидный сговор с противником, в котором самые доброжелательные отмечают подозрительную наивность, я вижу еще одно проявление той необыкновенной веры в силу идеи, идеи-формы, веру в неизбежность высшей нравственности, к которой должно в скором времени прийти человечество.

Я не раз замечал, что люди, подобные Троцкому, обладают страшной силой самовнушения.

Троцкий убежден, я в этом уверен, что своим заявлением выбьет ружья из рук противника, что ни один

рабочий, ни один немец не поднимет штык против своих русских братьев, которые так благородно поставили ему свою беззащитную грудь.

Смольный бурлит. Одни в восторге, другие в оцепенении. Кое-кто плачет, это разумные люди. Они, как и я, понимают, что этот жест слишком романтичен, слишком чист, что он превосходит понимание пангерманистов, что в Германии раздастся громовой хохот, что завтра ее полки с еще большей готовностью возобновят наступление благодаря приятной перспективе легких и богатых завоеваний.

По крайней мере, мир не подписан. Россия выигрывает тем самым несколько дней и несколько недель. Воспользуемся ли мы этой неожиданной отсрочкой и предложим, наконец, дружескую и немедленную помощь, от которой большевики не могут отказаться?

Петроград. 19 февр.

Дорогой друг,

Совет Народных Комиссаров направил минувшей ночью германскому правительству радиogramму с протестом против наступления и с заявлением о готовности подписать мир на условиях, выдвинутых в Брест-Литовске. Большинство лидеров, с которыми я не терял связи в эти последние дни, как и я, в отчаянии от этого решения, к которому, однако, поступающие с часу на час тревожные известия должны были нас подготовить. Несмотря ни на что, я все еще призываю их к сопротивлению, к войне не на жизнь, а на смерть. К партизанской войне, к организации новой армии на основах и принципах, выработанных веками военного опыта, без которых невозможно создать настоящую армию. Сколько раз случалось мне говорить и убеждать марксистов, к которым я обращался, что социализм — это триумф техники, культ компетентности, что нужно было не выгонять, а любой ценой привлекать специалистов, — держа их под контролем, чтобы они не саботировали Советы, — как в военной, так и в экономической областях. Тяжелый урок фактов, кстати, принес свои плоды. Троцкий и Ленин признали ошибки, допущенные некомпетентными гуманитариями. Мы вместе говорили о

восстановлении крепкой армии, состоящей из профессиональных командиров и дисциплинированных солдат. Известно, с какой тщетной настойчивостью большевики обращались к нам за помощью в этой области. Был готов план. Предполагалось отступить, перерезать пути сообщения, взорвать склады боеприпасов, сжечь продовольственные склады и деревни, создать между нынешней линией фронта и центром России громадную пустыню. При этих мерах предосторожности Россия, защищенная зимой, распутицей, необъятностью своей территории, не может быть побеждена. Троцкий признал, что в случае необходимости придется оставить Петроград, Москву и сформировать маневренную армию на восточных границах. Но вчера вечером русские военные нарисовали ситуацию в таких черных тонах, что совнарком признал ситуацию безнадежной, и это определило поражение, которое было признано сегодня утром. Я все же не отказываюсь от борьбы.

20 февр.

Дорогой друг,

Долгий разговор с Троцким. Неожиданное решение, принятое большевиками, подобное несуразному и страшному банкротству, будет использовано против них. Моральное банкротство, ведущее к банкротству политическому и к падению. Чувствую, что Троцкий и многие другие потрясены. Решаюсь на крайний шаг. Этим растерянным людям, которые уступают позиции главным образом потому, что русские генералы (жаждущие вернуть себе с помощью немцев свои доходы и привилегии) твердят им, что они должны уступить, я предложил помощь союзников, ту самую помощь, которую они тщетно запрашивают уже три месяца, в которой Антанта им постоянно отказывала и без которой, как я и говорил, они были обречены на мир. В первую очередь помощь нашей миссии в России: 40 штабных офицеров, 40 войсковых офицеров, 300 человек, которые могли бы непосредственно выполнить крайне необходимые подрывные работы, а затем стать инструкторами в учебных лагерях и техническими советниками в передовых

частях. Генерал Ниссель — один из наших самых блестящих генералов. Кроме того, миссия Бертело, располагающая несколькими сотнями офицеров, которых вскоре высвободит румыно-германский мир, могла бы содействовать реорганизации русской армии. Напоминаю Троцкому, насколько такие боевые качества французского солдата, как дерзость, находчивость, будут ценны в партизанской войне, с которой решено начать. Франция, после того как ее «подтолкнет» миссия, пошлет необходимые вооружение и специалистов. За ней последуют другие союзники. Помощь будет оказываться без политических или экономических условий. Большевики станут для нас оружием против немецкого империализма. Мы будем для них оружием против Германии, смертельного врага революции и защитницы капитализма и буржуазного порядка (прокламация Леопольда Баварского¹¹²). Вместе с тем я отвергаю довод Троцкого, опасавшегося за французских офицеров, которые окажутся среди пострадавших из-за них красногвардейцев. Предложение ему, очевидно, нравится. Оно соответствует его политике. Вот уже три месяца он просит помощи. Но предложение исходит лично от меня, оно сделано в частном порядке. Троцкий просит меня, чтобы в этом же смысле высказался посол. Я заверяю его, что завтра у меня будет ответ. Итак, мы с Троцким поняли друг друга. Я был в этом уверен. Это главное, но нужно скорее действовать, немцы быстро наступают. С другой стороны, французская миссия эшелон за эшелон отправляется к порту отправки. Если завтра я предложу Троцкому лишь скелет миссии, он, без сомнения, сочтет, что оказанная *in extremis* помощь не компенсирует психологический риск и политические неудобства нового союза с империалистами Антанты. К несчастью, у меня нет желания знать, почему присутствие военной миссии, похоже, стесняет некоторые личные амбиции: интриги заставляют эвакуировать ее во Францию тем скорее, чем яснее сегодня, что она может быть использована здесь.

Дорогой друг,

Чтобы не возбуждать негодования начальства, я не говорил ему, что взял на себя дерзкую инициативу предложить Троцкому содействие со стороны военной миссии. Наоборот, отмечаю, что это он вновь запросил помощь. Посол, наконец, стал осознавать, — лучше поздно, чем никогда, — значение, сиюминутное и будущее, участия в русском сопротивлении; да, это сопротивление может потерпеть поражение, но оно в той же степени может отдалить Россию от сепаратного мира. Жаль, что мы ждали до последнего часа, прежде чем прийти на помощь загнанному зверю. Как я и предполагал, вызывает недовольство пункт об отсутствии условий. Хотелось бы иметь политические и экономические гарантии. Я призываю согласиться, что все, что можно требовать от большевиков, — это боевые действия против немцев. По моей просьбе и в моем присутствии посол связывается по телефону с Троцким: «В вашем сопротивлении Германии вы можете рассчитывать на военную и финансовую поддержку Франции». Посол произнес эти слова грозным голосом. Это очень хорошие слова, замечательно многообещающие. Посмотрим, настроены ли наши представители перейти от слов к делам. Их вчерашняя враждебность и долгое противодействие, их сегодняшняя нерешительность не вызывают у меня доверия.

Петроград. 23 февр.

Дорогой друг,

Хороший день. Я счастлив, счастлив! Франция никогда не узнает, чем она мне обязана, или, если выразить ту же мысль скромнее и более научно, чем она обязана случаю, который в какой-то психологический момент привел меня в Петроград, обстоятельствам, которые переводом стрелки направили меня по пути к этой буре, доброму гению, который дал мне понять чуть раньше других, что нужно делать. За три месяца я сумел — вернее сумел бы — сделать в России больше

полезного, чем все союзнические представители, вместе взятые. Правда, они ничего и не делали. И я говорю о позитивном усилении. Да простится мне этот панегирик. Я брежу.

Целый или почти целый день у Троцкого. Сначала утром он сообщает мне, что Совет Народных Комиссаров принял принцип обращения к французской миссии, иначе говоря, к союзникам. Кажется, это ничто. Это невероятно много. Вспомним, что три месяца Ленин и Троцкий тщетно просили нашей помощи, тогда, когда она могла быть действительно эффективной и когда мы располагали двумя необходимыми вещами: временем и пространством. Сегодня часы сочтены, и немцы быстро уменьшают расстояние, которое отделяло их от Петрограда. Условия, таким образом, средние. Но грозящие стать серьезными, чтобы сотрудничество оказалось практически приемлемым для Советов.

Троцкий запрашивает у генерала Нисселя оценку того, что может быть сделано для организации сопротивления и в какой именно степени миссия способна немедленно приступить к этому делу. Днем приношу ему записку, составленную генералом, которого надеюсь в скором времени убедить в необходимости встретиться с Троцким. Уверен, что эти два столь разных человека сумеют взаимно оценить друг друга и проникнуться уважением, необходимым для серьезного сотрудничества.

Через две недели, то есть до подписания новых переговоров или, по крайней мере, до ратификации мира, мы оценим состояние русской армии, поставленной на ноги с нашей помощью. Мне кажется, что если мы проявим расторопность и энергичность, которые необходимо проявить в эти критические часы, мы уже будем иметь то небольшое, чего должно хватить, чтобы на несколько месяцев помешать существенному продвижению немцев. Во всяком случае, если большевики почувствуют, что мы серьезно и с добрыми намерениями помогаем им, они вновь обретут доверие к нам и будут воевать. Начиная с сегодняшнего дня судьба России зависит главным образом от нас.

Дорогой друг,

Большевики весьма мало верят в искренность и значительность усилий, которые французская военная миссия собирается проявить по отношению к ним. Можно ли их за это упрекать? Мы так долго отказывались предоставить им наше содействие, о котором речь зашла еще в ноябре и которое еще могло быть решающим в декабре и январе. Многие колеблются, принимать ли эту помощь, которую мы предлагаем им без энтузиазма и в последнюю минуту, когда, кажется, уже слишком поздно реорганизовывать армию. Как тех нескольких сот человек, составляющих французскую миссию, хватит, чтобы остановить, существенно затормозить головокружительное наступление противника? Сколько недель и месяцев пройдет, пока Франция и Англия, если даже допустить, что они искренне намерены сотрудничать, переправят те несколько полков, которые могут помочь русским частям удержать пути сообщения, и тех советников, которые необходимы для эффективного проведения военной реорганизации. Не случится ли, что до того, как эта работа принесет свои результаты, немцы продвинутся на русской территории достаточно далеко, чтобы свергнуть правительство Советов? И какие гарантии есть у большевиков в том, что, если они возобновят военные действия, союзники не станут по-прежнему вести антибольшевистскую деятельность?

Г-н Нуланс устно обещал военную поддержку со стороны Франции, но он не обещал поддержку и даже просто политический нейтралитет. Отказываются ли союзники содействовать усилиям меньшевиков, правых эсеров, реакционеров, которые, не колеблясь, воткнули нож в спину большевикам, когда те бросят все свои силы на борьбу с внешним врагом? Что ответить на доводы той части большевиков, которые отмечают, что в течение трех месяцев мы, не переставая, поддерживали и поощряли их противников?

«Скажите им, — ответил мне г. Нуланс, — что я возмущен тем, что они сомневаются в моей лояльности!»

Господин Нуланс произнес это с трогательной интонацией убежденности. Как коротка память! — ибо я уверен, что он говорил это искренне. Я поостерегусь

повторять эти наивные слова большевикам. Те рассмеются мне в лицо. Им не составит никакого труда продемонстрировать мне, какую антибольшевистскую работу осуществляли наши представители в Петрограде, Москве, по всей России. Они напомнят г. Нулансу, какую безумную национальную политику проводили Франция и Англия. Напомнят об их официальных заявлениях в Финляндии, на Украине, в Сибири, на Дону, и т. д., делаемых отнюдь не для того, чтобы укрепить федеральную связь, чтобы создать то, что необходимо — единую и неделимую Россию, но делаемых для того, чтобы отделить различные части России от центральной власти, подогреть их смертельно опасные сепаратные настроения, направить их военные усилия не против внешнего врага, против австро-немцев, но против внутреннего, против большевиков.

Нет, лучше я не буду пытаться оправдывать г. Нуланса и союзническую дипломатию за то, что они развернули эту сверхъестественную работу по расколу и разрезанию на искусственные регионы огромной России. Оправдывать — значит лишь усугублять их ошибки.

Да, поистине гениальная концепция, если согласно ей уже отдали Украину Австрии, подталкивают буржуазную Финляндию к Германии и Швеции; можно ожидать и других не менее благоприятных для наших противников результатов. Это может стоить нам не меньше, чем Брестский мир. Если бы мы на Украине не были на стороне украинской буржуазии, поощряя, морально по крайней мере, ее выступления против большевиков, Украина была бы еще российской, и ее правительство не начало бы сепаратных переговоров. Она бы участвовала в общих австро-германских переговорах как неотъемлемая часть Российской Федеративной Республики. Сепаратный мир между Украиной и Германией — это Россия, отрезанная от своего хлеба, от своей руды, своего угля, своих промышленных центров. Это мир, которого очень трудно избежать. И это мир, еще более необходимый для изолированной и окруженной Румынии.

В посольстве начинают отдавать себе отчет в последствиях этой ошибки. Я предупреждал о них с первых же дней. Теперь они стремятся избежать ответственности. Не получится. К этой теме вернемся чуть позже.

Тем не менее еще возможно исправить кое-какие

последствия этой политической ошибки, «более непросительной, чем преступление», сказал бы дипломат талейрановской школы.

Во-первых, не допустить русско-германского мира. Для этого нужно помогать, да что я говорю — толкать, вести за собой обескураженных большевиков своими срочными и решительными действиями.

«Но они демонстрируют нам свою не очень-то пылкую симпатию», — протестует посол.

Почему же большевики после всего того, что мы сделали против них, должны проявлять симпатию к союзникам? Это мы должны завоевать ее своей благонамеренностью и доброй волей. Не будем больше, вводя в заблуждение, демонстрируя по всякому поводу исключительную обидчивость, которая неуместна в переживаемый нами период, дожидаться, пока они первыми придут к нам. Пойдем к ним навстречу. Поднимем их нашим энтузиазмом. Возвратим им веру в самих себя и в нас. Оживим затухающий в них огонь. Будем французами, достойными Франции!

Петроград. 1 марта

Дорогой друг,

Внезапный отъезд послов Англии, Франции, Италии, Бельгии, и т. д. выставил их на осмеяние. Кто в ответе за это? Дестре за два часа до отъезда утверждал, что он подчиняется решению об отъезде, о своевременности которого с ним даже не советовались и все негативные последствия которого он понимает.

Русско-германский мир еще не ратифицирован. Немцы уже несколько дней вперед не продвигаются и находятся в 200 километрах от Петрограда. Я подтолкнул большевиков на защиту Петрограда. Я обещал им, что они могут в принципе располагать французской миссией. Я убедил их, что они смогут оказать сопротивление и что оно задержит на несколько недель вступление немцев в Петроград. И именно в тот момент, когда правительство Советов, приняв наши предложения и шире поняв свои собственные интересы, на деле начинает организацию военных действий, подготовив уничтожение коммуникаций и направив новые части на обо-

рону Пскова, Нарвы и т. д. представители союзников упархивают из Петрограда под предлогом, что в городе небезопасно. «Кого они обманывают? — спрашивает меня Троцкий и добавляет: — Впрочем, счастливого пути этим господам; дипломаты уехали — мы, наконец, сможем заняться самой лучшей дипломатией». Я почти согласен с ним; хочется все же пожелать, чтобы Запад прислал людей, более способных понимать и действовать, чем те, которые тихо исчезают, оставляя один на один с их трудностями колонии своих сограждан в России.

Но далеко ли уедут наши послы? Я предупреждал Нуланса, Дестре, и т. д., что финские белогвардейцы снабжаются оружием и командирами из Германии. Пропустят ли они дипломатический поезд? Сильно сомневаюсь. И если они воспротивятся проезду, придется рассматривать три гипотезы, в равной степени щепетильные для достоинства наших представителей: либо послы будут взяты в плен, либо их поезд будет задержан в Финляндии, либо они соблаговолят вернуться в Петроград. В любом случае они станут посмешищем.

Петроград. 2 марта

Дорогой друг,

Чтобы открыть эру дипломатии без дипломатов, Троцкий и Ленин предложили мне вчера поехать в Вологду и проинформировать посла Соединенных Штатов о том, что опасность японской интервенции в Сибири может создать трудности для союзников, и спросить у него, во-первых, согласно ли его правительство с правительством Японии, и, во-вторых, если не согласно, что он рассчитывает сделать, чтобы помешать этой акции, очевидно, враждебной по отношению к России и идущей вразрез с союзническими интересами. Я уже сообщал со слов Троцкого об отчетливо германофильской позиции, занимаемой с некоторых пор официальной японской прессой.

Не собирается ли «дальневосточная Германия», столь же коварная и столь же чудовищно империалистическая, как и европейская, воспользоваться разрухой в России, угрожающим положением союзников, чтобы

удовлетворить свои безмерные аппетиты в Сибири? Война невероятно усилила ее военную и экономическую мощь. Она, без сомнения, чувствует себя достаточно сильной, чтобы навязать союзникам свою политику, поскольку, как я представляю, неблагоприятный предлог о необходимости охранять склады во Владивостоке и восстановить порядок в Восточной Сибири не может обмануть ни Лондон, ни Париж и не оправдывает высадку значительных сил, о которой уже говорят. Можно уже не опасаться всерьез быстрого и мощного наступления немцев на Сибирь.

Очевидно, что японцы преследуют лишь сугубо эгоистические цели. Им нужны колониальные земли. Им нужно зерно, рис, чтобы кормить население метрополии, все более занятое в промышленности. Им нужна руда и уголь. Все это они без труда найдут в Сибири, и момент выбран как нельзя подходящий. Не решат ли союзники уступить и закрыть на все глаза под тем предлогом, что нужно уметь принимать то, чему нельзя помешать, и что, если мы не дадим своего согласия, японцы пойдут на предательство и перейдут на сторону Германии? Такая покорность позволила бы Японии, при молчаливом согласии американцев, установить свое господство в Тихом океане.

Если мы недостаточно сильны, чтобы пресечь подобные амбиции, не можем ли мы, по крайней мере, попытаться удовлетворить их лишь в строго ограниченных рамках, и главное, не должны ли мы сделать все, чтобы этот отказ от наших очевиднейших интересов имел свою положительную сторону? Не можем ли мы, наконец, добиться от Японии действенного участия в войне против Германии?

Я почти уверен, что в нужный момент смогу убедить Ленина и Троцкого пойти на разумную уступку в пользу Японии части сибирской территории, если Япония вместе с другими союзниками незамедлительно окажет России необходимую ей военную помощь, для которой она расположена лучше других. Повторяю и буду повторять: правительство Советов, даже если оно ратифицирует Брест-Литовский мир, полно решимости разорвать этот кабальный договор, условия которого неприемлемы и невыполнимы. Оно начнет действовать при первой же возможности, как только будет иметь в распоряжении армию, реорганизованную, как

я уже указывал не раз, на традиционных основах: дисциплина войск, компетентность кадров, возвращение старых офицеров и т. д.

Это трудное дело большевики осуществляют только с технической помощью союзников. Речь идет, разумеется, не о той помощи, которую способны оказать несколько французских офицеров (миссия выделяет их, кстати, неохотно), но о серьезной и разносторонней помощи. Твержу это три месяца. Если бы мой призыв был услышан раньше, Брестский мир, которого Троцкий не хотел ни за что и с которым Ленин смирился лишь потому, что не мог временно с ним не смириться, не был бы подписан. Решимся ли мы, наконец, это понять и действовать?

Петроград. 3 марта

Дорогой друг,

Генерал Ниссель был поставлен в тупик сообщением о том, какую дипломатическую миссию доверили мне Ленин и Троцкий. Однако он решает, что она нужна, важна и что, с одной стороны, действовать нужно быстро, а с другой — необходимо на деле доказывать нашу добрую волю к сотрудничеству. Мы должны любыми мерами поддерживать осуществление большевиками политики военной реорганизации и их все более явное намерение сотрудничать с союзниками. Нам также необходимо их согласие, чтобы провести безопасную и быструю эвакуацию в Мурманск. Таким образом, решено, что я поеду в Вологду в качестве неофициального частного лица. Мне выделен специальный состав. Пользуясь случаем, беру с собой несколько французов, в том числе Шарля Дюма, который едет в Москву. Как я и предполагал, позиция, занятая им в его единственном разговоре с Троцким, закрыла для него все двери в Смольном. При первой же возможности попытаюсь ему помочь. Пока же он может проделать полезную работу вместе с Пети среди меньшевиков. Не знаю, почему Дюма на меня сердит. Действительно, ведь не по моей вине у него так неудачно сложились отношения с Троцким.

Дорогой друг,

Мой визит в Вологду был плодотворным. Большевики довольны его результатами. Я добровольно перевыполнил намеченную для меня программу. За две продолжительные беседы я, надеюсь, почти убедил американского посла¹¹³, почтенного старца, немного медленного ума и заметно утомленного жизнью, которую он ведет на вокзале в Вологде в дипломатическом вагоне. Вкратце вот чего я добился:

1. Японская интервенция в Сибири должна быть замедлена, ограничена и должна потерять какой бы то ни было антирусский характер. Одновременно американцы своими действиями должны поддержать Россию и защитить общие интересы Антанты. Советник посольства был направлен вчера в Вашингтон с заездом в Токио.

2. Соединенные Штаты будут сотрудничать в деле организации сопротивления Германии, подготавливаемого большевиками, помогая продовольствием, направив офицеров-инструкторов и, может быть, несколько дивизий. Значительная группа специалистов-железнодорожников (350 инженеров и мастеров), которая уже несколько недель находится во Владивостоке и в Японии, будет по возможности быстрее передана в распоряжение большевикам для работ по реорганизации транспорта, на сегодня главной из всех проблем.

3. Американское правительство должно официально протянуть руку русскому народу, по крайней мере, фактически признать правительство Советов.

Я по-прежнему, что бы там ни думали, не строю чрезмерных иллюзий на этот счет. Положение почти безнадежное, но если союзники сумеют быстро и основательно встать на путь сотрудничества, еще можно будет во что-то верить.

Будет или не будет ратифицирован мир Съездом Советов, который соберется в Москве 12 марта, сопротивление Центральным империям организуется, но со своими собственными силами, вернее со своими собственными слабостями, большевики не могут ничего.

Мы можем послать им специалистов:

1. Чтобы подготовить по всему фронту, от Белого моря до Черного, оборону и уничтожение коммуникаций.

Если эта работа будет начата без опоздания, продвижение немцев будет остановлено, по крайней мере, приостановлено до конца распутицы, то есть до мая.

2. Чтобы эвакуировать или уничтожить, поскольку эвакуация из-за положения на транспорте может быть лишь частичной, склады продовольствия и боеприпасов, которые находятся в прифронтовых районах (!).

3. Чтобы эвакуировать те запасы, которые, находясь сейчас в крупных центрах (включая Петроград и Москву) под угрозой возможного наступления противника, могут быть в случае эвакуации использованы при реорганизации русской армии, и уничтожить те запасы, которые в противном случае могут быть использованы противником.

Последний осмотр, производившийся в эти недели, показал, — чего ни большевики, ни мы не могли предполагать, — что во всех этих центрах еще имеются невероятные запасы оружия, а также продуктов питания, фабричных товаров, тканей, одежды, хлопка, льна, металла, смазочных материалов и т. д., и т. д. Все это пряталось промышленниками и спекулянтами-перекупщиками. В первую очередь важно эвакуировать запасы оружия; если немцы возьмут Петроград, Москву и двинутся, как можно предположить, к Донецку, у России не останется ни одного центра, способного производить оружие и боеприпасы. Ей придется в таком случае рассчитывать только на архангельские резервы, крайне скудные, и владивостокские — очень значительные, но которые будет почти невозможно вывезти в Россию вовремя и в необходимых количествах, поскольку провозоспособность транссибирской линии — не более нескольких десятков вагонов в день.

4. Чтобы обучить новую армию, сформированную из добровольцев и рекрутского набора одного или двух молодых разрядов.

Большевики знают, что несовместимость между существованием их правительства и германского очевидна. Немцы поэтому приложат усилия к свержению большевиков, чьи революционные замыслы, несмотря на анархию, беспорядок и поражение, подобны эпидемии, угрожающей соседним самодержавным государствам. Что предпримут Центральные империи — открытое и немедленное наступление на Россию? Или же они начнут с того, что перережут, с одной стороны, сообщение

России с Западной Европой, протянув руку финским белогвардейцам, а с другой — обрекут ее на голод, продолжая наступление на Украину, чтобы прибрать к рукам ее хлеб и главные промышленные центры? Вероятно, и то, и другое. Что не помешает им, кстати, продолжать свои политические акции. Уже давно через своих опытных агентов они наладили связь с большинством небольшевистских, монархических, умеренных партий и с правыми эсерами. Какая бы ни была партия, пытающаяся свергнуть большевиков, очевидно, что сегодня она может добиться своего лишь при поддержке Центральных империй, не только моральной, но и материальной, поскольку по-прежнему только большевики располагают силами, которых достаточно для того, чтобы удержаться у власти.

Словом, можно предвидеть, что какая бы партия ни сменила большевиков, она будет поставлена у власти Германией и будет чувствовать себя ей обязанной. Мы можем и не надеяться на какое-либо понимание с ее стороны, а Россия под ее руководством очень быстро попадет в экономическую и политическую зависимость от Германии.

Если к тому же японское дело не решится так, как я советовал его решить на днях американскому послу, Центральные империи, совершенно обезопасив себя на Востоке, будут располагать полной свободой действия на Западном фронте.

Имея чрезвычайно мощную, собранную против нас в кулак армию, начнут ли они наступление? Направят ли они его сначала на Салоники и Грецию, чтобы полностью покорить Балканы? Попытаются ли они устранить из борьбы Италию, моральный дух которой — о нем мне рассказывал позавчера в Вологде Робер де Флер — в плачевном состоянии?

Ограничатся ли они тем, что вгонят между Швейцарией и Северным морем громадный пыж из людей и пушек и будут ждать наших атак?

Если они не уверены в решительном успехе на нашем фронте, то последняя гипотеза — самая вероятная. И в этом случае можно представить, что под защитой такой пробки они возродят у себя промышленность, используя дополнительную рабочую силу, вывезенную с Балкан и из России, промышленность, которая найдет огромные рынки сбыта в Скандинавских странах, на

Балканах, в России и дальше за Россией, на большей части азиатских территорий.

Я прекрасно понимаю, что такую программу, легко ложащуюся на бумагу, было бы непросто осуществить. Реорганизация и частичная переориентация промышленного оборудования, поставок и рабочих, развернутые в самый разгар военных действий, — дело обременительное. Восстановление русских железных дорог, необходимых для вывоза из России зерна и металла и ввоза туда в значительных количествах готовой продукции, потребует долгих месяцев. Но мы обязаны всего ждать от великого народа страны, с которой мы ведем войну, народа, который за четыре года показал ошеломляющие примеры своей методичности, своей гениальной находчивости и неслыханного упорства в бою.

Мой отъезд из Вологды задержался на сутки из-за депеши из Петрограда, в которой сообщалось о прибытии курьера Шомье с очень важным письмом для меня. Мой специальный состав уехал, я остался ждать Шомье и со мной Робер де Флер, который хотел получить от меня некоторые сведения об общем положении в России. Оно оказалось безрадостным.

Петроград. 8 марта

Дорогой друг,

Перечитываю свои вчерашние записи. Да, выстроенный мною немецкий план столь грандиозен, что он выглядит чистой химерой. Германия, обороняющаяся на Западном фронте и восстанавливающая под прикрытием своих армий нормальную экономику внутри страны, сможет бесконечно оказывать сопротивление совместным усилиям (в какой мере совместным, нам необходимо это оценить здесь) Франции, Англии и Соединенных Штатов. Когда я выражаю такого рода беспокойство в союзнических кругах, надо мной вновь посмеиваются. Возражают и на первый взгляд убедительно, что я недостаточно учитываю наступательную мощь союзников, которая не даст Германии получить свободу маневра, необходимую для осуществления этой программы. Ну, а если все же противник выберет этот план и начнет его осуществлять, разве не понятно, какая

смертельная опасность нависнет тогда над Западом? Ни один из шагов, которые немцы предпримут сегодня, чтобы распространить в России и в Азии свои рынки сбыта, не будет случайным. После заключения всеобщего мира они сохраняют все, что завоюют; в территориальном и промышленном отношении почти наверняка. Единственный способ отвести угрозу — организовать в России вооруженное сопротивление. Единственная власть в России, которая пойдет на организацию сопротивления, — власть Советов. И это сопротивление имеет шанс organizоваться лишь при поддержке союзников.

Мы не имеем больше права думать о большевистских лидерах так, будто они агенты Германии, но пока еще можно думать, что они хотят обмануть союзников, что они не имеют политического авторитета и организаторских способностей. Однако только они одни хотят дать Германии отпор. Если бы они не защищались, она бы их смела. Их заинтересованность, их желание сохранить себя для нас — лучшая гарантия честности их борьбы против Германии. Без нас эта борьба останется безрезультатной. Может быть, даже и с нами? Вопрос не в этом, у нас здесь осталась единственная небитая карта — большевики. Мы должны играть, не колеблясь. Чем рискуют союзники? Несколькими миллионами или миллиардами, несколькими десятками или сотнями офицеров, несколькими тысячами или несколькими десятками тысяч солдат.

Но подумаем о громадных убытках, о страшных жертвах на нашем фронте. О тех убытках и о крови, которых может не быть, если эта попытка удастся. То, что она удастся, — почти невозможно, но все же возможно. И первый результат обязательно будет. Еще до того, как Россия начнет сопротивление, когда у нее еще только появится воля к нему, Германия забеспокоится, ей придется обернуться на Восток, поскольку Брестский мир по своему характеру лишь перемирие, которое в любой момент может быть нарушено новой русской армией, поддерживаемой силами союзников.

Я представил Троцкому американского военного атташе. Соединенные Штаты официально обещали свою помощь.

Дорогой друг,

Большевики понимают, что в случае возобновления военных действий с Германией они должны ожидать быстрого наступления противника.

Они готовы оставить Петроград, Москву и, если нужно, говорят они, уступить Европейскую Россию.

Новая армия будет формироваться на Волге и на Урале за партизанской завесой.

Правительство вскоре переедет в Москву, Генеральный штаб, вероятно, — в Нижний Новгород. Обеспечение обороны Петрограда поручено по преимуществу Троцкому. Понятно, что он не поедет со всеми остальными наркомками, отъезжающими в Москву завтра и послезавтра. Разумеется, я еду в Москву вместе с миссией, но буду регулярно совершать путешествия из Москвы в Петроград, чтобы поддерживать тесную связь с Троцким. Он считает необходимым, чтобы мы встречались часто. Авторитет Троцкого, в какой-то момент пошатнувшийся после критики Ленина в адрес своего содиктатора в ответ на его толстовский жест в Брест-Литовске, быстро укрепляется.

Петроград. 13 марта

Дорогой друг,

Сегодня днем выезжаем в Москву. По многим причинам я не жалею, что покидаю Петроград. К тому же буду ездить сюда время от времени к Троцкому, который, надеюсь, и сам переедет в Москву. Действительно, сегодня стоит вопрос о том, чтобы поручить ему военное ведомство. Я активно агитирую товарищей за его кандидатуру. Он из всего большевистского аппарата — бесспорно, тот самый человек, который лучше всех справится с этим делом, к тому же он наиболее внимательно прислушивается к нашему мнению и соотносит с ним свои действия. Я в самом деле продолжаю надеяться на очень активные взаимодействия союзников вообще и Франции в частности с большевиками в деле реорганизации армии.

Вместе с Троцким в Петрограде остаются Луначарский и Шляпников. Первый из них должен заняться общими административными вопросами, второй — в ос-

новном эвакуацией и обеспечением района. Мои отношения с ними также потребуют моего регулярного присутствия в Петрограде. Но главное — необходимо поддерживать свой авторитет у Троцкого. Троцкий все больше набирает силу и ведет в настоящий момент, — вероятно, даже в большей степени, чем Ленин, — основную внутреннюю и внешнюю политику.

Но оставаться в Петрограде, когда правительственным центром становится Москва, невозможно. Я должен продолжать свою агитацию среди всех большевистских лидеров, включая Ленина, который холоднее, если не сказать враждебнее, всех остальных относится к моим действиям.

Мои ежедневные беседы с лидерами правящих и оппозиционных партий имеют слишком очевидное значение, чтобы от них отказываться. Здесь заметны результаты этой настойчивой работы. Большинство наркомов, членов Центрального Исполнительного Комитета, с которыми я постоянно встречаюсь уже четыре месяца, стали для меня настоящими друзьями. Я добиваюсь от них все более важных принципиальных и фактических уступок. Только что, в частности, я подвинул «Известия», официальную газету, и «Правду», официозную газету большевиков, на публикацию статей, призывающих к обороне отечества и восстановлению порядка. Готовятся значительные перемены в политической сфере, в исполнительной власти. Ленин и Троцкий подготавливают восстановление экономики, которое будет для них делом трудным, но оно совершенно необходимо, и, чтобы избежать краха, они начнут его уже в ближайшее время.

По-прежнему хотелось бы, чтобы сюда направили связных, которых я просил с первого дня приезда. Несколько умных, гибких, исключительно преданных делу товарищей могли бы быть здесь очень полезными. Но, к сожалению, я до сих пор один.

Не так давно американцы познакомили с Троцким полковника Робинса¹¹⁴, известного в Соединенных Штатах политика, экс-кандидата на пост вице-президента в списке Рузвельта. Он, как мне кажется, человек очень умный, деятельный, который может быть полезен. К несчастью, он, похоже, в политическом плане вызывает у Троцкого лишь относительное доверие, прежде всего потому, что он представляет самую империалистиче-

скую и самую капиталистическую партию Соединенных Штатов, а также потому, что показался в беседах с наркомом по иностранным делам слишком глубоко дипломатичным, слишком «хитрым». Английские интересы также уже несколько недель представлены в Смольном дипломатическим агентом Локкартом¹¹⁵, который кажется некоторым большевикам более серьезным и деловым, чем Робинс.

Увы, Локкарт, как и Робинс, образцовый буржуа. А нужны бы союзники-социалисты и левые социалисты. Таких здесь нет. Почта после событий в Финляндии приходит плохо или не приходит вообще. Почти всякая связь между нашими демократиями и Россией прервана.

Какая досада, что Каменев не был принят во Франции. Это очень образованный, очень уравновешенный человек, на которого наши французские друзья смогли бы оказать весьма благотворное влияние и который мог бы из Парижа по-новому направить практическую политику, которую хотят начать здесь. Можно было легко доказать, что его товарищи и он сам допустили грубые ошибки, как они сами признают, по недоразумению, по неопытности, по незнанию. Да и кто, окажись он, как и они, перед такой гигантской задачей, не продвигался бы долгое время на ощупь в этом грандиозном деле претворения принципов в реальность. Каменев, вероятно, сумел бы убедить французские власти начать экономическое и военное сотрудничество с большевиками. Начнись эта работа несколько недель назад, сегодня она продвигалась бы уже по правильному пути. К сожалению, вынужден говорить в условном наклонении прошедшего времени, то есть выражать бесполезное сожаление. Каменева не приняли во Франции. Здесь нет ни одной делегации союзнических социалистов. Сотрудничество, в неофициальном порядке предложенное большевикам, идет робко, неохотно и до смешного урезано. Не получив официальной поддержки, обращаюсь теперь к промышленникам и банкирам, объясняю им, в чем выгода совместных действий. Многих из них представил Шляпникову и другим большевикам, занимающимся эвакуацией и снабжением Петрограда.

Дорогой друг,

Перед отъездом в Петроград я получил письмо от Альбера Тома, в котором сообщалось, что в начале января Пишон¹¹⁶ направил послу Франции в Петрограде телеграмму с просьбой регулярно запрашивать у меня мнение о событиях в России и разрешить мне телеграфировать в Министерство иностранных дел фактические сведения и сделанные на их основе выводы, разумеется, предоставляя Нулансу право сопровождать всякую подписанную моим именем депешу примечанием с изложением его личного мнения.

Эта депеша пришла сюда больше трех месяцев назад. Однако я до сих пор не знал о ее существовании, а меня не изволили поставить в известность о данном мне разрешении телеграфировать в Париж. На мой вопрос генерал Ниссель ответил, что, действительно, такая депеша посольством была получена, но г. Нуланс не счел, что будет полезным мне о ней сообщить. Я в бешенстве.

Признаю, за последние два месяца посол часто консультировался со мной, просил составить записки, некоторые из которых были телеграфированы в Министерство иностранных дел за моей подписью. Но составляя эти записки, я полагал, что г. Нуланс действует по собственной инициативе. Оттого я соглашался с его дополнениями, обтекаемыми формулировками, сокращениями, будучи уверенным, что если текст будет более полным и энергичным, то есть соответствующим тому, что я думаю, в Париж не будет послано ничего. Я был в этом тем более уверен, что не раз г. Нуланс по поводу той или иной фразы в моих записках абсолютно прямо говорил мне: «Я так не думаю. Я не могу такое отправить» и т. д.

Можно не говорить, что если бы я знал о предоставленном мне праве без купюр сообщать по телеграфу то, что я думаю, я часто и в полной мере пользовался бы этим правом. Горько думать о тех полезных советах, которые за два месяца я мог бы передать в Париж тем путем, который был открыт, и я об этом не знал. Здесь в России телеграф — единственное средство, хоть как-нибудь обеспечивающее быструю связь. Особенно после событий в Финляндии наша почта стала до такой сте-

пени редкой, ненадежной, медленной, что я продолжаю писать эти ежедневные записки исключительно потому, что научился делать это быстро. Дойдя до Франции, они уже почти не представляют никакого интереса, — так стремительны и многообразны события.

Даже рискуя быть обвиненным в чрезмерном самомнении, считаю своим долгом сказать, что если бы я мог, как мне было разрешено, с января связываться по телеграфу с французским правительством, наш кабинет, я убежден, согласился бы пойти на сотрудничество, о котором большевики запрашивали с декабря и даже с конца ноября 1917-го, в области экономической реорганизации и создания новой армии. За два месяца можно добиться результатов, и большевики, без сомнения, располагали бы несколькими десятками тысяч солдат, которые сумели бы, отстояв пути сообщений, благодаря зиме, а затем и распутице, дать отпор наглым притязаниям немцев. Будь такая сила сформирована, мир, безусловно, не был бы подписан.

В огромном списке ошибок, допущенных в России против интересов Антанты, эта мне кажется сугубо непростительной.

Москва. 16 марта

Дорогой друг,

Съезд Советов, Конвент, был созван для ратификации Брест-Литовского мира и принятия решения о переводе столицы России из Петрограда в Москву. Большевики торопят дебаты. Они вызывающе бойкотируют всех ораторов от оппозиции, крикуны заглушают их выступления, как только кто-то позволяет себе самую незначительную критику политики правительства. Достаточно произнести два слова «Учредительное собрание», чтобы вызвать бурю негодования и быть вынужденным сойти с трибуны. Председательствующий Свердлов, прозванный «затыкальщиком», совершенно серьезно заявил, что произнесение этого выражения должно рассматриваться как провокационный акт по отношению к съезду. Мои друзья большевики немного перегибают палку.

За исключением большевиков все представленные на съезде партии, включая анархистов, высказались против

ратификации мира и за немедленную войну. Даже среди большевиков образовалось меньшинство «вояк», во главе с Коллонтай, Дыбенко¹¹⁷, Рязановым¹¹⁸, Бухариным¹¹⁹... Всего около шестидесяти членов партии.

К тому же все ораторы без исключений, в том числе и большевики, и среди них Ленин и Чичерин, ясно заявили, — настолько ясно, насколько это можно сделать на съезде, где каждая фраза станет известна противнику, — что ратифицированный мир будет непрочным, что война вскоре возобновится, что следует уже сейчас подготавливать новую армию.

Дебатов не получилось. Два выступления Ленина, плоские и пустые, усыпанные жестокими нападкамии неуместными остротами, направленными против противников ратификации, произвели на меня тягостное впечатление.

В кулуарах товарищи горячо поздравили меня с результатами моей поездки в Вологду. Обращение Вильсона к Советам приписывают моим заслугам. По возвращении в Петроград я говорил, что такое возможно. Ленин и Чичерин видят в обращении Вильсона подтверждение того, что Соединенные Штаты готовы, с одной стороны, сотрудничать с большевиками, а с другой — готовы помешать японской интервенции, которая по-прежнему остается для правительства самым тревожным вопросом.

Первый результат депеши Вильсона — то, что впервые на съезде Советов в ходе продолжительных заседаний, где обсуждался политический отчет, официально не было произнесено ни одного откровенно враждебного слова в адрес союзников. Это отметили все делегаты. Кое-кто из правых эсеров и центристов, «наших хороших друзей», оказались единственными, кого это возмутило.

Рязанов, председатель петроградского совета профсоюзов, дружески и с восхищением относящийся к французскому народу, возмущенно выступает против перенесения столицы в Москву. Он предвидит сильное недовольство рабочего и торгового населения Петрограда. Решение о перенесении столицы заденет его самолюбие, намечаемый же перевод промышленности Петрограда на Волгу и на Урал ущемит его самые непосредственные интересы.

Действительно, большевики не скрывают, что эвакуация заводов и складов — мера не временная и осуществляется не только для того, чтобы промышленность не

попала к немцам, если их наступление будет продолжаться. Речь идет о глубоком перевороте в национальной экономике. В последние годы промышленность в районе Петрограда развивалась совершенно непропорционально и искусственно. Ей необходимо вернуть правильные пропорции, соответствующие географическому положению города, его удаленности от горнодобывающих центров и районов потребления России. Петроградским промышленникам будет бесплатно предоставлен транспорт для перевозки всех станков, инструментов, сырья, конечных продуктов. Таким образом, они скорее всего без колебаний откликнутся на просьбу о переброске заводов, в которой они почти все, очевидно, заинтересованы. Я говорю именно об интересах на будущее, но, разумеется, от захвата противником они прежде всего заинтересованы спасти то, что имеют.

Видел Коллонтай, вернувшуюся с Аландских островов, где она была арестована и подверглась грубому обращению со стороны шведских офицеров, отказавших ей в праве проезда. Она отказалась от своей поездки во Францию. Я сожалею об этом. Сегодня, как никогда, необходимо, чтобы большевики были представлены на Западе людьми первого плана для того, чтобы быть понятыми и чтобы понять. Я передавал с Коллонтай огромный пакет, мои записки и письма больше чем за месяц. Все теперь лежит в Петрограде. Попытаюсь как можно быстрее отправить это с кем-нибудь в Париж.

Москва. 17 марта

Дорогой друг,

Я вне себя. Сегодня утром меня предупредили, что в Москву только что приехал Троцкий. Бегу в Кремль. Троцкий устраивает мне ледяную встречу. Задетый этим едва ли корректным отношением, я тут же разворачиваюсь и ухожу. Попытался понять, почему этот человек, четыре месяца относившийся ко мне как к другу, доверявший мне свои мысли, так резко и полностью переменяет свое отношение ко мне. Не смог. Петров¹²⁰, помощник наркома по иностранным делам, заявил, что Троцкий получил новые сведения о том, что наступление на

большевиков было осуществлено Румынией якобы по совету миссии Бертело и что ею же был разработан план боевой операции, осуществленной румынской армией. Французские офицеры как будто лично участвовали в первых боях и покинули румынские части, в составе которых они сражались, лишь несколько недель спустя. Кроме того, Троцкий и Ленин возмущены позицией, занятой французской официальной прессой, — а это значит и французским правительством, — которая подталкивает Японию к немедленной интервенции в Сибири. Они подчеркивают существующее здесь противоречие между выжидательной, по крайней мере по их впечатлению, позицией Англии, между явно благожелательным отношением к русским со стороны Соединенных Штатов и враждебным отношением Франции. Их это тем более возмущает, поскольку они считают, что союзники, а точнее говоря, французы, попались на удочку Японии, что она, нажившись за счет немцев в Китае, наживается за счет союзников в Сибири, но что она отнюдь не собирается вмешиваться в мировой конфликт, хочет, так сказать, себя нейтрализовать, чтобы полностью сохранить свое влияние и извлечь для себя максимально большие выгоды на Всемирном конгрессе мира. Но все это не оправдывает некорректности Троцкого по отношению ко мне.

Москва. 18 марта

Дорогой друг,

Сегодня утром, идя в «Националь» к Коллонтай, встретил отставного министра государственного призрения прямо у гостиницы. Остановившись перед тележкой, она покупала какие-то фрукты. За последние два месяца она постарела лет на десять. Государственные заботы, или то, что она недавно вынесла от шведов, или ее замужество с суровым Дыбенко? Сегодня мне она кажется особенно уставшей и отчаявшейся. Очень волнуясь, она рассказывает, что накануне был арестован ее муж, совершенно незаконным образом, по чудовищному обвинению, которое грозит ему расстрелом с судом или без суда в самое кратчайшее время¹²¹. Он содержится в Кремле, куда она собиралась отнести ему немного еды.

Я иду с ней. По ее мнению, настоящие причины ареста ее мужа таковы:

1) это — репрессивная мера Ленина против товарища, который посмел поднять знамя бунта. Это также способ запугать большевистских лидеров, которые вздумают последовать примеру наркома по морским делам и перейти в оппозицию;

2) это верный способ помешать Дыбенко уехать сегодня вечером на Юг, где он должен был принять командование над новыми большевистскими частями.

Возглавив части, Дыбенко мог (по крайней мере, Ленин должен был этого опасаться, потому что хорошо знает активность и недисциплинированность Дыбенко) либо немедленно начать военные действия против немецких сил и разорвать мир, либо выступить на Москву и возглавить движение против большевистского большинства. Коллонтай убеждена, что следствие, начатое против ее мужа, ничего не даст; с другой стороны, верные матросы Дыбенко направили Ленину и Троцкому ультиматум, извещающий, что если через 48 часов их дорогой нарком не будет им возвращен, они откроют огонь по Кремлю и начнут репрессии против отдельных лиц. Коллонтай могла бы быть совершенно спокойна, не опасаясь она в какой-то степени, что ее мужа могут поспешно казнить в тюрьме.

Днем Чичерин, новый наркоминдел, подарил мне ключ к загадке, которая не давала мне покоя последние два дня. Обидчивый Троцкий перед своим отъездом из Петрограда имел беседу с генералом Нисселем. Тот, готовясь вот-вот вернуться во Францию, счел своим долгом выложить все, что было у него на сердце, бурно отчитал диктатора пролетариата и говорил так, «как никакой генерал не позволил бы себе говорить с унтер-офицером».

Троцкого, видимо, настолько задело поведение генерала Нисселя, что он резко прервал беседу.

В свое время я позволил себе рекомендовать генералу Нисселю не встречаться с Троцким без меня. Я знаю темперамент генерала. Я знаю, как обидчив и неуравновешен Троцкий. Без буфера, которым служил бы я, столкновение было неизбежным. Безусловно жаль, что оно произошло. Какой бы серьезной ни была причина вспышки нерасположения Троцкого, я вижу теперь, что оно очень быстро пройдет. За будущее я спокоен.

Дорогой друг,

Троцкий оказал мне сегодня прием, достаточный ; того, чтобы рассеять неприятные воспоминания. Но мынское и японское дела странным образом настроило его против меня. Я информирован, — по крайней мере считаю, что я информирован, — о деятельности румынской миссии. Действительно, я не раз беседовал с гералом Бертело, которому я рассказал о возмущении большевиков и который ответил мне самым исчерпывающим образом. Пытаюсь поэтому объяснить Троцкому, миссия не допускала абсолютно никаких нарушений но он утверждает, что располагает настолько неоспоримыми документами и свидетельствами, что дискуссия здесь быть не может. Я тем не менее настаиваю на своем поскольку со своей стороны я беседовал с товарищами из миссии Бертело, находящимися проездом в Москве и они рассказали мне всю правду.

Японское дело, кстати, продолжает тревожить большевиков много больше. Несмотря на дружескую позицию, занятую Соединенными Штатами, очевидно, Япония не откажется от интервенции, если она чувствует поддержку Англии и Франции. Вновь очень аккуратно указываю Троцкому, каким должно быть средство против этого зла. Любой ценой, при необходимости территориальной уступки, нужно, чтобы Япония осуществила эту интервенцию на стороне России. Некоторых наркомов я уже убедил. Троцкого — пока нет. По его мнению с одной стороны, Япония откажется оказывать содействие России; с другой — если и сделает вид, что соглашается, то лишь для того, чтобы иметь предлог вмешательства во внутренние дела России и чтобы сыграть одновременно игру реакции и Германии.

Троцкий будет просить у Соединенных Штатов, кризисных инженеров и специалистов-железнодорожников, десяти офицеров-инспекторов и инструкторов.

А Франция? Троцкий на нас обижен. Но это скрывается. Я говорил с Риггой, помощником американского военного атташе. Ригга отличный паренек, большой франкофил, и мне с ним легко. Он понимает, что только одна страна в состоянии дать новой русской армии необходимые ей инструкторские кадры, потому что только она одна располагает достаточным по количеству и

качеству офицерским корпусом. Это Франция. Однако румынская миссия, насчитывающая несколько сот офицеров, через несколько дней покинет Россию. После ее отъезда немедленной помощи не сможет оказать никто из союзников. Об этом я уже говорил Троцкому. Ригга напомнит ему. Франция должна руководить организацией и обучением новой армии, Соединенные Штаты при этом берут на себя вопросы транспорта и снабжения.

Москва. 20 марта

Дорогой друг,

Положение большевиков далеко не блестяще. С экономической, финансовой, военной точки зрения государственный механизм разбит вдребезги. Речь идет о том, чтобы его починить, и починить очень быстро. Это будет трудно. Наркомы отдают себе в этом отчет. Они признают те серьезные ошибки, которые были ими допущены, и заявляют о своей готовности начать серьезную и планомерную работу.

Я добился, чтобы Троцкий от имени Совета Народных Комиссаров обратился к генералу Лаверню с просьбой о техническом содействии в реорганизации армии на общепринятых основах дисциплины и компетентности: отмена комитетов, не выборы, а назначение офицеров, привлечение старых офицеров, которые получают новые знаки различий, а также материальное и моральное удовлетворение, восстановление смертной казни и строгих дисциплинарных наказаний и т. д., и т. д...

Условлено, что Троцкий запросит сначала четыре десятка офицеров.

Чтобы так быстро добиться этой перемены в его отношении, мне пришлось наступать на Троцкого. Время требует принятия быстрых решений.

Если мы этого хотим, мы будем бесспорными и полномочными руководителями в деле реорганизации армии. Для этого я добьюсь у Троцкого всего, что нужно. Уже решено, что некоторые офицеры миссии будут сотрудничать с ним непосредственно, получают кабинет рядом с ним и будут выполнять функции своеобразного военного совета, органа по разработке и осуществлению проектов и контроля за выполнением одновременно.

Троцкий не видел никакой пользы в обращении к англичанам и итальянцам. Я без труда доказал ему, что нам нужно взаимодействие союзников. Через два-три дня, если, как я ему обещал, Соединенные Штаты и Франция твердо пообещают свое содействие, он соберет на предварительное заседание руководителей всех союзнических миссий.

По экономическим вопросам, и в частности для эвакуации Москвы, я тоже легко получу согласие Троцкого, Шляпникова и Ленина на сотрудничество (управление и контроль) французских специалистов.

Больше двух месяцев назад я говорил об изменении курса, которое большевики начинают сегодня осуществлять и которое осуществили бы значительно раньше, если бы мы предоставили им для этого возможности, оказав компетентную помощь. Не лишне повторить — то, что четыре месяца так безнадежно погружало их в мир призраков, суть их общая неопытность. Все они идеологи, кабинетные люди, без практического видения вещей, привыкшие анализировать проблемы и попытавшиеся их разрешить путем чистого приложения чистых принципов. Уже давно они звали на помощь. Уже давно я сообщаю об этих призывах. Потерянного времени не вернуть. Тем не менее мы должны попытаться вытащить их из создавшегося положения, потому что от их судьбы зависит в большой мере судьба России и Антанты.

Как большевистские массы воспримут эту перемену курса? Ясно, что во всех кругах люди устали от беспорядка. Однако политическая ситуация тревожная. В центре анархисты, бесспорно, завоевывают позиции. Идеологов, которые еще фактически стоят во главе движения, большевики могут легко подчинить себе и привести их к временному сотрудничеству. Но анархистские массы пополняются в основном за счет самых низов общества. Ими владеют только аппетиты, которые они стремятся немедленно удовлетворить.

Их цели: разграбление богатств, имеющих у буржуа, захват и разграбление богатых домов и т. д., и т. д. Начинаются жестокие репрессии анархистов. Но задача с каждым днем все необъятнее.

Чтобы быстро уничтожить анархию, большевики должны показать, что они могут быть безжалостными.

Разумеется, реакционеры, верные своей политике «чем хуже, тем лучше», поддерживают своими деньгами

анархистов, расценивая это движение как наступление на большевизм, как способ его уничтожения, не замечая при этом, что даже временный триумф анархистов породит погромы, кровавые бойни, расстрелы и повешения буржуа, что они же станут первыми жертвами собственной политики.

Большевики надеются довольно легко устоять под напором анархистов. Я же считаю опасность реальной. Ее уменьшит сотрудничество союзников, которое должно очень скоро сблизить с нынешним правительством умеренные и даже буржуазные элементы, пока еще несколько удивленно, но уже с уважением воспринимающие призывы к дисциплине, к порядку, к работе, к долгу, с которыми в последнее время выступают большевистские лидеры.

Нет необходимости повторять, что триумф анархии, если он произойдет, будет недолгим и сменится в кратчайшее время реакцией, безусловно, прогерманской, то есть антисоюзнической.

Москва. 26 марта

Дорогой друг,

Сотрудничество союзнических миссий с большевиками по реорганизации новой, дисциплинированной, обученной, революционной, но традиционной по структуре армии началось. Французской миссии предстоит играть главную роль в этой реорганизации. Несколько офицеров будут приданы непосредственно Троцкому; они составят в некотором роде неофициальный военный кабинет, который будет контролировать различные службы Комиссариата по военным делам. Офицеры уже отобраны и действуют осторожно. Действительно, речь идет не о том, чтобы втолкнуть Францию в авантюру, которая может закончиться неудачей. Не нужно брать на себя ответственность за эту возможную неудачу. К тому же и большевики могут использовать союзников исключительно осторожно — по понятным политическим причинам и потому, что они должны, с другой стороны, считаться с величайшей вспыльчивостью их штаба.

Словом, мы должны занять позицию, изобретенную немцами, которые до войны были связаны с админи-

стративными и промышленными делами России. Ее суть в том, чтобы предоставить русским весь «фасад», блестящие победы, первый план, и управлять машиной из-за кулис, неприметно, оставляя всю выгоду и все почести от результатов русским специалистам. У этой скромной роли есть двойное преимущество, она щадит крайне чувствительное самолюбие наших союзников и в самой малой степени обязывает нас разделять с ними ответственность. С величайшей осмотрительностью необходимо действовать — если мы хотим избежать ультиматума Германии, которая категорически потребует от Советов Народных Комиссаров не допускать союзнические миссии к управлению военной администрацией.

Тот же метод сотрудничества следует использовать и в изучении различных экономических вопросов и, в частности, в подготовке эвакуации Москвы. Я уже сделал такое предложение некоторым французским промышленникам и инженерам и получил их согласие. В этой области большевики также признают необходимость создания сильно централизованного органа, который заменит уже сформированные или формирующиеся бесчисленные болтливые и некомпетентные комиссии. Во главе Центрального комитета по эвакуации нужен человек с диктаторскими полномочиями. Мне посоветовали генерала Ванкова¹²² — энергичный, франкофил, два года возглавлявший здесь производство боеприпасов французского образца. Я имел с ним беседу и считаю его кандидатуру подходящей. Предложил ее наркомам. Есть все основания считать, что она будет одобрена. Убеждаю Троцкого, почему необходимо тщательно охранять мурманскую и архангельскую железные дороги. Мы должны предусмотреть возможность не только наступления финских белогвардейцев, но и германской интервенции. Похоже, противник намерен оккупировать Финляндию. Там, так же как на Украине, при пособничестве той самой буржуазии, на которую союзники возлагали столько безумных надежд, немецкие империалисты хотят уничтожить зачатки революционной власти. Они понимают, что, расправившись с большевизмом в Финляндии и на Украине, они смогут легко сдать и раздавить большевизм в России. В этом необходимом для его спокойствия деле германское правительство может также рассчитывать на полную поддержку русской буржуазии. Таким способом оно думает оградить себя от революционной эпидемии.

Если бы эта цель была единственной, она могла бы пригнуться некоторым союзническим элементам. Но ее осуществление, не нужно об этом забывать, должно сделать Германию, по крайней мере в экономическом отношении, абсолютной властительницей на огромных территориях от Малой Азии до Ледовитого океана.

Москва. 27 марта

Дорогой друг,

Увеличивается число интервью, статей и митингов, где наркомы излагают причины быстрой перемены в позиции большевиков, которые гигантскими шагами идут к необходимому классовому сотрудничеству.

Наркомы выступают за возрождение русской военной мощи путем создания армии добровольцев и восстановления в ближайшее время воинской повинности, временно ограниченной призывом одного или двух возрастов.

В экономической области они отмечают, что недостаточно экспроприировать правящие классы; нужно реорганизовать промышленность, дисциплинировать пролетариат, заставить его принять контролируемое руководство специалистов, к какой бы партии те ни принадлежали. Тем самым большевики подготавливают организацию производства с помощью приглашаемых — пока еще робко и пополам с угрозами — компетентных специалистов, то есть, по сути, с помощью буржуазии. Организация распределения должна осуществляться по тем же принципам. Правительство предпринимает громадные усилия, чтобы привлечь к сотрудничеству кооперативы, которые, как известно, в России получили значительное распространение, охватив более десяти миллионов семей, почти треть всего населения страны. До сего времени лидеры кооперативного движения были против большевиков; речь идет о том, чтобы их убедить или победить. Большевики взялись за это.

«Родина, — заявил Троцкий на публичном собрании, — очищенная революцией от ошибок прошлого, стала нам во сто крат дороже. Мы будем защищать ее до последней капли своей крови. В армии, в промышленности, везде нужно восстановить дисциплину, уважение к командирам, порядок, бережливость».

Разумеется, анархисты бросились обвинять большевиков, чем вызывают у народа возмущение, в том, что они съехали в колею, в которой уже погибли Милюковы, Керенские и Церетели. Они переходят к открытой борьбе и готовятся к захвату власти, чтобы организовать коммунистическую республику.

У большевиков эта демагогическая пропаганда вызывает беспокойство, но я решительно не верю в ее скорый успех в России, измученной долгим годом социальной лихорадки; в России, все более теряющей интерес к политической борьбе и готовой, похоже, со все большей легкостью покориться любой сильной власти, лишь бы она смогла восстановить порядок, потребность в котором более или менее осознанно испытывают все. Разумеется, я уже установил контакт, к великому возмущению некоторых, с основными лидерами анархистского движения. Как и большевики, они принимают меня по товарищески и говорят со мной со всем откровением. Пока что всё интеллигенты с сумбуром в голове; в сравнении с ними самые поверхностные большевики кажутся истинными философами. Вся их деятельность практически и по сей день сводится к захвату, а иногда и разграблению богатых особняков, какие еще есть в Москве. Так, черная гвардия недавно захватила особняк князя Горчакова — дом Карителенко, — где я поселился. Анархисты, соблазненные роскошью особняка со множеством произведений искусств, в котором приютилась американская военная миссия, решили устроить здесь свой клуб. Мы обратились за помощью к красногвардейцам, которые освободили нас без боя. Троцкий выделил постоянную охрану из двадцати солдат. Но анархисты вернутся. Они обещали. Очевидно, что они располагают в Москве 8—10 тысячами вооруженных бойцов. Конечно, я не буду дожидаться их следующего визита. Слишком княжеское у меня жилище. Большевики и анархисты, побывавшие у меня, испытывают чересчур сильное искушение здесь и остаться. Ради себя, ради них, а больше всего ради хозяев дома, поищу другое жилье.

Большевики чрезвычайно жестоко карают анархистов за их разбой. Расстреливают без шума, но безжалостно. Анархистское движение было бы безусловно безобидным, если бы его не поддерживали деньгами и людьми некоторые реакционеры.

Дорогой друг,

Русские буржуа внимательно следят за ходом немецкого наступления на Западном фронте. Многие из них с плохо скрываемым, а некоторые — и с нескрываемым глубоким удовлетворением отмечают, что англичане и французы почти, как и русские, не способны противостоять сокрушительному натиску войск противника. Бесплезно доказывать им, что только их пораженчество и трусость обеспечили немцам возможность полностью сконцентрировать свои силы на нашем фронте. Они не желают понимать эти аргументы. По сути, они надеются, что победа Германии обеспечит всеобщий мир, свержение революционного правительства и реставрацию монархии. В России, кстати, события на фронтах рассматривают сегодня исключительно с точки зрения их возможного влияния на русскую революцию. Промышленники, банкиры, служащие все очевиднее переориентируются на Берлин и постепенно отходят от опасных демократических западных союзников.

Москва. 29 марта

Дорогой друг,

Признак времени: буржуазные газеты, публиковавшие раньше лишь союзнические сводки, печатают сегодня немецкие сообщения. Большевицкая пресса, не публиковавшая никаких военных сводок, печатает сегодня союзнические сводки, и только их.

В большевицких кругах с тревогой следят за наступлением немцев; самые дальновидные из большевиков понимают, что всеобщий мир, если он будет заключен на приемлемых условиях, повлечет за собой пересмотр Брестского договора и, наоборот — германская победа окончательно закрепит мир, заключенный как временный, и приведет к падению революционного правительства. Большевики же сегодня меньше, чем когда бы то ни было, настроены терять власть. Во-первых, потому, что многие из них почувствовали тот самый вкус к власти, который, какую страну ни возьми, развратил столько честнейших людей и опорочил столько идей!

Во-вторых, до последнего времени деятельность большевиков — они это осознают — была исключительно и чересчур разрушительной. Если бы большевики продержались лишь две недели, их бы обвинили в том, что они до основания разрушили старый мир и не стали претворять в жизнь идеи, которые обеспечили им победу. Но они правят страной уже четыре месяца. Старое общественное здание в развалинах. Нужно строить новый город. Первые постройки, возводимые в соответствии с абстрактной доктриной, рухнули. С замечательной гибкостью Ленин и Троцкий сумели приспособить эти слишком теоретические принципы к реальности, насколько это возможно, чтобы не быть обвиненными своими сторонниками в предательстве. Поистине их усилия, направленные на то, чтобы понять и быть понятыми, громадны. Они одержимы своим новым детищем. Они надеются, они имеют все права надеяться, что через три или четыре месяца они создадут новое и жизнеспособное государство.

Их мистическая вера в мировую и немедленную социальную революцию ощутимо поколеблена. Все более очевидная империалистическая сущность немецкого социал-демократического большинства приводит их в отчаяние. Они понимают, что советскому режиму, если он будет существовать, безусловно, придется по крайней мере несколько лет считаться в Европе с капиталистическими и буржуазными правительствами. С другой стороны, они отдают себе отчет в том, что советский режим сможет выжить лишь при условии, если самые опасные враги революции не добьются в войне полной победы. Большевики осознают качественные различия между германским империализмом и империализмом союзнических стран, и потому они горячо заинтересованы в сопротивлении Антанты германскому империализму. Да, они понимают, что союзники придут на помощь России не бескорыстно, не из горячей любви к большевизму, но окажут ей помощь хотя бы потому, что германское господство в России приведет к нарушению европейского равновесия в пользу Германии и в ущерб Антанте. Поэтому сегодня — и совершенно искренне, я в этом убежден, — они желают победы союзников, которая позволит заключить всеобщий мир, пересмотреть Брестский договор — не для того, чтобы расчленить и разделить Россию на сферы влияния, — но для того,

чтобы восстановить Россию, сильную и независимую. Они хотят существовать. И они будут существовать, если союзники им помогут, — забыв все ослепляющие, безусловно обоснованные, опасные обиды, приступят к сотрудничеству с советским правительством, отринув сковывающий их действия страх перед ним. Решительно, нужно выбирать. Либо сотрудничать в военной области с большевиками и тем безусловно укрепить их политическую власть и позволить им создать глубоко демократическое, жизнеспособное русское государство, противостоящее германскому милитаризму, либо покинуть большевиков на произвол судьбы. В последнем случае, кажется, ясно, что их очень быстро растерзают внутренние противники, настроенные в высшей степени прогермански и, ни на минуту нельзя об этом забывать, поддерживаемые противником внешним.

Москва. 30 марта

Дорогой друг,

Итак, как нетрудно было представить, союзнические послы застряли в Финляндии, за исключением английского поверенного в делах, который, будучи менее остальных обремененным семейным скарбом, сумел пробраться через заслоны. Теперь послы вновь в России. Возвращение было довольно жалким, без изящества, как и отъезд. Похоже, они хотят обосноваться не в Москве, а в Вологде. Троцкий задал мне этот вопрос с иронией и любопытством, хотя и утверждает, что не испытывает никакого желания вновь встречаться с нашими дипломатами, от которых до сего времени он слышал исключительно малоприятные заявления. Для отъезда из Петрограда эти господа воспользовались предлогом германской угрозы столице. Воспользуются ли они этим же предлогом применительно к Москве? Найдут ли какую-то другую причину? Я, безусловно, нанесу вместе с генералом Лавернем визит г. Нулансу, чтобы информировать его о положении в той мере, в какой он пожелает меня выслушать. Ибо уже давно я отказался от всякой инициативы в этой области и отча-

ялся быть понятым нашим послом. Слишком очевидна несовместимость в нашем образе мыслей; я говорю об этом с полным смирением, и хотелось бы верить в их совпадение или даже в возможность взаимопонимания. Я все более чувствую, что смогу успешно работать только с тем, кто его сменит. Но эта смена не спешит.

Важный вопрос — безусловно, вопрос о японской интервенции.

Я вновь утверждаю, что мы должны добиться от правительства Советов согласия на эту интервенцию на определенных условиях; по сути, необходимо:

1. Чтобы эта интервенция была не чисто японской, но межсоюзнической. Очевидно, что ее главным элементом будут японские силы и что содействие союзников в рамках того, что сможет предложить каждая из стран, будет иметь целью главным образом продемонстрировать согласие в рядах Антанты, не слишком пока очевидное, и успокоить большевистское правительство, которое не без оснований опасается вступления в Россию войск Японии, более близкой к немецкому империализму, чем к революционному правительству.

2. Чтобы союзники гарантировали Советам, что это сотрудничество будет чисто военным, что за ним не последует никакого вмешательства во внутренние дела России, что оно будет сотрудничеством «честным» (выражение Троцкого), то есть мы не возобновим раскольническую и контрреволюционную деятельность, какую, как, безусловно, ошибочно утверждают большевики, якобы проводили некоторые союзники на Украине, на Дону и т. д.

3. Чтобы большевики точно знали, какую цену — территориальную и экономическую — им придется платить японским дельцам.

Необходимо иметь в виду, что большевикам нужно большое мужество, чтобы согласиться на эту интервенцию. Вполне вероятно, что, едва она начнется, Германия, заподозрив неладное, будет посылать большевикам ультиматум за ультиматумом и начнет наступление, которое при нынешнем полном разложении русской армии очень быстро приведет к взятию Петрограда и Москвы, иначе говоря, лишит нынешнее правительство рабочей массы, ее главной опоры. С другой стороны, учитывая плохое состояние Транссибирской дороги, переброска японских войск будет проходить

крайне медленно, и значительная армия сможет быть собрана не раньше, чем через несколько месяцев.

Исправно воздержусь от самонадеянных рассуждений о высокой политике, но мне представляется, что в Париже, в Лондоне и в Вашингтоне с началом немецкого наступления стали лучше осознавать необходимость этого усилия на Востоке; с другой стороны, мне кажется, что с того момента, как решение о неминуемой межсоюзнической японской интервенции будет принято, Центральные империи почувствуют справедливое беспокойство за будущее и станут сговорчивее.

Москва. 6 апр.

Дорогой друг,

Я попытался изложить послуж:

1. Что за исключением вооруженной иностранной интервенции, возможной и даже вероятной с целью поддержки некоторых партий, большевикам пока ничего серьезно не угрожает.

Действительно, различные оппозиционные группы представляют собой разрозненные силы. Все они стремятся к свержению большевиков, но, как видно, не способны для этого объединиться, еще менее способны, даже если они своего добьются, прийти к необходимому согласию по общей программе и, как следствие, удержаться у власти.

Не следует также забывать, что группировке или группировкам, которые после большевиков возьмут власть, если за ними не будут стоять значительные вооруженные силы, придется считаться с новыми настроениями и устремлениями русского народа. Никто, к примеру, не решится отобрать у крестьян переданные им земли крупных светских и церковных землевладельцев, у рабочих — право участия в управлении заводом, определенное нынешним законодательством. Как бы ни устали массы за пятнадцать месяцев изнурительных политических битв, какими бы пассивными, аполитичными они ни казались, они не согласятся с легкостью отказаться от этих очень важных экономических и политических прав, которых они ждали с февраля 1917 г.

и которые столь глубоко удовлетворяют их природные анархические инстинкты.

То, что оппозиционные партии вместе безусловно не смогут осуществить, может ли быть по силам какой-либо одной из них?

Анархическая партия — самая активная, самая боевая из всех оппозиционных групп и, вероятно, самая популярная со своей демагогией в некоторых рабочих кругах. Она также единственная, кто, благодаря опоре на довольно многочисленные группировки, имеет возможность вступить в бой со штыками большевиков. Она, похоже, завоевывает популярность в городах. Большевики обеспокоены. Но если они проявят немного решительности и если обстоятельства (продовольствие, безработица и т. д.) не будут для них слишком неблагоприятны, они сломят это движение, одновременно укрепят свой престиж и охладят пыл других оппозиционеров.

Левые эсеры поддерживают большевистскую политику. Их критика главным образом нацелена на отказ от принципов, в которых они справедливо упрекают правительство Советов. Однако какой бы резкой эта критика ни была, она остается платонической. Сегодня левые эсеры не согласятся встать у власти. Они ничего не будут делать для того, чтобы свергнуть нынешнее правительство. Они, безусловно, будут его поддерживать, если почувствуют, что над ними нависла угроза со стороны других группировок. Словом, они пассивны, и их отказ от своих портфелей в составе Совета Народных Комиссаров был вызван, по-видимому, лишь тем, что они хотят полностью снять с себя слишком тяжелую ответственность за последствия Брестского мира и внутренние трудности.

Активные элементы партий эсеров и эсеров центра не имеют в настоящее время за собой никакой массовой силы. Это офицеры без войск. На мой взгляд, их умная и активная оппозиция имеет тот практический результат, что она подталкивает большевиков к более реалистичной политике, то есть к более взвешенной и более соответствующей интересам России и нашим интересам.

Правые эсеры оставили от социализма лишь одну вывеску. Эти интеллигенты, почти все вышедшие из рядов буржуазии, запуганные категоричностью больше-

виков, подавленные повсеместным хаосом, для которого они же делали все возможное, все более поворачиваются в сторону чисто буржуазных партий. Не признаваясь пока еще публично, многие из них в личных беседах заявляют о необходимости реставрации монархии.

Они также протягивают руку кадетам, чье политическое бессилие для всех, кто сомневался в этом очевидном факте, показали выборы в Учредительное собрание, и которые, очнувшись от своего республиканского сна, также сотрудничают с монархистами.

Стоящие на крайнем правом фланге поборники абсолютной монархии, царизма, чувствуют себя все увереннее. Уже давно связанные с германскими агентами, они с нетерпением ждут прибытия графа Мирбаха. Они внимательно следят за деятельностью Германии на Украине, имея, естественно, в виду восстановление старого режима. Некоторые из них, с кем я часто вижу, несмотря на сильные культурные симпатии к Англии и Франции, несмотря на многократные заверения в своей приверженности либерализму, заявляют, что вынуждены признать — только германский кулак способен избавить Россию одновременно от большевизма и от революционной анархии. Если они таким образом встают на сторону противника, то только потому, — как они утверждают, — что союзники слишком далеко, что за их словесными угрозами не последовало ни одной акции против виновников беспорядка, что в результате вот уже год союзники допускают непоправимые ошибки под тем предлогом, что они не могут вмешиваться во внутренние дела России.

По правде говоря, все они — германофилы, потому что хотят установить абсолютистский режим, который потопит в крови революцию, перережет и депортирует всяких там жидов, большевиков, социалистов и кадетов. Правые больше всего ненавидят кадета, этого гнусного либерала, который, сам того не подозревая, подготовил 1917 год, как наши энциклопедисты — 1793-й, и который суть первый виновник развала, в котором гибнет Россия.

Они считают и, без сомнения, справедливо, что западные демократии не будут содействовать реставрации царского режима. Они не только не могут столь подло предать либеральные принципы, за которые они воюют, но и не могут допустить создания в России имперского

правительства, которое в гигантском социальном кризисе, очевидно, ожидающем Европу по окончании войны, неизбежно сблизится со своими естественными союзниками — Центральными империями и Японией.

Итак, между правыми партиями, партиями правого центра, стремящимися к реставрации старого режима, осуществимой только при германской интервенции, и правительством большевиков на сегодняшний день не существует умеренной оппозиции, которая была бы достаточно однородной, достаточно сильной и популярной для того, чтобы захватить и удержать власть или сместить общественное мнение России в пользу вооруженной интервенции союзников без согласия большевиков.

2. С другой стороны, я заметил послу, что, поскольку большевики удерживают власть уже три месяца и могут сохранять ее какое-то время, было бы правильно рассматривать, вероятно, не только то, что может быть сделано против них, но и то, что можно сделать на их стороне и вместе с ними.

С 1871 г. кое-кто предрекал, что война разразится «следующей весной». Триумф этих пророков состоялся в 1914 г. летом. Точно так же в конце концов могут оказаться правы те, кто заявляет с 25 октября 1917 г., что большевики «будут свергнуты завтра». В течение пяти месяцев я не переставая повторял, что большевики будут существовать вопреки тому, что союзники беспрестанно готовы были отмечать один за другим пусть противоречивые, но всегда верные признаки их быстрого падения. Каких бы ошибок ни совершали большевики и каким бы глубоким ни было разочарование масс, нынешнее правительство, чью главную силу по-прежнему составляет слабость других партий, продолжает существовать. Эта большая партия далека от агонии. Она может быть завтра свергнута немцами, которые заменили бы народных комиссаров монархом. Она не может быть поддержана немцами, которые обречены, в силу своих интересов, разумеется, — на то, чтобы уничтожать любой зародыш демократии в России. Она может укрепить свою позицию благодаря сотрудничеству союзников.

Любое сотрудничество с Советами, замечают мне, сведет на нет влияние союзников и ту симпатию, которые еще питают к ним «здоровые элементы» России и которым завтра предстоит вершить государственными делами.

Большая ошибка, на мой взгляд. Мы воюем сегодня. И если мы победим в войне, эти «здоровые элементы» будут благодарны нам за эту победу, потому что они воспользуются ее плодами.

Вопрос, стало быть, в том, чтобы выяснить, на каких русских мы должны опираться, чтобы установить сотрудничество, имея в виду нашу победу в войне.

Если мы войну проиграем, Россия волей-неволей попадет в руки победителя, и вырваться из этих объятий она может, лишь проводя антигерманскую политику, ту, которую, как сегодня, так и завтра, могут осуществлять только передовые партии, в том числе большевики.

Но кто же тогда эти «здоровые элементы», негодованием которых нас постоянно пугают?

Это не монархисты, поработанные Германией, не левые или эсеры, социал-демократы, уже сотрудничающие с большевиками или симпатизирующие им. Это партии центра. Вернее, люди центра. Штабисты без армии, у которых ничего не получится с немцами, потому что немцы отбросят их как подозрительно демократичных, у которых ничего не получится без нас, потому что за ними не стоит общественное мнение, и для которых мы ничего не сможем сделать, пока не направим в центр Европейской России некоторое число армейских частей, — то есть пройдет еще много времени.

Кстати, уже полгода нам проповедуют веру в эти «здоровые элементы». Союзники, так и не порвав с большевиками и проявляя по отношению к ним самую активную враждебность, беспрестанно поддерживали их противников-центристов. Чего же они добились от них за эти полгода? Чего они добьются от них в следующие месяцы?

Нам предлагают — под тем предлогом, что нужно приберечь про запас наше слишком маловероятное сотрудничество с большевиками, — продлить период выживания, который нам уже обошелся дорого. Таким образом, события будут по-прежнему развиваться без нас, иначе говоря, как и все эти пять месяцев, — против нас. Конечно, теперь, по мере того как прошло время, наше положение, — я об этом не раз писал, — становится менее завидным, а сотрудничество с большевиками обещает быть все менее плодотворным. Но оно еще

может быть достаточно для нас полезным, чтобы мы перестали оставаться к нему безучастными.

Этому сотрудничеству следовало бы быть чисто военным.

Большевики по мере своих сил возродят армию, которая может быть серьезно подготовлена лишь с нашим содействием. И эта армия неизбежно когда-нибудь выступит против империалистической Германии, злейшего врага русской демократии.

С другой стороны, эта новая армия — дисциплинированная, под командованием профессиональных военных и проникнутая военным духом — не будет армией, способной вести гражданскую войну. Если мы, как предлагал нам Троцкий, будем руководить ее подготовкой, она станет элементом внутреннего порядка и также инструментом важной для союзников национальной обороны.

Дебольшевизация в армии отразится на общей политике России.

Разве уже не заметно начало этой эволюции? Нужно быть ослепленным собственной предвзятостью, чтобы не видеть за неизбежной грубостью формы быстрое приближение большевиков к реалистичной политике.

Создавая армию, они обращаются к национальному чувству, к патриотизму, призывают на помощь старых офицеров, устанавливают выплаты, большие, чем при старом режиме. Они утверждают дисциплину и твердые уставные правила.

Проводя экономическую реорганизацию, они усиливают требовательность к рабочему классу, вынуждают его увеличивать производительность (идут разговоры об отмене восьмичасового рабочего дня). Они рассылают все более и более настойчивые и просительные приглашения инженерам, директорам заводов, самим заводо-владельцам, гарантируя им необходимый для руководства авторитет, обещая повышенное жалование и проценты с капитала. Все эти значительные уступки плохо упакованы в иллюзорные угрозы, предназначенные главным образом для того, чтобы успокоить большевистские массы, удивленные этим неожиданным поворотом вправо.

Для восстановления финансового дела уже предложены подобные же гарантии специалистам и капиталистам.

В управленческом аппарате страны один за другим

сокращаются бесчисленные и некомпетентные комитеты, к руководству в которых все чаще приходят специалисты, чиновники высших рангов и крупные промышленники, облеченные диктаторскими полномочиями.

Как хорошие игроки, Ленин и Троцкий громко признают свои ошибки (чего, очевидно, недостаточно, чтобы их исправить), идут на публичное покаяние, кивком здороваются с классовыми врагами сегодня и будут отстаивать классовое сотрудничество завтра.

Только Ленин и Троцкий обладают сегодня в России умом, энергией и престижем, достаточным для того, чтобы подвинуть свои войска, то есть большевиков из народа, на эту новую революцию, более трудную и опасную, чем Октябрьская.

Разумеется, лидеры оппозиции, личные и потому непримиримые враги Ленина и Троцкого, продолжают быть недовольными. Но многие буржуа, «здоровые элементы», интеллигенция понимают их и соглашаются участвовать в созидательном процессе, к которому их приглашают большевики.

Разве союзники не могут так же, как интеллигенция, как самая активная и порядочная часть трудовой буржуазии, сказать большевикам: «Мы были пять месяцев против вас потому, что не могли поддерживать то чудовищное дело разрушения, которое вы осуществляли. В деле созидания, которое вы начинаете, мы будем с вами, со всей Россией».

Речь уже не идет о том, чтобы помогать большевизму. Большевизма уже нет. Большевики хоронят его постепенно, день за днем, и левые эсеры и анархисты не перестают об этом с полным правом говорить. Было бы также смешно и глупо не помогать Ленину и Троцкому сегодня, по причине ошибок, которые они допускали вчера, как отрицать пользу для национальной обороны кампании, организованной Гюставом Эрве¹²³ в августе 1914-го, — я не говорю о том, что произошло с ним позднее — по причине той разлагающей роли, которую он сыграл в 1909 и 1910 гг.

Но чтобы сотрудничество союзников было эффективным, нужно, чтобы оно разворачивалось быстро и мощно. Мы слишком долго ждали. О том, что его нужно начинать, я писал в ноябре. В декабре я указывал на изменение отношения к этому вопросу уже наученных опытом Ленина и Троцкого и передал кому

следует обращенные ко мне их предложения о сотрудничестве. В то время перемены не могли закрепиться без нашей помощи. Сегодня Ленин и Троцкий сумели начать их без нас, но они смогут осуществить их только с нами, с нашей помощью, с нашей поддержкой, при нашем контроле.

Так мы можем спасти русскую революцию и предохранить от гибели заложенные в ней силы, направленные на демократизацию Европы.

Так мы можем высвободить Россию из плена Центральных империй и вернуть ее в Антанту.

Дело это трудное, потому что оно начинается с опозданием, потому что немцы в России, и они хозяйничают и будут хозяйничать в ней еще больше, и они делают все, чтобы помешать этой реорганизации, которая неизбежно направлена против них. Но ее возможно осуществить. И союзники должны попытаться ее осуществить, тем более что ничего другого им не остается.

Вот почти все, что я говорил в посольском поезде, стоящем на вокзале в Вологде, добавив еще, что благодаря этому сотрудничеству, ограниченному вопросами национальной обороны и восстановления демократического порядка, мы могли бы сплотить вокруг нас, вокруг правительства Советов все демократические русские силы, которые тем самым сначала преобразуют, а затем и сами попадут в это правительство.

Но изолированные от мира с 25 февраля послы союзников, — несвежие, подавленные, натерпевшиеся за четыре недели жизни на колесах, без всякой информации из внешнего мира, без всякой связи с русской политической жизнью, — не могут простить большевикам свое паническое и бесполезное бегство из Петрограда и неприятные приключения в Финляндии. Они, как видно, настроены решительно ничего не понимать.

Москва. 7 апр.

Дорогой друг,

Внезапная высадка англо-японских войск во Владивостоке не может облегчить настойчивые попытки, которые я предпринимаю совместно с английским консулом Локкартом и американским полковником Робинсом,

чтобы убедить Советы согласиться на межсоюзническую интервенцию в Сибири, затем в Европейскую Россию.

Сугубо локальное событие. Малозначительное полицейское мероприятие, — успокаивают дипломаты союзников.

«Так говорил волк несчастному зайцу, схватив его за лапу. Не беспокойтесь. Это сугубо локальное событие», — сказал Троцкий.

Тем не менее еще не все потеряно. Я несколько раз беседовал с Троцким по этому поводу. С его согласия я передал сегодня представителю союзников условия, которые должны быть рассмотрены и приняты державами Антанты и после этого вынесены на одобрение Совета Народных Комиссаров. Условия те же, что я сформулировал в одном из предыдущих писем, то есть: интервенция не чисто японская, но межсоюзническая; гарантия того, что интервенция не будет использована для свержения советского правительства; точное определение того, чем придется платить за эту японскую услугу. Если, как я надеюсь, условия будут союзниками приняты (как я сказал, они были переданы), очевидно, что интервенция в принципе будет принята и большевиками. Останется лишь уточнить ее детали и дату.

Как только принципиальное согласие будет получено, легко будет перейти к действиям в том месте и в те сроки, которые определяют союзники и с которыми, исходя из военных соображений, согласятся большевики и все остальные.

Полностью также согласован вопрос о десанте в Мурманске и Архангельске. Не вызывает сомнения, что и здесь для успеха также необходимо согласие, я сказал бы, соучастие русского правительства. К тому же действовать следует как только возможно быстро и осмотрительно, чтобы не насторожить немцев, которые не преминут направить Советам ультиматумы с угрозами, на которые большевикам трудно будет ответить, если они не будут совершенно уверены в благожелательном содействии союзников.

Москва. 8 апр.

Дорогой друг,

Накануне вновь виделся с Александром Ге¹²⁴, блестящим оратором, лидером анархистов-коммунистов. Пи-

ли чай в его уютном номере в «Национале». Была обаятельная супруга и еще две элегантные и красивые anarchistки. Изысканные сладости, пирожные, светские разговоры (как далеко все от спартанской простоты большевистских лидеров). Ге образован, но в голове тупица, изощренный ирреализм. Ни грамма здравомыслия. Не опасен.

Ге гневно обличает большевиков. Придя к власти, они только и делают, что предают принципы, чистые принципы, они переродились в обыкновенных реформистов, рабочие от них отворачиваются и сплывают под черным знаменем. В руках анархистов уже много городов на Юге. Ге считает, что уже сейчас может рассчитывать в Москве на несколько тысяч бойцов. Однажды для действий момент еще не настал. В движение поднялись монархисты, которые пытаются использовать его в своих целях. Следует прежде всего избавиться от этих темных и опасных элементов. Через месяц-два анархисты выкопают могилу для большевиков, «царству варварства придет конец». Будет основана подлинно коммунистическая Республика.

«А если большевики вас опередят и начнут наступление первыми?»

«Они не посмеют», — отвечает мне Ге.

В сопровождении одной из элегантных анархисток иду в «Купеческий клуб», ставший ныне «Домом анархии».

Большевики и анархисты поделили между собой, и я пускаю в спор оружие, лучшие московские особенности. Я уже побывал в нескольких таких княжеских домах народного просвещения. Сюда приходят поговорить покурить, но здесь можно прослушать и полезные экономические и политические лекции. Несколько дней назад я попросил Луначарского прислать мне краткое положение разработанных им многочисленных реформ в деле народного образования России. У него множество интересных идей, и его записка может пойти на пользу руководителям нашего университета.

После февральской революции русский народ живет в интеллектуальном напряжении, в среде, где кипят идеи, которые быстро развивают его политическую культуру. Его гражданское становление происходит крайне беспрядочным и жестоким образом, но даже бесконечные дискуссии, в которых находит удовлетворение его сознание.

воохотливая и податливая сущность, и весь этот хаос противоречивых лозунгов и принципов оставляют в нем, вне всяких сомнений, глубокий след.

Моя спутница объясняет, что «Дом анархии» бесконечно более веселое место, чем большевистские «храмы». Она ходит сюда каждый вечер. Здесь танцуют, поют допоздна.

В Москве почти все дома буржуазии были захвачены пролетариями, это бросается в глаза еще больше, чем в Петрограде и в других городах. Поначалу старых жильцов изгоняли, но в последние несколько недель предпочитают делить жилище с ними, получая в обмен кое-какие вещи, продукты, одежду, небольшие деньги, — все это очень ценится у новых жильцов.

Жизнь для буржуазии в России чудовищно тяжела.

На улицах хорошо одетые дамы бойко продают газеты. На вокзалах бывшие офицеры, служащие подносят чемоданы. Многие из них пошли в извозчики. Оставленная без земли, без ценностей, изгнанная из учреждений мелкая и средняя буржуазия обречена на голод. Однако почти все эти люди принимают страшные удары судьбы смиренно и поразительно легко. Апатия, трусость, фатализм, но еще и врожденное чувство справедливости. «Мы хорошо прожили, теперь очередь других» — эта фраза звучит в устах почти всех жертв революции. Думаю, что французская буржуазия реагировала бы — чуть было не написал «будет реагировать» — иначе.

Справедливость и доброта. Русский народ душевно добр. И очень милосерден. Подают всем, кто протягивает руку.

Один пример: дома у знакомого большевика, скромного человека. Ужинаем. Звонок. Какой-то солдат просит рубль. Обычное дело. Хозяин идет к дверям. Солдат пьян. Его просят уйти. Горничная, которая получает 20 рублей в месяц, выходит на лестницу, дает солдату рубль, возвращается и ворчит на хозяина дома. «Он же совсем напьется», — возражает он ей. «Не ваше дело, — сердится она. — Солдат просил у вас рубль, значит, ему было нужно. Значит, ему нужно напиться. Не вам его судить!»

И это по-русски. И это правда. У нас нет права судить других. Безграничная снисходительность, терпимость, сострадание во всем. Я знаю, что это качества главным образом отрицательные, что они часто прикры-

вают безразличие, слабохарактерность, трусость, эгоизм. Обществу они не на пользу. Но люди пользуются ими вовсю. Даже злоупотребляют, как считают европейцы. Индивидуальность, избавленная от всякого рода принуждения, получает максимальное развитие. Она никогда не испытывает смущения от взгляда, жеста, упрека ближнего. Она свободнее, куда больше свободнее, чем в нашей милой Франции. Вопрос только в том, общество ли создано для человека, или человек — для общества. В России без колебаний принимают первое.

Москва. 9 апр.

Дорогой друг,

Все отчетливее звучат призывы к сотрудничеству с капиталистами в реорганизации промышленности. Большевики в печати, на собраниях уточняют, что рабочий контроль означает не захват завода необразованным рабочим, но только его участие в организации правильного управления и рационального распределения.

Кроме крайне редких случаев, национализация дает результаты значительно более низкие, в настоящее время по крайней мере, чем управление, осуществляемое непосредственно владельцем, располагающим опытным техническим персоналом, который почти всегда отстраняется от дел рабочей дирекцией.

Нельзя пренебрегать никакой активной силой страны, утверждают теперь большевики. Нужно призвать на помощь всех людей, кто имеет какую-то ценность, и щедро платить им за их услуги.

Ленин признает, что переход от капитализма к социализму и уничтожение классов не могут быть осуществлены ни за день, ни за год. Правительство Советов должно временно использовать буржуазные силы.

Революция становится эволюцией.

Десант во Владивостоке вынуждает Советы искать выход из положения. Появилось понимание того, что России следует согласиться на межсоюзническую интервенцию во избежание интервенции японской. Япония, если она осуществит интервенцию в одиночку, примется удовлетворять за счет России собственные «грабительские» инстинкты. Под контролем союзников,

которым необходимо, чтобы Россия была сильной и независимой, ей придется умерить свои аппетиты.

Словом, союз с Антантой становится необходимостью. Ответ на предложение об условиях ожидается с желанием достичь соглашения.

Москва. 10 апр.

Дорогой друг,

Почти все наркомы, с которыми я мог встретиться, допускают возможность ограниченной интервенции, образования на Урале межсоюзнической армии, к которой присоединятся новые русские части, а также межсоюзническое использование в военных целях северных портов.

Однако необходимо, чтобы союзники:

1. Заключили между собой детальный договор об условиях интервенции. Вместе с тем путаные, а порой и противоречивые объяснения, изложенные в прессе и Чичерину различными нашими представителями, свидетельствуют, судя по всему, об отсутствии между ними какого бы то ни было согласия.

2. Серьезно подготовили интервенцию. Официальное соглашение между ними и большевиками может быть подписано лишь после того, как организованные ими силы будут готовы для немедленной переброски на границы Европейской России.

Объявить о достижении такого соглашения уже сейчас означало бы дать Германии предлог для захвата России. Пока подобного предлога у нее нет, она будет вынуждена ограничивать свои действия на Украине и в Финляндии, где ее грубо антидемократическая грабительская политика уже раскрывает глаза даже тем, кто призвал Германию на помощь.

Большевики спрашивают теперь, с каким соусом их съедят. Попав между германской наковальней и союзнической кувалдой, они, безусловно, выбирают сторону союзников. Но будут стараться выиграть время, так как отдают себе отчет в том, что в день, когда произойдет столкновение Германии и союзников, рухнет хрупкий фундамент Брестского мира, на котором только и продолжает зиждиться их неокрепшая жизнь, — Гер-

мания очень быстро вытеснит их из Москвы и Петрограда, и они окажутся во власти союзников.

Вместе с тем их доверие к нашим правительствам невелико. Но разве в том вина большевиков? Словом, нужно скорее завоевать это доверие. Доказать им делами, что мы готовы, хотя и не поддерживая напрямую существование Советов, не бороться с ними политическим путем и честно помогать им в трудно начинающейся реорганизации армии.

Москва. 11 апр.

Дорогой друг,

Реорганизация армии по плану, разработанному Комиссариатом по военным делам, идет медленно. Дело осложняется тем, что часть комиссариата переехала в Москву, некоторые отделы остались в Петрограде, а различные штабы рассеяны по всему центру России. Многие архивы, статистические и технические отчеты потеряны или уничтожены. Никто точно не знает, каким военным снаряжением располагает Россия и где это снаряжение находится. Эвакуация с фронта, из Петрограда, из Москвы прошла недостаточно организованно и централизованно.

В руководстве комиссариата, поначалу исключительно большевистском, суетливом и некомпетентном, понемногу появляются профессиональные военные. Но поскольку лучшие специалисты возвращаться не торопились, некоторые посты были заняты недоучками и интриганами, не очень лояльными к большевикам. Однако Троцкий с каждым днем принимает все более серьезные предложения о сотрудничестве, демонстрируя при этом подлинную политическую непредвзятость, стремление использовать специалистов, судя только по их компетентности.

Поддержка со стороны союзников, в частности французской миссии, доказала многим не без оснований скептически настроенным офицерам, что попытка восстановления национальной обороны носит серьезный характер.

К сожалению, эта поддержка, на мой взгляд, по-прежнему осторожна. Большевики запросили у Фран-

ции группу из 40 офицеров — и не больше, по моему настоянию. Они собирались просить значительно больше, — и для того, чтобы завоевать доверие большевиков и вернуть в армию здоровые военные элементы, равно как и для того, чтобы эффективно содействовать реорганизации армии; их действительно потребуется значительно больше, и не только в Москве, но и в Петрограде, и в различных штабах фронта и тыла.

Однако и те сорок офицеров, которых просили большевики и которые были им обещаны, все еще не прибыли в их распоряжение. Троцкий с полным основанием выражает удивление подобной медлительностью.

Наша известная нерешительность во всем воспринимается как свидетельство нашего бессилия и даже злонамеренности. Большевики не забыли все то, что мы реально сделали, и то, что, по их предположению, мы совершали против них в продолжение этих пяти месяцев. Неприятные воспоминания о дне вчерашнем, наше логически никак не объяснимое сдерживание взаимодействия сегодня вызывают у них беспокойство за завтрашний день.

И их подозрительность растет — телеграммы из Сибири каждый день приносят сообщения об угрозе со стороны контрреволюционеров, антибольшевистских выступлений, которые подготавливаются на Дальнем Востоке при более или менее официальном содействии консульских агентов, представляющих Антанту.

Москва. 12 апр.

Дорогой друг,

Французские офицеры, связанные со службами Комиссариата по военным делам, отмечают медленные темпы реорганизации, которую тормозят бесконечные обсуждения в комиссиях. Она могла бы быть ощутимо ускорена, если бы наше содействие было более конкретным и если бы мы, как этого от нас просят, тонко, но решительно взяли на себя фактическое руководство ее осуществлением.

Все они признают, что Троцкий относится к ним уважительно, с почтительным доверием. Для них открыты все двери; в их распоряжение предоставлены

любые источники информации. Троцкий не переставая расспрашивает их, внимательно выслушивает их мнение и в точности следует их советам.

Он понимает, что добровольной армии будет недостаточно, и активной пропагандой подготавливает общественное мнение к скорому восстановлению воинской повинности.

В этой области я нашел ценных единомышленников в лице редакторов «Известий», «Правды», «Знамени труда».

Разработкой этих военных вопросов, в частности, занимается Стеклов, главный редактор большевистских газет, большой поклонник и друг Франции. Уже более месяца он выступает за призыв на службу одного или двух возрастов.

Как верно говорит Троцкий, несмотря на то, что мы все очень торопимся, этот призыв может быть объявлен не раньше чем через три-четыре месяца. Прежде, действительно, следует определить общие принципы организации новой армии, кроме того, подготовить кадры, учебные лагеря и инструкторов, обеспечить их продовольствием, снабдить вооружением, в частности перебросить в центр страны часть оружия со складов в Архангельске, коль скоро по-прежнему недоверчивые союзники боятся поставлять его большевистскому правительству. Однако следует быть разумными, и если мы хотим помочь большевикам создать новую армию, нужно предоставить им и необходимое для этого вооружение.

Пора покончить со взаимным недоверием. Ленин и Троцкий, Чичерин согласны при нынешнем положении вещей, иначе говоря, с надеждой на объединение усилий с союзниками, пойти на высадку англо-французского десанта в Мурманске и Архангельске, но, разумеется, для того, чтобы не дать немцам повода для протеста против этого очевидного нарушения мирного договора, они направят чисто формальный протест в адрес союзников. Они прекрасно понимают, как необходимо защитить северные порты и железнодорожные подъезды к ним от нападений со стороны немцев и финнов.

Но они опасаются, что союзнические войска, закрепившись, будут использовать архангельские военные запасы в собственных целях или потребуют за их до-

ставку громадную — с политической точки зрения — цену. Поэтому они настроены приступить к эвакуации части необходимого им снаряжения, не дожидаясь окончания переговоров, ведущихся в настоящее время с англичанами и, похоже, затягиваемых без серьезных на то оснований.

Причины, по которым Троцкий считает необходимым отложить введение воинской повинности до лета, стоит принять во внимание. Объявленный немедленно призыв, кроме того, что он был бы плохо воспринят населением и вызвал бы ультимативные угрозы немцев, способствовал лишь образованию недисциплинированных и не имеющих надлежащего командования банд, которые будут порождать беспорядки. Тем самым будет дискредитирована военная программа, столь умно и решительно проводимая Троцким.

Немногочисленные части добровольцев, формируемые на фронте и в тылу, похоже, хорошо экипированы, подготовлены, достаточно дисциплинированы. Никакого сравнения с прежней Красной гвардией. На наших специалистов, кто имел с ними дело, они производят хорошее впечатление. Главная опасность — высшее командование; политически — не очень надежное, практически — недостаточно подготовленное.

Москва. 13 апр.

Дорогой друг,

В Москве со вчерашнего дня только и говорят, что об очистке «гнезд» анархистов, которую большевики провели пулеметами и пушками в ночь с 11-го на 12-е. Троцкий сияет; население, включая буржуазию, приятно удивлено тем, как неожиданно быстро была подготовлена и проведена эта решительная операция по наведению порядка. Не осмеливаюсь сходить навестить Ге, хотя мы и договаривались на сегодня; как он был еще три дня назад уверен в своих силах! Он, наверное, не поверил бы мне, если бы я сказал, что ничего не знал о готовившемся наступлении на его войска. Вдобавок он, должно быть, в тюрьме.

Арестовано четыреста или пятьсот анархистов. Несколько десятков из них, у которых обнаружили украденные, по-видимому, драгоценности, ценные бумаги, золото,

были расстреляны. Анархисты робко протестуют. К тому же большевики заявляют, что они отнюдь не помышляли предпринимать какие-то акции против анархистов и были вынуждены положить конец участвовавшим за последние недели грабёжам, совершаемым уголовными элементами, дискредитирующими анархию.

Оппозиционные партии подавлены. Такая же безжалостная расправа, по сути, грозит всем, кто попытается бы чинить препятствия правительству. Своим энергичным выступлением против наиболее сильной, наиболее организованной, наиболее популярной в пригородах партии оно заставляет остальных задуматься и сплачивать свои ряды.

Между тем выборы в Московский Совет свидетельствуют о том, что положение большевиков, по крайней мере в столице, прочно как никогда. Несмотря на немалые и серьезные основания у избирателей для недовольства, несмотря на активную кампанию оппозиции, большевики уверенно рассчитывают получить в Совете четыре пятых мест.

Два этих факта — подавление анархистов и победа на выборах, — видимо, должны дать спасительный повод задуматься тем из союзников, кто продолжает надеяться, вопреки всем многочисленным урокам, полученным ими в своем ослеплении за пять месяцев, на скорое падение большевиков. Впрочем, сомнительно. Меня будут продолжать считать упрямым, предвзятым доктринером, с неприязнью отзываться о моей «вредной» деятельности. Я с готовностью признаю, что моя деятельность не была в полной мере полезной, поскольку к моим оценкам не прислушались и предпочли верить тем, кто описывал Россию такой, какой ее хотят видеть в Париже, а не такой, какой я ее вижу с октября месяца.

Но вредной! Как же она могла быть вредной, если мои советы так и не были взяты на вооружение? Вот бы сравнить мои заметки, писавшиеся день за днем открыто, без оглядки на чье-то мнение, с официальными рапортами, написанными прилежно, во всех смыслах взвешенно, дипломатично, иначе говоря, боязливо и туманно. В свете всех событий можно будет определить, кто был прав, кто ошибся. Свои выводы я основывал лишь на собственной информации. Другие корреспонденты имели в распоряжении и мою информацию, и свою.

Впрочем, признаюсь, все эти пять месяцев у меня было то существенное преимущество, что я постоянно находился в гуще политической жизни России, и в оппозиционных кругах, и в большевистских. И именно потому, что я исходил не из слухов и собственных желаний, но из фактов, я никогда не пытался представить Россию такой, какой она должна была бы быть для полного счастья союзников, я описывал ее такой, какая она есть к величайшему сожалению всех.

Впрочем, хотя мое начальство не следовало моим советам, оно всегда позволяло мне пользоваться в работе независимостью, за которую я ему благодарен. Нет ни одного военного или дипломата, который бы не благодарил меня за то, что я для них сделал, и не признавал, что моя информация, советы, вмешательство тем или иным образом смягчили не одно столкновение и позволили отвести не одну угрозу разрыва.

Я работал честно и открыто. Каждое мое критическое замечание было мною гласно изложено тому, кого оно касалось, каждая строчка моих заметок была передана обычным почтовым путем и соответственно не могла обойти придирчивый контроль. Моя совесть чиста, я убежден, что служил, — нередко вопреки своим личным интересам и собственному спокойствию, — интересам Франции так, как только мог.

Я впервые выступаю с подобной защитительной речью. Но писать ее я взялся лишь после того, как узнал от самых разных людей, каким нападкам я подвергаюсь. Хотя письма из Франции от моих друзей свидетельствуют, что не всюду меня судят столь жестоко.

Москва. 14 апр.

Дорогой друг,

Я имел обстоятельный разговор о сенсационном докладе о финансовом положении Советской республики, который готовит нарком финансов Гуковский¹²⁵.

В бюджете на 1918 год расходы достигают фантастической цифры: 80 миллиардов рублей. Планируемые доходы не превышают 4 миллиардов. Масса бумажных бумаг, до войны не превышавшая двух миллиардов рублей, уже превысила 30 миллиардов. Национализация

банков, в результате которой не был создан сколько-нибудь серьезный кредитный орган, отмена текущих счетов нанесли страшный удар по промышленности.

Экспроприация капитала парализовала производственные усилия буржуазии. Национализация промышленности была проведена анархистски. Гуковский решительно бьет тревогу.

Он объявил, что готовится ряд декретов, которые позволят провести огромную работу по назревшему восстановлению экономики.

Дерзкое обвинение, выдвинутое наркомом финансов против финансовой и экономической политики своего правительства, естественно, вызовет тревогу у Советов и обнадежит оппозицию. Какой министр финансов посмел бы представить подобную картину результатов своей политики и политики своих коллег и при этом не был бы немедленно изгнан со своего поста и отдан под суд?

Между основными народными комиссарами и их казначеем существует взаимопонимание. Ленин и Троцкий, обладающие в своем Парламенте большей властью, чем любое правительство, уверены, что добьются осуждения допущенных ошибок, отказа от утопических теорий и принятия практических решений.

Можно уже сейчас предположить, что из всех результатов этой новой политики двух должны, по-видимому, стать денационализация банков и отзыв декрета об аннулировании иностранных займов. Действительно, все понимают, что дальнейшее осуществление этих мер отдалило бы Россию от иностранных капиталов, без которых она не сумеет выжить.

«Действительность всегда разумна», — повторяет Ленин вслед за Гегелем. Пройдя через школу действительности, Ленин становится по-настоящему реалистом. Даже чересчур реалистом и буржуа, добавляют левые эсеры и большевистская оппозиция. Так страшный кризис, потрясающий Россию, за который в значительной степени несут ответственность большевики, ускоряет их эволюцию.

Мне хотелось бы пожелать, чтобы она не оказалась слишком запоздавшей и принесла результаты.

И еще, мне кажется, я имею право пожелать, чтобы эта эволюция России была осуществлена если не одними большевиками, что невозможно, то, по крайней мере,

вместе с большевиками. В самом деле, если они исчезнут, — а то, что под германским нажимом они могут завтра исчезнуть, очевидно, — те, кто займет их место, ничего не сумеют сделать в практической области без помощи противника, и возрожденная благодаря ему Россия будет на его стороне.

Москва. 15 апр.

Дорогой друг,

Оппозиционные партии в бешенстве от победы большевиков на московских выборах. Они называют бонапартистской политику Ленина и Троцкого, которые все больше манипулируют Советами по своему усмотрению, по частям отнимают у них власть и громадными шагами движутся к диктатуре.

Большевики действительно проводят что ни на есть деспотическую политику. Один за другим они распускают местные Советы, заподозренные во враждебности к правительству. Члены Советов из парламентариев превратились в функционеров. Каждый из них является членом какой-нибудь из административных комиссий, где выполняет определенные функции и, собственно, подчиняется директивам Центрального Исполнительного Комитета, представляемого на местах комиссарами с абсолютными полномочиями.

Безусловно, упреки оппозиции обоснованы. Но в чем союзников могут стеснять эти диктаторские тенденции, единственная цель которых централизовать власть, создать правительство, которое будет управлять страной в соответствии с программой, все более сближающейся с программой, осуществленной в период войны руководителями буржуазных республик?

И как они не замечают, что вместо того, чтобы подстрекать против большевиков оппозиционные демократические партии, разумнее было бы выступить — неофициально и осторожно — в качестве опекунов России, чтобы облегчить ставшее возможным сближение между этими демократами и экс-большевиками Лениным и Троцким. Чем не формулировка, которая позволила бы союзникам открыто поддерживать Советы, не компрометируя себя перед «здоровыми элементами»?

Необходимо осуществить — и в том нет ничего невозможного — формирование Республики с социалистическими тенденциями и на определенный период стабилизировать ее в этом компромиссе. Настанет момент, когда следующий этап сможет ввести Россию в ворота полного коллективизма. Какой полезный для западных социалистов опыт осуществляют здесь большевики! Принимают ли это французские товарищи?

Москва. 16 апр.

Дорогой друг,

Сегодня открывается Всероссийский съезд военнопленных-интернационалистов. Делегатов около четырехсот. Этот необычный съезд, разумеется, вызвал бурный протест представителей Центральных империй, требующих ареста лидеров военнопленных.

Можно представить, какая пугающая неожиданность для германского правительства. Военнопленные-интернационалисты фактически уже заявили о своей полной солидарности с правительством Советов и о глубоком возмущении тем отвратительным миром, который был навязан России империалистическими бандитами-реакционерами.

«Мы объявляем, — провозглашают военнопленные, — нашу твердую решимость бороться против правительств Австро-Венгрии, Болгарии, Германии и не выпускать из рук оружие до того дня, пока капитализм, империализм и милитаризм не будут уничтожены. Наша цель — объединить международные солдатские организации с отрядами трудовой России и вместе начать наступление на нашего смертельного врага — мировой империализм».

Уже сейчас немецкие и австрийские подразделения сражаются бок о бок с большевиками против австрийцев и немцев на Украине и в Финляндии.

Еще один факт, менее серьезный и достаточно экстравагантный, показывающий, какой глубокий переворот происходит в сознании людей.

В официальной газете Советов только что опубликовано положение об обобществлении женщин в Хво-лынске, в городе и губернии.

Провозглашая, что девушки до 18 лет охраняются от посягательств на их честь, это положение указывает, что с 18-летнего возраста каждая девушка объявляется национальным достоянием, она должна зарегистрироваться в бюро свободной любви и обязана выбрать себе супруга из числа граждан в возрасте от 19 до 50 лет, стоящих на учете в постоянной лиге свободных мужчин. Мужчины также имеют право выбирать девушку из числа членов бюро свободной любви. Дети, рождающиеся от этих союзов, становятся достоянием республики.

Это положение уже претворяется в жизнь в нескольких маленьких городках, где у власти стоят анархисты. Однако Троцкий с улыбкой заверяет меня, что у такого рода положений мало шансов быть принятыми во внимание правительством Советов.

Москва. 17 апр.

Дорогой друг,

Эвакуация Москвы идет плохо. Петрограда — еще хуже. Причины — сопротивление рабочих и промышленников, не соглашающихся перевозить сырье и оборудование на Волгу и к Уралу вопреки всей основательности военного и экономического положения, требующего этой переброски; бездеятельность эвакуационных комиссий, где, возможно, заправляют германофилы. Это то, что думает сам Шляпников.

Я уезжаю в Петроград, имея специальный мандат, подписанный Троцким, для того, чтобы рассмотреть вместе со Шляпниковым и Зиновьевым¹²⁶, председателем Петроградского Совета, различные вопросы эвакуации и представить им помогающих эвакуации союзнических офицеров, работа которых до настоящего времени саботируется мелкими чиновниками.

Кроме того, надеюсь оценить политическую ситуацию в бывшей столице, где, как уверяют, значительно активизируются анархисты и контрреволюционеры. Они ведут постоянную агитацию среди рабочих масс и мелких торговцев, чье недовольство, вызываемое безработицей, невиданным застоєм в торговле и еще более — голодом, может перерасти в мятеж.

Надеюсь найти в Петрограде Коллонтай, которая, судя по сегодняшним большевистским газетам, не ожи-

данно выехала из Москвы вместе с Дыбенко, который скрывается от Крыленко, бывшего верховного главнокомандующего, назначенного прокурором революционного трибунала и руководившего следствием, которое должно было привести Дыбенко на скамью этого грозного суда. Я виделся с Коллонтай три дня назад. Она говорила, что собирается в Петроград, и обещала привезти те многочисленные письма, которые я отдал ей в феврале перед ее поездкой в Париж.

Бедная Коллонтай, она безумно влюблена в своего прекрасного Дыбенко и совершает в последние недели одну нелепость за другой. Подобно весталке революции, она хотела бы сохранить во всей его чистоте огонь большевистского идеала. Она отчаянно кинулась в оппозицию, яростно клеймит жестокие меры, принятые ее товарищами против анархистов, и возмущена с каждым днем все более значительными уступками, на которые идет правительство в отношении умеренной и буржуазной оппозиции. Не сомневаюсь, что мне ни за что не убедить ее в необходимости этой эволюции, которую союзники должны всеми силами поддерживать и которая через какое-то время непременно, если бы мы умели маневрировать, привела бы к образованию однородного социалистического кабинета, куда входили бы эсеры и эсдеки «центра». Это единственный путь, если мы хотим спасти в революции то, что в ней еще жизнеспособно. Это также, на мой взгляд, единственный способ спасти Россию для Антанты и от политического порабощения Германией. В отношении территорий иллюзий быть не может. Образование серьезного кабинета, правительства, могущего навести порядок, способного провести реорганизацию России, вызовет у немцев беспокойство и вскоре толкнет их на новое наступление.

Именно потому, что большевики это знают, будучи готовыми перебраться в Нижний Новгород и, если необходимо, — еще дальше, они как никогда хотят продлить «передышку», которую им дал Брестский мир, и настаивают на том, чтобы решение о межсоюзнической интервенции, на которую они дали согласие, не стало бы известно до ее начала, на том, чтобы мы, наконец, дали им предварительную гарантию того, что к их политическому положению отнесутся с должным уважением.

Дорогой друг,

Самый значительный результат моей поездки в Петроград тот, что я представил Зиновьеву офицеров и гражданских лиц из числа союзников, способных принимать деятельное участие в эвакуации города. В настоящее время она совершается крайне медленно. Благодаря личному вмешательству Зиновьева и указаниям, которые мне передал Троцкий, эти лица очень хорошо приняты руководителями различных эвакуокомиссий. Принята активная форма их содействия. Им сразу же было поручено проведение эвакуации водным путем (Мариинская система) силами переданных в их распоряжение компаний речного пароходства, до последнего времени отказывавшихся работать с большевистскими организациями.

Петроград показался мне спокойным. Анархисты ведут себя мирно. Монархисты действуют в тени. Ощущение — и оно проявляется сильнее, чем в Москве, — что революция должна выйти на опасный, но неизбежный поворот, если она не хочет погибнуть и если только еще не поздно ее спасать. Буржуа, аристократы, которых я встречал, кажется, обретают уверенность в своем положении, — в том, что касается безопасности их и имущества. Еще несколько недель назад в городе можно было видеть лишь штопанные платья и побитые молью пиджаки. Теперь на каждом шагу встречаешь элегантных женщин в драгоценностях и роскошно одетых мужчин, катающихся по городу на рысаках в богатых сбруях.

Снабжение все более ухудшается. В этом главная опасность для правительства. Не хватает хлеба, любых продуктов питания. В больших ресторанах обед, стоивший 2 рубля до войны и 25 рублей в январе 1918-го, обходится теперь в 50 рублей. Обед на троих (закуска, два блюда, кофе) с бутылкой вина и несколькими рюмками ликера, запретный плод, стоил мне около 300 рублей.

В пригороде — ужасающая нищета. Эпидемии: тиф, оспа, детские заболевания. Массовая детская смертность. Дети на улицах обессиленные, истощенные, жалкие. В рабочих кварталах нередко встретишь несчастных мам, бледных, худых, скорбно несущих в малень-

ком, как колыбель, сосновом гробике неподвижное тельце, которому самая малость хлеба или молока спасли бы жизнь.

Финские белогвардейцы, тайно поддерживаемые немецкими войсками, приближаются к городу. Они войдут в него, как только этого пожелают их сильные и опасные союзники. Нам нужно немедленно организовать оборону железнодорожных линий, ведущих в Мурманск и Архангельск. Здесь, как и в японском вопросе, мы легко достигнем с правительством большевиков соглашения, которое необходимо по многим причинам и в том числе, чтобы ограничить наши действия чисто военной областью, так как совершенно очевидно, что если мы выступим против большевиков, они без труда поставят нас перед серьезными трудностями.

Мы можем получить все, что нам нужно, — в этом я по-прежнему твердо уверен, — и право обратиться с призывом к чехам, к сербам, и возможность превратить северные порты в союзнический плацдарм. Почему же мы не решаемся вести переговоры, действовать открыто? Мы предпочитаем полумеры, полубещания, недоговоренность и неконкретность, которые обходят стороной целые вопросы, беспокоят, нервируют одних и других и результат у которых один: невосполнимая потеря драгоценного времени.

В отношении Мурманска, как и по поводу Владивостока, Троцкий здраво заявляет: «Мы нужны вам, чтобы укрепиться. Вы просите нас пойти на этот шаг, согласиться с ним, помочь вам в ваших действиях, а сами отказываетесь предоставить нам единственную необходимую гарантию, отказываетесь дать обещание, что после высадки вы не будете вмешиваться в наши политические драки и что занятые вами районы, оказавшись под вашим военным господством, не превратятся по вашей инициативе или при вашем попустительстве в очаг контрреволюции. Как мы можем верить в вашу благонамеренность и прийти к нужному сотрудничеству, если вы готовы поддерживать наших противников? И вместе с тем мы друг другу необходимы».

Дорогой друг,

В Москву прибыл граф Мирбах. Посольство Германии обосновалось в доме № 5 по Денежному переулку, в котором Французская миссия занимает дом № 17 и где в № 11 к тому же находится германское консульство, а в 18-м, напротив, морской атташе Франции. Эта странная близость представительств неприятелей на элегантной, короткой и пустынной улочке сделает частыми франко-германские встречи. Не думаю, что дойдет до инцидентов, о которых в народе идут разговоры.

Мирбах, с которым я встречался в Петрограде у Троцкого и Чичерина, высокий, изысканный, молодежавый, производит впечатление человека активного и умного, наделенного яркой индивидуальностью. Его сопровождает многочисленная свита, как считают, из опытных, известных в Германии дипломатов и специалистов.

Крупное современное посольство: бюро вместо салонов, организация, подобная коммерческой фирме, специальные службы пропаганды, исполнения и контроля за исполнением правительственных директив.

Прошло время напомаженных дипломатов, блестящих болтунов, скептиков, ничего не знающих и не желающих ничего знать о стране пребывания, о политике и об экономике. Я постоянно говорил о преобразованиях в нашем обветшалом посольстве, любезный персонал которого, верный сладким воспоминаниям о старом режиме, ничего не понимает в новых временах. Большевицкая революция предоставила для этого замечательный случай. В ноябре 1917-го, когда мы не признавали большевиков, можно было легко отозвать посланников и заменить их людьми первого плана, возглавляющими временные, специальные, дипломатические, военные, экономические, финансовые миссии, составленными из ценных специалистов, способных самостоятельно взяться за дело, свободных в словах и действиях и не компрометирующих Францию, которых можно было бы отозвать и заменить без шума, без разрыва отношений, если бы они перестали нравиться людям у власти, если бы им стал невмоготу правящий режим, одним словом, неспособных быть полезными.

Что могут сделать в наше беспокойное время напыщенные представители нации, которая не признает правительство страны, где они находятся? Действовать против этого правительства — осторожно, то есть неэффективно; или энергично, то есть все время действия на грани риска, вести дело к серьезному столкновению с правительством и — к высылке, тем более неприятной, поскольку они хотят это правительство презирать. Или же никак не действовать, пусть будет, что будет.

Не могу сейчас высказать все, что я думаю по поводу последнего интервью г. Нуланса, которое имеет особенно серьезное значение, поскольку было опубликовано, — посол об этом знает, — именно в тот момент, когда Англия начинает переговоры, направленные на установление сотрудничества с большевиками на указанных нами принципах с целью убедить их признать японскую интервенцию.

Большевики негодуют. Они отмечают, что с 1 марта по 1 апреля, то есть во время путешествия г. Нуланса в Финляндию, сближение с союзниками шло гигантскими шагами. Казалось, мы подошли к заключению соглашения. С возвращением нашего посла обозначилась ощутимая пауза в этой новой тенденции, невыполнение или чересчур вялое выполнение обязательств, взятых Соединенными Штатами и Францией по обеспечению общественного содействия их инженеров и военных. Интервью Нуланса создает у Троцкого и Ленина впечатление возврата прежней враждебности, впечатление, которое вызвано явным желанием отрицательно повлиять на результаты английских переговоров и, во всяком случае, поставить Францию в официальную оппозицию к Англии. Подобные заявления в Париже могут казаться совершенно безобидными. Здесь же, в атмосфере напряженности, возникшей в связи с владивостокским десантом, который оправдывает посол, намекающий вдобавок на возможные более значительные операции в будущем, интервью неприятно щекочет русское самолюбие — и самолюбие не только одних большевиков. Изумление Советов разделяют и некоторые из союзников, считавших, что они уже могут поздравить себя с положительными результатами.

Может статься, что это интервью было продиктовано Парижем, в таком случае мы должны смириться и не

рассматривать досадные последствия, которые может иметь этот шаг.

Но я все же надеюсь, что возмущение, гнев, вызванный интервью, спадут. Большевики все больше осознают, что им нужно выбрать между союзниками и немцами, и я уверен, что их выбор направлен против нашего неприятеля. Они уже сделали первый шаг, изложив перед союзническими правительствами приемлемые для себя условия сотрудничества. Если мы не хотим разрыва с ними, — а я совершенно не представляю, каковы тут наши намерения, — нам нельзя забывать, что они — революционеры, и мы не должны стараться принудить их к шагам, которые противоестественны им в силу их общей политики и их гордости, нередко подвергаемых с нашей стороны тяжелым испытаниям. Они сделали первые шаги, сделали их честно. Теперь наша очередь. Теперь мы должны проявить нашу добрую волю и стремление к согласию, если только мы на них способны.

Москва. 27 апр.

Дорогой друг,

«Германский посол прибыл в революционную столицу, — пишет «Правда», — не как представитель трудящихся классов дружественного народа, но как полномочный министр военной клики, которая повсюду с неслыханной наглостью убивает, насилует, грабит!»

Это приветствие достаточно ясно выражает чувства официальных кругов.

Монархисты же, напротив, после приезда Мирбаха в Москву почувствовали себя в своей тарелке. Первый визит германский посол нанес великой княгине, свяченице Николая II. Состоялись встречи и с другими видными монархистами. Словом, переговоры начались. Очевидно, что речь идет о подготовке к реставрации царизма. Монархисты-абсолютисты готовы без зазрения совести принять любые условия, в частности и военный союз с Германией, и независимость Украины. Немцы получают, что хотят, и от тех, и от других. У нас нет никакой возможности договориться ни с теми, ни с другими. Большевики с каждым днем все настороженнее.

Они чувствуют, что почва уходит у них из-под ног. Союзники остаются их единственной спасительной надеждой.

Неужели мы дадим им погибнуть под тем по-прежнему ходовым предлогом, что якобы сумасшествие связывать наше будущее с агонизирующей партией, которую со дня на день отправят за борт, как только Германия подтянет свои силы, и отталкивать от себя этим сотрудничеством *in extremis* все немонархистские элементы, которые еще рассчитывают на нас?

Те, кто рассуждает таким образом, забывают, что большевистская партия, пусть даже ей угрожает поддерживаемый Германией путч, остается партией, которая сильна по всей стране. Даже изгнанная из Петрограда и Москвы, она не погибнет. В этом случае она развернет кампанию и убедит массы, что свержение власти Советов наверняка приведет к реставрации монархии, то есть обернется для крестьян возвращением земель к помещикам, для рабочих — потерей всех завоеванных льгот, для всех — возвратом к старому режиму и к рабству. Несмотря на страстное желание порядка, которое испытывают русские, можно ли предположить, что такая кампания не вызовет бурного отклика у беднейшего российского населения? Трудно в полной мере даже представить, насколько рабочим и крестьянам важно сохранить их Советы.

В такой ситуации большевики будут олицетворять уже не только большевизм, но саму революцию, которой угрожают Германия и царизм. Если бы большевики были тут поддержаны, — я мог бы написать, — если бы их направляли союзники, чье присутствие гарантировало бы более разумный, взвешенный, не выходящий за рамки защиты демократии политический курс, тогда можно было бы предполагать, что они очень быстро сплотят вокруг себя все эсеровские и эсдековские элементы, все республиканские силы, в настоящее время выступающие против них, но над которыми также грозно нависла угроза реставрации. Вынужденные торопиться, большевики уже не так далеки от того, чтобы пойти на образование такого демократического союза против монархистов, которые готовятся вернуться в обозе из-за границы.

В последние дни я видел некоторых эсеров и эсдеков, и они осознают эту серьезную и близкую опасность,

которая грозит всем. Пример Украины, где немцы, призванные буржуазной Радой для борьбы с Радой большевистской, начинают действовать против своего сообщника — правительства, потому что оно слишком демократично и потворствует революционным проискам, заставляет их задуматься.

Если завтра союзники, встав на сторону большевиков и решив вступить в борьбу с германофильской автократией, четко дали бы понять партиям эсеров и эсдеков, что они действуют так лишь с целью спасти Россию, удалось бы очень быстро, — в этом я убежден, — привести и тех, и других к перемирию, к примирению сначала временному, но которое предопределило образование в скором времени правительства демократической коалиции. И в тот день, когда союзники приняли бы это решение, они покорили бы Россию. Если они этого не сделают, они не сумеют сделать ничего. Они отвернутся от большевиков, которые быстро потеряют власть. От них отвернутся монархисты, которые действуют заодно с Германией. Могут ли они надеяться на выгодное сотрудничество с эсерами и эсдеками «центра», которые будут по-прежнему раздавать щедрые, но платонические обещания, потому что эсеры и эсдеки ничего большего и не могут, потому что политически они недееспособны, и их болезнь обострится, если Россия попадет в руки немцев?

Москва. 28 апр.

Дорогой друг,

Интернациональная армия, формирующаяся главным образом из военнопленных, австрийцев и немцев, с каждым днем увеличивает свою численность на несколько сот солдат.

Ирма Петрова, энергичная, как и положено быть пруссачке, и сентиментальная, как всякая немка, одним словом, обаятельный неприятель, независимый социал-демократ, друг Либкнехта, супруга Петрова, помощника наркома по иностранным делам, вернувшись недавно из агитационной поездки по лагерям военнопленных, рассказывала мне, что в армию вступает значительное число австрийских революционеров, но что немцы,

даже социал-демократы, проявляют отчаянную враждебность. На сегодняшний день их записалось в армию всего две-три тысячи. Ирма Петрова настроена пессимистически: «Если пленные социал-демократы после года русской агитации остались столь глубоко империалистическими, какими же могут быть убеждения тех моих соотечественников, кто «сидит дома»? Она теряет веру в скорую революцию в Германии. Ее муж, вернувшийся из Берлина, где он участвовал в обсуждении некоторых пунктов Брестского договора, не теряет надежду. Независимые уверяли его, что недовольство, отчетливое стремление к миру, которое в Австро-Венгрии выражается в тревожащей правительство почти революционной ситуации, ширится медленно, но верно в Германии и что если наступление на Западном фронте не даст решительных результатов в ближайшее время, можно надеяться на новые выступления рабочих.

Некоторые интернациональные подразделения уже участвовали в боях на Украине. Немцы и австрийцы шли друг на друга. В составе двух воюющих армий. На русском фронте французские офицеры также отмечают присутствие в русских полках немецких и австрийских военнопленных, которые мужественно выполняют свой интернациональный долг граждан всего мира против тирании правительства их «Родины» и против собственных соотечественников. Нет сомнений, что правительства Центральных империй обеспокоены этими пока еще относительными, но невероятными результатами большевистской пропаганды. Их угрожающие и негодующие протесты в адрес Советов тому подтверждение.

Еще один факт этой пропаганды.

Петров мне говорил, — и это подтверждают многие, — что военнопленные, возвращающиеся из России в Австрию и Германию, не направляются в свои части и не отпускаются по домам, их помещают в специальные концентрационные лагеря, где за ними ведется наблюдение и где они подвергаются настоящему политическому переобучению. Только после долгих недель «лечения» «больные» признаются здоровыми и возвращаются в свои части. Неизлечимых изолируют, предупреждая всякую опасность эпидемии. Думаю, что наши противники были бы счастливы вернуть в Россию некоторых из этих нежелательных элементов.

Между тем многие пленные перестают вообще интересоваться политикой, но поскольку пользуются здесь полной свободой и куда меньше, чем русские граждане, страдают от бед, вызванных революцией, они не высказывают большого желания скорее вернуться на родину. В России у них появился если не вкус к большевизму, то, по крайней мере, вкус к жизни и отвращение к войне. Некоторые обжились, занимаются торговлей, работают в мастерских, на земле и т. д. ... Другие настроены пересечь границу лишь после окончания войны.

Москва. 29 апр.

Дорогой друг,

В последние дни Ленин и Троцкий выступили с речами, в которых все больше утверждается их стремление перевести русскую революцию в организационную фазу. Ленин готовит декларацию, в которой будет провозглашено окончание гражданской войны, пишет доклад, где определяются новые методы, которыми он предполагает установить в России неанархический демократический порядок¹²⁷. Все большевистские лидеры заявляют о необходимом примирении на определенных условиях с капиталистами. «Раньше капиталисты привлекали к себе на службу социалистов и делали из них реформистов. Теперь, — пишет один большевик, — мы возьмем на службу капиталистов и сделаем из них реформистов».

Левые эсеры проводят политику сближения с большевиками. Подобная тенденция прослеживается у некоторых меньшевиков, испуганных Германией, в действиях которой они отчетливо видят политику монархистов.

Народные комиссары и оппозиционеры подготавливают общественное мнение к скорому разрыву отношений с Германией. «Мир, который мы заключили, — говорил вчера Ленин, — может быть разорван в любую минуту. Со дня на день нас могут уничтожить». Единственная поддержка, которую ждут все, — поддержка союзников, поражение которых окончательно поставило бы Россию под политическое и экономическое ярмо Центральных империй. Несколько дней подряд

«Известия», официальный орган правительства, писали: «Признание Советской власти союзниками позволило бы быстро установить тесный контакт с Англией, Соединенными Штатами и Францией, позволило бы экипировать Красную Армию, предоставить России капиталы, признание нанесло бы прямой удар по немецким империалистам и некоторым русским политическим группировкам, придерживающимся прогерманской ориентации».

Москва. 30 апр.

Дорогой друг,

Инцидент в связи с интервью Нуланса, усугубленный раскрытым контрреволюционным заговором, который поддерживают союзнические консулы в Сибири, принимает поистине опасные масштабы. В Комиссариате по иностранным делам мне указали, что после расследования правительство Советов, потребовав отзыва скомпрометировавших себя во Владивостоке консульских агентов союзников, намерено также просить французское правительство отозвать ставшего нежелательным г. Нуланса¹²⁸.

Я отчаялся доказывать, какими досадными последствиями рискует обернуться этот отзыв, который из-за отсутствия всякой дипломатической связи должен быть объявлен по радио. Чичерин и Троцкий ничего не желают слушать. Они обвиняют «вологодского затворника», то есть г. Нуланса, во всех смертных грехах. Они убеждены, кстати, что их гнев справедлив и что он будет полностью удовлетворен. Было бы уместно, если французское правительство примет решение, за которое я ратую здесь, то есть оставит направленную ему ноту без ответа. Его молчание даст большевикам время подумать, понять, что их тактика не самая надежная; может быть, это объяснение в нелюбви станет поводом открыть переговоры, прийти, наконец, так или иначе к определенности в политике.

Пора бы. Несмотря на все усилия Робинса, Локкарта и мои, правительство Советов, которое намеревалось всего-навсего достичь какой-то договоренности с нами, ибо оно решительно вынуждено выбирать между

Антантой и Германией, начинает терять терпение. Наши представители делают все, чтобы этой договоренности помешать.

Возможно, мы намереваемся осуществить интервенцию в Россию без Советов, то есть против них?

Я знаю, что эта мысль объединяет некоторых из союзников, но хочу надеяться, что правительства сумеют избежать такой глупости.

Москва. 3 мая

Дорогой друг,

Оборудование союзниками северных портов может задержать переброску значительного количества войск и грузов и соответственно еще больше измотает и распылит наши силы. Бесспорно, заманчиво контролировать Белое море, обеспечив тем самым непрерывные связи западных держав с Россией и сохраняя эту дверь открытой, как постоянную угрозу для Германии, поскольку в более или менее отдаленном будущем мы сможем провести через нее армию, способную серьезно стеснить захватчиков. И, во всяком случае, помешать ему прибрать к рукам русский Крайний Север.

Таким образом, с военной точки зрения оккупация нужна, и это вполне очевидно.

Не будем забывать, однако, что в Архангельске, как и в Салониках, на Балканах и так далее, география — против нас. Четыре года она против союзников и сопротивляется всем их попыткам координации действий. Снова приходится констатировать, что поскольку прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками, то эта прямая ведет как раз к противнику, немцам будет легко манипулировать нами в Архангельске, а нам будет там очень трудно манипулировать ими.

Конечно, необходимо овладеть районом, который в случае, — а он все более и более вероятен, — финско-германского удара по Петрограду и Москве станет прибежищем, где подле нас соберутся самые энергичные русские элементы, все те, чье национальное чувство пробудится или взбунтуется от унижений со стороны кровожадного завоевателя и чьим политическим свободам угрожает реставрация монархии, которую вскорости, без сомнения, станет проводить Германия.

Но сколько из тех русских, кто решит присоединиться к нашей борьбе, будут колебаться, опасаясь повторения салоникской авантюры, намек на которую есть в проекте, для успешного осуществления которого нужны дерзость и размах; а создание просто укрепленного лагеря, где мы сможем пользоваться только собственными ресурсами, по крайней мере на некоторое время, обречет нас на германскую блокаду.

Чтобы привлечь русских, этот проект должен уже теперь восприниматься как первый шаг к выполнению тщательно разработанного и масштабного плана, результатом которого станет скорое возрождение Восточного фронта.

На мой взгляд, — хотя я пишу эти строки против своих правил, поскольку не имею общих сведений, достаточных для того, чтобы позволить себе дать аргументированный совет, — эта вынужденно трудная и дорогостоящая операция недостаточна сама по себе. Она даст те грандиозные результаты, которых от нее безусловно ждут, лишь при условии, что будет комбинироваться и совпадет с планируемой в Сибири интервенцией с целью, — как я, по крайней мере, надеюсь, — возможно быстрее перебросить значительную армию к центру Европейской России.

Как только союзники, с согласия правительства Советов, взяв на себя военное руководство в Архангельске и Вологде, смогут установить взаимодействие с японскими армейскими корпусами, размещенными на Урале и на Волге, то дело, начатое на русском Севере, станет тем замечательным делом, которое воздастся сторицей.

Но чтобы надежды на успех оправдались, необходимо, по всей видимости, чтобы Япония задействовала свои основные силы.

Я, конечно, не знаю, как союзники оценивают значение предстоящих десантов на Белом море и что они думают о подготовке интервенции в Сибири, которая, если судить по состоянию англо-франко-американских частей, должна быть почти исключительно японской.

Убеждены ли союзники, что Япония задействует основные силы?

Те статьи из японской прессы, которые ко мне попадают и которые я по-прежнему внимательно читаю, не дают удовлетворительного ответа на этот вопрос.

Японцы — реалисты; они думают не сердцем, а головой. Полагаю, что они не почувствуют потребности сунуть палец в машину, в которую, как известно, тут же затянет всю руку, пока не убедятся в близости сокрушительной победы Центральных империй над Антантой или, наоборот, в скором поражении Германии.

Думаю, они искренне рассчитывают на некий мир без победителя и побежденного или же на полупобеду Германии. Справедливо или нет, но они могут предполагать, что, если результаты войны не обеспечат германской гегемонии в Европе, им гарантирована спокойная жизнь, когда они смогут методично продолжать свою экспансию. Какой бы невероятной ни казалась жизнестойкость Германии, японцы имеют право надеяться, что, истощенная в долгой войне, она будет представлять для них после заключения мира куда меньшую военную и экономическую угрозу, чем Соединенные Штаты, чьи аппетиты на Дальнем Востоке тем более угрожающие, что их будет отныне подогревать молодой милитаризм, старающийся всеми способами доказать собственному народу свою пользу, то есть оправдать свое существование.

Даже победив, Германия может найти в странах Европы и Востока достаточно широкие рынки для применения своей активности, чтобы не слишком нацеливаться на дальневосточный рынок. Японию отделяет от Германии огромная Россия, которую немцы попытаются освоить, бескрайняя Сибирь, дальневосточная часть которой обещает японской промышленности и сельскому хозяйству достаточно ресурсов. Таким образом, почетный договор между двумя столь близкими, родственными империализмами по многим причинам мог бы основываться на разделе России на зоны влияния. Зачем тогда превращать Россию в повод для конфликта, если она может стать прекрасным поводом для согласия?

Участие Японии в войне, даже если оно определит победу союзников и, может быть, особенно если оно приведет к этой победе, будет иметь своим следствием усиление Соединенных Штатов, самого грозного противника Японии. С другой стороны, она может опасаться, что союзники не позволят ей получить с побежденных процент от трофеев больший, чем тот, на который она надеется сейчас — который она уже

получила — в качестве компенсации за свой очень экономный и выгодный для нее нейтралитет. Кроме того, военно и финансово ослабленная активным участием в европейской войне, даже в случае победы Антанты и тем более в случае германской победы, Япония лишилась бы престижа, обеспеченного ей победами японских армий в 1905 г. в Маньчжурии, а этот престиж ей сохранить необходимо.

Если же Япония не примет участия в европейских сражениях, она предстанет на мирном конгрессе во всей своей вновь обретенной мощи, при всех своих финансах, промышленных богатствах и увеличившейся в годы войны армией. Не будучи впрямую связанной с союзниками, но также и не размежевавшись до конца с Германией, оставаясь элементом нестабильного равновесия, которое все будут стремиться сохранить, поскольку она не будет полностью ни с одними, ни с другими, Япония может надеяться сохранить те значительные преимущества, которые она получила за время войны почти задаром.

Наконец, эффективное сотрудничество Японии на европейском театре военных действий с нами отнимет у нее все возможности заключения союза с Германией в ходе войны и лишит ее орудия шантажа, под прицелом которого она держит союзников.

Вывод из этих нескольких чисто логических, а не эмоциональных доводов можно сделать тот, что Япония, неизменно повинующаяся собственному эгоизму и не видящая для себя пользы в дорогостоящей интервенции в Европу, — интервенции, которая ослабила бы ее военные и экономические силы, не гарантируя при этом никакой неожиданной выгоды, — будет лавировать, выигрывать время, давать союзникам обещания, стараясь при этом разобщить их на почве условий интервенции, и, в конце концов, сумеет предложить ее не как интервенцию европейскую, Японию пугающую, а для нас единственно необходимую, а как сибирскую, соблазнительную для нее, поскольку из нее она извлечет для себя выгоду, но бесполезную для нас.

Словом, если Япония не станет вводить свои основные силы, не разумнее ли подумать о том, что подготавливаемые в Мурманске и Архангельске операции должны быть ограничены теми жертвами, которые необходимы для удержания этих портов, не более того?

Надеюсь между тем, что Антанта уже сумела добиться от наших японских союзников их полного согласия участвовать в европейской программе интервенции.

Если такое согласие главного участника имеется, думаю, что союзники сумеют предварительно договориться между собой. Здесь из-за слишком противоречивых заявлений различных представителей наших правительств такого согласия не ощущается.

Большевики, по-прежнему готовые при известных условиях на межсоюзническую интервенцию, отказываются что-либо обсуждать до тех пор, пока французы, англичане, американцы и японцы не представят им все вместе окончательный ее план.

«К чему, — говорят неприятно пораженные союзнической разногласием Чичерин и Троцкий, — вновь обсуждать что-то с той или другой страной союзников? Мы поставили общие условия для всех. Договоритесь между собой по этим условиям о сроке интервенции, затем мы все обсудим и придем к соглашению. До того — все разговоры бесполезны и компрометируют нас».

Очевидно, что Антанта может быть уверена в получении согласия большевиков на следующий день после того, как она достигнет согласия между собой.

В этот момент возникнет необходимость в том, чтобы Антанта в своем обращении к русскому народу сказала бы, что союз с большевиками означает отнюдь не одобрение их политики и не прощение ошибок, допущенных ими за пять месяцев; союз — ее помощь России вообще и лишь по необходимости — через партию, которая находится у власти и к тому же за последние недели постоянно заявляет о своей решимости установить порядок внутри страны и спасти Родину, которая находится в опасности. Стоит добавить, что, согласно этой программе обороны отечества и общей реорганизации, большевики обязаны прекратить гражданскую войну и обеспечить сотрудничество с другими демократическими партиями — равно как и те обязаны предложить свое сотрудничество.

Тем самым союзники, наконец, займут определенную и честную позицию. Даже если их примирительно-му жесту не последуют, он позволит по меньшей мере вернуть то уважение и симпатию, которые больше-

вики, равно как и люди «центра», потеряли по отношению к нашей политике, нерешительной, неискренней, непоследовательной и мелкой.

Нет уверенности, что все это осуществится. Но только мы и можем привести к этому необходимому соглашению социалистические партии. Мы одни можем добиться его от лидеров большевизма и лидеров эсеров и эсдеков, продолжающих вести друг против друга наижесточайшую и опаснейшую борьбу, когда им всем угрожает Германия.

Думаю, что я сумею, несмотря на удары, сыплющиеся с разных сторон, сделать так, чтобы подобные заявления союзников, предваряемые и продолженные лояльными переговорами с правительственными и оппозиционными партиями, привели к конкретным результатам.

Налицо две группы:

— все крайне правые и правые «центра», немцами прибранные к рукам;

— все левые, которые могут быть с нами, если, вместо того чтобы натравливать их друг на друга, мы сплотим их вокруг нас.

Левые силы будут с нами, если будут знать, при каких политических условиях было заключено соглашение с большевиками.

Последние же примут наши условия, если почувствуют, что они предлагаются честно, без задних мыслей, потому что они в отчаянии, в агонии, потому что для них не осталось иного способа избежать не только падения, но и банкротства, потому что у них не осталось другого способа спасти Революцию, уже даже не для того, чтобы помешать, вероятно, неизбежной реставрации, но затруднить ее укрепление и приблизить восстановление демократического режима.

Нам предоставляется последняя возможность — пока Россия не оказалась окончательно потерянной для Антанты — сплотить ее наиболее активные элементы. Скоро будет поздно. Придут немцы. Они поставят облаченного в более или менее демократические одежды царя. Нам нужно действовать!

Дорогой друг,

Мне кажется, что только голод мог бы привести к оппозиции те народные силы, которые ей необходимы для осуществления государственного переворота. Однако нехватка продуктов питания, какой бы значительной она ни была, особенно в Москве и еще больше в Петрограде, пока не такая, чтобы народ вышел выражать свое отчаяние на улицы. Можно предположить, что настоящего голода не будет еще два-три месяца, и за это время изобретательное правительство Советов найдет возможность предупредить опасность.

Таким образом, я по-прежнему считаю, что правительство Советов при нынешнем положении вещей не потерпит поражения и не будет свергнуто, если маленьких агрессоров не будет эффективно поддерживать германская военная сила.

Если предположить, с одной стороны, падение Советов и формирование за границей нового правительства, а с другой — предположить, что оно не заключит немедленно тотальный или даже ограниченный экономическими вопросами союз, — этим правительством и в этом случае будет распоряжаться Германия, коль скоро оно ею создано и будет ею поддерживаться. Пытаясь установить с ним сотрудничество, которое, в сущности, бесперспективно, союзники потеряют время, выставят себя на осмеяние и лишатся последних остатков своего престижа.

И я вновь, в который раз, задаю вопрос: на какие элементы должна будет рассчитывать Антанта в случае, если большевиков сменит прогерманское правительство?

Большевистское правительство и большевизм — пусть их даже с жестокостью изгонят из Петрограда и Москвы — не рассыпятся в прах только от того, что где-то будет сформировано новое правительство западноевропейской части России, большевики будут окончательно сметены лишь в результате полной административной и военной оккупации всей России, — подобно тому, как украинская большевистская Рада погибла не от создания в Киеве германофильского правительства, но в результате долго готовившейся германо-украинскими войсками военной оккупации Украины.

Наивно было бы отрицать, что потеря главных революционных центров, петроградского и московского регионов, где сконцентрировались наиболее верные большевикам рабочие элементы, нанесет их силе ощутимый удар, но этот удар, на мой взгляд, не будет смертельным, со временем — при определенных условиях — его последствия сойдут на нет.

Действительно, в случае падения большевики под натиском германских войск переместятся в восточную Россию, по возможности увлекая в этот исход гражданские государственные службы, вооруженные силы, вывозя необходимые для выпуска бумажных денег печатные станки.

Народные комиссары и большевистские активисты по своей воле не откажутся от начатого и не уйдут в тихую жизнь. Политические причины того легко понять: необходимо избежать краха, который был бы крушением не только большевизма, но всей русской демократии. Затем личные причины: падение большевизма поставит перед каждым из них мучительный вопрос — жизнь или смерть. Они не могут жить иллюзиями. Любой, кто сменит их у власти, будет их всех безжалостно преследовать и подвергать гонениям, сажать в тюрьмы, убивать и изгонять из России. Они знают, что и союзнические, и неприятельские, и даже нейтральные страны будут для них крайне ненадежным убежищем. Отдаленные страны, такие как Персия или Афганистан, где в крайнем случае они могли бы попросить укрытия, не решились бы послушаться требований, с которыми обратятся к этим малым государствам великие державы, о выдаче этих нежелательных лиц, опасных революционеров, способных разжечь и в других странах пожар, его с трудом гасят в одной-единственной стране. Таким образом, большевики убеждены, что падение — это не только бегство и изгнание, но, вероятно, тюрьма и смерть.

Жизнь или смерть, так будет стоять вопрос, а жизнь для них может иметь лишь один смысл: сохранить правительство.

Где, как долго и как они его сохранят?

В последние два месяца я отметил централизующие и диктаторские тенденции новой политики Ленина и Троцкого. Но до этой эволюции их директивы были отчетливо децентрализующие. Власть Советов, в отличие

от автократических и буржуазных систем, не центробежная, а центростремительная. Действия идут от периферии к центру, от избирателя к депутату. Это действительно власть снизу. Она строится на основе местных Советов, обладающих значительной автономией и независимостью в своих отношениях с центральными органами. Местные Советы, в основных чертах подчиняющиеся политике центрального правительства Советов, все больше организуются самостоятельно, применяя свою деятельность к особенностям района или поселка, управление которым они осуществляют и которое к тому же они все больше делят с крестьянскими или рабочими элементами, заручаясь их конкретным содействием.

Большая часть Советов, поначалу исключительно большевистских, затем вовлеченных в опыт с более реалистической концепцией, теперь постепенно отходит от своих чистых принципов, тем более что пример такого преобразования был подан Лениным и Троцким. Однако, несмотря на активность и растущий партикуляризм их деятельности, похоже, что большинство Советов сохраняют большевистскую, точнее говоря, антимиеньшевистскую и антиумеренную направленность.

Организованному в западной части России прогерманскому правительству потребуются, без сомнения, долгие недели и, может быть, месяцы, чтобы сломить сопротивление этих большевистских центров в районах своего влияния. Существенных результатов оно сумело бы добиться, лишь упразднив местные Советы. Однако тем самым оно вызвало бы вспышку единодушного недовольства.

Укрывшись в восточной России, большевистское правительство несомненно воспользовалось бы своим пока реальным авторитетом у Советов:

1. Чтобы направлять в западной России чрезвычайно активную оппозицию новому правительству.

2. Чтобы поддерживать свое влияние в восточных районах, оставшихся, — по крайней мере, в той части, которая не будет фактически оккупирована западноевропейскими войсками, то есть армией Центральных империй, — под его непосредственным контролем.

Если Ленин и Троцкий не упустят возможности, — а они ее не упустят, — они стремительно начнут проводить взвешенную политику и укрепят свое поло-

жение, постаравшись сделать свою партию национальной, формально удерживая ее на позициях классовой борьбы.

Германская политика на Украине, где откровенно готовится реставрация монархии, позволяет предсказать, какую судьбу уготовит в ближайшем будущем захватчик для всей России, — тем самым он дает большевикам ценное оружие борьбы.

Хотим мы того или нет, но большевики, изгнанные немцами на Волгу и на Урал, сразу же будут встречены российскими массами (я говорю не о русских буржуа, в отличие от союзнических представителей, которые замечают только буржуа и говорят только о них и только с ними) как воплощение обороны отечества от неприятеля и защиты революции от царизма.

То, что правительство хочет взять на себя эту роль, у меня не вызывает сомнений. Возьмет ли — покажет будущее. Но оно понимает, — и это вполне очевидно, — что справится с ней только в той мере, в какой его слабость будет опираться на силу союзников.

Невозможно отрицать его решимости сотрудничать с Антантой. Разрешение, только что полученное мною у Троцкого, по которому союзники получают на складах в Архангельске то количество и то снаряжение, какое нам потребуется, а также обещание, которое он мне дал и уже выполнил — направить в Архангельск отправленных сначала во Владивосток сербов и чехов с целью создания прочного плацдарма в районе Севера, — вот два последних факта, в которых проявляется эта добрая воля.

Неужели большевики, если бы они не хотели и не надеялись добиться с нами альянса, позволили бы нам воспользоваться архангельскими запасами, драгоценными для правительства страны, где не хватает любых фабричных товаров, которая гибнет от голода, а главное — позволили бы нам сформировать на российском Севере значительную воинскую силу, которая, если большевики не присоединятся к нам, станет в наших руках чрезвычайно опасным — и с политической, и с военной точки зрения — оружием против них самих.

Этих красноречивых фактов хватило бы для того, чтобы доказать добрую волю и стремление Советов к союзу, — даже если бы я потерял память и забыл обо всем, что мне было заявлено Лениным и Троцким,

в лояльность которых я продолжаю полностью верить.

Возвращаясь к вопросу о шансах революции, если бы ее предприняли теперь оппозиционные партии, мне кажется, стоило бы сравнить, несмотря на немалые различия, положение русского народа с положением французского народа в 1851 г., накануне 2 декабря¹²⁹.

С одной стороны, растущее и законное недовольство масс. Принципиальная поддержка массами выдвигаемых оппозицией призывов к порядку. Но вместе с тем и возрастающее недоверие масс по отношению к этой левой и правой оппозициям, выступающим в союзе против правительства, которое их попирает и тиранизирует, но неспособным этот союз хранить, когда речь идет о переходе от негативной критики к позитивным решениям и о том, чтобы предложить народу программу будущего правительства. Отсюда — нерешительность масс, не желающих после столь изнурительных пятнадцатимесячных усилий выходить на улицы и следовать за теми, кто разобщен, кто не дает новой революции, которую они хотят разжечь, никакой прочной точки опоры, никакого глубокого смысла для действий.

Зачем выходить на улицы? За кем идти? Ради чьей выгоды затевать это выступление? Какой режим установить завтра?

С другой стороны, имеется революционное, то есть нестабильное и постепенно теряющее силы правительство, которое тем не менее сумело покрыть страну сетью организаций, объединяющих ее верных сторонников, ее ставленников.

Вся военная сила в распоряжении этого правительства. Народ это знает.

С одной стороны, таким образом, общественное мнение, или, точнее, то, что союзники хотят называть общественным мнением. С другой — вместе с правительством, с советскими организациями, с еще крепким ядром партийцев формирующаяся армия, в которой не найдется ни одного политика такого масштаба, в пользу которого может свершиться государственный переворот, и, безусловно, ни одного прославленного генерала. Нет в ней ни одного Бонапарта, ни одного человека, способного повернуть против правительства Советов созданные же большевиками войска, состоящие главным образом из большевиков, преданных своим лидерам, из красногвардейцев со всех концов России, из интернационалис-

тов, сторонников крайних левых партий, наконец, из различных, которым все больше хочется стать наемниками, преторианцами, служащими тому, кто платит.

Можно ли предполагать, что этот народ, который никогда не был народом-борцом, а теперь и просто выбился из сил, рискнет пойти на величайшую авантюру, успех которой сомнителен и которая для него — пустой звук, поскольку он не может воспользоваться ее результатами немедленно?

Таким образом, логично прийти к выводу, — я знаю, что логика не революционная наука и что революции совершаются скорее сердцем, а не разумом, — что некое не поддерживаемое Германией движение имеет мало шансов на успех и даже на то, чтобы попытаться его добиться.

Беседы с эсерами и эсдеками, монархистами позволяют мне добавить, что наиболее решительные партии не очень-то обрадовались бы наследству, которое они получают вместе с правительством, наследству, которое оставят большевики, а именно невероятные, почти непреодолимые трудности, с которыми те в настоящий момент сталкиваются и ответственность за которые была бы для этих партий столь же тяжела, как и тяжела она для большевиков.

Что же касается германской интервенции, которая будет поддержкой исключительно правым партиям, поскольку ее главной целью будет уничтожить левые партии, то когда она начнется?

Она может начаться и увенчаться успехом уже завтра.

Но завтра монархисты и немцы, в свою очередь, столкнутся с теми же самыми трудностями, поражения от которых Россия им не простит. Пойдут ли немцы на риск еще большей дискредитации монархической идеи и самих себя, показав во всем блеске бессилие правительства, реставрированного ими, решить возникшие проблемы? Не опасаются ли они, что самая сложная из них — хлебная — еще больше обострится после изгнания из западноевропейской России правительства большевиков, которое скроется и обоснуется на Востоке? Это новое большевистское правительство не преминет немедленно взять в свои руки железные дороги, которые с Северного Кавказа и из Сибири еще питают Петроград и Москву. Результатом этой борьбы Запада и Востока

стало бы быстрое обострение голода, который в этой ситуации может быть побежден лишь путем подвоза московским потребителям украинского зерна. Однако Центральные империи вывозят с Украины все зерно, которое им удастся реквизировать, для голодающего населения своих собственных стран. Захочется ли им отказаться от части этого зерна в пользу своих новых русских друзей?

Разве не в их интересах и в интересах укрепления реставрируемой монархии, о которой они мечтают, не мешать ослаблению различных демократических партий в условиях братоубийственной войны и нормально развивающегося беспорядка и вмешаться лишь в тот момент, когда голод и анархия заставят русских протянуть руки к спасителю, которым по причине своей близости может быть лишь Германия? Разве не должны они на это рассчитывать и соответствующим образом действовать?

Уже теперь немцы являются хозяевами России. Они пользуются всевозможными ее благами. Позволительно предположить, что они не будут выискивать в своем положении неудобства, пока не пробьет час пожинать все плоды дальновидной политики. Нет необходимости говорить, что они с выгодой для себя используют эту передышку, чтобы прочнее закрепиться на Украине и в Финляндии, где у них много дел и где они вынуждены держать значительные силы.

Как вывод — немцы могут быть в Москве на днях. Можно предположить — основания для этого серьезные, — что они не пойдут на Москву еще долгие недели или даже месяцы.

Ленин и Троцкий прекрасно понимают эту ситуацию. Поэтому они лавировали и будут лавировать как можно дольше, пока союзники точными вопросами, конкретными предложениями не заставят их встать на свою сторону.

Как только этот жест будет сделан, как только договор с Антантой будет подписан и опубликован, — война с Германией возобновится, и большевикам придется эвакуироваться из Москвы, обосновываться на Востоке, то есть они окажутся в руках союзников. Они очень опасаются, что их задушат в этих объятиях, и решатся на этот шаг лишь тогда, когда иначе поступить будет невозможно.

Заинтересованы ли мы в том, чтобы позволять им лавировать еще несколько месяцев? Не думаю. Если Франция и Соединенные Штаты добились от Японии согласия на интервенцию в Европу, почему они не начинают переговоры с Советами, как, кажется, уже сделала Англия на основе очень гибких и приемлемых для большевиков условий?

Договор был бы заключен в 24 часа. Тем самым мы бы спасли Россию. Мы бы спасли и Революцию. Никакая другая позиция не была бы более выгодной, более почетной.

Москва. 8 мая

Дорогой друг,

Меньшевики, центристы и правые ведут в своих выступлениях и в прессе кампанию дезинформации, посредством которой они думают вызвать недовольство общественного мнения и настроить его против Советов. Они искаженно комментируют секретные пункты Брестского договора. Они сообщают о роспуске большевистских Советов на Севере, на Юге, повсюду, о крестьянских восстаниях; заявляют, что союзники высадили значительные силы в Мурманске и Архангельске. Каждый день публикуют фальшивые ультиматумы, в которых Мирбах якобы требует самых невероятных уступок: поставок сибирского хлеба, военной оккупации немцами Петрограда, Москвы и крупных российских городов: ареста кораблей союзников в Белом море, высылки всех военных советников, разоружения латышских стрелков, расформирования новой российской Красной Армии и т. д., и т. д. ...

Возмущенные большевики закрывают газеты, арестовывают ораторов и редакторов. Оппозиция взывает к состраданию. Какое правительство между тем оставит такие провокации без ответной жестокости?

Только немцам может быть выгодна эта внутриполитическая борьба, которая подогревает ненависть партий друг к другу.

Неудачный выбран момент для проповедей в пользу священного демократического союза на основе защиты страны и завоеваний Революции. Конечно, большевики неохотно протягивают руку меньшевикам, но главное

то, что меньшевики, похоже, непреклонны. Только союзники могли бы осуществить и закрепить их примирение, представив его, как и должно быть по совести, не как отказ каждого от собственной программы, — хотя различия между этими программами становятся все менее отчетливыми, по мере того как большевики продвигаются по пути конкретных дел, а меньшевики сближаются с программой большевиков, — но как перемирие, необходимое для борьбы с внешним (Германия) и внутренним (царизм) врагами.

Я призывал к этому необходимому примирению начиная с 25 октября. Уже в ноябре мы были к нему близки.

В конце января, когда большевики, очнувшись и осознав иллюзорность некоторых интернационалистских революционных идей, отбивались в Брест-Литовске от вцепившихся в них немцев, когда дальновидные русские — и правые, и левые — уже представляли, каким бременем ляжет на них этот мир, какими унижениями, жертвами он обернется, сколь ненадежным он будет, я почти убедил большевиков и их противников в необходимости перемирия.

И дважды я потерпел неудачу, ибо и вчера, и сегодня скрепить эти разорванные части России можно было только цементом союзников. Однако, несмотря на все мои мольбы, под предлогом, что мы не должны вмешиваться во внутренние дела России, предлогом воистину неуместным, если знать, чем занималась здесь Антанта, — союзники отказались даже попытаться сблизить собратьев-врагов.

В ноябре была надежда, что их примирение помещает заключению перемирия на фронте. В январе оно могло остановить заключение мира. И именно потому, что я понимаю, какое значение мог бы иметь для России и для нас такой союз демократических партий, я вновь начал, после съезда Советов 15 марта, работать в этом направлении и, несмотря на все неудачи, еще активнее, чем прежде.

Нет ни одного лидера эсеров или эсдеков, меньшевиков или большевиков, с кем бы я не говорил по этим вопросам и кто в конце концов не признал бы, что, как бы ни было трудно это соглашение, оно возможно, оно в любом случае необходимо, оно — единственный способ, с помощью которого Россия освободится от Германии, а демократия защитит себя от

царизма. Но ни те, ни другие не хотят сделать первый шаг, они так глубоко увязли в разногласиях, что им не выбраться из них в одиночку. Кроме того, как мало среди этих людей, и особенно среди оппозиции, тех, кто искренне хочет от платонических призывов к союзникам перейти к практике активного взаимодействия, которое тут же заставит их призвать к оружию те народные массы, на которые они якобы опираются и в глазах которых они рискуют потерять всякий престиж, как только разорвут мирный договор и захотят заставить Россию возобновить войну.

Этот опасный шаг они не сделают в одиночку.

По всем перечисленным причинам союзники должны встать между ними, взять их руки, свести их и соединить.

К сожалению, большинство союзников, — я говорю о тех, кто занимается здесь политической дипломатией, — вместо того, чтобы наблюдать за российскими партиями со стороны, кинулись в драку. Они впутались во все ссоры и неосмотрительно подлили масла в огонь той розни, которую должны были всеми силами стараться погасить. По отношению к своим противникам, я говорю о политических противниках их политических друзей, они непримиримы и слепы в своем предубеждении. Они с наслаждением купаются в болоте. Пораженные неизлечимой близорукостью, они судят обо всем не с высоты Сириуса, не с международной и даже не с национальной точки зрения, но с позиций «Кафе дю Коммерс».

Мне ответят: «А вы?»

Все шесть месяцев, хотя я был теснее всего связан с жизнью Советов и правительства, я не прекращал встречаться с представителями других партий, поддерживать добрые отношения со всеми, за исключением правых, которые меня не любят и открыто об этом говорят, и никогда и никому не выносил дискриминационных приговоров.

Все знают, что я неизменно искал и продолжаю искать формулу примирения. И чтобы добиться этого союза именно у большевистской партии, у «моей партии», как мило нашептывают некоторые добрые товарищи, у партии, которая, будучи у власти, менее всех остальных мечтает уступить свои позиции, я просил о самых значительных уступках.

Дорогой друг,

Немцы установили на Украине диктатуру Скоропадского¹³⁰. Безусловно, они надеются, что, избавившись, таким образом, от своих же пособников из буржуазной Рады, получают двойную выгоду и:

1. Надежнее подготовят монархическую реставрацию.

2. Будут легче получать необходимое им зерно. Рада не сумела с достаточной жестокостью потребовать его поставку от крестьян, доведенных до отчаяния бесконечными грабежами.

Немцы ведут себя невероятно нагло; они упиваются собственной силой, впрочем, неожиданно столкнувшись с враждебностью крестьян, убийствами солдат, всякий раз, когда те [немцы] отваживаются проводить свои грабительские рейды без поддержки крупных сил. Мне показывали справки о реквизиции, составленные в таких выражениях: «Получено три свиньи от украинской свинки...», «Получено 100 пудов пшеницы от украинца, сукиного сына. Писано в его конуре, в Сумах», и т. д., и т. д. ...

Эти грубые унижения, которые терпит побежденный, — лучшая агитация за наше дело.

Нет ни малейшего сомнения в монархической направленности германской политики на Украине. Неприятель торжественно празднует приезд в бывший императорский дворец вдовствующей императрицы Марии Федоровны. От украинских властей требуют возведения ее в титул Ее Величества. Немцы заключают союз с крупными помещиками, которым обещают возвращение им земель, из которых крестьяне смогут выкупать в свое пользование только некоторую часть и в неопределенном будущем.

Крестьянин повсюду любит землю одинаково страстно. Изъятие той долгожданной большой земли, которая с таким трудом была вырвана из рук крупных помещиков, вызвало крайнее негодование украинских земледельцев, в основной массе сторонников индивидуальных хозяйств. И как только немцы примутся осуществлять в России свой реакционный план, который они начинают проводить на Украине, немедленно вспыхнет негодование русского крестьянства — даже в тех районах, где развернулась пропаганда коммунизма.

Было бы легко усилить направленный против неприятеля народный гнев, если бы союзники имели на Украине активную и многочисленную пропагандистскую службу, какой располагают немцы в России!

Кадеты, пресмыкающиеся перед завоевателем и поддерживающие его репрессии против украинского пролетариата, покрыли себя позором, согласившись войти в состав кабинета, формируемого Скоропадским.

Откроют ли эти факты глаза тем, кто не прекращает твердить о бескорыстном патриотизме, симпатиях к Антанте и демократических идеалах кадетской партии? Было бы неверно утверждать, что все кадеты и правоцентристы, люди западной культуры, большие политические поклонники Англии, переметнулись на сторону неприятеля на Украине и что все они перейдут на его сторону в России. Однако стоит ли чересчур доверять проявлениям симпатий, нередко искренних, к нашим представителям со стороны кадетов, преувеличивать их значение? И разве нет у нас оснований предвидеть, что в скором времени саморазвитие событий в России повторит происходящее на Украине; и бешеная ненависть кадетов к большевизму, социализму, их неприятие демократии и политическая трусость неизбежно приведут одну их часть к тому, чтобы принять немецкий протекторат, реставрацию — и весьма скорую — порядка, другую — смириться с ним, но так или иначе отказаться от союзников, чья помощь в свое время была неэффективна, а теперь — сколько ее еще ждать?

Разве мы имеем право жертвовать настоящим под тем предлогом, что необходимо подготовить будущее и иметь гарантию — маловероятную — сотрудничества людей, которых украинские события все больше отделяют от народных партий?

Говорят, что российские кадеты, обеспокоенные тем возмущением, которое вызвало участие двух представителей их в правительстве Скоропадского, намерены исключить их из партии. Но пятно на кадетах останется. К тому же станут ли они громко, официально, с объяснениями, возмущенно заявлять об этом исключении? Сколько кадетов уже сотрудничают с монархистами, а те почти все ведут переговоры с Мирбахом.

Во всяком случае, для тех, кто колеблется, украинский урок — хороший повод для размышлений. Либо будет сформирован антигерманский демократический

блок, либо партии останутся разобщенными, то есть бессильными, и Германия будет творить в России все, что захочет.

Германия и монархия — враги Революции, демократии (единственных подлинных союзников Антанты). Именно против усилий Германии и монархии должны быть направлены все наши усилия. Но увы!

Москва. 10 мая

Дорогой друг,

Я имел длительную беседу с послом Соединенных Штатов г-м Фрэнсисом, который после непродолжительной остановки в Москве вновь отбывает сегодня вечером в Вологду.

По его просьбе я обрисовал ему общее положение на данный момент различных русских политических партий, стремясь при этом дать по возможности точную оценку сил каждой из них, выделив те духовные и практические возможности, которые имеются у них для союзнического сотрудничества.

Думаю, мне удастся доказать ему, что действовать необходимо вместе с большевиками, готовыми решительно выступить в поход, пусть не в рамках официального союза, а как бы рядом с ним. Только они могут предоставить в наше распоряжение уже сегодня значительное политическое влияние и формирующиеся серьезные вооруженные силы.

Как я уже неоднократно подчеркивал, для того чтобы поддержка русских развернулась в полной мере, Антанте следует, объявив о своем намерении действовать совместно с большевиками, обратиться ко всей России, ко всем элементам, заявляющим о своей готовности защищать страну против внешнего врага, и предложить им начать сотрудничать не с большевиками, а с нами — параллельно с большевиками, сгруппироваться, организовать в занятых нами районах Севера и на Урале. Для того чтобы подобный призыв был воспринят ответственно, с ним нельзя выступать раньше высадки союзных частей на Белом море и их выдвижения в Сибирь. Как только по данной программе будет достигнуто согласие между союзниками, нам необхо-

димо начать уже не полуофициальные и уклончивые, а вполне официальные и конкретные переговоры с большевиками. Давайте окажем нашим партнерам доверие и подтвердим его, прекратив компрометирующие нас тайные связи с правительством в Пекине и с формированиями Семенова¹³¹. Заручиться поддержкой всей страны, поддержкой, необходимой для создания значительной армии, вряд ли возможно, поддерживая происки их сугубо контрреволюционных формирований, тем более что здесь их все круги воспринимают как свершителей темных дел. Речь, безусловно, не идет о том, чтобы отталкивать предлагающие себя силы, какими бы они ни были, но нельзя использовать одних, исключая при этом все остальные, нельзя переоценивать и отдавать предпочтение непопулярным группировкам за счет других партий, щепетильных и обладающих более совершенной организацией.

Посол меня живо благодарил. Он заявил мне, что сообщит по телеграфу своему правительству о существовании моих соображений и, кроме того, поделится ими с союзными дипломатами сразу по прибытии в Вологду.

Москва. 15 мая

Дорогой друг,

Осторожная, но в то же время активная работа, которую вот уже шесть месяцев я веду в самых разных кругах, позволила мне познакомиться со всеми русскими партиями, тем более что ныне я, похоже, единственный из всех союзников поддерживаю отношения со всеми из них без исключения.

У меня исключительно сердечные отношения с левыми, мне весьма симпатизируют в центристских группах и среди правых эсеров, у меня личные дружеские отношения с некоторыми кадетами и монархистами.

Никогда у меня не было иной цели, кроме как служить интересам Франции, не нанося в то же время ущерба русской демократии. Я всегда подчеркивал, что, будучи офицером, прибывшим в Россию для выполнения военной миссии, политическими делами я интересовался лишь как частное лицо, что в этой области мне не было поручено никакой особой задачи, что мое

влияние суть только то, каким меня наделили мои французские товарищи (Альбер Тома, Эрнест Лафон, Лонге и другие), с которыми я делюсь своими впечатлениями.

Тем не менее та роль, которую мне пришлось играть, вынужденно поставила меня первым на союзнической афише, и русские журналисты, обладающие богатым воображением, высказали на мой счет целый ряд предположений, столь чрезмерно лестных, что они не могли не вызвать некоторой подозрительности в официальных кругах.

В печати неоднократно утверждалось, что, учитывая мои социалистические убеждения, открывшие мне двери недоверчивых Советов, мои качества дипломата, позволившие мне заручиться доверием осторожных Ленина и Троцкого, французское правительство, стремящееся добиться сближения с большевиками и желающее одновременно отметить и более эффективно использовать мои услуги, рассматривает возможность назначить меня послом вместо г-на Нуланса, окончательно потерявшего доверие правительства.

Эти многократные похвалы в мой адрес сначала меня развеселили, затем вызвали опасения, и в конце концов я просил бюро печати не пропускать более ни в официальной, ни в неофициальной прессе неточную информацию, способную лишь причинить ущерб моим интересам и интересам моих политических друзей. С тех пор левые газеты позабыли мое имя.

Но обет молчания не был соблюден правыми и центристскими газетами, которые отнюдь не с благими намерениями, а с коварным расчетом продолжали время от времени публиковать похожие сообщения, надеясь тем самым спровоцировать конфликт между моим начальством и мною, — а такой конфликт неизбежно завершится уничтожением наиболее слабого.

Такая же позиция была занята одновременно по отношению к англичанину Локкарту и к американцу Робинсу, которые вот уже более трех месяцев пытаются, как и я, убедить своих послов и министров, что вместо того, чтобы оставлять большевиков наедине с самими собою и хладнокровно констатировать их непоправимые ошибки, более разумно было бы, вероятно, помогать им советами, контролировать их, использовать их влияние и объявить общий сбор всех антигерманских

демократических сил не против большевиков, а вокруг них, на нашей стороне.

Не далее как несколько дней назад буржуазные и реакционные газеты, послушно следуя примеру, поданному заведомо германофильским «Ранним утром»¹³², опубликовали три схожих если не по форме, то по смыслу заметки, по существу утверждающих, что Локкарт и Робинс будут выполнять обязанности послов Англии и Америки, что, поскольку г-н Нуланс оставляет свой пост, «глава Военной миссии» капитан Садуль принимает руководство защитой французских интересов.

После публикации этих, говоря местным языком, провокационных заметок те же самые газеты поместили вчера три более или менее официальных опровержения. В том, которое касалось меня, говорилось: «Капитан Садуль является лишь офицером, работающим под командованием своего непосредственного начальника, генерала Лаверня».

Кроме того, мне только что передали содержание телеграммы, отправленной послом генералу, в которой говорится, что в настоящий момент некоторые офицеры предпринимают шаги с целью добиться сближения между левыми партиями и большевиками. Посол заявляет, что если столь неосмотрительные переговоры приведут к каким-либо осложнениям между упомянутыми партиями, замешанные в этом офицеры будут немедленно отозваны.

«Некоторые офицеры» — это я. Мне не было нужды каяться в своих грехах перед генералом, поскольку он прекрасно знает о всех смягчающих и отягчающих вину обстоятельствах, как, впрочем, и посол, которого постоянно информируют о моих действиях, при том, что я лично беседовал с ним о них и как будто получил тогда его одобрение.

Мне, как, кстати, и многим другим, не хватает в данном случае прозорливости, чтобы понять, каким образом действия, направленные на достижение примирения между партиями, могут помешать кому бы то ни было из людей, настаивающих на том, что они способны положить конец гражданской войне и поддержать усилия Антанты, направленные против Германии.

Однако приказ мне был дан категорический. Я больше не буду вести никаких переговоров. Они, кстати,

и без того уже достигли того уровня, когда, как я и писал, их практическое завершение возможно отныне только путем официально начатых с заинтересованными партиями переговоров с участием от имени Антанты уполномоченных представителей.

Что же касается меня, то я, видимо, буду теперь послан в Сибирь, куда обычно и ссылали политических преступников, но для выполнения, кстати, весьма полезной и интересной миссии. Будет возможность дать отдохнуть глазам и голове, вдохнуть свежего воздуха и несомненно привезти из этой поездки на природу новую информацию.

Реакционные газеты, как только им станет известно о моем отъезде, возрадуются и не замедлят поздравить посла с тем, что он наконец-таки избавился от подчиненного, чрезвычайно мешавшего им выстраивать весьма мало благоприятные для союзников комбинации. Большевики же, требовавшие отзыва г-на Нуланса, а получившие в виде слабой компенсации отъезд Садуля, вряд ли поймут, если я им не объясню, — а сделаю я это только непосредственно перед тем, как покинуть Москву, — что ссылка моя временная и, что отчасти правда, добровольная.

Москва. 24 мая

Дорогой друг,

Здесь, как, впрочем, наверное, и на Западе, все больше говорят о росте в России немецкого уклона. Многие союзники хотят увидеть в этом растущую тенденцию в Советах в пользу договоренностей с Германией.

На мой взгляд, более неверного и опасного толкования быть не может.

Общеизвестно, что еще задолго до революции и до войны в монархистской партии присутствовало значительное германофильское крыло. Февральская революция, которую многие в России несправедливо ставят в заслугу или в укор союзникам, обострила эту позицию.

Либералы и кадеты, — я говорю об основной массе членов этих партий, поскольку известно, что многие

деятели их еще сопротивляются чарам германской сирены, — основная их масса, будучи до Октября прозападной, предпочла затем, во всяком случае в политическом плане, германофильство, поскольку ненавидит большевиков и считает, что покончить с ними сможет только военная интервенция Центральных империй.

Прибытие Мирбаха, возобновление экономических отношений со вчерашним неприятелем, надежда на то, что давление немцев вынудит русское правительство свернуть гражданскую войну и поступиться некоторыми принципами в пользу промышленников и банкиров, составляющих ядро этих якобы демократических партий, все более явственно привлекают их на сторону немцев. Пока о своем предательстве они еще открыто не сказали. Но оно проступит сквозь факты по мере умножения деловых связей, и особенно если станет вполне очевидным то, что Антанта решительно не способна победить. Но если бог войны склонит чашу весов судьбы в нашу пользу, все эти вполне сентиментальные капиталистические партии, несомненно, повернутся к нам. Они готовы склонить голову перед силой. Сила же пока, похоже, на стороне Германии, и они спешат попасть в ее свиту.

Весьма характерным и заслуживающим самого тщательного осмысления представляется поступок украинской буржуазии, которую союзники слепо поддерживали, а она тем не менее позорно перешла на сторону немецкого империализма; при этом русская буржуазия до сих пор от нее не отмежевалась.

В России лишь эсеры «центра», правые социал-демократы и некоторые меньшевики, похоже, остаются верными союзникам и враждебными по отношению к немцам. Но, повторяю, эти элементы не имеют никакой политической силы, и Антанта сможет получить от них лишь чисто платоническую помощь.

Из всех партий, сотрудничающих с правительством Советов, лишь левые эсеры активно выступают против Брестского мира. Они выступают за немедленную войну против Центральных империй, но не склонны идти на соглашение с союзниками, поскольку резко осуждают империалистические устремления последних. У них больше слов, чем стремления достичь конкретных целей. Они выступают за партизанскую войну, но эта война предопределила бы быстрый захват Германией

Великороссии. Такого рода агитация могла бы быть на пользу союзникам, поскольку она вынудила бы нашего противника выдвинуть в глубь России определенное число дивизий, снятых с Западного фронта, и начать здесь изнурительное дело реорганизации, умиротворения, подобное тому, что они вынуждены осуществлять на Украине. Однако следует ли видеть в этой кампании левых эсеров нечто большее, чем просто политическую демонстрацию? Действительно ли лидеры этой партии рассчитывают вовлечь в новую войну крестьянские массы, которые они представляют и которые более, чем любой другой класс в России, проявляют свое стремление к миру? Правомерно ли, наконец, предполагать, что это меньшинство в Советах вступит на данной платформе в борьбу с властью, несомненно понимая, что подобная схватка неизбежно приведет к разрыву между двумя основными правящими партиями и будет на руку контрреволюции? Большевиков сильно тревожит воинственная пропаганда левых эсеров, рискующих внести новый раскол в просоветский блок, без того ущемленный и урезанный в результате серии ампутаций. Они горько сетуют по поводу тактических ошибок, допущенных руководителями эсеров Спиридоновой, Камковым¹³³, Карелиным¹³⁴, обвиняют последних в том, что они действуют импульсивно, не как политики, что, кстати, очевидно для любого, кто имел с этими лидерами дело.

Позиция, занятая большевиками, предельно конкретна. Она представляется двусмысленной лишь тем, кто отказывается не то что принять, а хотя бы понять директивы большевистской внешней политики, неоднократно и очень откровенно изложенные в последние месяцы Лениным и Троцким. В своем нынешнем положении Россия не имеет ни моральных, ни материальных возможностей участвовать в войне. Следовательно, она не объявит войну германскому империализму, равно как и не даст втянуть себя в войну империализму англо-французскому. Стремясь избежать войны, Россия, сколько возможно, будет сопротивляться любым призывам и любым провокациям.

Ленин вновь и вновь говорит, что Россия лавирует между двумя равно опасными для нее рифами — Германией и Антантой, стремясь изо всех сил не разбиться ни на том, ни на другом. При наличии таких категорич-

ных разъяснений зачем же утверждать, что большевики готовы заключить более или менее полный союз с Германией? Да, правительство легче уступает требованиям наших противников, чем нашим советам. Записки, направленные Чичериным Мирбаху, выдержаны в выражениях более уважительных, чем те, что адресованы нам. Готов признать, что элегантности большевикам не хватает. Однако же следует помнить, что Германия в Москве, она готова опустить свой сокрушающий кулак при малейшем на то предлоге. А союзники, кое-как представленные в Вологде, практически бессильны, и все их угрозы еще на протяжении долгих месяцев будут, видимо, оставаться только словами.

Добавим к этому, что Германия проявила достаточно гибкости и даже послала большевикам несколько улыбок, — как легко было предположить еще несколько недель назад, — ибо она слишком озабочена положением на Западном фронте, волнениями на Украине, чтобы еще устанавливать в России правительство, которое столкнулось бы с неразрешимыми трудностями и быстро дискредитировало бы и себя и своих покровителей. Те же их принимают, прекрасно зная, чего они на самом деле стоят. Но они хотят выиграть время и таким образом его выигрывают. Если они смогут продлить такое, хотя и очень сложное существование до заключения общего мира, — они спасены, на что они не без оснований и рассчитывают.

Есть все-таки склонность забывать, что самое ценное завоевание большевиков — это завоеванная ими власть. И спасать в первую очередь они думают свои Советы. Русский пролетариат (или его диктаторы) считает, что, когда он завершит с трудом продвигающееся сейчас дело реконструкции и централизации, он без труда вернет себе утраченные провинции и заставит захватчика дорого заплатить за жестокость и унижения. Пока он не создал стабильную и сильную власть, он должен делать все возможное для того, чтобы поддерживать ту политическую форму, которая обеспечивает ему господство. Он должен любой ценой сохранить советский строй, то самое мощное оружие, которым воспользуются трудящиеся массы Запада, когда и они, в свою очередь, включатся в революционную борьбу.

Ленин и Троцкий в целях сохранения власти примут самые мучительные унижения, пойдут на самые круп-

ные территориальные уступки — как бы ни попиралось их собственное достоинство. С их точки зрения, окончательной и невозместимой является только потеря народом власти. Необходимо проникнуться этими чувствами, чтобы понять, насколько верно то, что большевики желают улучшения отношений с Германией, и насколько ложно то, что существует прогерманская ориентация.

Если надежды большевиков не оправдаются и если в какой-то момент немецкие армии и армии Антанты схватятся на русской территории, Советам неизбежно придется занять ту или иную сторону. Какую чашу весов они предпочтут? Очевидно, ту, на которой будет больше их будущего и меньше опасности.

Они знают, что от Германии им ждать нечего и что даже в случае победы немцев временное соглашение против Антанты окажется для них ловушкой и приведет к их свержению. Долгое время бытовало мнение, — и лично я вполне добросовестно сам распространял его, — что союзники отнесутся с большей благосклонностью и большим пониманием, с меньшей злопамятностью к социалистической демократии, независимо от совершенных ею ошибок, сотворенных грехов и всего того, что окажется у ней на совести.

Мне отвечали: «Мы хотим избежать войны, но, если борьба завяжется на нашей территории, если в силу сложившихся условий мы будем вынуждены в ней участвовать, мы выступим, хотя и без энтузиазма, но со всей лояльностью, на стороне Антанты, настаивая, однако, на том, чтобы союзники признали власть Советов и согласились с целями, преследуемыми Русской революцией в этой войне». Никто из тех, с кем я знаком, никогда не упоминал о возможности подобным образом обусловленного союза с Центральными империями. Наоборот, все считали его невозможным.

К несчастью, их иллюзии относительно возможности сотрудничества с державами Антанты улетучиваются одна за другой. Чем больше говорят о союзнической интервенции в России, тем меньше думают о признании большевиков или хотя бы о заключении предварительного соглашения с ними. Со временем складывается впечатление, что союзники ничего не захотят предпринимать в России совместно с революционным правительством и что они, наоборот, полны решимости все

делать без него, против него. Разве не удивительно, что при таких обстоятельствах Ленин и Троцкий, в свое время внимательно и, насколько возможно с учетом их позиции в международной политике, благожелательно выслушавшие неофициально сделанные им предложения, сегодня отстраняются от нас, выказывают все больше тревоги и разочарования и заявляют, что факты подтверждают все их опасения и доказывают, что все империалисты, будь то монархисты или буржуазия, одинаково стремятся удушить власть Советов?

Реальность, да и мы сами навязываем им ту ограниченную ориентацию на немцев, о которой я писал выше. Ориентация на союзников, к которой они шли, для них невозможна из-за откровенно враждебных действий, неустанно предпринимаемых самими же союзниками.

Чтобы не оказаться свергнутыми в войну, не оказаться в чересчур крепких объятиях Германии, Ленин и Троцкий пытаются и будут пытаться впредь оттянуть нашу военную интервенцию. Эффективным им представляется лишь один способ: добиться раскола среди союзников. Враждебность англичан и французов по отношению к советскому режиму кажется неискоренимой. У Ленина и Троцкого есть ощущение, что европейская буржуазия опасается и ненавидит их так же, как европейские дворы ненавидели и презирали наших яacobинцев. Однако еще долгое время эта враждебность не сможет быть выражена на практике в какой-либо опасной форме. Оккупация портов на Белом море — это единственное, на что способны западные страны.

Эта угроза для Российской республики пока еще не смертельна.

На Востоке она несравнимо более серьезна. Японская армия, начавшая захват Сибири, может за несколько месяцев сосредоточиться на Урале и, как магнит, притянуть к Волге немецкие войска, — и тогда Россия окажется, вопреки своему желанию, в самом центре схватки. Такое развитие событий необходимо оттянуть на максимально длительное время. Для этого следует воспользоваться столкновениями коренных интересов Соединенных Штатов и Японии. Еще в январе Троцкий говорил мне, что убежден в том, что японцы не пойдут на столь дорогостоящую авантюру, пока не будут уверены в получении щедрой компенсации, и что

Соединенные Штаты такую компенсацию предоставить откажутся. Сегодня, как и вчера, большевистская тактика должна быть направлена на максимальное возбуждение американской ревности; может быть, даже стоит пообещать японцам, путем мирных договоренностей, некоторые из тех компенсаций, получение которых военным способом менее надежно и обойдется дороже.

Москва. 25 мая

Дорогой друг,

Немцы протестуют против присутствия в Мурманске 35 000 англо-французов (?) и требуют от русского правительства принятия всех возможных мер для того, чтобы добиться скорейшей отправки вражеских войск, разместившихся на русской территории в нарушение Брестского договора. Большевики давно ждали этого протеста. Они будут пытаться спорить, выиграть время, но неизбежно, рано или поздно, им придется-таки уступить. Они сделают все, чтобы избежать конфликта как с союзниками, так и с Германией, но их положение — между молотом и наковальней — действительно сложное. Настанет день, справедливо предрекаемый Троцким, когда немцы пообещают использовать собственные войска и сбросить союзные десанты в море, едва только события дадут им основания считать, что правительство либо не хочет, либо не может заставить союзные войска покинуть его территорию. Несмотря на все устные дополнения и комментарии, предназначенные мне и Локкарту, к неизбежным нотам Чичерина, его проза вновь вызовет возмущение союзников. В этом возмущении не будет учтено тяжелое положение слабого правительства, постоянно находящегося под угрозой немецкой агрессии.

Могла ли быть его позиция какой-то иной? И с какой стати занимать ему позицию сопротивления, если союзники, вопреки каждодневным усилиям таких бедняг, как Локкарт и я, обреченных казаться подозрительными и той, и другой стороне, по-прежнему настойчиво выказывают свою враждебность и свое презрение Советам, и те даже в тот самый момент, когда они должны

были вот-вот отказаться последовать немецким требованиям, могли рассчитывать со стороны наших правительств лишь на новые нападки?

Если бы союзники, согласившись говорить на языке разума, объяснили большевикам, что военная интервенция в Россию для них — вопрос жизни и смерти, что эта операция, поскольку в ней возможно задействовать совсем свежую японскую армию, обеспечит победу Антанты, если бы они сумели доказать, что Центральные империи, предпринимая крайние усилия на Западном фронте, истощают свои силы, что весной следующего года во Франции будут находиться 2.000.000 американцев, а на Урале — миллион японцев, если бы они смогли обнародовать свои цели в войне, которые не представляют угрозы России и свидетельствуют, что борьба действительно идет за свободу во всем мире, если бы они гарантировали сохранение территориальной целостности России, невмешательство во внутренние дела русских и уважение избранного рабочими и крестьянскими массами правительства, если бы они добавили к этому, что не навязывают большевикам выбора вплоть до реального и значимого начала интервенции, что после ее начала большевистское правительство, его административные органы и армия нашли бы надежное и нерушимое убежище на занятой союзниками территории, тогда, как я по-прежнему убежден, несмотря на все совершенные нами ошибки, большевики, несомненно, выбрали бы из двух зол меньшее, то есть — сотрудничество с нами, понимая, что договор с Германией обернулся бы для них не только позором, но и поражением и, вне всякого сомнения, потерей власти.

В марте и апреле на этой основе еще можно было достичь соглашения. Тогда шли переговоры. И прерваны они были не по вине большевиков.

Москва. 26 мая

Дорогой друг,

Начались украинско-русские мирные переговоры. В их успехе Германия, Украина и Россия в равной степени заинтересованы. Как и во времена Бреста, у русских нет достаточных военных сил для оказания сопротивле-

ния. А потому они уступят, по-прежнему считая, что основная цель Революции — сохранить власть Советов, пусть не на всей территории, но зато живой. Что, кстати, не помешает левым эсерам и украинским большевикам продолжать партизанскую войну против захватчика. На днях я встречался с одним из членов бывшего большевистского правительства Украины, и он рассказал мне о возмущении, вызванном во всей Украине насильем и грабежом, которые творят немцы. По его словам, вспыхивающие повсюду восстания обрекают те 300 000 австро-немецких солдат, что задействованы на Украине, на невыносимое существование. Демобилизованные крестьяне унесли по домам оружие и боеприпасы. В лесах спрятаны бронев автомобили и пушки. Все это позволяет оказывать весьма серьезное сопротивление противнику, который отныне не появляется в сельской местности иначе как крупными подразделениями. Если верить моему собеседнику, партизанское движение будет постепенно набирать силу. Он убежден, что мучительный опыт, накопленный немцами на Украине, не даст Центральным империям принять неосторожные советы милитаристских и пангерманистских партий и захватить Великороссию. Он подчеркнул, что на Украине, как и в Финляндии, и на Дону, с Германией сражаются только сторонники Советов. Аристократия, крупная и средняя буржуазия городов и сел повсюду пресмыкается перед захватчиком.

Как и многие другие свидетельства, этот рассказ позволяет понять значение двусмысленной дискуссии, развернувшейся на проходящем сейчас съезде кадетов. Становится все более очевидным, что именно буржуазные партии сознательно повернулись в сторону Германии. Классовая солидарность и личный интерес оказались превыше долга. Следуя примеру своих украинских братьев, русские торговцы и промышленники с радостью вновь обращаются к своим старым немецким клиентам и поставщикам, с которыми их до войны объединяли развитые связи.

Дорогой друг,

Одним из наиболее интересных и обнадеживающих с точки зрения Антанты фактов, выявленных Брестским миром, является очевидное истощение Центральных империй. И во Франции, и в России мне много раз доводилось слышать, что, несмотря на ограничение экспорта в связи с нашей блокадой, всемогущая Германия по-прежнему поддерживала свое промышленное производство, выкладывая на прилавки магазинов огромное количество товаров, была готова экспортировать их по всему свету, едва будет подписан общий мир, что позволило бы нашим противникам быстро вернуть себе за счет их выгодной продажи господствующее положение на самых отдаленных рынках и в значительной степени покрыть понесенные во время войны огромные убытки. Вся Россия надеялась, что в обмен на свой хлеб и сырье она получит из Германии, по хорошим ценам, большие поставки обуви, одежды, сельского инвентаря и прочих товаров. Отчасти именно по этой причине народ, терпящий ужасные страдания от несовершенства своей промышленности, легко принял заключение мира.

А ведь за последние три месяца из Германии не поступило почти ничего. Так, значит, там и нет ничего, значит, чудесные запасы не существуют; как и всем воюющим государствам, и даже в большей степени, чем державам Антанты, Германии пришлось напрячь все свои силы, чтобы обеспечить исключительно свою военную промышленность.

Это, однако, не означает, что Германия не ведет в России никакой деловой активности. Во-первых, она делает довольно крупные закупки, за которые платит деньгами, а не товарами. Кроме того, немцы принимают заказы, хотя не гарантируют сроки поставки, поскольку выполнение контрактов зависит в первую очередь от импорта сырья из России и от того, сколько его в Германии останется после промышленной переработки. Наконец, она добивается денационализации предприятий, принадлежавших ей до войны, и постепенно вновь становится их владельцем. Немцы также покупают задешево много новых предприятий. Немецкие капиталисты оказывают таким образом бесчисленные услуги рус-

ским капиталистам, что, несомненно, подтолкнет буржуазные круги к прогерманской ориентации.

Мирбах нашел великолепное средство экономической пропаганды. Он требует возврата ценностей, хранившихся в банковских сейфах, арендованных германскими подданными, арестованных после объявления войны, а затем конфискованных большевиками. Более того: каждый день Мирбах представляет в экономические комиссариаты бесконечные перечни ценностей, хранимых в сейфах и принадлежащих русским, и утверждает, что эти ценности — собственность немцев, что на момент объявления войны они были переданы их владельцами русским на хранение, и от их имени требует их возврата. Надо ли говорить, что подобные нечистоплотные и весьма ловкие ухищрения, позволяющие в конечном итоге целому ряду русских, считавших себя окончательно разоренными, получить обратно свое состояние, обеспечивают Германии симпатии многих семей?

Уместно предположить, что после подписания мира с Украиной подобный же маневр будет предпринят и в пользу украинских подданных. А разве есть среди русской буржуазии такие, кто не имел какой-нибудь собственности на Украине (ведь она — источник всех сельскохозяйственных и промышленных богатств России) и кто не согласился бы стать украинским подданным и союзником Германии, чтобы вернуть свои деньги?

Большевики безуспешно пытаются сопротивляться. Они понимают, что через эти открытые двери уплывает капитал, который, как они думали, уже принадлежит им. Они вынуждены будут либо включить все эти ценности и предприятия в коллективный капитал, и тогда их придется щедро оплатить, либо, что более вероятно с учетом нынешнего состояния русских финансов, бороться внутри своего социалистического государства с капиталистической конкуренцией, которую Германия будет поддерживать, прибегая к столь свойственным ей нечестным методам, и с которой коллективным предприятиям будет очень трудно сладить.

Дорогой друг,

Между чехословацкими и советскими подразделениями имели место столкновения, весьма серьезные, по всей вероятности.

Вот вкратце рассказ о том, как это произошло, насколько я могу судить по имеющимся у меня сведениям.

После заключения Брестского мира чехословацкий корпус, который состоит из 45 000 бывших военнопленных, должен был быть отправлен на Западный фронт. Я получил от Троцкого разрешение на переброску чехов и словаков во Владивосток, где они должны были сесть на пароход и отправиться морем во Францию. 5 000 человек уже прибыли во Владивосток. Еще 20 000 находятся в пути между Омском и Владивостоком. Примерно 20 000 остаются пока в России. После выступления японцев и нападения банд Семенова в Сибири Советы приостановили перемещение чехословаков, считая, из-за враждебности союзников, опасным отправлять на Дальний Восток войска, способные перейти либо на сторону японцев, либо к Семенову, а также могущие быть использованными для охраны Транссибирской железной дороги или составить авангард союзной армии, которая выступит против правительства большевиков. Напрасно пытался я в соответствии со своими убеждениями доказать, что лояльность чехов по отношению к русской революции бесспорна, что у этих людей единственная цель — освободить свою угнетенную Австрией родину, что, кроме как с Центральными империями, они ни с кем не собирались сражаться, что они ни разу не поддались уговорам Каледина, Алексева и буржуазной Рады, призывавших их выступить против большевиков. Большевики все-таки остановили переброску корпуса во Владивосток.

Однако существовала договоренность, что правительство разрешит чехословакам уехать в Архангельск и оттуда — во Францию, при условии, что они будут перед тем частично разоружены, что союзники гарантируют их быструю отправку морем, чтобы не провоцировать немецких сторонников применения крайних мер, направленных против России, поскольку такая концентрация войск вызовет беспокойство Германии.

Второе условие было новым, оно не выдвигалось ра-

нее в те времена, когда Советы надеялись на возможность договориться с Антантой и, казалось, были готовы закрыть глаза на оккупацию, представлявшуюся более опасной для немцев, чем для них самих. Было осуществлено частичное разоружение чехословаков, но, по утверждениям большевиков, отряды последних сумели утаить значительное количество оружия, которое они теперь якобы используют против советских властей. Несколько недель эшелоны, задержанные в России, простояли без движения. Троцкий утверждает, что перевозка в Архангельск не осуществляется исключительно потому, что он не получил ответа на свой запрос относительно тоннажа английских судов, предназначенных для отправки корпуса. Сейчас, когда я пишу эти строки, мне трудно судить, прав ли он. Но смею утверждать, что Троцкий мне никогда не лгал и что этот замечательный человек, которого союзники выставляют как двуликое чудовище, на мой взгляд, абсолютно не способен на ложь.

Вынужденная неподвижность вызвала раздражение у чехословаков, людей горячих и настроенных воинственно и к тому же на несколько месяцев заточенных в вагонах. Их раздражение было, возможно, подогрето и некоторыми русскими офицерами их штаба. И, конечно же, оно усугубилось с прибытием коммунистических агитаторов, которых правительство направило с целью призвать чехословаков вступить в Красную Армию. Их агитация подействовала лишь на несколько сот человек. Многие коммунисты открыто утверждали, что Советское правительство никогда не позволит чехословакам уехать в Архангельск, что те, кто не согласится вступить в Красную Армию, будут отправлены обратно в лагерь для военнопленных. Эти провокации вызвали у чехов негодование, и некоторые из них стали утверждать, без всяких на то оснований, что Советское правительство, будучи тайным союзником Германии, намеревается выдать их врагу. При таком накале страстей достаточно было малой искорки, чтобы разбушевался пожар. Такая искра вспыхнула несколько дней назад в Челябинске. Во время драки с венгерским пленным был убит чешский солдат. Его товарищи за него отомстили. Но вмешались местные власти, и чехи убили нескольких членов Совета, после чего сразу в нескольких местах — эшелоны растянулись между Пензой и Омском — начались боевые действия.

Дорогой друг,

Инциденты с чехословаками настроили Трощкого полностью против нас. Он убежден, что это — подготовка, генеральная репетиция японской интервенции в Сибири, заговор, организованный союзниками при участии контрреволюционеров под руководством французских офицеров, находящихся при чехословаках.

Я абсолютно уверен, что он ошибается.

У меня достаточно информации, и я знаю, что в эшелонах чехословацкого корпуса находятся только два офицера французской миссии. Они занимаются исключительно административными вопросами (мы авансирuem чехословакам средства для покрытия их расходов) и вопросами связи с советскими властями.

Один из них — майор Гине, на мой взгляд, не способный ввязаться в такое дело. Другой — мой друг лейтенант Паскаль¹³⁵. Хотя меня справедливо подозревают в симпатиях к большевистскому правительству, я все-таки не утратил способности к критическому анализу, и мои симпатии не безграничны. Паскаль по убеждениям — католик-толстовец, и он восхищается, — правда, сугубо умозрительно, поскольку не был никогда знаком ни с одним большевиком, — движением, в котором он в первую очередь ценит евангелическую сторону, что никак не располагает его к вооруженной борьбе против Советов. Кроме того, он дисциплинированный и абсолютно лояльный военный. Поэтому я вполне уверен, что он, следуя приказам и своим убеждениям, не нарушал инструкций миссии, а они в подобных условиях, разумеется, не предписывают дуть на огонь, если только для того, чтобы его задуть. Все это я сказал Трощкому. Совершенно очевидно, что Франция лишь проиграла бы в результате такой печальной авантюры, неизбежным концом которой рано или поздно стал бы полный разгром несчастных повстанцев. Единственное разумное использование чехословаков возможно лишь на Западном фронте, где их с большим воодушевлением и ожидают. Начавшиеся на сибирской границе столкновения повлекут за собой гибель русских и чешских солдат, что выгодно только Германии.

Если для союзников эта история неприятна, то для Советов — она исключительно опасна. 25 000 волевых,

мужественных и дисциплинированных солдат находятся в районе с большим количеством чешских военнопленных, которые не преминут к ним присоединиться. Если борьба затянется, многие контрреволюционные элементы воспользуются благоприятной ситуацией, чтобы начать действия против правительства Советов. Зачем же вовлекать еще не закаленную и только создавшуюся молодую Красную Армию в эту психологически неудобную войну? И наконец, пока эта борьба продолжается, она будет усугублять транспортный и продовольственный кризис.

Увы, в союзнических странах отклик на эти события будет исключительно неблагоприятный, поскольку факты исказят, а всю ответственность с готовностью возложат на большевиков.

Необходимо любой ценой остановить этот конфликт.

Выдвинутые Троцким условия тяжелы, но приемлемы.

Прекращение военных действий. Разоружение чехословаков, их доставка в Архангельск и Мурманск при условии, что они будут переброшены под реальным командованием союзнических офицеров и в кратчайшие сроки эвакуированы на английских судах. Кроме того, Франция должна взять на себя обязательство вернуть в Россию в сроки, оговоренные в зависимости от возможностей французского флота, русских солдат, которые еще находятся у нас.

Я объяснил Троцкому, насколько неудачным было решение об аресте, три или четыре дня тому назад, Чермака и профессора Макса, президента и вице-президента Чехословацкого национального совета, которые глубоко сожалеют об имевшем место инциденте, пользуются большим влиянием в войсках и могли бы стать прекрасными посредниками в деле примирения. Заручившись разрешением Троцкого, я поспешил в тюрьму. Вместе с Макса мы отправились на Центральный телеграф и по прямому проводу связались с Омском и другими станциями, на которых рассредоточены чехословацкие отряды. Макса признает, что, хотя у чехов есть немало оправданий их действиям, все-таки они совершили ошибки, которые нужно исправлять. Он убежден, что покончить с этим делом необходимо как можно быстрее. В целом он принял выдвинутые Троцким условия и отбил соответствующие телеграммы.

Но поверят ли чехословаки этим телеграммам, не подумают ли они, что это фальшивки? Необходимо ехать на место. Прошу Троцкого направить на этот новый фронт комиссию в составе представителей Советов, Макса и союзнических офицеров. Троцкий дает немедленное согласие. Смешанная комиссия выедет в Пензу сегодня вечером.

Москва. 30 мая

Дорогой друг,

Уж не знаю по какой причине, но очень похоже, что директор «Известий» Стеклов страдает антантофобией. Я постоянно вижу с ним на протяжении шести последних месяцев. Он долгое время жил во Франции и говорит о нашей стране очень восторженно и с большой теплотой. Когда возникла угроза разрыва между Советами и Антантой, я часто отмечал, что он глубоко страдает при мысли, что французский и русский народы могут быть вынуждены сражаться друг против друга.

Сегодня он сообщил мне, что накануне ВЦИК принял решение о воинской повинности. Стеклов бесконечно доволен. Он долгие месяцы неустанно доказывал, что добровольная армия может быть лишь временной мерой, что демократическая армия должна быть составлена из всех сил нации и что защита одновременно и революции, и Родины требует выполнения своего воинского долга всеми рабочими и крестьянами. Словом, у Стеклова есть все основания радоваться. Вместе с председателем петроградского профессионального совета Рязановым, человеком большого сердца и ума, и с некоторыми другими деятелями он умело сотрудничал, добиваясь этого заветного решения, которому, однако, энергично сопротивлялось большинство.

Отныне воинская повинность — факт. Если Господь и немцы дадут Красной Армии выжить, то, по крайней мере, в принципе она может стать великой армией. Но подчеркиваю: в принципе, ибо я по-прежнему убежден, что большевики, предоставленные самим себе и прибившимся к ним ненадежным элементам, будут долго блуждать, прежде чем добьются существенных практических результатов. Более чем когда-либо я сожалею сегодня о

том, что мы не сумели вовремя понять, сколь плодотворную задачу мы могли бы выполнить в военной области, работая рядом с большевиками. Почему мы все еще сомневаемся в добросовестности и порядочности таких людей, как Троцкий? Да, их цели не совсем совпадают с целями союзников. Но очевидно и то, что, рано или поздно, собрав достаточно сил, — а если бы мы им помогли, они бы их накопили очень быстро, — большевики бы выступили против немецкого империализма, который единственно кто на данный момент продолжает их угнетать и непосредственно им угрожает.

Москва. 31 мая

Дорогой друг,

Оппозиция активизируется. На местах вспыхивают восстания, они свергают и уничтожают советские власти. Такое восстание только что началось в Саратове. На Урале — Дутов. На Дону — Краснов. На границе с Сибирью — чехословаки. В определенной степени связан с этими движениями только что раскрытый в Москве заговор анархистов; в нем участвовало несколько сот офицеров.

Каково значение всего происходящего? Очевидно, что все противники правительства пытаются воспользоваться недовольством народных масс, раздраженных голодом и безработицей.

Смогут ли они в ближайшее время свергнуть правительство? Как и раньше, я так не считаю. Два месяца тому назад я писал, что без поддержки германского оружия у оппозиции не было ни малейшего шанса покончить с большевизмом. В прошлом месяце я в более развернутом виде сформулировал причины, по которым, как я думаю, немцы еще долгое время не решатся на политическое вмешательство в дела России.

События вновь подтвердили правильность моей оценки, которая вновь разошлась с официальными предсказаниями. Я по-прежнему считаю, что, с одной стороны, без участия Германии оппозиция ни на что не способна и что, с другой — Германия все меньше и меньше расположена оказывать ей прямую военную поддержку, без которой победа невозможна.

Конечно, народные массы испытывают недовольство из-за экономических условий, о которых я только что говорил, и еще потому, что впервые после революции личная свобода каждого гражданина подвергается насилию в результате энергичных, порой даже грубых действий правящего революционным способом правительства. Будучи до глубины души вольнодумцем, — не то благодаря, не то вопреки долгим векам крепостничества, — русский крестьянин прожил 1917 г. в состоянии тихой анархии, столь милой сердцу этого исконного противника законов. Осуществленная на первом этапе большевиками чрезмерная децентрализация породила у него иллюзию, что больше уже им не будут править никогда. Но в последние месяцы большевики решительно и вдохновенно возвращаются к централизации. Множатся различные регламентации, ограничения и запрещающие декреты. И все же, несмотря на испытываемую горечь, крестьянин, похоже, еще не намерен свергать Советы, которые по-прежнему представляются ему властью пролетариата, его собственной властью. На мой взгляд, его упрощенная логика достаточно точно передана в формуле, которую недавно изложил при мне мужик с Украины, не так давно на собственном опыте убедившийся, чего можно ожидать от свержения большевиков: «У Советской власти, конечно, есть недостатки, что правда, то правда, но зато это по-настоящему наше правительство. Оно нам дало мир. Оно нам дало землю. Оно батюшку в тюрьму посадило. Если Советы сбросят, царь выйдет из тюрьм, снова сядет на трон, будет опять война, землю у нас отберут, и помещики станут нас пороть».

Тот, кто хочет знать правду о глубинных чувствах русского народа, кто хочет избежать досужих стенаний и не хочет беспредельно верить в химерические надежды обездоленных правящих классов, пусть поговорит с активными представителями рабочих и крестьян, так же как это изо дня в день делаю я, и без труда тогда убедится в достаточной стабильности Советской власти. Многие предпочитают, памятуя о том, что хотят услышать союзнники, черпать информацию у промышленников, финансистов, служащих и интеллигентов, чьи интересы, привычки, благосостояние, безопасность и утонченность были грубо попорчены действиями большевиков, вызвавшими тяжелые и разнообразные потрясения. В мирное время все эти вполне уважаемые и что-то имеющие за

душой социальные категории, возможно, и составляют правящий класс, элиту, главу нации. Но среди народа, начавшего пролетарскую революцию, они составляют всего лишь ничтожное меньшинство, воля которого не способна непосредственно решающим образом повлиять на судьбу бурлящего мира. Высказываемые этим меньшинством мнения, — даже если они очень разумны, и именно потому, что в период разгула страстей они представляются уж слишком разумными, — прямо противоположны исторической реальности.

И, кстати, столь же опасно выносить какое-либо суждение, основываясь, как это делают на Западе, на постоянно опровергаемых с прошлого года фактах, на рассказах, гипотезах и предсказаниях, которые снова и снова повторяют в различных кругах эмигрантов, изгнанных из России сначала кадетской революцией, потом революцией социалистов и, наконец, большевистской революцией.

Во Франции, в Англии, везде общественное мнение получает информацию в основном от этих беженцев, не способных ни понять, ни объяснить события в России, точно так же, как не способны были на это в свое время и французы, эмигрировавшие в Англию или в Россию: они не понимали и не могли объяснить столь же катастрофические и пугающие явления нашей Великой революции, которая вместе с большевистской Революцией единственная обрела международный и потому тревожащий все европейские правительства характер.

Как жаль, что полгода тому назад Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон, вдохновленные, несмотря на различия в культурной принадлежности, единым революционным духом и способные осознать уроки этих хаотических потрясений, не смогли приехать в Петроград хотя бы на неделю! Несколько бесед с Лениным и Троцким, несомненно, открыли бы им глаза. Не думаю, чтобы они поддались большевистской идеологии, но, во всяком случае, они нашли бы в ней то, что может соответствовать их личным взглядам и убеждениям. Они бы все поняли сами. До сих пор же им так ничего и не объяснили.

Дорогой друг,

Похоже, что Ленин и Троцкий вот-вот вновь изменят генеральную линию своей внутренней политики. Уже более трех месяцев я стремлюсь показать усиливающиеся скорее на деле, чем формально, их тенденции к сближению с буржуазными элементами, интеллигенцией, специалистами, капиталистами. Опыт подтвердил необходимость сотрудничества, за которое я выступал, как умел. Имея под собой единственную опору — пролетариат, власть Советов блистательно продемонстрировала свою разрушительную мощь и свою несостоятельность в созидательной работе. В результате, по логике вещей, ей пришлось попытаться применить на практике модель, которую еще 26 октября мне изложил Троцкий: «Чтобы отобрать власть, необходимо и достаточно иметь руки рабочих. Но чтобы сохранить власть народа — рукам потребуются умы!»

В сложном и хрупком механизме, коим является современное общество, должны быть максимально задействованы все активные силы. Забастовка, настойчиво продолжаемая буржуазией, оказалась почти столь же грозной, как любая общая забастовка рабочих.

Потребовалось призвать умы. Но те обращенный к ним призыв не услышали. Большинство представителей буржуазии, к которым он был обращен, продолжало бойкотировать большевистскую революцию. Многие из тех, кто вступил в советские организации, — либо соблазнившись занять высокое положение, недоступное по причине личных качеств при старом режиме, либо же просто, чтобы не умереть с голоду, — выказывали неустанную недобросовестность, а то и открыто занимались саботажем.

Сделав по необходимости такой примиренческий жест, Советы надеялись одновременно успокоить союзников и привлечь их на путь взаимовыгодного экономического сотрудничества. Они также рассчитывали, что французские офицеры помогут им реорганизовать армию и что американцы восстановят их железные дороги, поставят им паровозы и вагоны и пришлют инженеров, которые взяли бы на себя руководство транспортом и, как недавно в моем присутствии любезно сказал американскому представителю Троцкий, «прида-

ли бы движению поездов точность хорошо отлаженных часов». Они надеялись и на то, что другие страны Антанты пойдут на обмен сырьем и промышленными товарами, что наши капиталисты и инженеры возьмутся за оздоровление всей экономической жизни.

Но все эти большие надежды не оправдались. По вине ли большевиков, как это утверждают представители Антанты, участвующие в переговорах с экономическими комиссариатами и настаивающие на том, что власть Советов из-за некомпетентности и недобросовестности ничего не сделала для осуществления этой плодотворной программы сотрудничества?

Или же вина лежит на представителях Антанты? Как утверждают большевики, ни по качеству, ни по количеству их недостаточно, они выступают от своего имени, а не официально, многого требуют и ничего не обещают. Разве не было у большевиков веских оснований для того, чтобы крайне настороженно отнестись к расплывчатым заверениям в дружбе наших инженеров и специалистов, если и в политической, и в экономической областях большевики вместе с тем констатировали упорную враждебность наших правительств, их очевидное стремление бросить на произвол судьбы, а то и вообще свергнуть революционную власть, их подготовку к вооруженной интервенции, организуемой помимо русского правительства, а значит, против него.

На практике политика экономического сближения классов внутри страны потерпела такой же провал, как и политика экономического и военного сотрудничества с Антантой.

Эта политика завершилась неудачей — политика, неумело проводимая Советами, при очевидном сопротивлении буржуазии в целом и неудовлетворительной поддержке со стороны держав Антанты, которые не верили и не хотели верить в ее успех и ни в чем не проявляли необходимых для этого энергии и убежденности.

В политическом плане она была для большевиков опасной. Она вынуждала их пренебречь принципом классовой борьбы, а ведь он, прежде чем обернуться их слабой стороной, составлял их силу. Она вызывала сопротивление и давала аргументы левым эсерам, непримиримому большевистскому меньшинству и анархистам.

События показали, что этот опыт, который отнюдь не привлек буржуазию, еще более укрепил ее враждебность, поскольку дал ей поверить в свою силу. «Раз большевики делают нам такие предложения, — рассудила буржуазия, — значит, они понимают, что без нас им не обойтись и что без нашего участия социальная машина разваливается. Зачем нам глупо соглашаться на то, чтобы продлевать существование врага, который просит нашей временной помощи лишь затем, чтобы укрепиться, и который, кстати, честно предупреждает нас, что окончательно разделается с нами, как только накопит, благодаря нашей наивной поддержке, силу, которой сегодня ему пока не хватает? Раз наш отказ смертелен для большевиков, будем отказываться, пока они не погибнут!»

Не добившись успеха тактикой убеждения, Советская власть вновь прибегнет к сильным средствам. Однако проблема остается нерешенной и опасной для правительства, России и Антанты.

Москва. 6 июня

Дорогой друг,

Сегодня я вновь возвращаюсь к исключительно важному вопросу торговых отношений России с другими странами. Между странами Антанты и Россией, особенно между Францией и Россией, таких отношений просто не существует.

По очень простой причине. После Октябрьской революции большинство не бывших мобилизованными французских торговцев и промышленников, находившихся в России, вернулись во Францию. Те немногие, кто еще остается на своих местах, вынуждены бездействовать из-за полного развала в делах, из-за состояния их предприятий, отданных большевистскими декретами в распоряжение рабочих комитетов, но, главным образом, на мой взгляд, из-за безразличия французских дипломатических представителей, игнорирующих власть Советов и неспособных помочь нашим соотечественникам за отсутствием времени и необходимых для этого знаний, даже если у кого-то достаёт ума и доброй воли.

Кроме того, конфискованные и предоставленные в

распоряжение рабочих торговые и промышленные предприятия во исполнение социалистической программы все больше переходят в ведение коллективных, городских, районных или государственных организаций. Чтобы требовать возмещения за незаконную конфискацию, их владельцам надо несомненно выступать в качестве органа, аналогичного государственным организациям по влиятельности, а то и по существу. Разве не ясно, что, будучи иностранцем и находясь в изоляции, торговец из другой страны не обладает ни полномочиями, ни достаточной силой, чтобы протестовать, бороться или вести переговоры.

Почему, когда речь идет об этой огромной стране — России, поглотившей десятки миллиардов французских франков, все никак не поймут, что необходимо направить сюда достаточно представительную и по количеству, и по качествам участников экономическую миссию, уполномоченную выступать от имени французского государства или объединения крупных промышленников, способную взять на себя заботу о всех наших общих и частных интересах, позорно забытых на протяжении уже восьми месяцев, могущую соблюсти эти интересы, вести переговоры, заключать договоры с экономическими органами и т. д.? Невероятно, что такая миссия все еще не послана сюда, что она не работает, следуя общим инструкциям, выработанным правительством после консультаций с заинтересованными торговыми и промышленными кругами.

Пока — ничего.

Где-то в Петрограде, в Москве или на Юге есть редкие отчаянные и энергичные одиночки, чаще всего мало пригодные для этой работы, которые сами берутся экономически покорять бескрайнюю Россию. Будучи жертвами собственной слабости, обескураженные практически постоянными неудачами, они быстро отчаиваются, и ставить им это в вину никак невозможно.

Москва. 7 июня

Дорогой друг,

Пока мы со стоическим безразличием наблюдаем за тем, как один за другим исчезают те многие миллиарды, о которых забыла наша страна, противник с

умелым упорством, прибегая к мощным финансовым и техническим средствам, создает плотную сеть официальных торговых организаций, покрывая ею практически всю территорию России. Каков бы ни был исход войны, эта сеть несомненно обеспечит Германии плодотворные деловые связи с Россией.

Специальные отделы посольства Мирбаха и торговые комиссии, созданные для исполнения положений Брестского договора, активно работают по хорошо разработанному плану и умело приспосабливаются к здешним условиям.

Все эти органы, напичканные видными торговыми и промышленными австро-немецкими деятелями, выдвигают множество предложений и дают советским организациям, с которыми они поддерживают постоянные отношения, самые соблазнительные обещания.

Как и во всех других областях, большевики мыслят в экономике масштабными категориями. И немцы вполне успешно приспосабливаются, по крайней мере на данный момент, к этой чуждой их тенденциям идеологии. Даже если их и возмущает подобное насилие над принципами буржуазной политической экономии, у них хватает ума свое возмущение не показывать. Они восхищаются — еще бы — широтой теоретических взглядов, но еще больше — отсутствием практического опыта у большинства своих оппонентов. Большевики, широко образованные, как все русские интеллигенты, как и многие социалисты, используя помощь буржуазных специалистов, введенных ими в состав ВСНХ, прекрасно разбираются в экономических вопросах. Они знают, что по своему промышленному развитию Россия на 50 лет отстала от ведущих западных держав, что у нее не хватает рабочей силы, оборудования и специалистов, что ее развитие возможно лишь с привлечением иностранных капиталов и специалистов.

Большевики надеялись осуществить эту грандиозную программу, призвав на помощь все страны: Францию, Англию, Германию, Америку. Они надеялись вызвать среди них выгодную для России конкуренцию, которая помешала бы любой из этих стран установить над ними кабальную экономическую гегемонию, быстро поставившую бы их в политическую зависимость.

Державы Антанты не захотели понять, какую выгоду могли бы они извлечь из участия в осуществлении этой

программы, и большевикам временно пришлось иметь дело с одной лишь Германией. Германия, которой даже не пришлось бороться, чтобы опередить соперников, конечно же намерена получить для себя львиную долю. Уже сейчас речь идет об огромных концессиях для строительства железных дорог, добычи нефти, угля, железа, золота и т. д.

И мы этому попустительствуем.

Москва, 15 июня

Мой дорогой друг,

Большевики, которых я часто упрекаю в неловкости, в совершенных ошибках и в чрезмерной резкости постоянных нападков на союзников, неизменно отвечают мне обвинительной речью со следующими основными аргументами:

«Мы по-прежнему верим в ваши личные добрые намерения; они бесспорны, именно поэтому мы и призываем вас понять, что, какими бы лучшими чувствами вы ни руководствовались, ваши настойчивые попытки добиться примирения более не могут быть нами восприняты.

Вот уже восемь месяцев, не принимая во внимание постоянные скрытые или очевидные проявления враждебности Антанты по отношению к большевикам, вы постоянно заверяете нас, что в скором времени произойдет несомненное улучшение наших отношений с союзниками и будет достигнуто согласие по отдельным вопросам.

Грубые факты постоянно опровергали и рушили иллюзии, которые вы в нас поддерживали и без которых мы скорее всего заняли бы по отношению к Антанте позицию более энергичную, что, возможно, заставило бы ее по-другому и более здраво взглянуть на реальности и, в конце концов, начать искать какое-то решение.

Союзники неустанно обрушивались на нас с нападениями, оскорбляли и дискредитировали нас. Они подстрекали и поддерживали по очереди всех наших политических противников: Керенского, Каледина, Алексеева, казаков, поляков, буржуазную украинскую Раду, бело-

гвардейцев в Сибири и всех контрреволюционеров. Но даже с их помощью внутренние враги не смогли нас победить, потому что и тогда, и сегодня мы представляем революционные массы русского народа.

Свергнуть нас союзникам не удалось, но своими бездумными действиями они бесконечно затягивали гражданскую войну и тем самым в значительной степени способствовали все большей дезорганизации транспорта, углублению продовольственного кризиса, анархии. Огромные усилия, которые правительство вынуждено было предпринимать сразу по всем направлениям против тех, кого вы поддерживали и кто без вашей поддержки не посмел бы начать борьбу или, став жертвой собственной слабости, был бы быстро разбит, истощили силы власти Советов, то есть в конечном итоге всей России.

Из страха перед большевизмом и ненависти к нему союзники таким же образом поддерживали промышленников, банкиров и чиновников, занимавшихся саботажем. В экономической области вы добились не большего, чем в области политической, и, подстрекая и подталкивая к проискам, которые лишь усугубляли общую дезорганизацию, вы и здесь действовали во вред всей нации и самим себе.

Верные своей тактике, союзники, поддерживая всех наших внутренних противников, высокомерно отказывались от самого простого сотрудничества с нами — в борьбе против внешних противников, против Центральных империй, на руку которым они в результате так хорошо и сыграли.

Дважды казалось, что, почувствовав надежность правительства Советов и осознав, наконец, необходимость сотрудничать хотя бы на пользу в исключительно сложных условиях начатой нами военной реорганизации, союзники намерены были проводить более лояльную и более реалистичную политику. В конце февраля, накануне подписания Брестского договора, когда возникла угроза прорыва немцев на Петроград, французская миссия, казалось, была готова по вашей инициативе предоставить в распоряжение Троцкого офицеров и солдат для уничтожения железных и прочих дорог, для создания и руководства отрядами обороны столицы. Но это запоздалое предложение о договоренности было, конечно, чистым притворством. В рас-

поряжение наших военных поступила единственная группа, состоявшая из пары офицеров и нескольких инженеров. Чем могла быть нам полезной столь мизерная помощь, каким образом, по мнению вашего начальства, то есть знающих профессионалов, мы бы смогли такими силами остановить продвижение противника?

В конце марта месяца, после ратификации договора, воспринятой всеми с большой болью в сердце и с тайным желанием разорвать эту позорную бумажку, как только у нас накопится хоть немного сил, когда назначенный руководителем Комиссариата по военным делам Троцкий со свойственной ему энергией принялся за реорганизацию армии, он вновь по вашему же предложению обратился к союзникам.

Была достигнута договоренность о том, что первая группа из 40 французских офицеров немедленно включится в сотрудничество для достижения этой цели, что затем их поддержит более значительная группа специалистов. На деле же Троцкий увидел лишь троих или четверых ваших товарищей. Несмотря на напоминания, остальные люди, на которых был официальный запрос и которые были официально же обещаны, так в комиссариате и не появились. А с первых дней апреля те немногие французские офицеры, которые были предоставлены в наше распоряжение, совершенно потеряли интерес к порученному им делу. Такая выдающаяся недобросовестность объяснялась, вероятно, приказами, поступившими из Вологды, где после добровольного изгнания в Финляндию обосновался г-н Нуланс.

Точно так же после возвращения г-на Нуланса большая американская техническая миссия, предоставленная нам для реорганизации железных дорог, уже находившаяся на пути в Москву, вдруг остановилась, потом вернулась во Владивосток, и больше мы о ней никогда не слышали.

В тот же период Робинс, Локкарт и вы лично указали нам, что для скорейшего обеспечения победы Антанта неизбежно должна возродить Восточный фронт. Мы согласились обсудить с союзниками условия проведения военной интервенции на нашей территории, оставив, однако, за собой право на более позднее окончательное согласие на столь опасный проект, который в любом случае должен был быть осуществлен только

после заключения с нами полного договора. Между народными комиссарами и Англией были начаты переговоры о принципиальных условиях, предложенных Советами всем союзникам. Переговоры эти вполне могли завершиться успешно, если бы не печально знаменитое интервью г-на Нуланса, который, оправдывая японский десант и давая понять, что в ближайшее время возможна более крупная интервенция, не сказал при этом ни одного сочувственного или уважительного слова о нашем правительстве. Всем стало абсолютно ясно, что Антанта не намеревалась всерьез осуществлять соглашение, а хотела одного — выиграть время. Впечатление это подтвердилось, когда на требование отозвать своего посла французское министерство ответило высокомерным молчанием.

И все же, после стольких разочарований, мы не прекращали проявлять нашу добрую волю. Мы согласились на то, чтобы вы эвакуировали значительную часть ваших военных запасов, складированных в Архангельске. Мы закрывали глаза на ваши военные приготовления, направленные на организацию обороны портов на Белом море. Когда местные советские комитеты сообщили о своей тревоге и запросили инструкций у Москвы, Совнарком рекомендовал сотрудничать с союзниками. Как вы знаете, мы изменили наше отношение, только когда убедились, что подобное обустройство Мурманска и Архангельска было направлено не только против финнов и немцев, что вы стремились сосредоточить в этом подконтрольном вам регионе, пользуясь нашим наивным благодушием, русские контрреволюционные элементы, которые, естественно, были полны решимости не защищать, а свергнуть власть Советов.

Руку вы нам так никогда и не протянули. И вы так и не приняли искренне протянутую вам нашу руку. Вы всегда боролись против нас!

Теперь, несмотря на лицемерные заверения ваших представителей, затронутых нашими ответными мерами, вынужденных проявлять осторожность и стремящихся сохранить у нас прежние иллюзии относительно вашей истинной враждебности, не осталось ни одного русского, который не был бы убежден, что вы в сговоре с чехословаками, уже сегодня более или менее открыто вступившими в союз с контрреволюцией. Даже если бы у нас и оставались еще какие-то сомнения, дос-

таточно было бы почитать восторженные отклики англо-французской печати о якобы освободительных действиях чехов против Советов, чтобы эти сомнения исчезли.

Доказав, таким образом всеми вашими действиями ваше неумолимое стремление ни в коем случае не приходить к нам на помощь и выступить против нас, как только будут собраны достаточные для этого силы, как смеете вы притворно возмущаться нашими нынешними подозрительностью и враждебностью по отношению к вам, как смеете вы клеймить нас за двуличность? Сегодня ясно, что политика сближения и лояльного сотрудничества, за которую вы выступали, а вслед за вами Локкарт и Робинс, потерпела окончательное фиаско. Робинс понял бесполезность своих усилий и вернулся в Соединенные Штаты. Бедняга Локкарт спрятался в своей палатке. А что же вы?»

Я — в отчаянии.

Москва. 27 июня

Дорогой друг,

Сегодня утром Троцкий сообщил мне о высадке в Мурманске двух тысяч английских солдат. Немцы (я встретил в приемной Троцкого трех атташе посольства), едва узнав об этом десанте, запросили правительство Советов, рассчитывает ли оно силой противодействовать явно противоречащей Брестскому договору военной операции. Их немедленное предложение о военной помощи было отклонено. Однако сами противники не скрывали — если станет очевидно, что между большевиками и Антантой существует негласное соглашение, или же Красная Армия окажется неспособной сбросить союзников в море, они оставляют за собой право выступить вместе с войсками Советов, а при необходимости — против них.

Хотя Троцкий задолго предвидел эту высадку, им владело простительное огорчение. Он сказал мне, что Совет Народных Комиссаров уже рассмотрел возможность предъявления ультиматума, затем, если он не возьмет действия, в кратчайшие сроки объявления войны Франции и Англии.

Я задаю ему вопрос, который интересует только тех, кого он интересует. Какова будет в случае объявления войны судьба союзнических миссий? После того как в этом разговоре Троцкий констатирует, что Россия фактически находится в состоянии войны с Центральными империями, я замечая, что продолжающиеся между австро-немцами и советскими войсками боевые действия на украинском и южном фронтах не привели к разрыву дипломатических отношений. Похоже, есть не больше причин тревожить представителей Антанты, чем посольство Германии и ее свиту, какими бы напряженными в будущем ни были наши отношения. Троцкий, улыбаясь, отвечает мне, что наркомы еще не поднимали этот, очевидно второстепенный, на их взгляд, вопрос.

В свое время можно было легко и теперь все еще, по моему мнению, возможно убедить правительство согласиться на интервенцию (если она будет действительно решительной и действительно неизбежной), обязавшись по собственной инициативе не бороться против Советов и оказывать им военную поддержку не против контрреволюции, — борьба с ней их внутреннее дело, — но против Германии, когда большевики, зажатые между воюющими группировками, будут вынуждены делать выбор.

Поняли ли, наконец, в Париже и далее, что единственно эффективной могла бы быть лишь большая англо-франко-японская интервенция, что до тех пор, пока Япония и Соединенные Штаты не придут к договоренности, бессмысленно и опасно бросать угрозы и гордо трубить об интервенции. Наша храбрость на словах куда больше, чем беспокойство большевиков, усугубляет их враждебность. С каждым днем все отчетливее вырисовывается их необыкновенно тонкая, несмотря на кажущуюся грубость, политика.

Франция и Англия, безусловно, еще долго не будут иметь возможности задействовать в районе Белого моря значительно больше, чем две-три дивизии, необходимые, чтобы удержать — но не более — этот уголок мерзлой земли. Таким образом, Советам с этой стороны угрожает лишь относительная опасность.

Смертельная опасность возникла бы со скорым появлением нескольких японских дивизий, которые вооружат и поддержат чехословаков, захватят Транссибир-

скую магистраль и подготовят переброску семи или восьми армейских корпусов. Эти корпуса, которые установили бы связь с англо-французскими силами, имели бы основной задачей занять бассейн Волги и притянуть к этому району значительное количество австро-немецких частей.

Таким образом, большевики должны любой ценой, иначе говоря, ценой достаточных уступок отвести угрозу японской интервенции. Они понимают, что Соединенные Штаты без радости согласятся на вторжение японской армии в Сибирь, откуда никакая русская сила, никакая сила Антанты не будут в состоянии ее изгнать. Экономические претензии Соединенных Штатов в Сибири очевидны и, похоже, непримиримы с японскими намерениями. Позволят ли Вильсон японцам заправлять в этом богатом крае, обладание которым обеспечит им гегемонию на Дальнем Востоке и разрушит все сладкие мечты, лелеемые американскими капиталистами?

Констатируя и по сей день неослабную враждебность Франции и Англии, большевики вот-вот от них отвернутся. Но они приложат все усилия, чтобы остаться в хороших отношениях с Соединенными Штатами, чтобы еще больше подогреть их тревогу и еще больше противопоставить их Японии. При необходимости они привяжут к себе Вашингтон обещанием или предоставлением любого рода преимуществ. Одновременно они заявят, они уже заявляют Токио: «Союзники хотят втянуть вас в трудное, кровавое, сомнительное дело. Вы сунете палец, потом руку, а вскоре и целиком окажетесь в жерновах. Поражение или полупобеда вам ничего не сулит. В случае победы Соединенные Штаты и Англия договорятся с Германией, чтобы сократить до минимума вашу долю. Мы готовы мирно и бесплатно дать вам то, в чем союзники отказали бы вам после завершения дорогóй военной интервенции: право контроля за железными дорогами, как построенными, так и теми, которые будут построены, право пользования рисовыми угодьями и рыбными промыслами, право на необходимые вашей промышленности горнодобывающие концессии».

Неужели в Париже и Лондоне могут серьезно полагать, что, если на таком языке будут говорить с реалистичными государственными деятелями Токио, те откажутся внимательно слушать? С другой стороны, раз-

ве не известно, какие гигантские усилия предпринимает Япония в Китае, чтобы закрепить там свое преобладание, какие финансовые и военные ресурсы требуются для успешного осуществления этого плана? И правды ли так крепки у Японии ноги и сердце, чтобы она погналась за двумя такими сильными зайцами, как Сибирь и Китай?

Я не знаю никаких государственных тайн, разве что те, о которых мне по собственной воле говорят большевистские министры. Возможно, что мой пессимизм смешон, что ныне Антанта уже имеет уверенность в том, что Япония широко будет участвовать в интервенции, что сама интервенция не будет всего лишь предлогом для оккупации Сибири, единственно выгодной японцам, что она будет не антирусской, но антигерманской и разовьется до Волги.

Но я хочу видеть, чтобы поверить.

И даже если эта интервенция — дело уже решенное, почему бы не попытаться ее осуществить по соглашению с большевиками? Для чего столько презрения по отношению к правительству, которое за восемь месяцев блестяще доказало свою силу? Для чего упорно слушать, исключая всех остальных, только голоса недовольных, бессильных представителей пребывающих в замешательстве партий, которые, поставленные у власти милостью народных масс, неспособны были с февраля по октябрь 1917-го чего-либо сделать для народа и для Антанты, которые были сметены в считанные часы и с октября месяца были в состоянии лишь упорствовать в своей негативной и вредной деятельности, саботируя революцию, Россию и союзников, а также по мере необходимости переходя на службу Германии?

Какие же безумцы, кто думает, что союзнические войска, если они захватят Россию и погонят Советы, будут встречены русским народом, вновь ввергнутым по их и против своей воли в войну, как освободители!

Так или иначе, но отношения между Советами, Францией и Англией сегодня напряженные, как никогда. Хочу надеяться, что угроза войны, нависшая над нашими головами, не осуществится. Не потому, разумеется, что я предполагаю, что англо-французские войска столкнулись бы в этом случае с железной громадой. В начале чехословацких инцидентов я сказал

Троцкому, что я думаю о Красной Армии, которая в разгар своего формирования должна изо дня в день направлять на многочисленные внутренние фронты части, с трудом собранные и организованные.

Последствий этого шага, вот чего я опасаясь больше, чем его фактической угрозы. Объявление войны означает окончательный разрыв с союзниками. Хотят большевики или нет, но это в более или менее короткие сроки — соглашение с Германией, смертельное для Советов и угрожающее для союзников.

Может статься, что среди представителей Антанты я один, кто будет здесь оплакивать гибель русской революции. Когда-нибудь вместе со мной крушение этой великой надежды будут оплакивать Франция, Англия, социалисты всего мира. Тем хуже для тех, кто не понял идеалистическую суть того самого большевизма, который Антанта должна была поддерживать, учить ходить, предохранять против его собственной неумеренности и которой она, сначала оставив наедине со всеми иллюзиями его революционной эйфории, предпочла задушить.

Рассчитывать после того на большую благодарность России — значит обречь себя на жестокое разочарование.

Москва. 4 июля

Дорогой друг,

Сегодня в просторном и роскошном зале Большого театра под председательством Свердлова, председателя ВЦИК, открылся 5-й Всероссийский съезд Советов.

На нем присутствуют: 673 большевика-коммуниста; 269 левых эсеров; 30 максималистов; 100 прочих делегатов от различных партий и беспартийных¹³⁶.

Делегаты занимают места на сцене и несколько мест на балконе. Театр переполнен. Большинство в зрительном зале — активисты российских партий. Зал бурлит. Аплодисменты... по-русски, продолжаются несколько минут, накатываются волнами.

Главную речь дня произнес встреченный замечательной овацией Александров, представитель Крестьянского съезда Украины. Весь зал стоя кричит: «Да здравствует восставшая Украина!» Все поворачиваются к

дипломатической ложе, где сидят несколько атташе германского посольства, которым, видно, с трудом удается сохранять самообладание. Речь Александра, трогающая своей простотой, по сути, длинный крик горя, гнева, отчаяния против немецких угнетателей, которых оратор клеймит за грабежи и чудовищные репрессии: «Вся Украина восстала против Германии. Товарищи, придите нам на помощь. Как только прогоним из Киева нашего Мирбаха, барона Мумма, вы сможете прогнать из России московского Мумма, Мирбаха».

Каждую фразу прерывают яростные аплодисменты. Неистовое негодование, возмущение особенно заметно на скамьях левых эсеров, расположенных справа от президиума. Крики «Долой Брест!», «Долой Мирбаха!», «Долой германских прислужников!» раздаются со всех сторон. Дипломатической ложе грозят кулаками.

В течение дня Троцкий произносит две речи. Он устал и нервничает. Его голос перекрывают выкрики левых эсеров, которые обзывают его Керенским (худшее оскорбление, пусть не забывают в Париже), лакеем Мирбаха и т. д. и т. д. ...

Камков, самый популярный из эсеровских ораторов, тоже нервничает, как и Троцкий, произносит неслыханную по резкости речь. Под аплодисменты своих друзей и подавляющего большинства присутствующих, указывая пальцем на немецких дипломатов, он называет их «подонками и бандитами».

Заседание, прерванное, когда в зале царило неопишное возбуждение, продолжилось вечером.

Неожиданность для всех, и тяжелая неожиданность для многих, грубость и враждебность в речах левых эсеров по отношению к большевикам...

На 4-м съезде, в марте, левые эсеры отказались ратифицировать Брестский мир. Пятеро или шестеро представителей, которые у них были в СНК, подали в отставку, подчеркнув, однако, что они готовы не разрывать отношения и по-прежнему выражают доверие правительству. Действительно, сотрудничество продолжалось. Наиболее резкие выступления левых эсеров, прозвучавшие с тех пор, были направлены против Брестского мира и, с другой стороны, критиковали большевиков за отход от социалистических принципов, за усиливающуюся в правительстве тенденцию к снижению накала классовой борьбы и к соглашению с буржуаз-

ными силами. Последние две-три недели в «Знамени труда», ежедневной газете эсеров, началась более резкая кампания. В ней оскорблялся Мирбах, звучали призывы к возобновлению военных действий в форме партизанской войны. Большевиков подобная позиция крестьянской партии, единственной массовой партии, еще поддерживающей их, обеспокоила, но не слишком. Большинство из них считало, что эти участвовавшие воинственные заявления левых эсеров несерьезны, поскольку левые эсеры не осмелятся начать военные действия, которые могут закончиться свержением власти Советов и по меньшей мере могут ослабить влияние их собственной партии среди поддерживающих ее крестьян, настроенных главным образом пацифистски, могут внести раскол в Советы, взбудоражить народные массы и тем самым сыграть на руку контрреволюции.

Оскорбительные нападки Камкова, еще более резкие — в речи Спиридоновой разверзли столь глубокую пропасть между двумя партиями, сколь очевидно свидетельствуют о внезапном решении эсеров не идти больше ни на одну уступку; разрыв, похоже, неизбежен. В своих ответах Троцкий и Зиновьев состязаются с Камковым и Спиридоновой в грубости. Они не соглашаются ни в чем. Они без оглядки набрасываются на своих противников, особенно на Спиридонову, чье революционное прошлое, террористические акты, долгие тюрьмы, чудовищные издевательства жестокой царской полиции, обеспечило ей в народе престиж, почти равный тому, каким обладает Ленин. Они нападают на всю эсеровскую партию, которой ставят в вину ее колебания в период Октябрьского восстания, ее уклоны потом и предательство теперь. Они призывают к народному гневу и возмездию по отношению к этим людям, которые стараются вовлечь обреченную на поражение Россию в бессмысленную войну, которую Советы не могут и не хотят вести, которая приведет революцию к смерти.

Мосты сожжены. И те, и другие пустились в словесный садизм, который, похоже, исключил всякую возможность сближения. Но эти страстные заседания были замечательными. Живое пламя революции, исчезнувшее на прошлом съезде, горело во всех сердцах.

Дорогой друг,

Второй украинский оратор, большевик Скрыпник¹³⁷, открыл заседание столь же горячей речью против Германии, как и та, которую произнес вчера левый эсер Александров. Он, однако, предупредил Советы об опасностях поспешного объявления войны: «Сейчас украинские коммунисты создают армию. В то же время создается Красная Армия, она будет подготовлена через несколько месяцев. Тогда можно будет выкинуть захватчика вон. До того дня нужно суметь дотерпеть и предоставить украинским партизанам заботу о том, как измотать австро-немцев. Они с этим отлично справляются».

Словом, Скрыпник одобряет выжидательную политику Советов. Это выступление успокаивает съезд. Его вновь всколыхнет гневная филиппика, брошенная Спиридоновой «в припадке истерии», как скажет Троцкий, в лицо большевикам. Спиридонова нападает разом и на политику, и на людей. Она выражает сомнение в честности Ленина и Троцкого. Обвиняет их в том, что они жертвуют крестьянскими массами ради рабочего класса. Или этой предательской политике будет положен конец, или «я вновь возьмусь за револьвер и бомбу, которые в свое время уже держала в руке». Вновь накаляются страсти. Грубые угрозы, которые Спиридонова адресуется всем большевикам, тягостно нависают над ходом дискуссии. Известно, на что способны эсеры-террористы. Встает Ленин. Неожиданно похожий на фавна, он по-прежнему спокоен и насмешлив. Он смеется и не перестанет смеяться даже под шквалом проклятий, нападок, прямых угроз, которые обрушиваются на него с трибуны и из зала. В этой трагической обстановке, когда этот человек знает, что под вопрос поставлены все его дело, его идеи, его жизнь, этот раскатистый, веселый, искренний смех, который кое-кто находит неуместным, производит на меня впечатление необыкновенной силы. Только иногда какое-нибудь более резкое слово, более хлесткая грубость на секунду сковывает этот оскорбительный для противника и приводящий его в отчаяние смех, заставляет стиснуть зубы, нахмурить брови, напрячь взгляд, мечущий колющие искры из-под сощуренных век. Троцкий, рядом с Лениным, также

пытается смеяться. Но гнев, волнение, нервозность превращают этот смех в болезненную гримасу. Тогда его живое и подвижное лицо угасает, ступевывается, исчезает за страшной мефистофельской маской. Он не обладает высочайшей волей «мэтра», его хладнокровием, его абсолютным самообладанием. Но в этом весь он, я знаю, он легче поддается своим эмоциям.

Большевики, все присутствующие, за исключением левых эсеров, продолжающих сидеть в молчании, устраивают Ленину ураганную овацию, которая доказала бы г. Нулансу, не будь он сейчас в Вологде, каким несравнимым влиянием обладает этот великий маг на собравшихся здесь партийцев, представляющих хотя и меньшую часть русского народа, но часто самую деятельную, самую дееспособную, единственно живую. Ленин защищает политику Бреста. Становится все более и более очевидным, что страны, которые по-прежнему погружены в войну, устремляются к пропасти. Большевики идут к социализму, и они продолжат свой поход, если преступники не втянут Россию в войну, «которую она не может и которую она не хочет вести». Конечно, большевики допускали серьезные ошибки и допускают их каждый день. Социализм не догма. Он создается не по книжным теориям, но из опыта. Ленин отбрасывает упреки левых эсеров по поводу аграрной политики правительства. Не против крестьян направлена эта политика, но против кулаков и спекулянтов. Что касается эсеров, то они действуют на руку буржуазии, одни сознательно, другие несознательно: «Если они хотят со съезда уйти, то пусть не стесняются и... скатертью дорога».

Вызов, брошенный левыми эсерами, таким образом, как и следовало предвидеть, большевиками принят. Это — сражение. Завтра это будет разрыв.

Камков — с немалым мужеством, поскольку он мог оценить по энтузиазму присутствующих все неизменное влияние своего противника, — с жаром бросает новые оскорбления, новые угрозы в лицо Ленину, который продолжает без удержу веселиться. Речь Камкова, беспорядочная, демагогическая, неловко оскорбительная, подливает масла в огонь, но не убеждает. Она дает Зиновьеву, единственному по-настоящему талантливому оратору среди присутствующих, удачный повод выступить с триумфальной репликой.

Затем длинные речи, после недавнего блестящего поединка кажущиеся вялыми и тусклыми. Ночью подавляющим большинством голосов съезд принимает резолюцию Ленина, разумеется, полностью одобряющую внутреннюю и внешнюю политику Советов.

Москва. 6 июля

Дорогой друг,

Прихожу на съезд к четырем часам. Зал полон. Но сцена, предназначенная для членов Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и Президиума (бюро), почти пуста. Ни одного из лидеров нет.

В зале странные разговоры. Якобы покушение на Мирбаха. Одни говорят, германский посол остался невредим, другие — ранен. Я поднимаюсь на сцену. Иду за кулисы. Встречаю Стеклова, который, как и положено журналисту, разумеется, ничего толком не знает, затем Рязанова и еще людей, они тоже плохо информированы, наконец, помощника Чичерина, который рассказывает мне об этой трагедии. Двое левых эсеров, Блюмкин и Андреев, члены Чрезвычайной комиссии, появились в три часа в посольстве Германии, имея поддельную записку за подписью Дзержинского, председателя ВЧК. Их принял советник Рицлер, которому они заявили, что хотели бы предупредить посла о готовящемся против него покушении. Подробности, которые они сообщали, в высшей степени заслуживали внимания, и Рицлер пошел звать Мирбаха. Как только Мирбах появился в комнате, он был убит Блюмкиным выстрелом из револьвера. Преступники выскочили через окно, взорвав при бегстве две бомбы.

Новость расходится. Все в напряжении. Выдвигаются различные версии. Что это, самостоятельная акция двух людей, которых подтолкнули к ней провокационные выступления Камкова и Спиридоновой? Террористический акт, на который решились лидеры левых эсеров, чтобы спровоцировать возобновление войны с Германией?

Журналистам, стоящим тут же, очень хочется, чтобы верной оказалась вторая версия. Для меня неприем-

демы их аргументы. Готов понять и принять жест двух русских, доведенных до отчаяния чудовищными унижениями, наносимыми России наглой и варварской Германией, и мстивших официально представителю, символу неприятеля, за свою несчастную поруганную страну. Это возмездие могло бы иметь значительные отклики, пробудив во многих русских, в том числе большевиках, чувство национальной гордости, дав понять наглой Германии, что она не будет безнаказанно продолжать против подавленного народа отвратительную политику *vae victis**, показав всем тем, кто несет ответственность за войну, что их вина должна оплачиваться кровью.

Но я не понимаю этого жеста, если он — протест целой партии, которая знает, что за ней нет достаточных сил для того, чтобы за этим сигналом к восстанию последовало бы настоящее восстание, что она рискует обострить гражданскую войну, усугубить внутреннее и внешнее положение, но не сможет подтолкнуть правительство к войне, «которую оно не может и которую не хочет вести».

Если Мирбаха убила партия левых эсеров, то она тем самым нанесла себе очень опасную рану. Какими бы чистыми интеллектуалами, сугубыми идеологами ни были Камков, Карелин и Спиридонова, они не могут не знать, что за исключением какой-то части населения районов, оккупированных противником, их сторонники-крестьяне бесконечно более далеки от войны, чем большевистские рабочие. В последние недели левые эсеры часто повторяли, что союзники не втянут русский народ в войну против его воли. Им должно быть известно, что и сами они не могут рассчитывать на большее.

Преклоняясь перед этим новым примером мужества, в котором никто не мог сомневаться, я считаю, если все именно так, что партия эсеров совершила ошибку, которая принесет пользу не революции, не Антанте, а, вне сомнения, только Германии.

Пока продолжают дискуссии, выдвигаются все новые предположения, понемногу, под предлогом заседаний различных фракций, интернационалисты, большевики, все партии, кроме левых эсеров, вызываются из зала. Одновременно приглашаются участвовать в этих

---

* Горе побежденным (лат.).

заседаниях делегаты этих партий, зрители из числа их сторонников. К восьми часам вечера в зале, не считая нескольких журналистов, остаются только делегаты левых эсеров и их сторонники.

Хочу выйти. Театр окружен красногвардейцами. Выходы охраняются. Мы — пленники.

Теперь говорят еще и о том, что в городе левые эсеры как будто бы подняли восстание. Ими уже захвачены несколько кварталов. Большевики проявили хладнокровие, замечательную быстроту в принятии решений, задержав в этом зале почти всех делегатов и большинство лидеров эсеров, в том числе и Спиридонову. Они завладели драгоценными заложниками и оставили эсеров без их самых самоотверженных агитаторов; Камков и Карелин, вероятно, возглавили бы восстание.

Делегаты чувствуют, что они в руках безжалостного противника. Они понимают, что их положение серьезно. Им, без сомнения, придется расплачиваться за тех, кого сейчас здесь нет. В пустом на три четверти зале, который кажется темным при ярком свете люстр, царит трагическая тишина. Левые эсеры принимают решение организовать митинг. Они выбирают бюро, председательствует Спиридонова. Может быть, им уже вынесен приговор? Стоя, все как один, низкими голосами они поют похоронный марш, затем «Интернационал», потом другие революционные песни, пронзительно грустные. Вскоре, однако, эти молодые, готовые бороться, пылкие люди берут себя в руки. Их охватывает чуть нервное веселье. Ораторы произносят проникновенные или юмористические речи. Они инстинктивно избегают комментариев к событиям дня.

Проходит не один час. Оставшийся в зале знакомый большевик опасается, что его товарищи, если восстание эсеров приняло угрожающий характер, могут начать кровавые репрессии против делегатов. Он убеждает меня уйти. Когда эсеров будут арестовывать, мое качество французского офицера (представителя проклятого империализма) может навлечь на меня ненужную жестокость солдат. Около трех часов утра я последовал его совету. С трудом выхожу из театра, несмотря на то, что у меня пропуск, который незадолго до этого незаметно передал мне Аванесов¹³⁸, один из организаторов съезда.

На темных улицах ни одного прохожего. Патрули,

автомобили с солдатами. Несколько выстрелов вдалеке. Тщетно пытаюсь попасть в гостиницу «Националь», где живут многие мои друзья-большевики. Охрана непреклонна. Мое упорство стоит мне угроз, которые не позволяют проявить настойчивость.

Мы на новом повороте революции.

Москва. 7 июля

Дорогой друг,

Совет Народных Комиссаров, как и следовало предполагать, в обращении к народу заклеил левых эсеров, заявивших сегодня, что решение о покушении на Мирбаха было ими принято официально и исполнялось по приказу. В обращении указывается, что цель этого преступления состояла в том, чтобы втянуть Россию в войну против Германии. Утверждается, что убийцы являются агентами англо-французского империализма.

Уверен, что Совет ошибается. Уверен, что союзники не подготавливали восстание чехословаков, которому сегодня они, может быть, и рады, потому что оно развивается удачно, настолько удачно, что союзники вполне могут получить в результате поддержку своим интервенционистским планам; но они и не помышляли убивать Мирбаха.

Прежде всего, думаю, что ни один глава государства, ни один министр, ни один официальный деятель, как бы велика ни была его ненависть к неприятелю, не может посоветовать совершить убийство себе подобного. Подобные акции рискуют получить распространение и обернуться когда-нибудь против тех, кто их спровоцировал. Не стоит создавать прецедент против самого же себя.

Кроме того, любому думающему человеку ясно, что убийство Мирбаха должно быть выгодно Германии, и только ей. Было бы неосмотрительно со стороны союзников вдруг вручить противнику оружие, которым он, оказав давление на правительство Советов, сможет вырвать у того новую уступку.

Наконец, Троцкий не может не помнить о том, что в конце апреля я вручил ему в собственные руки, а также Дзержинскому записку, в которой достоверно пре-

дупреждал о том, что несколько монархистов с согласия посольства Германии готовят псевдопокушение на Мирбаха.

В этой записке я указывал, что после этой попытки покушения Германия потребовала бы для охраны своего посла охрану из 1 000 прусских солдат: задача этого батальона, сформированного из унтер-офицеров и офицеров-инструкторов, заключалась бы в вербовке контрреволюционеров, сколачивании, формировании и вооружении соответствующих подразделений, с тем чтобы в нужный момент бросить их против правительства Советов, свергнуть его, создав дружественный Германии режим — и совершить это таким образом, чтобы участие Германии в этом сомнительном деле не было бы особенно заметным и она не скомпрометировала бы себя в глазах русского народа.

Понимаю, что если бы удалось, не обостряя отношений с Германией, избежать скандала, то моя записка принесет пользу, и расследование будет успешно проведено.

Как же Троцкий может допускать, что июльское покушение организовали мы, покушение, которое было разоблачено нами и чей драматический исход должен дать Германии повод заявить о тех требованиях, о которых шла речь, еще более заострив их в ущерб нам?

Восстание левых эсеров было ликвидировано сегодня вечером. Те несколько тысяч человек, которые последовали призывам Камкова и Карелина, сложили оружие, остальных разогнали.

Большевики вновь продемонстрировали хладнокровие, твердость и быстроту в выполнении решений, что, в назидание противникам, служит свидетельством силы большевиков.

Тот факт, что партия левых эсеров, значительная, популярная партия, поддалась на эту мелкую авантюру, доказывает слабость, неопытность, политическую наивность ее руководителей. То, что ее призывы к восстанию нашли столь мало откликов в массе ее многочисленных сторонников в армии и среди гражданского населения, показывает авторитет большевиков и прочность выдерживаемой ими пацифистской платформы.

То, что правые и центристские элементы не воспользовались этой возможностью свергнуть или, по крайней мере, расшатать правительство Советов, доказы-

вает, что нет никакого согласия между партиями оппозиции, доказывает бессилие, политическую трусость, которой поражены «эти здоровые элементы», к представителям коих — и только к ним — продолжают тем не менее прислушиваться Париж и Лондон.

Конечно, борьба против левых эсеров еще какое-то время будет по меньшей мере сказываться разобщением в советских организациях. Но победа укрепляет престиж большевиков и внушает им большую веру в себя. Левые эсеры следом за анархистами потерпели поражение за несколько часов. Оппозиционные партии задумаются над этими уроками. Если большевики поступят мудро и не станут переносить борьбу против лидеров левых эсеров на всю массу крестьян, членов этой партии, они быстро завоюют авторитет и в этих кругах.

Москва. 9 июля

Дорогой друг,

Встретил на съезде Троцкого. Некорректный, ледяной прием, по поводу которого я решительно намерен получить объяснения в следующую же встречу. Я никогда не вел двойной игры ни с союзниками, ни с большевиками и не допущу, чтобы со мной обращались как с подозрительной личностью как те, так и другие.

Знаю, что Троцкий зол на меня за то, что в союзнических и большевистских кругах я сообщил о его заявлениях по поводу скорого объявления войны Франции и Англии. Я не имел права скрыть информацию о столь важных шагах, от которых необходимо было уберечь в равной степени интересы Антанты и большевиков.

Троцкий дважды выступил с речью о заговоре левых эсеров. Он жестоко и агрессивно громит организаторов.

Москва. 10 июля

Дорогой друг,

В союзнических кругах ходят самые невероятные разговоры о требованиях Германии, выдвинутых ею после убийства Мирбаха. Она якобы потребовала не-

медленной высылки союзнических миссий и чуть ли не оккупации Петрограда и Москвы немецкими войсками. В частности, Москве придется мириться с присутствием целой дивизии. Большевики, дабы избежать войны, будто бы готовы уступить.

Я давно привык видеть, с какой величайшей легкостью самые серьезные деятели воспринимают подобные смехотворные слухи, и не придаю им большого значения.

Наркомы, с которыми я виделся на съезде, и в частности Луначарский, заявляют, — и я этому охотно верю, — что до сего времени Германия потребовала лишь суда над преступниками и наказания убийц и подстрекателей. Она заявила правительству Советов, что убеждена в том, что оно глубоко сожалеет о жестоком убийстве ее посла и стремится лишь к тому, чтобы подерживать с ней дружественные отношения.

Луначарский, Троцкий, все, кого я видел, уверены, что Германия прощупывает почву и еще заявит о своих требованиях. В нынешнем положении, будучи привязанной к франко-английскому фронту, она не может помышлять об оккупации Великороссии силой. Она не может рассчитывать и на то, что ей удастся убедить большевиков пойти на самоубийство, которым станет «дружеская» оккупация Петрограда и Москвы. Вероятно, как я указывал в конце апреля, она потребует значительной охраны. Этому же требованию большевики не намерены уступать. Но, по правде говоря, они делают только то, что смогут.

Заключительное заседание съезда. Троцкий выступает с большой речью об организации Красной Армии. Мощная, страстная, полная прекрасного революционного духа речь. Троцкий в ударе. Он объясняет причины разложения старой армии. Их он видит в износе старого механизма, в том глубоком разрыве, который разделял Нацию-армию, Народ, Солдата и Высшую жестокую касту — офицеров. Царизм использовал Нацию-армию только на благо монархии.

Троцкий признает недостатки армии, формируемой из вольнонаемных. Применение этого принципа оправдывалось остротой ситуации. Цель же — прийти к всеобщей обязательной воинской повинности. Однако, пока продолжается гражданская война, право ношения оружия будет дано только рабочим и крестьянам. Бур-

жуазия будет использоваться на вспомогательных службах, на хозяйственных работах, как писари и т. д. ...

Опыт мобилизации двух возрастов в Москве удался. В других местах он наталкивается на плохую организацию административного военного механизма. В настоящее время такое положение вещей исправляется. В самое ближайшее время все граждане в возрасте от 18 до 40 лет должны будут откликнуться на первый призыв Советской власти. Троцкий обращается к делегатам, и в частности к левым эсерам, с просьбой организовать в провинции и на Украине батальоны и полки Рабоче-Крестьянской Армии.

Затем он переходит к вопросу об организации военных комиссариатов на местах и предлагает полную интересных идей схему сильно централизованной военной администрации, которую он мечтает организовать в России. Не один раз он подчеркивает необходимость подобной централизации, важной как для построения армии, так и для других областей государственной жизни. Он отбрасывает идею партизанских отрядов. Решительно взывает к чувству долга, к дисциплинированности каждого и т. д...

Он долго развивает мысль о том, что, вопреки всем доводам противников, революционеры должны постараться сделать армию политической. Все армии, и особенно революционные армии, делали политику; необходимо и дальше действовать в этом направлении.

С этой точки зрения самым деликатным вопросом является вопрос командования. Молодая Красная Армия не имеет собственных командиров. Она вынуждена обращаться к старорежимным специалистам. Разумеется, большинство из них против революции. Тем не менее нельзя отбрасывать их помощь, однако использовать их необходимо под внимательным наблюдением, безжалостно карая все попытки саботажа. Впрочем, многие из них служат честно и должны ощущать лояльную поддержку советских организаций.

Уже сейчас из числа записавшихся в Красную Армию крестьян и рабочих отбираются наиболее способные, их направляют в школы инструкторов, перед теми же, кто показывает себя достойными, открываются двери военных академий.

Троцкий не сомневается в том, что через несколько месяцев Красная Армия, измученная, дезорганизован-

ная в настоящее время бесконечными боями на различных внутренних фронтах, станет мощной силой на службе у власти Советов.

Стеклов делает доклад о проекте советской конституции, включающей декларацию прав трудящихся и определяющей принципы организации Советской власти. В основе этой конституции лежат принципы демократического централизма и федерализма. Ее принимают единогласно.

Съезд заканчивается пением «Интернационала».

Москва. 12 июля

Дорогой друг,

Большевики преувеличивают опасность войны в связи с убийством Мирбаха. На мой взгляд, Германия слишком слаба, чтобы рвать отношения, и этот инцидент должен скорее сблизить оба правительства. Факты упрямы, как говорит Ленин, и это упрямство фактов неминуемо ориентирует Россию (которую настойчиво отталкивают союзники) на Германию.

Чтобы серьезно опасаться объявления России войны, нужно прежде всего допустить, что наши противники в состоянии вести эту войну; мне представляется, что это им уже не по силам и что они не станут с сердечной радостью развязывать военную кампанию, к которой их вовсе не принуждают обстоятельства.

Трудности, с какими они сталкиваются на Украине, между тем безоружной, и где их поддерживает правительство, составленное из их прислужников, позволяют предвидеть, на какое сопротивление натолкнутся наши противники в плохую, но тем не менее вооруженной России, в которой им в первую очередь придется осуществлять политическое умиротворение. Власть Советов пустила в стране глубокие корни. Я не раз говорил, что изгнать большевиков из Петрограда и Москвы для австро-германцев было бы легко. Но это ничего бы не решило. Изгнанное правительство Советов по-прежнему оставалось бы правительством и было бы, как минимум, грозной оппозиционной и подрывной силой до тех пор, пока его не уничтожили бы полностью. Кроме того, наступление Германии могло бы обернуться

тем, что в тот или иной момент правительство Советов бросилось бы к нам в объятия, если бы мы соизволили, наконец, сделать шаг навстречу и сумели бы избежать самого страшного преступления и величайшей ошибки в ряду стольких других, то есть смогли бы не задушить его.

Даже если негласным, постыдным, но плодотворным сотрудничеством в подрывной работе, параллельно и тайно ведущейся нами и нашими противниками, мы взаимно поможем друг другу в свержении большевистских министров, большевизм выживет, выйдя морально и национально окрепшим из любых бед, которые на него наслала бы заграница.

Союзникам, с одной стороны, немцам — с другой, пришлось бы, таким образом, в первую очередь ружьями и пушками восстанавливать экономический и политический «порядок» в этой несчастной, но возвеличенной своей революционной борьбой России, которая еще долгое время винила бы нас за то, что на нее, подобно иной негритянской стране, мы обрушили столь грубое насилие.

Наши противники задействовали, чтобы осуществить свою славную работенку на Украине, 7 или 8 армейских корпусов. Если бы им вздумалось сделать то же в Великороссии, им пришлось бы, безусловно, расквартировать здесь силы, по крайней мере, вдвое большие. К этому, если округлять, миллиону солдат им еще нужно прибавить экспедиционный корпус, который придется направить против англо-франко-чехословацких сил и японцев, если последние решатся предпринять широкомасштабную европейскую интервенцию, на которую союзники, разумеется, имеют все основания рассчитывать, но в которую я не поверю до тех пор, пока от 200 до 300 тысяч японцев не разместятся поблизости от Волги.

Где взять Германии эти 1 500 000 солдат, крайне необходимых для того, чтобы на Восточном фронте справиться с обеими задачами: усмирить Россию и противостоять союзникам?

С другой стороны, неужели можно думать, что, забыв об уроке, только-только полученном на Украине, Германия станет повторять в Великороссии ошибку, за которую уже так дорого поплатилась?

Возможно, Германия займет более разумную по-

зицию, не будучи в силах справиться с задачей, непомерность и глупость которой начинают понимать даже те из пангерманистов, которые одержимы манией величия. Гипотез возможно множество. И ни одна из них может не оказаться верной. Но стоит рассмотреть самые вероятные из них, чтобы предупредить определенные события. На мой взгляд, Центральные империи выберут одну из следующих двух тактик, которые могут быть дополнены множеством промежуточных комбинаций.

1. Центральные империи будут соблюдать все более и более дружественный по отношению к России нейтралитет, полностью откажутся брать на себя инициативу в интервенционистской аванюре, не дадут союзникам завлечь себя к Белому морю и Волге и будут ждать на занятых позициях наступления Антанты.

Выгоды. Заставить союзников вести боевые действия на западных границах России, то есть — для англо-французских войск — в трех тысячах километров от их баз на Белом море и — для японцев — почти в десяти тысячах километров от Владивостока.

Вынудить их тем самым самих приняться за трудное, неблагоприятное дело по усмирению России или восстановлению в ней порядка, что быстро поставит их в оппозицию, во-первых, Красной Армии (победа тут досталась бы легко, не будь одновременно других противников), затем в скором времени и всему русскому народу, который не потерпит, как не потерпел бы на его месте любой другой народ, чтобы его земля, вопреки его воле, превратилась бы в поле битвы, а его политические институты разрушались иноземцами.

У этой тактики есть то преимущество, что она выставила бы немцев, — несмотря на Брестский договор, некоторые территориальные пункты которого они, вероятно, уже думают пересмотреть в пользу проигравших, — как нацию, уважающую право России на самоопределение. И в итоге, когда немцы решатся выступить против Антанты, русские будут воспринимать их уже не как захватчиков, но как освободителей.

Недостатки. Центральные империи в тот, безусловно, далекий момент, когда войска Антанты займут, завоюют Россию и войдут в соприкосновение с силами противника, окажутся вновь заблокированными с востока. В результате им придется отказаться от любых поста-

вок зерна, сырья, нефти, дерева, железа, золота, тканей и т. д. ...

2. Центральные империи заключат официальный или тайный союз с Советами, гарантируя уважение их правительства, и выступят параллельно или вместе с ними против войск Антанты.

Выгоды. С военной точки зрения Центральным империям в этом случае уже не нужно будет заботиться об оккупации России, для которой потребуются многочисленная армия. Все имеющиеся силы будут брошены на главное направление — против союзников. В Россию, таким образом, они будут направлять лишь боевые части — две, три или четыре сотни тысяч человек, которые они могут на время снять с других фронтов и которых, безусловно, на долгое время будет достаточно для того, чтобы помешать наступлению франко-англо-японских войск, имеющих для маневра лишь примитивную железнодорожную сеть.

С политической точки зрения такая тактика обеспечила бы Германии еще вернее, чем в рассмотренном случае, благодарность русских демократических масс и буржуазии; последняя прекрасно понимает, что, временно содействуя большевизму, Германия использует материальную и, главное, моральную поддержку Советов для борьбы против Антанты, чтобы при этом не заботиться о тылах, что, худо-бедно завершив войну, ставшая «мир превыше всего» Германия воспользуется своими оккупирующими русскую территорию войсками, чтобы избавить Россию от революционной заразы.

С другой стороны, подобная позиция странном образом устроила бы австро-германских демократов тем, что они могут реабилитировать себя в своих собственных глазах и в глазах всего мира, помогая спасти русскую революцию от Антанты, которая пытается ее подавить.

Она поколебала бы также и многих демократов союзнических стран, показав, что правительства Антанты, благосклонно защищавшие кровавого царя, при котором они никогда не думали решительно помешать чудовищному угнетению трудящихся классов или поддержать попытки самого угнетаемого народа в мире добиться незначительного улучшения своего благосостояния, уважения своих прав, вместе с тем ничего не сделали для спасения русской революции, которую они

всеми способами стремились заставить увязнуть в ее ошибках и без колебаний разделались бы с ней, тем самым во всеуслышание отказавшись от той роли, на которую они столь помпезно претендовали, роли поборников демократического прогресса и права.

Недостатки. Центральные империи, поддерживая, даже временно, русскую революцию, которая может перекинуться и на них, затеяли бы игру с огнем, грозящим пожаром.

Но необходимость не знает закона, и ближайшее будущее проверит эту на первый взгляд парадоксальную гипотезу.

Пойдут ли в таком случае на союз с Германией большевики?

Ленину и Троцкому, так же как Вильгельму II и Гинденбургу, противна эта противоестественная связь. Но и для них, как и для австро-германцев, необходимость не ведает закона. Пример Дантона, деятельность нашего великого революционного министра иностранных дел убеждают, что перед угрозой гибели столь парадоксальные союзы возможны. Чтобы добиться своего, нужно существовать. Чтобы существовать, нужно быть сильным. Большевики же знают свои слабости. Когда союзники приставят им к горлу нож, кто сможет поручиться, что они не пойдут на аморальную, но спасительную, опасную для будущего, но бесценную для настоящего времени комбинацию, которая будет или уже была предложена? Не увидят ли они, кстати, в этом альянсе (с помощью которого германские империалисты надеются косвенным путем суметь уничтожить русскую революцию) косвенный способ сблизиться — через австро-германские правительства — с народными массами этих двух стран и развернуть среди них широкую революционную деятельность?

Почему же то, что завтра сделают немцы, союзники отказались сделать вчера, когда скрепить согласие не составляло труда, и почему не сделать этого сегодня, когда согласие еще достижимо?

Если межсоюзническая интервенция — вопрос, как я полагаю, решенный, то почему нужно начинать ее без предварительных переговоров с Советами? Почему нельзя возобновить эти начатые по моей инициативе в марте месяце переговоры, принцип которых уже почти

одобрила Англия и которые были прерваны только в результате действий г. Нуланса?

Почему нельзя, как я уже сто раз советовал, сказать Ленину и Троцкому: «Наша интервенция — вопрос решенный. На карту поставлен исход войны, существование всех наших народов. Через несколько недель или месяцев по вашей территории двинутся друг на друга армии Центральных империй и наши армии. Шаг за шагом кольцо будет сжиматься. Вам придется выбирать из двух противников кого-то одного. Сделайте свой выбор, пока еще не поздно. Смиритесь с тем, чему вы не в силах помешать. Согласитесь на союз с буржуазными западными демократиями, чьи общие устремления и отдаленность от вас делают их менее опасными для русской революции, чем соседние автократические режимы. После окончания войны мы уйдем. Немцы же, вероятно, остались бы, чтобы вас свергнуть. Идите к нам. Помогите нам в перевозках, в обеспечении, сражайтесь вместе с нами в той мере, в какой вы можете сражаться, и только в этой мере. Взамен вашей доброй воли мы гарантируем вам уважение власти Советов, самый лояльный нейтралитет. Мы не будем делать ничего, чтобы защитить вас политически. Мы также не будем делать ничего, чтобы вас свергнуть. Чтобы убедительно доказать свою добрую волю, Антанта обязуется в первую очередь произвести до начала интервенции в России полный пересмотр своих целей в войне в соответствии с формулировками, которые отстаивала в Бресте русская делегация и которые уже были приняты президентом Соединенных Штатов».

Почему союзники не говорят на этом языке, если у них действительно нет тайной мысли раздавить русскую революцию?

И если эта тайная мысль у них все-таки есть, разве они не видят всех тех почти непреодолимых, по крайней мере, мучительных и бессмысленно дорогостоящих трудностей, которые ожидают их в этом бесславном деле?

Разве они не видят, что им придется в полной мере повторить себе в ущерб опыт немцев на Украине и настроить против себя новую, более обширную Украину: Россию?

Разве им не ясно, что в сердце каждого свободного человека в России зародится законная ненависть

к ним, ненависть, которая переживет войну, отравит наши отношения с бывшей союзницей и подогреет во всех странах революционный пыл масс?

И даже если исходить только из очевидных фактов, не стремясь осуждать ту бесславную роль, какую примеряют на себя западные нации и уже тем создают у всего мира впечатление, что они стремятся вновь ввергнуть в рабство народ, который, тысячелетие ходив под ним, теперь — неловко, грубо, но отважно — старается разорвать свои цепи и уже весьма дорого заплатил за этот урок свободы, и даже тогда — разве нет у нас права сказать недальновидным правительствам: «Осторожно! Какие веские объяснения придумаете вы в ответ на обвинения, которые бросят вам завтра ваши социалисты, ваши демократы, свободомыслящие граждане ваших стран, как только они узнают, что, убивая русскую революцию, вы имели возможность стать ее союзниками, что вы отказались от попыток заключить этот возможный союз, который, как проявление демократической доброй воли, был бы для Антанты союзом почетным, вернее, обеспечил бы поражение германского империализма и ознаменовал бы подлинную победу дорогих сердцу каждого республиканца революционных идей, приближенных к реальности благодаря вашему сотрудничеству?»

Москва. 14 июля

Гражданин Ромен Роллан,

В час, когда республиканцы всего мира, празднуя юбилей взятия Бастилии, отдают дань благодарности Французской революции и заявляют о своей нерушимой вере в скорое наступление братской жизни, телеграф приносит нам известие о том, что правительства Антанты решили уничтожить русскую революцию.

Власти Советов, ведущей изнурительную борьбу против экспроприированных классов, против подлой аристократии, против буржуазии, жаждущей лишь одного — вернуть себе свои привилегии и свой капитал, более чем наполовину задушенной германским империализмом, теперь грозит смертельная опасность со стороны начинающей свое наступление Антанты.

Надо быть безумцем, чтобы не видеть, что эта вооруженная интервенция, к которой истерически и уже давно призывали определенные русские круги, потерявшие всякое политическое влияние, невозможна, что ей с негодованием воспротивится оккупированная нация. Что бы там ни говорилось, но на деле интервенция без предварительного договора с Советами есть интервенция против всего русского народа, против его стремления к миру, против его идеала социальной справедливости. Придет день, когда народное восстание в России, по-прежнему способной на великие дела, выметет вон всех завоевателей, всех тех, кто творил над ней насилие. В этот день ненависть России поставит на одну доску французов и германцев, англичан и австрийцев.

Неужели свободолюбивые люди в Европе, все те, кто в хаосе не растерял способность мыслить здраво, кто понимает или представляет, сколь велико человеческое значение коммунистического опыта, начатого русским пролетариатом, позволят совершиться гнусному преступлению?

Что есть большевистская революция? Чего она хотела вчера? Чего она добилась сегодня? На что она способна завтра? Достояна ли она того, чтобы ее защищать? Документальные свидетельства, которые я посылаю вам, помогут, я в этом уверен, выявить истину. Случай позволил мне быть ближе других к событиям, разворачивавшимся в России за последние девять месяцев; я излагал свои впечатления в ежедневных записках, поспешных, неизбежно неполных, отрывистых, порой противоречивых. Я посылаю вам сохранившиеся копии записок, то есть почти все, что я написал во Францию.

Я не большевик.

Я знаю, сколь тяжкие ошибки были допущены большевиками.

Но я также знаю, что, прежде чем подписать Брестский договор, народные комиссары настойчиво просили союзников о военной поддержке, которая позволила бы — и только она одна и могла позволить — большевикам противостоять чудовищным требованиям Центральных империй и не идти на позорный мир, понимая, сколь он опасен.

Я также знаю, что после Бреста Троцкий и Ленин с новыми усилиями призывали державы Антанты к

тесному и лояльному сотрудничеству в целях экономической и военной реорганизации России.

Я, наконец, знаю, что на эти отчаянные призывы союзники неизбежно отвечали, вопреки очевиднейшему собственному интересу, презрительным «*non possumus*»*.

Забыв о том, чему учит история, потеряв чувство реальности настолько, чтобы уверовать в то, что разрозненные части страны могли бы продолжать войну, от которой отказалась Россия, они сотворили Украину, оказав тем самым услугу исключительно Австрии и Германии; они изо всех сил подогревали сепаратистские тенденции в Финляндии, Польше, Литве и на Кавказе, вместе с Румынией вступили в бой против российской армии. И по мере того, как все эти государства, — что нетрудно было предугадать, — едва возникнув, тут же попадали в руки наших противников, правительство России, тем самым ослабленной, теряло на переговорах в Бресте значительную часть своего авторитета и престижа.

Внутри России союзники сыграли на руку контрреволюции, усугубив общую анархию, ускорив распад этой несчастной страны.

До Бреста их равнодушие обрекло беззащитную Россию на растерзание пангерманистами. После Бреста их усилившаяся враждебность неизбежно должна была привести нацию, которая не желает погибнуть, к вчерашнему противнику, восхитительно умеющему извлекать пользу из наших бесчисленных ошибок. Консерваторы с энтузиазмом сблизилась с австро-германским правительством, от которого они по праву ждут реставрации старого режима. Крайне левые партии с замираньем сердца принимают это временное примирение, которое неминуемо должно привести их к гибели, но, продлевая их агонию, поддерживает их надежды на жизнь.

В посланных вам записках, несмотря на сдержанность их формы, к чему меня принуждал контроль Цензуры, вы в избытке найдете доказательства моим утверждениям.

Эти записки я еженедельно направлял во Францию из Петрограда и Москвы с официальными и неофициальными курьерами, регулярно адресуя их Альберу

---

* Не можем (лат.).

Тома, Жану Лонге, Эрнесту Лафону. Много писем было также послано в адрес других моих друзей, депутату Прессману, Пьеру Ампу, Анри Барбюсу. Некоторые из них были, должно быть, перехвачены или затерялись. Большая же часть дошла до адресатов. По крайней мере, судя по их ответам, те, что были отправлены до марта месяца. После того почтовая связь с Западом стала чрезвычайно ненадежной.

На этих бессвязных страницах вы не найдете ни одной строчки, которую можно было бы официально поставить в вину офицеру, члену Французской военной миссии в России, как разглашение тайны. В них фактически лишь личные наблюдения французского гражданина, внимательного очевидца событий, непредвзятые, насколько могут быть непредвзятыми честные свидетельства. В них отражены мои беседы с лидерами большевизма и оппозиции, которые и не требовали от меня хранить молчание.

Передавая вам эти документы, я глубоко убежден, что честно выполняю свой долг социалиста и француза. К тому же я вам полностью доверяю.

Прошу вас после того, как вы ознакомитесь с моими записками, передать их тем французам, политикам и думающим людям, кого, по вашему мнению, они могут каким-то образом заинтересовать.

Такие люди, как Олар, Габриель Сеайес, Метерлинк, и многие другие, узнав правду, сумеют просветить наше дорогое отечество. Они сумеют предостеречь сынов Великой французской революции от несмываемого позора, которым они покрыли бы себя, согласившись быть палачами Великой русской революции, воплощающей, несмотря на немалые ошибки, замечательную силу стремления к идеалу и прогрессу.

Тем, что мы уьем русскую революцию, мы не выиграем войну. Подобное преступление тем более не может способствовать выполнению цивилизаторской миссии союзников, заключению необходимого справедливого и демократического мира, принципы которого, заложенные нашей социалистической партией, были столь красноречиво развиты Вильсоном.

Правительства Антанты, сами обманутые собственными слепыми информаторами, в свою очередь смогли легко обмануть трудящиеся массы, которые они толкают против власти Советов. Но настанет день, когда

ложь рассеется и громко прозвучит правда. Сколько же горьких упреков услышат тогда правительства, виновные в том, что они не смогли или не захотели знать правду. Сколько злобы, сколько ненависти накопится к тому времени, сколько страшных и беспощадных боев в перспективе! Но совершенное зло непоправимо. Новые разрушения не поднимут старые руины.

Люди, подобные вам, которые столь мощно способствовали интеллектуальному и моральному формированию моего поколения, могут помешать тому, что готовится. Могут и должны.

*Капитан Жак Садуль.
Французская военная миссия, Москва.*

Москва. 18 июля

Гражданин Ромен Роллан,

Вручая этот тяжелый пакет с моими записками своему знакомому курьеру, я подумал, что мне, возможно, стоило бы вам отрекомендоваться. В самом деле, поскольку я обрекаю вас на чтение длинных записок и прошу вас предпринять действия, которые будут эффективны, только если их не откладывать.

В качестве рекомендации я мог бы выслать вам полученные мною ответные письма. Но это значило бы злоупотребить вашим вниманием. Поэтому я ограничиваюсь тем, что направляю вам копию датированного январем письма Альбера Тома, самого известного, самого умеренного из моих адресатов, человека, который воспринимается крайними левыми русскими и французскими партиями как ярый социал-патриот.

Позволю добавить, что я никогда не скрывал того, что веду свои записи, что их содержание передавалось заинтересованным членам кабинета, что ни мое начальство, ни Париж ни разу не выразили своего недовольствия по поводу вынужденно резких оценок некоторых деятелей, сколь бы чрезмерно резкими они ни казались многим другим.

Не без опасности для себя мне удалось сохранить за собой независимость, которой я дорожу больше всего. Встречу ли я в Париже ту отеческую благосклонность, которая поддерживала мою страстную деятель-

ность здесь и чья польза до сего дня неоспорима? Сомневаюсь. Политики и военные — самые неблагодарные люди. Они быстро забывают о том, что для них было сделано. Хорошо информированные друзья уже предупредили меня, что, как только я вернусь во Францию, мой голос постараются заглушить любыми средствами. Я знаю, что означает подобная угроза в военное время. Я заранее принимаю на себя всю ответственность. Я спокоен, как человек, который по совести выполнил свой долг социалиста и француза, неизменно вдохновляясь четкими словами Жореса: «Немного интернационализма удаляет от патриотизма, много интернационализма к нему возвращает».

Жак Садуль

*Москва, 25 июля
Г-ну Альберу Тома, депутату
(Шампиньи-сюр-Марн)**

Дорогой друг,

Все готово для отъезда военной миссии во Францию. Генерал Лавернь считает, что это произойдет скоро. Я другого мнения. Тем не менее я собираюсь завершить эти ежедневные записки, начатые 25 октября (7 ноября) 1917 г. Мне кажется, что настал момент сделать усилие, чтобы измерить путь, пройденный после этой даты, знаменующей новую фазу русской революции, до тех пор главным образом политической и внезапно превращенной большевистским переворотом в революцию экономико-социальную.

Когда большевики свергли Временное правительство, Россия находилась в положении потерявшего управление корабля. Все, кто был свидетелем этой великой драмы, отмечали необратимое разложение армии, полный распад государства — когда каждая деревня стала независимой фактически, наглое неисполнение приказов центральной власти, головокружительное падение промышленного производства, смертельную дезорганизацию на транспорте, симптомы близящегося банкротст-

---

* Далее адрес писем и адресат опускаются — все последующие письма, ныне публикуемые, направлены Альберу Тома. (Примеч. ред.)

ва. Раблезианец Людовик Нодо так определял старую Россию: «Полный дерьма горшок, на котором сидит царь». Свергнув Николая, революция расколотила этот горшок, содержимое которого разливалось, затапливало и отравляло всю страну.

Такова была пропасть бед, в которой Керенский оставил Россию. Ни одна действительно революционная реформа не была проведена. Время от времени народу издали показывали равенство, мир, землю, но из осторожности быстрее отводили его подальше от этих неведомых богатств. Будучи пленником кадетов, пленником союзников и рабом собственной нерешительности, Керенский не осмелился порвать с прошлым. Он без конца латал его старые бочки, из которых вино революции вышибло дно.

Мартовская революция была в довершение всего протестом против войны. Однако Керенский не смог заставить союзников ни принять участие в международной социалистической конференции в Стокгольме, ни пересмотреть на основе демократических принципов, провозглашенных русской революцией и принятых Вильсоном, их цели в войне. Более того, он имел слабость согласиться на недоброй памяти наступление июля 1917-го, завершившееся поражением под Тарнополем. Тем самым он нанес последний удар по материальным и моральным силам русской армии. Корниловская авантюра, в которую он ввязался, ускорила его агонию.

Мартовская революция заявила о стремлении рабочих и крестьян завоевать политическую и экономическую власть и создать демократическую и стремящуюся к социализму республику.

Послушные крупной промышленности, финансовой буржуазии и помещикам, Керенский и его соратники не сделали ничего для того, чтобы подготовить изменение экономического режима, ничего — чтобы вырвать народные массы из рабства наемного труда. Уставшие ждать принятия бесконечно откладываемых аграрных законов, крестьяне сами начали захватывать помещичьи земли. Керенский тут же послал против них штыки. Он не выполнил ни одного обещания. Он обманул все ожидания. В городах разрастался кризис безработицы и голод.

После длившихся восемь месяцев экспериментов коа-

лиционные кадето-социал-революционные кабинеты пришли к краху. «Революция умирает! Революция мертва!» — этот крик вырывался у каждого. Крик отчаяния — у одних, надежды — у других. Но народ хотел, чтобы революция жила. Тогда управлять делами взялись большевики.

Консервативное правительство Керенского имело единственную заботу: держаться у власти. Способным на это оно не было.

Революционная власть Советов держится с ноября и крепка как никогда. Между тем к борьбе за жизнь она прибавила еще одну огромную задачу — разрушить старый политический, межнациональный, экономический и социальный мир, затем построить Коммунистическое государство.

Удерживаясь у власти уже девять месяцев, вопреки всем пророкам, предрекавшим с сентября 1917 г., что всякое правительство будет неминуемо сметено через несколько недель, Советы совершили чудо — они за столь краткое время с воодушевлением начали осуществлять свою грандиозную программу, они до основания уничтожили самые прочные институты царского капиталистического режима и наметили детальный план коммунистического общества, далеко продвинув вперед дело строительства нового мира. Поистине колоссальное дело, которое должно уже теперь обеспечить Советам признание и восхищение трудящихся всего мира.

Действительно, в анналах Истории нет столь глубокого, столь быстрого, столь отчетливо народного революционного действия.

Если говорить только о Франции, которая в прошлом была страной, предназначенной для революции, то 1789 г. был триумфом буржуазии над пролетариатом. Коммуна 1871 г., организованная, как и всякая революция, народом, — единственный пример современной революции, начатой на благо народа. Но это героическое восстание, зажатое в рамках Парижа, без труда подавленное версальцами по причине слабости его руководителей, нехватки ресурсов, недостаточной просвещенности масс и трудного положения Франции, невозможно сравнить с громадным и многообещающим движением, начатым большевиками.

Дать рабочим и крестьянам всю политическую власть, уничтожить старое государство, то есть инстру-

мент преимущественно угнетения трудящихся, сломать бюрократическую и военную машину, сформировать гегемонию пролетариата, наделить коллектив собственностью на все средства производства — такова задача большевиков.

Что осуществлено ими на сегодня?

Знаменитый лозунг «Вся власть Советам», то есть власть, целиком отданная непосредственно рабочим и крестьянам, отражает политические устремления ноябрьской революции.

Товарищей из Франции, как честных демократов, возмущает роспуск советским правительством Учредительного собрания. Им, очевидно, не известно, что депутаты Учредительного собрания были избраны в сентябре 1917 г., за несколько недель до большевистского переворота, по спискам, составленным таким образом, что избиратели не знали, выступает ли их кандидат за или против передачи Советам всей полноты власти. Им не известно, что после большевистской революции и до созыва Учредительного собрания те же избиратели проголосовали против Учредительного собрания, за Советы. Им не известно, что вопреки всему, что говорят псевдореволюционеры — сознательные или бессознательные марионетки в руках буржуазии, изгнанные русским народом и обосновавшиеся в Лондоне или в Париже, — власть Советов сегодня поддерживает подавляющее большинство рабочих и крестьян.

Большевики не захотели утверждать в России Учредилку, неудачную копию наших старых буржуазных парламентов, этих подлинных коллективных самодержцев, безраздельных и неконтролируемых, в которых заправляет горстка людей, как правило, продавшихся крупным промышленникам или банкирам и чья вопиющая некомпетентность толкнула в анархический антипарламентаризм столько западных демократий.

Наши парламенты являются лишь карикатурой народного представительства, до войны мы об этом догадывались, сегодня мы в этом уверены. Советы, наоборот, — институты сугубо рабочие и крестьянские, создаваемые исключительно из трудящихся, противников капитализма, готовых не сотрудничать с этим режимом, а бороться с ним и его уничтожить.

Подобно тому, как различна сама природа буржуаз-

ных и советских институтов, различны и соответствующие prerogативы их членов и органов.

Французский депутат — абсолютный хозяин своего мандата. В течение четырех лет он имеет все возможности защищать, пренебрегать или предавать интересы своих избирателей. Депутат Советов избирается сроком на несколько месяцев. За этот короткий период он подконтролен своим избирателям, которые имеют право в любой момент лишить его полномочий и заменить другим депутатом.

Французский депутат обречен быть безучастным к тому, как выполняются законы, за которые он голосует. В самом деле, реальные государственные дела вершатся у нас не парламентом, но бесчисленной армией функционеров, находящихся на содержании буржуазии и используемых ею для нарушения, для удушения любых демократических законов. Депутат Советов несет ответственность за законы, которые он принимает. Он контролирует их исполнение. Через Советы каждый избиратель (мужчина он или женщина) получает политическое воспитание и эффективно участвует в управлении общественными делами, потому что Советы являются не только законодательными, но еще и исполнительными органами, созданными не для показухи и болтовни, но для работы и дел.

Русские очень быстро поняли превосходство законодательных, исполнительных и действенных советских ассамблей над парламентскими корпусами — над нашими говорильнями классического образца. Многие крестьяне, некоторые рабочие недовольны большевиками. Но нет крестьянина, нет рабочего, который бы страстно не желал сохранить Советы. И зная, что правительство, которое сменило бы большевиков, каким бы оно ни было, безусловно, разгонит Советы, все они готовы защищать власть Советов. Отрицать это не может никто. И я убежден, что французские рабочие и крестьяне, узнав о деятельности Советов, последуют примеру своих русских товарищей и, без сомнения, заменят своих достопочтенных сенаторов и блестящих депутатов представителями из своих рядов, более способными и достойными служить их интересам.

Во всей совокупности советских учреждений реальная власть исходит снизу. Она вырастает из глубоких народных слоев. Опыт же доказывает, что эта власть

низов сильнее, чем монархистская и буржуазно-республиканская власть верхов. Сегодня нет ни одного европейского правительства, которое было бы столь прочным, как власть Советов. Ни одно из них не выдержало бы тех страшных ударов, что выпали на долю Советов за эти девять месяцев. Только такая гибкая форма, как Советы, позволила осуществить, а народу — принять диктатуру, то есть железное, непримиримое, приводящее в трепет, но абсолютно неизбежное в столь острый революционный кризис правительство.

Диктатура Советов — диктатура, разумеется, в пользу трудящихся. Она открывает свои двери лишь перед общественно значимыми творческими личностями, перед теми, кто дает обществу больше, чем берет у него. Диктаторская сила принуждения, таким образом, используется трудовым народом против паразитирующих классов, прежде правящих, которые неустанно пытаются путем саботажа, насилия или предательства вернуть свои привилегии. Через строгое подчинение сельских Советов Советам уездным, тех — волостным, волостных — губернским, губернских — Всероссийскому съезду Советов Социалистической Федеративной Республики постепенно преодолевается анархия, доставшаяся в наследство от старого режима и от правления Керенского. Между губернией и федеративным центром власть Советов создала район. Это «нововведение» в качестве противовеса принципу единства обеспечивает принцип автономии. Тем самым в таком огромном и многонациональном государстве, как Россия, устраняется опасность чрезмерной централизации. С помощью создания автономных, но подчиненных влиянию центра районов Советская Россия разрешила трудную проблему федерализма.

Не хочу пересказывать то, что я уже писал о большевистской политической конституции. Напомню только, что местные губернские, районные Советы направляют своих делегатов на Всероссийский съезд Советов, собирающийся не менее двух раз в год и которому принадлежит вся исполнительная и законодательная власть. Всероссийский съезд Советов образует Центральный Исполнительный Комитет, состоящий из 200 членов, которому он передает свои полномочия. Центральный Исполнительный Комитет является постоянным органом и осуществляет между съездами фун-

кцию законодательного и исполнительного парламента. Центральный Исполнительный Комитет сам назначает членов Совета Народных Комиссаров (кабинет министров), осуществляющего исполнительную власть под руководством и постоянным контролем Центрального Исполнительного Комитета, Всероссийского съезда Советов и всех советских организаций.

Непосредственно опираясь на рабочие и крестьянские массы и вместе с ними укрепляя на всех уровнях диктатуру пролетариата, Советы день за днем разрушают великую бюрократическую машину, которая регламентировала в свое время под присмотром царя, затем — Керенского эксплуатацию буржуазией забитого русского труженика.

В армию и аппарат идет все больше активных и убежденных партийцев. С помощью инженеров и специалистов они быстро набирают знания и, изгнав контрреволюционеров, стараются превратить пыльные и затхлые кабинеты в живые, полезные народу службы. Понятно, что это непростое дело наталкивается на преграды — из-за сопротивления старых и неопытности новых чиновников — и продвигается медленно. Буржуазия и аристократия отчаянно борются против перемен, которые неизбежно приближают их гибель. Отсюда — перебои, беспорядки, белый и красный террор, открытые и скрытые столкновения, кровь, которой запятнана любая война, в том числе и гражданская. Но ни у кого нет права ставить в вину солдату отечества то, что он воюет за правое дело. А дело, которое защищает солдат русской революции, — святое дело пролетариата всего мира.

Конечно, великое преобразование, начатое большевиками, осуществляется не без помех, не без колебаний, не без ошибок и насилия. Иначе и не могло быть. Разве анархия, крайности, кровь, которыми изобилуют великие дни Французской революции, мешают нам восхищаться этим величественным творением наших предков?

Внимательного, непредвзятого наблюдателя поражают та решительность, четкость и быстрота, с какими большевики добиваются результатов.

Чтобы сформировать в соответствии с формулировкой Маркса гегемонию пролетариата, мало разрушить старую государственную машину и постепенно заменить

ее самым народом создаваемыми, контролируемыми и руководимыми им административными органами, мало экспроприировать экспроприаторов, крупных землевладельцев и капиталистов. Нужно еще передать коллективу все средства производства, дать ему образование, создать и отладить новый социальный и экономический механизм.

Чтобы осуществить такую программу, приспособить к жизни и обычаям новые учреждения и законы — потребуются месяцы и годы. У меня была возможность, начиная с октября месяца, наблюдать за реформами, проводимыми по мере их принятия Советами. Я анализировал их в своих записках и поэтому лишь кратко охарактеризую основные этапы этого головокружительного марша к социализму.

Решен вопрос о земле. Ее хозяин — крестьянин. Владения царя, императорской семьи, церковей, монастырей, помещиков переданы народу. Эти огромные территории получили крестьяне, у которых не было земли вообще или ее было недостаточно, чтобы себя прокормить. Каждый сельский, уездный или волостной Совет, создаваемый крестьянами, решает, будут ли сельские, уездные или волостные земли обрабатываться коллективно или индивидуально. Земельные комитеты изучают практические способы ее обработки. Злейшим противникам Советов приходится признавать, что полученные результаты, как по части земледелия, так и по урожаям, превосходят самые оптимистические предположения.

Хозяин завода — рабочий.

Крупные промышленники и коммерсанты были прежде всего поставлены под контроль рабочих. На каждом заводе, в каждом магазине рабочим и служащим поручено вместе с владельцами осуществлять общее управление предприятиями, ведение торгового баланса, соблюдение правил и дисциплины, контроль за производством и руководство им, контроль за учетом и распределением прибылей.

Рабочий контроль был только первым шагом. Многие отрасли промышленности в прошлом месяце были национализированы и переданы в ведение Высшего Совета Народного Хозяйства. Задача этого своеобразного органа, непосредственно подчиняющегося Совету Народных Комиссаров и состоящего из опытных специалистов, состоит в том, чтобы регламентировать промышленное

производство, распределение и потребление. В нем постоянно, по мере национализации отраслей, появляются новые секции. Каждая такая секция связана с соответствующим центральным хозяйственным комитетом; это — Центросахар, Центротекстиль, Центроасфальт и т. д. ... Таким образом обеспечивается взаимодействие государства и промышленности в определении объема запасов, потребностей, в развитии отраслей, в распределении заказов между производителями...

Связь между центром и провинцией осуществляется через территориальные советы народного хозяйства при местных Советах. Значение этих сугубо социалистических органов неуклонно возрастает по мере продвижения России по пути коммунистических достижений.

Трудящиеся стали хозяевами банков.

Банки национализированы. Известно, какую неблагоприятную роль играют в каждой стране крупные финансовые учреждения, подлинные хозяева мира, властвующие над пролетариями, подчиняющие себе парламенты и прессу, зачинщики оплаченных дорогой ценой колониальных экспедиций и кровавых военных авантур. Монополизировав российские банки, правительство Советов ликвидировало одну из глубинных причин империалистических войн. Оно вырвало у капиталистов и передало в руки рабочих мощный рычаг, каким являются современные финансы.

Правительство рабочих и крестьян предоставило всем российским трудящимся то, за что выступают пролетарии всех стран: восьмичасовой (шестичасовой — для служащих) рабочий день. Максимальная продолжительность рабочей недели — 48 часов. Минимальная продолжительность отдыха в неделю — 42 часа.

В значительных пропорциях, в соответствии со шкалами, установленными профсоюзными советами, увеличена заработная плата. До разумных пределов снижены жалованья высокопоставленных чиновников и директоров предприятий. Тем не менее они могут быть достаточно существенными и привлекательными для специалистов.

Рабочим гарантированы выплаты при несчастных случаях, по болезни, инвалидности, по старости. Увеличение числа смен должно сократить количество безработных.

Г-н Доходный Дом умер и похоронен.

Вопрос жилья был решен радикальным образом. Не имеющие жилья или проживающие в антисанитарных хибарах в пригородах расселены в квартирах буржуазии из расчета по человеку в комнате.

Завершено отделение церкви от государства. Во Франции не знают, каким чудовищным в России был церковный гнет. Достаточно вспомнить только о страшных еврейских погромах, этих предохранительных клапанах, которые царизм широко открывал всякий раз, когда хотел, чтобы народный гнев не коснулся его самого.

Каждому гражданину гарантируется свобода отправления религиозных культов.

Принят григорианский календарь.

«Народу нужно две вещи: образование и хлеб».

Немцы и союзники, отрезав Центральную Россию от сибирских и украинских житниц, лишают ее хлеба. Но народное образование делает гигантские шаги. Программа наркома Луначарского включила в себя как собственно образование, так и воспитание, или всестороннее формирование. Задача-минимум — чтобы каждый российский гражданин умел читать и писать, идеал — самое высокое образование для всех. Для этого необходимо: подготовить армию учителей, открыть технические школы, курсы для взрослых, обеспечить доступность университетов. Но сама по себе школа ничего не значит, нужно, чтобы рабочий класс без робости создавал, развиваясь, воплощая в жизнь свои идеи и чаяния, новую культуру — литературную, музыкальную, художественную. Для этого в каждом Совете организована секция пролетарской культуры, при этом комиссариат является просто координационным органом.

Гигантское строительство, провозглашенное блестящим оратором, большим эрудитом и тонким знатоком культуры, необычайно одухотворенным человеком, каким является Луначарский, разворачивается с ноября месяца решительно и осторожно, медленно и верно. Подготовкой площадки для строительства стало то, что комиссариат собрал при себе все распыленные доселе между разными министерствами и принадлежавшие церкви учебные заведения, освободил их от мешающих образованию сугубо символических демократических функций. Одновременно было начато улучшение жизни преподавателей, создание во всех школах педагогических советов, формируемых из представителей учителей, учеников стар-

ших классов, родителей и местного Совета, создание центрального педагогического музея, свободной школы изобразительных искусств в Петрограде, университета в Нижнем Новгороде; появилось множество курсов для взрослых, профессиональных школ всех уровней, Социалистическая академия — высшее научное и педагогическое учреждение, подобное Французскому институту и Коллеж де Франс.

Чтобы удовлетворить тягу русского народа к культуре, по инициативе правительства повсюду стали создаваться театры, заводские и войсковые клубы. У каждого района в крупном городе, у каждого маленького городка есть своя газета, свои читальни; секции образования Совета организуют свои диспуты, концерты и представления.

Луначарский предпринял массовое издание русских классиков. Сотнями тысяч экземпляров по чрезвычайно дешевым ценам уже продаются около десятка книг.

Возобновилась прервавшаяся в первый период революции литературная жизнь. Блок и Есенин, наиболее знаменитые поэты современной России, оба замечательно отразили созидательную и титаническую суть пролетарского движения. Каждый день рождаются новые художественные, литературные, технические и профессиональные журналы. Академия наук готовит в тесном контакте с правительством Советов большое исследование производительных сил России. Для этой работы ей выделены все необходимые средства.

Небесполезно отметить, что большевистская власть, величаемая монстром, сатаной, этот антихрист, душитель всякой культуры, уже сделала для удовлетворения интеллектуальных и моральных потребностей народа несравнимо больше, чем любое буржуазное правительство в мире.

В области юстиции законами от 24 ноября 1917 г. и от 21 февраля 1918 г. старые суды, сенат, военные советы, судебные следователи, прокуратура и адвокатура, вся старая запутанная и прогнившая, порочная и необъективная юридическая машина заменена чрезвычайно простой системой:

1. Местные суды: один постоянный судья и двое присяжных, компетенция — гражданские дела до 3000 рублей и уголовные — до двух лет тюрьмы, без апелляции, но с возможностью кассации окружным судебным собранием.

2. Районные суды, избираемые местными Советами. Члены суда выбирают председателя и по своему усмотрению распределяются на палаты.

3. Национальный областной суд, избираемый постоянными членами районных судов на своем съезде: областной суд действует как кассационный суд.

4. Наконец, в Петрограде создана Высшая контрольная юридическая комиссия, избираемая областными судами и занимающаяся установлением единых принципов процедуры.

Сама процедура упрощена. Предписано судить по законам прежнего правительства в той мере, в какой они не противоречат декретам Центрального Исполнительного Комитета, совести и революционной справедливости.

Кроме того, учреждены комиссии по делам несовершеннолетних, арбитраж, а также по причине гражданской войны — революционные трибуналы и комиссия по делам печати.

Законы о гражданском состоянии лишили церковь права ведения реестров, введен просто брак по заявлению и развод по обоюдному согласию.

Похоже, что юридические и гражданские реформы легко, несмотря на свой радикальный характер, вошли в практику. Остается лишь провести кодификацию, работа по которой к тому же уже начата публикацией Конституции. Русский народ, без сомнения, благожелательно примет систему, которая, освободив его от мертвых порядков и положений, будет доверять его стремлению к справедливости и свободному творчеству.

Вот почему подавляющее большинство трудящихся, несмотря на свои страдания и нищету, поддерживает рабоче-крестьянское правительство, провозгласившее и старающееся осуществить право трудящихся на жизнь, на хлеб насущный, на здоровье, на просвещение. Но по тем же самым причинам эксплуататоры и акулы мирового капитализма начали против Социалистической республики Советов самый святотатственный из крестовых походов. Меня по-прежнему поражает, что не все интеллигентные и щедрые душой люди приветствуют и поддерживают всем сердцем это грандиозное начинание большевиков.

Итак, вот что сделано.

Что остается сделать? Еще больше.

Вопрос, который прежде всего встает перед социалистическим правительством, завоевавшим политическую власть, по большей части уже экспроприировавшим экспроприаторский капитал и подавившим сопротивление буржуазии, — организовать производство. Дело особенно сложное в стране, располагающей отсталой промышленной и административной структурой, состоящей из зачастую неграмотных, из политически необразованных, забитых вековым рабством рабочих и крестьян (в технической подготовке уступающим своим европейским товарищам), изнуренных сверх всякой меры тремя военными годами и шестнадцатью революционными месяцами.

С упорством и невероятной убежденностью, под предводительством Ленина, — человека восхитительно живого, трезвого и ясного ума, высочайшей воли, твердости, — большевики пошли в наступление на эту проблему, решающее значение которой они отчетливо осознают, зная трудности ее решения. Чтобы восстановить порядок на заводах, возродить производительные силы, они обратились за помощью к буржуазным специалистам и инженерам, которые уже откликаются в массовом порядке на этот призыв. В столице, в крупных городах, везде созданы службы, призванные провести подробный учет природных, промышленных и торговых запасов страны с целью подготовки основ государственного контроля за производством и распределением продуктов.

Под руководством и наблюдением этих служб каждая российская коммуна должна постепенно становиться автономной единицей, которой центральная власть предоставляет возможность самой применять, приспособляя к местным условиям, советские законы и тем самым наилучшим образом сочетать интересы своих жителей с интересами производства и потребления. Коммунам постоянно помогают советом. Добившихся лучших результатов объявляют образцовыми, через печать вся республика узнает об их успехах и о том, как они их добились.

Цель, которую должна преследовать каждая коммуна в переходном государстве, подготавливающим следом за уничтожением буржуазного государства господство пролетариата и создание коммунистического общества, — усиление производства. С этой целью большевики стараются поднимать общее и профессиональное

образование, развивать дисциплинированность у трудящихся, применять научные методы, которые, подобно системе Тейлора, приводят рабочего к тому, что он производит больше, быстрее и тратит меньше сил.

Правительство Советов хотело бы иметь возможность целиком посвятить себя созидательной работе, направив на нее все имеющиеся у него ресурсы и людские силы. Брестский мир подписан. Демобилизация, — это колоссальное предприятие, которое все эксперты считали нереальным, — завершилась за какие-то полтора месяца. Какая необходимость была в армии?

Контрреволюционеры всех стран рассудили иначе. Их действия вынудили Россию создать из всего, что было под рукой, и наспех новую военную организацию. Геркулесова задача, после трех лет войны, после революции, делавшейся именно против войны. В моих письмах рассказана день за днем история трудного рождения этой армии. Это рассказ о человеческой воле. Подобно Карно, организатору вооруженных сил французской революции, Троцкий — отец Красной Армии. Начав с системы добровольцев, он скоро пришел к принятию великого принципа обязательности воинской службы для всех трудящихся. Не хватало командиров. Троцкий обязал офицеров царской армии оказывать помощь армии социальной революции. Предательств было много. Троцкий такое предвидел. Но на первых шагах у него не было возможности обойтись без содействия «бывших». Предательства не стали для него неожиданностью и не обескураживали его. Предателей он сумел постепенно уничтожить, а лояльно настроенных офицеров к себе привязать. Одновременно он открывал по всей России военные школы, в которых пролетариат готовит вышедших из его рядов командиров. Царившая в старой армии дисциплина на прусский лад уничтожила всякую дисциплинированность. Троцкий добился своей работой того, что теперь на улицах городов, в Москве вы увидите весьма толково действующие отряды. Что значат сегодняшние неудачи? То, что сейчас эта армия учится побеждать подобно тому, как Петр I учил российскую армию побеждать под Полтавой, и что победы придут.

Замечательная программа коммунистической партии уже не просто программа. С каждой неделей скрупулезный наблюдатель отметит новые и плодотворные достижения. Большевики понимают, что прежде, чем социали-

стический механизм заработает без сбоев, пройдут месяцы, годы. Сбросить контрреволюцию и восстановить порядок в той России, которая всегда была страной беспорядка и которую война и революция повергли в полную анархию, уничтожить коррупцию в стране взяток, победить спекуляцию, организовать, обучить самый отсталый пролетариат Европы — все эти основные цели российского рабоче-крестьянского правительства кажутся громадными и неподъемными для человеческих рук. Российский народ, самодержец своих судеб, верит в себя. Я разделяю его веру. Не знаю, доведет ли он начатое до конца, но я уверен, что он пойдет далеко, очень далеко, так далеко, как никогда еще ни один народ, отправлявшийся в свое время в поход за идеалом.

Каковы бы ни были мнения об успехе этой попытки, казалось бы — каждый демократ, каждый человек, достойный называться человеком, должен был бы с почтением преклониться перед восхитительным начинанием этого великого народа, идеалиста и мистика, необразованного и наивного, но пылко и жаждущего справедливости, народа, которого, зная, нельзя не любить, народа, который в силу всей своей бесконечной доброты стал выше потешающихся над ним и глупо его презирающих образованных варваров, догнал и одним рывком превзошел достигнутый самыми передовыми нациями уровень цивилизованности, созидая собственным разумом, собственными руками и собственной кровью эру братства. Казалось бы, ни один действительно гуманный человек не сможет отказать в помощи, поддержке делом и чувствами этим строителям лучшего человечества.

Что же мы видим? Все страны мира, страны Антанты, Центральные империи, нейтральные государства клеветают, оскорбляют, подвергают яростным нападкам русскую революцию, то есть русский народ. Цель, похоже, у них одна: уничтожить эту революцию. Девять месяцев они не прекращают борьбы против большевиков; изнутри — оплачивая, поддерживая, подстрекая контрреволюционное движение, саботаж на производстве, транспорте и в обеспечении продовольствием, организуя анархию; извне — стремясь уничтожить зарождающуюся и хрупкую Красную Армию, блокировав Советскую Россию, отрезав ее от житниц, оккупировав районы, дававшие ей зерно, уголь, нефть, железо, и ее

основные промышленные центры, усугубляя всеми средствами разруху, безработицу и голод.

Если великий опыт, начатый рабочими и крестьянами России, сорвется, в неудаче больше нужно будет винить не утопизм большевистских лидеров, не недостаточный культурный и технический уровень русских трудящихся, не сопротивление экспроприированной буржуазии, но могущественные капиталистические правительства мира, которые ведут непримиримую борьбу с Советами.

Российские крестьяне и рабочие работают и страдают ради своих собратьев, во имя того, чтобы положить конец эксплуатации человека человеком. Сплотившись с российской буржуазией, капиталистические правительства, верные слуги эксплуататоров пролетариата, хотят любой ценой сохранить власть капитала над трудящимися классами. И поэтому они поклялись убить Русскую революцию.

Москва. 26 июля

Дорогой друг,

Если Мартовская революция была в основном протестом против войны, Ноябрьская революция стала для русского народа способом еще отчетливее заявить о своем стремлении к миру.

Ошибочно пытаться противопоставлять ей по этому вопросу о войне героические армии Французской революции. В 1793 г. войну зажгла революция. В 1917 г. война зажгла революцию. Русская армия, измученная, обескровленная, как никакая другая, продолжающейся три года военной кампанией, без оружия, без боеприпасов, без продовольствия, преданная прогерманскими генералами, доведенная до распада анархией царизма, растревоженная революционным вихрем, не хотела и не могла более воевать.

Правительства Антанты не смогли или не захотели это понять. Игнорируя или презирая факты, они неизбежно совершали одну ошибку за другой.

Они отказали своим социалистам в паспортах для поездки на Международную конференцию в Стокгольм, где от германских социал-демократов подавляющее

большинство антантистов и нейтралов могло потребовать либо объявить смертельную войну своему кайзеру и пангерманистам, либо быть исключенными из Рабочего Интернационала.

Они отказались пересмотреть свои цели в войне. Их империалистический характер, противоречащий обтекаемым общим заверениям руководителей государств Антанты и ясным заявлениям Вильсона, был категорически раскрыт публикацией большевиками секретных договоров.

Они отказались подписать перемирие одновременно с русскими и немцами.

Они отказались от участия в Брест-Литовских переговорах. Но обсуждать вопросы о мире — это не то же, что подписать мир. Как союзники не поняли, что, присутствуя на переговорах, они имели возможность, с одной стороны, показать себя миру, все еще плохо просвещенному в отношении их истинных намерений, подлинными поборниками права, а с другой — они бы вынудили Центральные империи либо выдвинуть условия справедливого и демократического мира и тем самым покончить с чудовищной, позорной для человечества бойней, либо раскрыть, наконец, свои непомерные аппетиты и мечты о гегемонизме, — в ту пору это предположение было более вероятным?

В последнем случае в возобновившихся военных действиях на стороне союзнических армий была бы моральная сила, энтузиазм, возросший за счет появившейся, наконец, убежденности в том, что они сражаются за личную и национальную независимость, за свободу всего мира. Войска противника же, наоборот, продолжают войну в горькой уверенности, что они сражались не для того, чтобы уберечь свой дом от неприятеля, но для того, чтобы аннексировать чужие территории, укрепить власть и потешить самолюбие своих дворянчиков-милитаристов.

В этой новой войне Россия могла бы быть рядом с нами. Теперь более нет надобности опровергать клевету, которой пытались чернить двух лидеров большевизма: Ленина и Троцкого, политиков исключительных, людей, наделенных культурой, прозорливостью, такой политической честностью и верой в лучшее, каких я не видел среди наших политиков. Неоспоримо, что после пересмотра союзниками целей в войне, после разрыва Брест-

ских переговоров, обусловленного неприемлемыми требованиями Германии, Советская Россия, которая никогда не стремилась к миру любой ценой, возобновила бы вместе с нами военные действия.

Правительства Антанты отказались ехать в Брест-Литовск.

Более того, перед лицом всего мира они заявили, что не станут оказывать власти Советов никакой помощи.

В декабре, в январе, в феврале, два десятка раз Ленин и Троцкий, понимающие тяжесть положения на фронте, бессильные в одиночку возродить разлагающуюся русскую армию, обращались за военной помощью через меня и через союзнические миссии к Антанте. Этому сотрудничеству они поставили единственное условие: гарантировать, что союзники не будут покушаться на существование правительства рабочих и крестьян.

На эти отчаянные призывы представители Антанты неизменно отвечали категорическим отказом.

В конце февраля месяца посол Франции по моему настоянию обещал Троцкому поддержку Французской военной миссии. Но как человек, уже тогда включившийся в контрреволюцию, он не намеревался брать на себя какие-либо обязательства, касающиеся позиции союзников по отношению к российскому правительству. Фактически помощь Французской миссии была ограничена направлением двух офицеров. Невероятно, но это так.

К тому же время было упущено, немецкие войска наступали на Петроград. Г-н Нуланс поспешно скрылся в Финляндии. Подписание мира было уже неизбежно. Мир был подписан большевиками. Но он был навязан им союзниками.

Утверждение, что союзники не располагали в России и за ее пределами силами, достаточными для того, чтобы откликнуться на призыв Советов, несерьезно, коль скоро известно, сколько золота и людей было щедро брошено на то, чтобы свергнуть революционное правительство, помочь, натравливая против большевизма, буржуазии Финляндии, Украины, католикам Польши, контрреволюционным силам Алексева и Каледина, донским казакам, кавказским бандитам и т. д...

Несерьезны разговоры о том, что Антанта, уверенная в победе на Западном фронте, могла быть безраз-

лична к Брестскому миру, коль скоро сегодня очевидны все более многочисленные попытки союзников восстановить Восточный фронт, повергнуть Россию в войну после того, как ее обрекли на мир. Как можно сметь утверждать, что Антанта имела право проявить безразличие к миру, позволявшему Центральным империям бросить на Западный фронт сто новых дивизий, дававшему им значительные территориальные и финансовые преимущества, наконец, оставлявшему в их распоряжении богатую зерном и полезными ископаемыми страну? Даже если, — на что я надеюсь и во что верю, — мы добьемся победы без России, благодаря несравнимой боеспособности французского солдата, благодаря мощной и молодой американской армии, будет ли этот конечный результат оправданием тем, кто по собственной воле, отказавшись от поддержки русских, задержал эту победу и тем самым сделал ее для нас более тяжелой и более кровавой?

После подписания страшного Брестского мира большевики, считая его лишь перемирием, передышкой, начали создавать Красную Армию. И вновь, признав сначала пользу сотрудничества, союзники от него уклонились.

В экономике — та же позиция. Власть Советов тщетно просила помощи союзников в реорганизации железных дорог, крупной промышленности, в использовании природных богатств и недр. Между тем она обещала щедрые вознаграждения капиталу, повышенные ставки специалистам, концессии в лесном хозяйстве, на шахтах и железных дорогах.

Чуть позже, когда союзники провозгласили, что они разработали широкий план восстановления Восточного фронта, большевики, видя, что германцы, несмотря на Брестский договор, продолжают постепенный захват их территории, и опасаясь попасть между союзническими молотом и германской наковальней, могли легко заключить с нами военный союз. Были начаты переговоры. Вскоре союзники прервали их. В ходе этих переговоров большевики предоставили нам благоприятные условия с целью помочь им защитить Мурманск и Архангельск. Союзники использовали их для подготовки военных и политических операций против большевиков. В критический момент, когда большевикам уже было ясно, что союзническая интервенция была

нацелена главным образом против них, они обязались по моей просьбе направить в Архангельск задержавшийся между Омском и Пензой чехословацкий корпус, при условии, что корабли, необходимые для его переброски, придут в Архангельск в несколько недель. Условие было в принципе принято. Но так и не выполнено. Последовали осложнения. Теперь известно, против кого воевали чехословаки. Не против германцев.

В самой России наша контрреволюционная деятельность проявляла себя все чаще с невероятным цинизмом. Не было ни одного взятого в плен белогвардейца, ни одного арестованного контрреволюционера, у которого бы не находили англо-французское золото, документы, доказывающие его связь с нашими агентами. Наш посол — по природной глупости и по ненависти к социализму — всегда был одним из самых безжалостных и коварных врагов русской революции. Он не может слышать слова «социализм». Он хвастается тем, что хотел бы установить в России буржуазное или мелкобуржуазное правительство, о каком только и может мечтать этот политик уровня областной сельскохозяйственной выставки.

Дезинформируемые неточными донесениями своих представителей, которые с октября месяца по-прежнему утверждают, что большевики со дня на день падут и что все русские, как один, готовы свергнуть власть Советов, союзники провозглашают в радиограммах, что они пришли в Россию навести порядок и организовать снабжение продовольствием. Однако каждая из их акций имеет лишь тот результат, если не цель, что обостряет анархию и голод.

Наши правительства, в течение девяти месяцев разжигавшие беспощадную борьбу против Советской России, смеют возмущаться тем недоверием и враждебностью, которые проявляют большевики по отношению к Антанте. Они благонравно клеймят «германскую ориентацию», которую большевики придали России. Если бы даже такая прогерманская направленность была очевидна, разве не союзники были бы более всех других в ней повинны? Точно так же, как, совершенно отказав большевикам в помощи, они отдали их связанными по рукам и ногам пангерманизму, обрекая Россию на голод, саботируя ее, оскорбляя, подвергая нападкам большевиков — и подталкивая их в объятия

Германии. Они хотят, чтобы те бросились в эти объятия. Представители союзников, эти жалкие Макиавелли, цинично признаются, что они были бы рады, если бы их махинации вынудили большевиков подписать с Германией союз, который бы лишил русских социалистов уважения в глазах социалистов западных.

Но германская ориентация большевизма — это очередная выдумка. Чтобы убедиться, достаточно взглянуть на факты и поразмыслить над ними.

Кто сопротивлялся и по-прежнему оказывает сопротивление германцам в Финляндии, в Крыму, на Дону, на Кавказе, везде и всегда? Большевики, и только они.

Кто боролся и еще борется с германцами на Украине? Большевики. Именно советские крестьяне Украины, морально и материально поддерживаемые большевиками России, своими непрекращающимися восстаниями мешают вывозить зерно в Центральные империи. Именно решительная позиция украинских большевиков заставляет австро-германцев удерживать на Украине 400 или 500 тысяч солдат оккупационных войск. И кто как не украинские большевики готовят большое социалистическое восстание, которое через несколько месяцев, безусловно, освободит Украину от германского рабства.

С другой стороны, кто же там на Украине, в Финляндии, на Кавказе, в Грузии, на Дону, в Центральной России проповедует германскую ориентацию, прислуживает Германии? Это те, кому мы давали деньги, кому помогали, кого натравливали на большевиков, это — наши «добрые друзья», «здоровые элементы», наши «верные союзники»: буржуазия и аристократия, монархисты, кадеты и правые социал-радикалы.

Никогда еще я так сильно не сожалел, что я не во Франции, не со своими товарищами и всеми теми мужественными людьми, которые не ослеплены безумной ненавистью к социализму.

Как легко было бы раскрыть им глаза, связать факт с фактом, цифру с цифрой, развеять ложь, которой их убаюкивают, привести их к пониманию русской революции, к тому, чтобы они поддержали ее возвышенный порыв и крикнули вместе со мной: «Да здравствует Республика Советов!»

Дорогой друг,

«Да здравствует Республика Советов!» — восклицал я вчера, заканчивая свое очередное письмо.

«Смерть Республике Советов!» — откликается эхо союзников. Я слишком долго закрывал глаза на то, что очевидно. Против Революции, и только против нее союзники направляли все свои удары в течение девяти месяцев.

До подписания Брест-Литовского договора именно против войск большевиков, а не немцев выступали как поляки, так и украинцы, как армия Алексева, так и казаки Каледина, полки, сформированные и поддерживаемые ими по всей территории России.

После подписания мира правительства Антанты сконцентрировали все свои разрушительные силы против политических, экономических и военных сил революционной республики.

Есть ли сомнения, что межсоюзническая интервенция в России безусловно и сугубо контрреволюционная? Не устаю повторять, что эта рискованная военная операция должна неминуемо усугубить беспорядок, голод, братоубийственную борьбу партий, гражданскую войну, наконец, развить, неизбежно на пользу Германии, стойкую ненависть к нам. Действительно, все социальные классы, все политические партии понимают, что пользы от такой интервенции будет для России с каждым днем все меньше, а вреда все больше. Вот почему ни одна партия, достойная называться партией, не хочет интервенции. Политические круги, потерявшие всякое влияние, единственные, кто еще призывает к ней. Народы Антанты ослеплены эгоистическими речами бежавших на Запад русских, всех этих убогих монархистов, кадетов и социалистов, жалких отбросов старого режима и революции.

«Россия — это я», — кричат один за другим монархист Извольский, кадет Маклаков, трудовик Керенский, кооператор Чайковский. Они ошибаются и вводят в заблуждение вас, товарищи французы. Их устами глаголет не русская революция. Эти бравые россияне не более представители России 1918 г., чем кобленцкие переселенцы — Франции 1792-го. Как и наши «бывшие», «бывшие» из России, ожесточенные своим пора-

жением, готовят страшное преступление против России и Революции. Они надеются вернуться в Россию в обозе иностранной державы. Можно выслушать их отчаянные речи. Снизойти к их страданиям. Но не откликайтесь на их призывы, не услышав единственный голос, который имеет вес, Голос русского народа.

Рабоче-крестьянское правительство утверждает, что интервенция союзников в России направлена против русской революции.

Оно право.

С апреля по июнь можно было допустить необходимость восстановления Восточного фронта против Центральных империй и возможность оттянуть некоторое число германских дивизий выступлением союзнических армий на севере через Архангельск и Мурманск, на востоке — по Транссибирской дороге и Волге и тем самым разгрузить Западный фронт. Действительно, в то время от Финского залива до Черного моря противник по-прежнему вел свое планомерное продвижение в глубь русской территории, и союзники имели право «надеяться» на то, что оно будет продолжено.

Сегодня немцы больше не наступают. Некоторые пункты они уже готовы оставить добровольно. Самые серьезные сведения позволяют предположить, что они в конечном счете уйдут и со всей Украины. Первые же удары, нанесенные нашими войсками на Западном фронте, значительно этому способствуют. Большевики это признают и искренне желают нам новых успехов. Помимо того, Берлин осознал тяжелый урок Украины. Немцы не в силах переварить аннексии. Seriously обеспокоенные своим положением, они уже сейчас отгрызают некоторые из проглоченных регионов. Так будет и со всеми остальными. Немцы уже не в состоянии расплыть свои силы, а в дальнейшем все больше будут вынуждены их концентрировать.

Есть основания, таким образом, предполагать, что они примут предложенный им бой на Северной Двине или на Волге. Если союзническая интервенция будет мощной, если (но я не поверю в это, пока не увижу на Волге 300 тысяч японцев) многочисленные войска микадо разольются волнами по границам Европейской России, то Центральные империи, безусловно, предложат Советской власти в качестве помощи несколько дивизий, которых, может быть, хватит для того, чтобы

остановить союзнических захватчиков до весны. Но они понимают, что было бы ошибкой задействовать в России главные силы, и, без сомнения, выстроят свои войска по линии сопротивления, которую приблизительно можно провести между Ригой и Одессой. Русская природа, суровый «генерал Мороз», гигантские расстояния, трудности с обеспечением продовольствием позволят им без сожалений оставить Антанте тяжелую задачу покорять Россию и распылить там 700—800 тысяч солдат в оккупационных войсках, прежде чем бросить дополнительные боеспособные части на новый Восточный фронт, за 3 тысячи километров от операционных англо-французских баз на Белом море и за 10 тысяч километров от японских баз на Тихом океане. Что немцам от того, что союзнические войска закрепятся на Волге, если оккупированной ими зоне ничего не угрожает? В любом же случае необходимость отвлекать значительные оккупационные силы для «умиротворения» России, для установления «порядка» пулями и снарядами, для обеспечения безопасности перевозок и снабжения продовольствием вынудит союзников во время наступления на немцев держать в тылу в два или три раза больше людей, чем немцам потребуется для обороны.

Какое расточительство тоннажа, денег и солдат! И ради сколь сомнительного результата!

После всего сказанного невозможно предположить, что союзники начнут эту изнурительную кампанию и совершат ошибку, подобную той, которую сумеют избежать наши противники. Словом, армии Антанты рискуют совершить долгое, трудное и дорогостоящее путешествие, не увидев ни одной германской каски.

Я долго думал, что союзники предполагают ограничить свои операции установлением временного контроля над рейдами Белого моря и Западной Сибири, чтобы к открытию Конгресса мира иметь залог, который они с пользой противопоставят немецким завоеваниям в России, чтобы иметь на руках драгоценный предмет для обмена. Но наши безусловно точно информированные представители с искренним пылом заверили меня, что Антанта никогда не обсуждала возможность такой сделки.

Следует, таким образом, искать иной, глубинный смысл нашей интервенции, ибо я все еще полагаю, что

у нее должен быть смысл и что все эти серьезные вопросы должны быть предусмотрительно изучены и разрешены в наших штабах. Если же союзники, убежденные в своей решительной победе на Западном фронте, уверенные в том, что они не смогут завлечь германские армии в Россию, отказываются от идеи иметь российский залог, торопятся с высадкой на Белом море и во Владивостоке, против кого тогда они готовятся воевать, если не против Русской революции?

«А почему они должны воевать против русской революции?» — спросят простаки.

Потому что они боятся грядущей революции.

Европейские правительства во весь голос чернят, высмеивают, втоптывают в грязь русских революционеров. Их лживая пресса разоблачает русскую анархию и большевистскую тиранию, предрекает, несмотря на то, что факты столько раз опровергали эти пророчества, немедленный крах большевикам, позорное падение Республики Советов.

Но о чем пресса умалчивает, — а именно это европейские правительства видят за неизбежно жестоким и хаотичным процессом разрушения старорежимных форм, — так это о достойной восхищения созидательной работе российского рабоче-крестьянского правительства, о все большем доверии народных масс к советским учреждениям, в которых они признают свою собственную власть, о все более очевидном упрочении революции!

Если бы капиталистические правительства Центральных империй и Антанты были бы, как они утверждают, уверены в скором крушении революционного правительства, они бы тихо дожидались его собственной смерти, взирая на него равнодушно или, может быть, даже с симпатией. Но они чувствуют, что эта страшная революция вполне жизнеспособна. Они ее боятся и решили ее уничтожить.

Я еще не встречал ни одного представителя союзников, который не испытывал бы ненависти и смертельного страха перед социализмом. Если бы народы были отделены друг от друга глухими стенами, может быть, Ленину и Троцкому и их товарищам не удалось бы до конца довести коммунистический эксперимент. Но идеи — увы! — не признают границ, им плевать на цензуру и перлюстрацию. Они вызревают, пускают ростки

в головах людей, а идеи социализма особенно зара- зительны и привлекательны. Правительство крестьян и рабочих побеждает в России, в скором времени пра- вительства крестьян и рабочих возникнут в Германии, в Австрии, во Франции, в Англии, повсюду. Это озна- чает, что во всем мире грядет эра братства. Но это также и конец капитализму, роскошествующей празд- ности паразитирующих классов, конец крупного капи- тала, конец власти, невыносимой для угнетенных и сколь милой для угнетателей. И именно потому, что наши правители, тираны трудящихся и прислужники капитала, чувствуют, что русская революция угрожает их существованию, все без исключения правительства Центральных империй и Антанты в течение всех девяти месяцев неустанно, жестоко и невероятно цинично пы- таются всеми средствами, путем оскорблений, подкупа, контрреволюцией, оружием подорвать симпатии к вла- сти Советов и затем ее уничтожить. Вопреки элементар- ным международным правилам, обязывающим цивили- зованные государства не вмешиваться во внутренние дела другого государства, союзники и наши противники поддерживали и неослабно поддерживают любые бур- жуазные партии, которые, по их мнению, способны свергнуть свободно выбранную российскими крестьянами и рабочими власть. В своих стремлениях установить «порядок», то есть капиталистический режим и свобод- ную эксплуатацию человека человеком, германское пра- вительство и французское неожиданно оказываются союзниками.

Забывая о бесчисленных кризисах, возникавших то в одной, то во многих странах с 1914 г., о расправах над пролетариями в Ирландии, об убийствах герман- цами рабочих в Финляндии и крестьян на Украине, о недавних расправах англичан над большевиками в рай- оне Мурманска, чехословаков — в Сибири, капиталист- ческие правительства негодуют из-за того, что боль- шевики прибегают к самым что ни на есть законным репрессиям против саботирующей буржуазии, против белогвардейских палачей.

Бессильные победить Русскую революцию изнутри, они прибегают сегодня к вооруженной интервенции. Они рассчитывали, что с этим прекрасно справится Германия. Но как бы велико ни было ее желание по- давить революцию, Германия сделать этого уже не

может. Не в состоянии воевать разом против двух своих противников, она отказалась от попыток свергнуть большевиков и концентрирует свои силы на Западном фронте.

Союзнические капиталисты более не могут рассчитывать на германских капиталистов. Им приходится действовать самим. И чтобы осуществить свой замысел, и вновь набросить цепь на шею рабоче-крестьянским революционерам России, они используют угнетенных трудящихся Франции и Англии.

Невозможно, чтобы французские рабочие и крестьяне согласились стать палачами своих несчастных русских братьев.

В 1789 г. народы Европы выступили за французскую революцию против своих правительств. В 1918 г. пролетариат Франции сумеет защитить от ударов мирового империализма и капитализма русскую революцию, чьи удивительные дела приближают для трудящихся всего мира благословенный час освобождения.

Товарищи депутаты, представляющие и большинство, и меньшинство, которым я посылаю свои записки, меня знают. Я не фанатик, не сумасшедший, не предатель. В былые времена одни отмечали основанную главным образом на реалистичности умеренность, другие винили в застарелом оппортунизме. Возможно, и те, и другие были правы. Во всяком случае, природа моего сознания после моего прибытия в Россию не изменилась.

Но мир вокруг меня изменился, и я это осознал. Нужно, чтобы это осознали все.

Именно моя умеренность и мой оппортунизм заставляют меня писать то, что я пишу. Пусть мои друзья перечитают то, что я написал из Петрограда и Москвы за девять месяцев; в достоверных и честных описаниях событий они найдут объяснение, я не говорю оправдание, тем последовательным переменам, к которым неизбежно ведет неумолимая логика фактов.

Сегодня уже недостаточно противопоставлять надеждам и достижениям большевиков старые официальные формулы времен международного и гражданского мира. Мировая война и русская революция глубоко изменили сами ценности. Осмыслить их великий опыт и извлечь из него уроки на будущее обязан каждый гражданин. Пересмотреть, уточнить методы, которые были безупречны вчера, но отжили свое сегодня, обязан

каждый социалист, кто верен историческому материализму.

Никогда еще для Рабочего Интернационала не было столь трудного времени. Это чувствуют все наши товарищи. Вскоре каждому придется брать на себя ответственность перед самим собой и перед трудящимися массами. Если руководители нашей социалистической партии действительно достойны по-прежнему ее возглавлять, они должны суметь избежать судьбы — несчастной и одновременно столь прискорбной для социальной революции — лидеров русской демократии, не допустить непростительных ошибок Керенских, Церетели, Черновых.

Слишком многие из них все еще находятся у черты, у которой стояли московские социал-демократы и эсеры в начале 1917 г. Пусть не забывают, что они достигнут цели, к которой стремятся все народы, и в частности благородный народ Франции, лишь внеся поправку в свой курс. Так пусть они поправят его сами и до тех пор, пока еще не поздно. Иначе битва, начатая без них, будет вестись против них и победа будет не с ними.

Вопрос, однако, слишком масштабен, чтобы обсуждать его здесь же. Ограничиваясь на сегодня интервенцией в России, это главная тема письма, я умоляю товарищей взглянуть в факты, обдумать их, осознать свой долг, просветить рядовых членов и сплотить их в решительном протесте против любых военных действий, которые направлены не против Германии, но против русской революции.

Разгром московского правительства рабочих и крестьян руками рабочих и крестьян Франции стал бы непомерной ошибкой и неистребимым позором в истории европейского пролетариата.

Москва. 1 сент.

Дорогой друг,

5 августа, после обстрела англичанами Архангельска, в Москве были арестованы французские офицеры.

Как раз в то время, когда я вел у Чичерина переговоры об их освобождении, в бюро военного атташе был

произведен обыск. Поскольку эта операция планировалась давно, комиссар большевиков конфисковал лишь маловажные документы и копию тех записок, которые я направлял вам с начала Октябрьской революции.

По возвращении в миссию, где я был чуть позже взят под арест, я обнаружил исчезновение моих записок и предупредил генерала Лаверня. Он присутствовал при обыске. Винить в изъятии этих писем, которые я перевез в миссию по его указанию (чтобы избежать опасности обыска у меня на дому), генерал мог только себя. Разумеется, в этот день Лавернь и не помыслил что-либо мне выговаривать. Он лишь выразил сожаление, как и я, по поводу этой конфискации, за которой, есть риск, может последовать неприятная публикация в прессе. Действительно, две недели спустя «Известия» опубликовали одно из конфискованных писем, то, которое было направлено мною 14 июля Ромену Роллану и где я подчеркивал опасность направленной больше против власти Советов, чем против Германии, межсоюзнической интервенции в России. Многие большевистские газеты опубликовали комментарии по поводу моего письма.

Эта публикация генерала Лаверня напугала. Думая прежде всего о том, чтобы снять с себя ответственность (формулировка вам знакома), он направил на днях в Париж рапорт, в котором отдает должное моей лояльности, существенным заслугам перед Францией и т. д., и т. д. ...но обвиняет меня в том, что, составляя свои записки, я грубо поступился своим офицерским долгом. Нужно ли говорить, что я никоим образом не принимаю этого совершенно абсурдного, неправомерного и подлого обвинения? Никто не может обвинить меня ни в том, что я писал и посылал во Францию эти записки — ни для чего другого я и не ехал в Россию, — ни в том, что эти записки были конфискованы — генерал был в миссии для того, чтобы этого не допустить.

Направленный в Россию по просьбе министра вооружений как политический наблюдатель, я выехал сюда лишь после того, как получил от Альбера Тома и Лущера категорическую гарантию возможности выразить с полной откровенностью свое мнение моим начальникам в России и друзьям во Франции. Я укрепился в своем стремлении информировать честно и свободно, когда констатировал неспособность к пониманию, не-

приятель революции, большее стремление нравиться Парижу, чем информировать, желание больше служить своей карьере, чем интересам Франции, что глубоко искажало сведения, направляемые правительству большинством наших дипломатических и военных представителей в Петрограде.

Таким образом, я решил информировать и информировал, невзирая ни на что и ни на кого, всецело подчиняясь лишь тому, чтобы писать то, что я считаю правдой.

В ноябре посол, осведомленный о содержании моих докладов, предложил мне «в моих интересах» не упорствовать в «политике», явно враждебной той, которую проводит он. Я ответил г. Нулансу, что у него есть право отозвать меня во Францию, но нет права заставить меня лгать. Этот инцидент, завершившийся в мою пользу, больше не повторялся. В мой адрес не было сделано ни одного упрека, а, наоборот, все больше выказывалась признательность. Мои записки, вручаемые официальным курьерам и прошедшие цензуру, не вызывали никаких замечаний у военного министра и министра иностранных дел. Более того, я узнал в марте месяце, что г. Пишон направил телеграмму г. Нулансу и просил его телеграфировать в Министерство иностранных дел мои оценки за моей подписью. Эта депеша между тем была г. Нулансом скрыта.

То, что я писал в Париж, то же я говорил и нашим представителям. Начальник штаба, многие офицеры миссии читали эти записки. Генерал Лавернь знакомился с теми из них, какие считал необходимым прочесть, в частности с письмом к Ромену Роллану, где говорилось о причине нынешнего конфликта, — с письмом, которое он читал в моем присутствии и не стал оспаривать.

Часто и те, и другие признавались, что я был прав по многим пунктам. Но когда я просил их исполнить свой долг, подкрепить мои сообщения своим официальным авторитетом, они отказывались, прикрываясь нехитрым предлогом — воинская дисциплина, пассивное подчинение и т. д. ... — маскирующим непоследовательность, предлогом, который не должны, на мой взгляд, серьезно использовать те, чья основная функция состоит в том, чтобы точно информировать свое неточно информированное начальство о сути и значении хаоти-

ческих событий, разворачивающихся за 3000 километров от Парижа.

Словом, я был изумлен и возмущен тем, что сегодня, после десяти месяцев раздумий и вздохов, кто-то обнаружил, что я грубо нарушил свой долг офицера.

Кроме того, генерал попытался заставить меня дать обещание не делать по возвращении во Францию никаких устных комментариев к моим запискам. Разумеется, я отказался столь подло капитулировать, несмотря на упоминания о военном трибунале, расправе и т. д., которыми меня пытались запугать.

Единственное, на что я пошел, — дал обязательство новых писем во Францию не посылать. Но я продолжаю вести свои записки, вручая их другу, который не рискует быть обеспокоенным, с тем чтобы они были переданы им заинтересованным лицам, в случае если я вдруг исчезну. Действительно, я был предупрежден — спасибо тем честным людям, которым отвратительны творимые здесь многочисленные грязные дела — насчет того, что дальновидные англо-французы предполагают меня убить. Мое возвращение во Францию, очевидно, многих бы лишило покоя. Ясно, что в конфискованных записках содержатся лишь информация, почерпнутая из большевистских источников, и мои личные размышления по поводу этих сведений. Однако понятно, что в сохраненных мною записях и у меня в памяти имеются многочисленные сведения о враждебной деятельности в России союзнических представительств, и обнаружение этих сведений вызвало бы, без сомнения, крупный скандал с тяжелыми последствиями для этих господ. За несколько месяцев я увидел слишком много подлых деяний, чтобы предполагать, что можно отказаться от такого крохотного преступления, как уничтожение моей скромной персоны, будучи полностью уверенным, что оно не будет раскрыто. Словом, не преувеличивая свои опасения, я принимаю определенные меры предосторожности, чтобы предупредить кого следует, где в случае необходимости искать виновных.

Выполняя столь непредусмотрительно данное мною обещание, я не прибавлю к этим строкам ни одного факта, касающегося нынешней ситуации, — но сколько всего, чего, я уверен, не знают в Париже, но о чем стоило бы рассказать!

Могу вас заверить, что совершенное на Ленина по-

кушение скорее укрепит, чем сломит русскую революцию. Советы никогда не были так крепки, как теперь.

Я всегда полагал, глубоко восхищаясь удивительной революционной силой большевиков, что их дело, даже если оно не будет завершено, станет исключительным примером, плодотворным опытом, из которого международный социализм во многом извлечет для себя пользу. Уже только поэтому Ленин и Троцкий имели бы право на нашу признательность, а их время должно считаться в Истории великим временем Русской революции.

Между тем вы знаете, с какими оговорками я излагал их тактику, как скептически я оценивал последствия грандиозного переворота, предпринятого ими с тем, чтобы не только свергнуть, но и уничтожить старую государственную, бюрократическую и военную машину, организовать пролетариат в правящий класс, покончить с чисто ораторским и бесплодным парламентаризмом и заменить его народными и действительными представительскими институтами, вырвать у капитализма и отдать коллективу все средства производства, одним словом, упразднить режим распоряжения людьми и установить вместо него режим управления вещами. Сегодня я прихожу к мысли, что Ленин и Троцкий смотрели дальше, чем мы, социалисты-оппортунисты и примиренцы, что они были более реалистами, более внимательными, чем мы, последователями и проводниками марксизма.

Похоже, упрямые факты уже подтверждают их правоту.

На страшных руинах, нагроможденных десятью месяцами методического разрушения буржуазных социальных форм, начинают и впрямь проявляться мощные ростки нового мироустройства, которому, должно быть, потребуются еще годы, чтобы принести свои плоды. Но уже то, что осуществлено во всех областях — административной, военной, экономической, — громадно. Было бы бессмысленно и бесчестно это отрицать.

Если бы Советы не были с севера, востока, юга и запада столь безжалостно окружены силами германо-франко-англо-японского империализма, если бы они не были отрезаны от своих житниц, промышленных центров, рудников и угольных шахт, от своей нефти, если бы они не были разорены, доведены до голода, изранены заграницей, если бы им нужно было бороться только

против русской буржуазии, против политического и экономического саботажа, организованного контрреволюцией, кто знает, не преодолели бы они победно уже теперь первые этапы коммунистического устройства?

Блестящие победы, одержанные нашими достойными восхищения пуалю на Западном фронте, бесспорно облегчили начало выполнения большевистской программы, уменьшив германский нажим, первое препятствие для ее осуществления.

По мере того, как будут множиться наши победы, социализация России будет становиться все более глубокой, за репрессиями последует более грозное восстание народных масс в стане противника, европейские народы обратят свой взор к более чистому и братскому демократическому идеалу. Тем самым тяжелый урок может обернуться нам во благо. Как мы и предупреждали в 1914 г., война убьет войну и с ней империализм и капиталистические реакционные силы. Так человечество радостно проснется после терзавшего его четыре долгих года кровавого кошмара.

Станет ли вчерашняя мечта завтра реальностью? У меня появляется надежда. Да будет так!

Сердечно преданный вам.

*Москва. 17 янв.
г-ну Жану Лонге, депутату,
редактору «Попюлер»,
Париж.*

Дорогой друг,

Уже более трех недель я прикован к постели чем-то похожим на тиф. Подавленный, без сил, опустошенный. И все же хочу воспользоваться отъездом части Французской военной миссии и делегации из трех советских товарищей, которые едут во Францию вести переговоры о возвращении русских солдат, чтобы попытаться послать вам несколько слов. Заранее прошу вас извинить невразумительность строк, которые вы прочтете. Их диктует больной.

Прежде всего вопрос личный.

Большинство возвращающихся во Францию офицеров миссии только что отбыли по три месяца в московских тюрьмах, где находились по подозрению в шпионаже, к тому же с полным основанием. Они сами не однажды признавались, что сто раз заслужили расстрел. Действительно, они осуществляли здесь самую грязную полицейскую работу, саботаж, провокации, контрреволюцию. Почти все они ярые реакционеры, ненавидящие не только Революцию, но и демократию.

Все эти люди знают, что, когда я вернусь во Францию, — если временам угодно, чтобы я вернулся при коллективистском или даже революционном правительстве, — правда, которую я открою об их делах в России, вызовет скандал, наверняка чрезвычайно опасный для них. Они решили помешать моему возвращению любыми способами. Сначала они попытались меня убрать. Но я был вовремя предупрежден, и от убийства, которое могло обернуться неприятными последствиями, отказались.

Теперь планируется убийство по закону, то есть суд. Против меня стряпают неведомо какие грязные интриги. Меня можно было бы по праву обвинить в том, что я вел здесь революционную, интернационалистскую деятельность, даже большевистскую агитацию. Я и не

подумал бы отвергать эти обвинения. Но чтобы сильнее дискредитировать идеи, эти господа, следуя испытанному методу, в первую очередь стараются утопить человека в клевете. Друзья сообщают, что меня стараются выставить во Франции как человека, воспользовавшегося своими связями с большевиками для того, чтобы подло расправиться со своими товарищами. Эта провокация, как говорят, уже подготовлена, и по прибытии во Францию я буду аккуратно и тихо пущен ко дну.

Против подобной кампании я и прошу вас защитить меня в мое отсутствие. Вы можете смело браться за это дело, на этом поле боя я неуязвим. Мои начальники не решатся в ответах отрицать те важные заслуги, которые у меня, по их собственным неоднократным признаниям, есть перед Францией.

В том же Париже десять свидетелей мигом откликнутся на ваш призыв и расскажут о той помощи, которую я не переставал оказывать здесь своим товарищам и соотечественникам. Несмотря на презрение и отвращение, которое я питаю к офицерам-контрреволюционерам, принятым Россией и предавшим Россию, я никогда ничего не совершал против них, но не один раз их спасал.

Все это они знают. Они прекрасно знают, что именно я и я один больше чем на месяц оттянул их арест, и еще больше — суд над ними, то есть вынесение приговора и расстрел, что это я, наконец, посоветовал на днях моим друзьям в Комиссариате по иностранным делам их освободить и вышвырнуть во Францию.

Можете ли вы вместе с Мерргеймом и Кашеном, которому я посылаю такое же письмо (или, может быть, Партия), каким-то официальным образом получить у правительства обещание, что я могу спокойно возвращаться во Францию, и обязать его дать мне по телеграфу формальную гарантию?.. Как можно скорее хотелось бы получить ответ.

Ответ к тому же заинтересует и других товарищей из миссии, как и я скомпрометировавших себя дружескими отношениями с большевиками. Могли бы вы также телеграфом сообщить что-нибудь о моей жене и детях, о которых я ничего не слышал с мая месяца?

Извините, что так долго занимаю вас своей персоной, позвольте теперь сообщить некоторые новые сведе-

ния о событиях и политической ситуации в России.

Не имея возможности быть во Франции и работать вместе с нашими товарищами, я считаю необходимым в эти решающие часы продолжать (когда предоставляется исключительный случай переправить письмо) хотя бы информировать наших французских товарищей по борьбе, так плохо просвещенных относительно того, что происходит в России. А между тем, как важно было бы для нашего рабочего класса почти все эти пятнадцать месяцев иметь точное представление об опыте социалистического строительства, начатого русскими коммунистами, за что пролетарии всего мира будут им навсегда благодарны. Но сегодня я хочу говорить не о поразительных результатах, которых добились большевики благодаря своей активности, настойчивости, вере в великое дело общественного переустройства, начатое в октябре 1917 г. и столь блестяще продолжаемое все это время. День за днем я держал вас в курсе этой работы по разрушению старого режима и строительству нового общества, великой работы великих людей. На сей раз ограничусь тем, что приведу наугад несколько свежих точных и достоверных фактов, иллюстрирующих невероятный цинизм политики, проводимой Антантой против Революции, и подтверждающих обоснованность моих давних тревожных призывов к нашим чересчур доверчивым товарищам, обманутым лицемерными официальными заявлениями наших так называемых демократических правительств.

На Белом море командующий эскадрой союзников английский адмирал только что издал следующий приказ:

«1. Топить без предупреждения все германские корабли, следующие под красным флагом.

2. Решительно топить корабли, находящиеся под командованием не офицеров, а депутатов-матросов.

3. Расстреливать экипажи, в числе которых обнаруживается хотя бы один большевик».

В Риге военные корабли союзников обстреливают рабочие кварталы и казармы латышских стрелков, чья вина в том, что они восстали против буржуазного правительства, поставленного Германией. Это, однако, не помешало Красной Армии несколькими днями позже взять город.

Правительства Антанты поощряют любые действия против большевизма. Правящие теперь в Польше министры-псевдосоциалисты — их прислужники. На днях это правительство совершило неслыханное преступление — расстреляло четырех членов делегации русского Красного Креста, имевших все документы и охранные свидетельства и находившихся под покровительством Дании. Это преступление могло быть совершено лишь при подстрекательстве или пособничестве Антанты.

Также для борьбы против большевизма союзники изобрели новое оружие. Фош навязывает Германии Комиссию по контролю, которой будет поручено (без какого бы то ни было согласия русского правительства) охранять (?) и репатриировать русских пленных. Нужно быть безмерно наивным, чтобы предположить, что Фош и Клемансо, переполненные любовью к русскому народу, решили выставить это новое условие для перемирия из филантропических соображений. Однако позорная правда иная. Эта Комиссия по контролю должна собирать сведения о русских пленных и делить их на две категории: плохие, то есть большевики и симпатизирующие им, будут изолированы, обработаны и задержаны в Германии; хорошие, то есть противники большевиков, будут направлены в Польшу, затем волей-неволей их завербуют в польские легионы или белогвардейские части, предназначенные для великого похода против большевиков, которые союзниками будут оплачиваться, вооружаться и снабжаться продовольствием.

Однако им мало того, что они сталкивают русских против русских. Несколько дней назад после заявления «Спартак» германская комиссия по перемирию была вынуждена признать, что на протяжении двух недель Фош оказывал давление на Германию с тем, чтобы вынудить ее объявить войну России, и что Германия ответила Франции, что она была бы не в состоянии вести эту новую войну, даже если бы этого хотела. Заставить две Революции уничтожать друг друга, в любом случае ослабив и ту, и другую, — макиавеллиевский план, и если бы он удался, вот была бы радость для европейской буржуазии! По крайней мере, то, что между ними зародилось недоверие, — уже значительный результат! Почему французский пролета-

решительного протеста, без колебаний вышли на улицы. Неужели Франция все еще настолько упивается своей победой, что не способна понять, чего в действительности стоят эти лавры?

Но главное — почему Соцпартия и профсоюзные организации не смогли правильно понять и выполнить свой долг? Здесь я возвращаюсь к тому, о чем уже говорил. Союз между Русской и Германской революциями должен осуществиться при вашем содействии. Но вы могли бы сделать больше и эффективно повлиять на само развитие событий в Германии, если бы пролетариат Запада, и особенно пролетариат Франции, оказал мощное давление:

1) на свои правительства, чтобы не допустить чудовищного и выгодного только контрреволюционным партиям попраiania Германской революции и нарушений права немецкого народа на самоопределение, которые столь же отвратительны, как ликвидация Советов на оккупированных союзниками территориях и угрозы в адрес немецкого народа на тот случай, если он посмеет сформировать социалистические институты;

2) на Германскую революцию для ее сближения с Русской.

Очевидно, что народные массы Германии, ныне терроризируемые правительствами союзников и не ощущающие действенной поддержки со стороны народных масс Антанты, быстрее и четче встали бы на левые позиции. Вместо нынешнего, полностью буржуазного и контрреволюционного, кабинета Шейдемана власть, безусловно, была бы в руках коалиций независимых и спартаковцев.

По отношению к России политика союзников осталась неизменной. Цель ее, вопреки лживым заверениям о политическом нейтралитете, прежняя — свергнуть большевиков и уничтожить этот опасный образец Социалистической республики.

Военная интервенция представлялась для этого самым простым средством; но большевики уже полгода оказывают сопротивление войскам Антанты, тесня их почти повсюду, и будут воевать все лучше и лучше. Красная Армия, на первых шагах смехотворная по своему количеству и подготовке, становится мощной, с сильным офицерским корпусом, хорошо дисциплинированной и вооруженной армией численностью около

миллиона обученных солдат. К весне она будет насчитывать два миллиона.

Где союзники найдут те многие армейские корпуса, которые необходимы для победы над этой армией? Как можно верить в то, что после более чем четырех лет войны, после той пропаганды, которую мы развернули, рабочие и крестьяне Франции и Англии согласятся, закончив одну войну, начать новую, бессмысленную для них и для Родины, нужную исключительно лишь для того, чтобы обеспечить спокойную жизнь западной буржуазии, которой кусок в горло не лезет, пока живая Русская революция будет грозить революцией в Европе.

Решительный протест французского пролетариата против попытки задушить Русскую революцию уже заставил отступить Клемансо и вынудил его идти окольным и менее надежным путем. Большевики, нужно ли говорить, полны признательности французским товарищам — кто, как не вы, обеспечил эту столь легкую победу, показывающую, чего вы можете добиться, если решитесь, не упуская времени, повести пролетариат по революционному пути.

Поскольку военная интервенция союзников в ее прежней грубой форме была уже невозможна, в конце декабря мы получили заявления Пишона. Наш министр иностранных дел цинично посмеялся над палатой депутатов. Вопреки всему, что он говорил, вооруженная интервенция продолжается. Союзническая эскадра блокирует Финский залив, еще одна — Белое море, третья — Черное. Имели место морские бои. Бои на суше. И сейчас, когда я пишу, продолжаются бои между полками большевиков и союзников. Ни один французский солдат из находящихся в России не был отправлен во Францию. Наоборот, похоже, что в последние недели в Одессу были направлены части Восточной армии, откуда сообщают о прибытии колониальных войск.

Но одновременно с прямой интервенцией, от которой все же скоро придется отказаться, ведется менее заметная и более опасная косвенная интервенция — уговорами, угрозами пограничные государства подталкиваются к войне против России. Я говорил, что недавно пытались сделать с Германией. Другие страны более покладистые.

Антанта толкает к бунту против Советов все неспособные оказать ей сопротивление народы. Она торопит Польшу с объединением, чтобы быстрее создать армию и двинуть ее на большевиков. Польша избегала до сих пор этой новой опасности лишь по причине врожденной неспособности поляков договориться между собой и положить конец анархии, которая делает и еще долго будет делать их неприятными и неудобными, но безопасными соседями. Антанта оказывает давление и на Прагу, препятствуя заключению предложенного Чичериным договора о возвращении в Богемию чехов из Сибири. Она хочет вынудить чехов сформировать против большевиков армию. Она вырвала у Финляндии объявление войны Советской Эстонской Республике, хотя ни причину, ни предлог этого объявления понять невозможно. Она пытается подтолкнуть к военным действиям Скандинавские страны. Уже теперь она запрещает им поддерживать с Россией торговые отношения, а чтобы быть уверенной в их покладистости, заставляет их отозвать из Москвы своих дипломатических представителей, подобно тому, как перед этим она вынудила Швейцарию выслать большевистскую дипломатическую миссию, а Голландию — отказаться принять советских представителей вопреки изначальному согласию.

Следует попутно отметить и широкую кампанию по экономическому окружению, безжалостную блокаду России. Если Антанте придется отказаться от любой вооруженной прямой или косвенной интервенции, она тем не менее надеется победить большевизм с помощью экономической разрухи и голода. Удерживая в своих руках сибирский хлеб, она уже сейчас обрекла многострадальную страну на голод, а сотни тысяч невинных — на смерть.

Но осада — слишком медленный способ, ибо время торопит. Каждый прожитый месяц укрепляет власть Советов и обостряет революционные симптомы в западных странах. Вот почему Антанта не отказывается от военных операций. Деньгами и боеприпасами она поддерживает в четырех ключевых точках любых противников Советской республики. На Украине это был Скоропадский, поставленный Вильгельмом, гетман-диктатор, сумевший перещеголять старый режим. В Крыму и на Западном Кавказе — добровольческая

армия Деникина, ядро которой составляют офицеры, сторонники абсолютной монархии. На Дону — Краснов, генерал старой армии, продававшийся по очереди всем союзникам. В Сибири — диктатура Колчака, против которого правые эсеры и даже кадеты недавно подняли мятеж.

На севере, на юге, на востоке — везде монархисты. Вот кто протеже союзников.

Этой небольшой картинки достаточно, чтобы понять, что цель правительств Антанты никак не восстановление в России демократической системы, но реставрация монархии. Невероятно, но это так. Все те, кого они поддерживают, хотят восстановить старый режим.

Скоропадский политически погиб через неделю после того, как был торжественно признан союзническими дипломатами и получил их помпезные обещания помощи. Дипломаты остались в растерянности, не зная, кого теперь поддерживать.

Ясно, что все, кто против большевиков, — хороши. Но можно ли ладить с таким демократом и, может быть, даже социалистом, как Петлюра?.. Словом, начавшиеся переговоры были прерваны, а дней десять назад и сам Петлюра направил союзникам ноту, предлагая им вывести их войска с Украины. Бедный Петлюра и сам в затруднении, находясь между союзниками, которых он должен уважать, — и совсем недавно избранным в Киеве Советом, в котором 90 процентов большевиков, между советскими крестьянскими отрядами, которые бьют его армию и продвигаются к столице, где они собираются провозгласить вступление Украины в состав РСФСР.

Показателен также пример Сибири. Там, в Уфе, Челябинске, Самаре и в Омске, действовало «Учредительное правительство», состоящее из эсеров, таких как Чернов и Авксентьев, друг Керенского. Союзники, когда посчитали необходимым, воспользовались этими беднягами, но особыми симпатиями к ним так и не прониклись. При первой же возможности они помогли совершить переворот. Эсеры, друзья Антанты, теперь в бегах или в тюрьме, а в Омске правит Колчак. Его контрреволюционная деятельность должна полностью удовлетворять сотрудничающего в Омске с Колчаком французского генерала Жанена, который может считать себя вернувшимся ко двору Николая II, где

о его неброском изяществе отзывались самым лестным образом.

Правительства Антанты уверяют также, что нет ничего для них желаннее, чем восстановление единой и неделимой России в ее довоенных границах. Ложь! Если и есть сила, способная восстановить единство России, к тому же единство разумное и никого не угнетающее, то это власть Советов, помогающая эстонцам, латышам, белорусам, литовцам, украинцам освободиться от своих угнетателей, возвращая им Нарву, Минск, Ригу, Вильно и т. д. ...Окружая себя союзными Советскими республиками, она тем самым и воссоздает единую и федеративную Россию. Антанта же на протяжении года фактически поддерживает и, если такая необходимость возникает, провоцирует сепаратистские тенденции. Ее политика не изменилась. Злобно, досадливо и расчетливо она стремится расколоть Россию.

Теперь о внутреннем положении. Союзники хотят уничтожить революцию и русское государство. Их замысел настолько очевиден, что все русские, поняв это, сплачиваются, чтобы отразить опасность. Многие русские патриоты, не большевики, даже не социалисты, вступают в Красную Армию для защиты России, которой угрожают из-за границы.

Социалисты разных ориентаций, видя, что союзническая буржуазия угрожает не только большевизму, но и всем завоеваниям Революции, сплотились вокруг большевиков против общего врага.

Такой союз, результаты которого для страны уже ощутимы, полгода назад казался невозможным. Вспомните полную изоляцию большевиков, кстати, прекрасно ее выносивших. Потребовалась ненависть союзников, чтобы осуществилось это невероятное слияние, которое, безусловно, поможет спасению Революции. Ясно, что этот союз, вероятно, не отразится на программных разногласиях. Цель его — прежде всего создать единый блок против завоевателей. Однако помимо всего он создает привычку работы сообща, что должно обязательно сблизить антисоветистов с большевиками, и фактически уже подводит их к уступкам по многим вопросам. До Франции в свое время, я думаю, уже доходили сенсационные заявления о необходимости союза с большевиками эсдеков-интернационалистов,

меньшевиков, анархистов, бывших правых эсеров. Сторонники старого режима, правые и кадеты, то есть постыдные монархисты, от таких заявлений, разумеется, воздерживались. И речь в этих случаях идет не об отдельных высказываниях, а об официальных заявлениях центральных комитетов организаций и партий.

В данный момент в Уфе между советской Красной Армией и национальной армией членов директории заключается союз против большого друга Антанты, диктатора-монархиста Колчака.

Вокруг власти Советов группируются все представители интеллигенции. Во главе знаменитых профессоров, артистов, поэтов и писателей встал, безоговорочно присоединившись к большевикам, Максим Горький; он активно работает в большевистских организациях. Уже многие месяцы большая часть официальных научных учреждений, в частности Академия наук, сотрудничает в своих областях с правительством, которое предлагает им грандиозные программы по учету, исследованию и использованию необъятных богатств России. Эта огромная работа уже значительно продвинулась вперед. Она должна быть крайне благотворной для будущего страны. Помимо того, власть Советов без счета предоставляет любые кредиты по запросам ученых, никогда еще не видевших такого к себе отношения и, — если отделить политические вопросы, — благодарящих небо за то, что судьбы России доверены умным министрам. Тысячи инженеров, химиков, изобретателей занялись военно-техническими вопросами и реорганизацией экономики. Пожелание, которое Ленин и Троцкий высказывали в октябре 1917 г., исполняется: к рукам, делавшим революцию, теперь прибавляются головы, которые должны обеспечить ее завоевания.

Словом, как я и предупреждал в июне 1918 г., если Антанта осмелится начать войну, у нее на пути, за исключением нескольких тысяч дряхлых стариков, встанет вся Россия.

Она столкнется с Россией организованной, по крайней мере в военном отношении. Красная Армия недавно внезапно оставила Пермь, но она скоро туда вернется, уже блестяще отбив весь бассейн Волги. Она продвинулась за Уфу. Вот-вот восстановит через Оренбург сообщение с Туркестаном. Прочно закреп-

лась на Дону. Национальные украинские советские части, с одной стороны, взятием Чернигова уже угрожают Киеву, с другой — от Славянска — всему угольному донецкому бассейну. На западе советские армии с нетерпением ждут и радостно встречают все, кроме эксплуататорской буржуазии, в любом городе, куда они входят. Повсюду сразу же после освобождения от союзнических, германских или контрреволюционных захватчиков самопроизвольно возникают Советы. И этого факта достаточно, чтобы показать и тем, кто не знает, и тем, кто не верит, насколько популярен советский режим и какие глубокие корни он пустил по всей стране.

За три месяца Красная Армия почти удвоила территорию Республики своими победами, которым способствует, помимо всего прочего, и хорошее отношение к ней населения, и плохое моральное состояние войск ее противника, в большом количестве переходящих на сторону Советов. Слово «победы» не совсем то, коль речь идет исключительно о создании социалистической федеративной России, в состав которой войдут лишь те народы, которые этого пожелают. Нужно ли говорить, что политика большевиков не имеет ничего общего с империализмом? Власть Советов, оставаясь верной своим принципам, никогда не нарушит провозглашенное ею с самого начала право трудящихся масс на свободное самоопределение. К тому же именно национальные армии при поддержке по их просьбе русских сил повсюду шаг за шагом освобождают свою территорию.

Контрреволюционеры и союзники ошеломлены стихийностью и мощью этих народных движений. Бессильные в военном отношении, они не знают, что предпринять, чтобы остановить эти блестящие победы, которые укрепляют большевистское правительство и обращают в ничто, чем, собственно, они почти все и были, «придуманные» Антантой региональные правительства, державшиеся у власти лишь благодаря золоту и штыкам союзников.

Внутри страны продолжается организационная работа. Трудности огромные. Кольцо союзников и контрреволюционеров вокруг Советской России еще не настолько ослабло, чтобы большевики получили необходимое им продовольствие, топливо и сырье.

Но работа продолжается с удивительной настойчивостью. Успех не вызывает сомнений, его можно было бы ждать в скором времени, если бы Франция, Англия и Соединенные Штаты, отказавшись, наконец, от давления на российскую политику путем непрекращающегося вмешательства в ее внутренние дела, оказали России необходимую ей продовольственную и экономическую помощь, которую они лицемерно обещают. Но эти убийцы мечтают лишь о том, чтобы уничтожить Революцию.

Пока не знаю, смогу ли я переслать вам с этой почтой перевод разработанного ЦИК Кодекса законов о труде. Это настоящий шедевр.

Следом за социализацией производства проводится социализация распределения. Промышленные предприятия работают, увы, далеко не так, как должны. Не хватает топлива, не хватает сырья (шахты, основные добывающие центры находятся в руках антисоветистов), недостаточна рабочая дисциплина. Не нужно, однако, забывать, что российская промышленность, созданная иностранным капиталом и техникой, существовала лишь с помощью западных специалистов, директоров, инженеров, мастеров и т. д... И все сколько-нибудь значительные российские промышленные предприятия фактически управлялись англичанами, французами и особенно немцами. Внезапно оставшись без этих иностранных специалистов (уехавших во время войны и революции), российская промышленность оказалась ввергнутой в дезорганизацию, для преодоления которой недостаточно доброй воли русских спецов. Я, разумеется, говорю о тех, кто не саботирует. Но следует признать, что саботажа становится все меньше и что буржуазия следом за интеллигенцией мало-помалу переходит на службу правительству, прочность позиций которого она начинает осознавать.

За отсутствием иностранных буржуазных специалистов необходимо, чтобы сюда как можно скорее прибыли французские и немецкие товарищи, чтобы вновь запустить экономический механизм, который не в состоянии заработать без них, каким бы ни было правительство у власти, и который не сможет обойтись без них, пока не будут сформированы новые кадры русских специалистов, действительно способные управлять и хозяйствовать долгие годы.

Еще одна угроза советскому режиму — появление все более и более дорогостоящей и сложной бюрократии. Такую опасность видят, о ней сигнализируют. Она велика, но должна быть преодолена. Меры уже приняты и начинают приносить некоторые результаты.

Для того, чтобы полностью посвятить себя делу строительства и созидания, привести в порядок экономическое положение страны, улучшить прежде всего продовольственную ситуацию, которая такова, что в Петрограде и Москве рабочие, ослабленные из-за недоедания, не могут производить больше, чем треть обычной нормы, власть Советов должна жить в своих раздвинутых границах спокойно. Она хочет мира. Нужно, чтобы французский народ знал, что российское правительство делало за последние три месяца множество предложений союзническим государствам. Нарком по иностранным делам подтвердил их не далее как 12 января в ноте, адресованной Лансингу: «Мы готовы убрать все препятствия, могущие помешать восстановлению нормальных отношений между Америкой и Россией».

Напомню, что 24 октября он уже делал такое же заявление через посла Норвегии, повторив его в день отъезда этого посла. 3 ноября ко всем нейтральным представителям была направлена просьба передать правительствам Антанты предложения об открытии переговоров о мире. 8 ноября съезд Советов заявил всему миру, что Россия желает только мира. 23 декабря в Стокгольме Литвинов довел до сведения послов Антанты желание российского правительства мирно и как можно скорее решить все спорные вопросы.

Мне известно, что в последовавшей из Лиона высокомерной радиограмме было заявлено, что никогда французское правительство не станет вести переговоры с правительством, которое не выражает волю русского народа. Но этот грубый ответ не может быть окончательным. Кстати, упоминаемый в нем предлог — ложь. Последние выборы показали, что по меньшей мере 70 процентов избирателей (мужчин и женщин) за Советы, и этого вполне достаточно, чтобы Советы имели право быть признанными как представляющие народ России. Следует добавить, что за последний месяц с Советами сблизилась многие из оппозиции. Сегодня правительство поддерживают явно больше

двух третей избирателей, и в этих условиях продолжать отказываться вести переговоры с правительством, более и лучше представляющим трудящиеся массы, чем буржуазная демократия любой другой страны, — чистое лицемерие.

Если французские солдаты мерзнут в полярных районах и рискуют получить пулю, когда война уже закончена, а они должны были бы вернуться по домам, — вина в этом не правительства Советов. Я знаю, что, стремясь добиться мира любой ценой, Чичерин предлагал, (об этом я не раз беседовал со всеми советскими лидерами, в том числе с Лениным) в интересах французского правительства отменить декрет об аннулировании государственных займов и самым удовлетворительным образом решить этот вопрос, затрагивающий интересы французов, мелких держателей акций. Разумеется, никакого ответа на это предложение, столь неудобное для людей, которые любой ценой не хотят допустить мира, не последовало. Клемансо решил восстановить в России монархию.

Мне кажется, что французское правительство действует против России даже с большим ожесточением, чем сама Англия. Так, последняя недавно предложила правительству Советов договориться о том, чтобы ей, наряду с представителями различных контрреволюционных правительств России, было предоставлено место на Конгрессе мира. Невелика уступка! Тем не менее Пишон не пожелал и этого. Он заявил протест, и Англия отказалась от своего плана.

Такое ожесточение, непримиримая злоба по отношению к Русской революции — позор для так называемой республиканской и демократической Франции, которая тем самым всякий раз перечеркивает свое прошлое. Но можно ли было, в самом деле, рассчитывать на иную позицию правительства, возглавляемого Клемансо, который до глубокой старости остался по-прежнему упрямым антисоциалистом, каким был всегда? И я содрогаюсь при мысли, что о ходе событий в России наш парламент информируют еще и такие недобросовестные глупцы, как Нуланс. Этот несчастный, ничего не увидевший и не понявший человек, который, подталкиваемый своей ненавистью к социализму, совершил все возможные ошибки и преступления против России и против Франции (коллекция его депеш в Министерст-

ве иностранных дел и свидетельства людей, видевших его за работой, тому доказательство), пытается сегодня спасти себя и, нагромождая одну ложь на другую, оправдывает свое разваливающееся со всех сторон политически безумное творение.

Очень устал — в лихорадке тяжело диктовать так много. Вы и сами заметите, читая это письмо, в котором я без всякого порядка изложил лишь малую часть того, о чем хотелось бы вам написать.

Сколько всего я мог бы сказать вам при встрече! Поторопите же мое возвращение во Францию. Я заканчиваю. Еще раз повторяю, что честь, независимость, самый элементарный интерес французского пролетариата требуют от него срочных действий, чтобы любыми, даже, если потребуется, революционными средствами добиться:

1. Невмешательства Антанты в российские внутренние дела.

2. Немедленного вывода всех союзнических войск, находящихся к настоящему времени как в Европейской, так и в Азиатской России.

3. Прекращения любой политики интервенции, прямой или косвенной, материальной или моральной поддержки как российских контрреволюционеров, так и пограничных с Россией государств.

4. Разъяснений по поводу уже заключенных договоров, имеющих целью вмешательство прямое, или через контрреволюционеров, или соседей Российского государства, и денонсации этих договоров.

5. Признания Советской власти, которая за пятнадцать месяцев своего существования стала как никогда прочной и популярной.

6. Возобновления дипломатических отношений, в том числе направления французского представителя (социалиста) в Россию и представителя России — во Францию.

7. Направления в Россию делегации социалистов, профсоюзных деятелей и специалистов для изучения работы коммунистического правительства.

8. Присутствия на Мирном конгрессе делегаций большевистского правительства как единственных представителей русского народа. Европейский мир, обсуждаемый и заключенный без России, не может быть полным миром. Одновременно было бы отвратительно и нелепо признать представителями всей или части

России (при исключении большевиков или даже наряду с большевиками) марионеток, из которых составлены различные региональные правительства, искусственно созданные союзниками и существующие лишь благодаря их поддержке, и которые представляют лишь чьи-то личные амбиции и частные интересы.

9. Прекращения экономической блокады, которая в скором времени может привести Россию к промышленному краху и голоду.

10. Возобновления торговых обменов и подписания экономического соглашения, в которое могли бы быть включены чрезвычайно выгодные для Франции пункты (зерно, лен, дерево, рыбные промыслы, шахты, железные дороги и т. д...). Ручаюсь, что в случае подписания экономического соглашения я добьюсь заслуживающих внимания льгот.

11. Направления в Россию нескольких сот, а лучше даже нескольких тысяч (уверен, что сейчас такой шаг скорее облегчит, чем усложнит положение французской промышленности) управляющих, инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих, в особенности металлургов, которые окажут решающую помощь промышленности молодой Социалистической республики, в частности в самом насущном деле — восстановлении подвижного состава железных дорог и организации перевозок.

Но работа предстоит огромная во всех отраслях промышленности. В ней могли бы участвовать десятки тысяч французских специалистов. Они будут замечательно приняты, очень щедро оплачены и в качестве исключения их будут хорошо кормить. К тому же голод главным образом ощущается в Москве и Петрограде. Большая часть провинциальных центров снабжается продуктами достаточно хорошо. Кроме того, что бы там ни писали западные газеты, жизнь в России ничуть не опасна. Общественный порядок обеспечивается полностью.

На улицах Москвы спокойнее и безопаснее, чем в Париже. Контракты могли бы заключаться на достаточно короткий срок.

Можно не убеждать, какую моральную пользу принесет этот промышленный десант французского пролетариата в Россию. Товарищи очень быстро завяжут дружеские отношения с этим гостеприимным

и душевным народом, еще грубоватым и наивным, но столь достойным того, чтобы его любили, превосходящим наши слишком окультуренные, слишком недоверчивые, слишком эгоистичные, слишком скептические западные народы своей непосредственностью, щедростью, простой и глубокой добротой, тем истинным идеализмом, который позволил ему так внезапно, в считанные месяцы встать в авангарде цивилизованного мира.

Помимо всего, наши товарищи не напрасно провели бы время в этой огромной лаборатории социализма, какой является Россия. Пример дает больше, чем все теории. Конечно, не все идет к лучшему в этом лучшем из миров. Переход от капитализма к социализму не легкое дело. Для этого потребуются еще месяцы, а потом, без сомнения, еще годы экспериментов, поисков и совершенствования. В полной мере он сможет быть осуществлен лишь тогда, когда пролетариат одной или двух крупных европейских держав, поняв, наконец, уроки этой Революции, объединит свои усилия с усилиями российского пролетариата. Кроме того, как говорит Ленин, когда умирает старое общество, невозможно заколотить его в гроб и засыпать в могиле. Его труп разлагается среди нас. Оно гниет, заражает нас самих. Мы вынуждены сражаться за создание и развитие основ нового общества в атмосфере, зараженной миазмами разлагающейся буржуазии. Иного не дано. Любому обществу, которому суждено переходить от капиталистического режима к социалистическому, предстоит жить среди разлагающегося капитализма и непрестанной борьбы против заразы.

Но, несмотря на невероятные трудности, достижения большевиков поразительны и достойны восхищения. Трудящиеся, которые увидят их собственными глазами, увезут с собой такие воспоминания, что безусловно постараются, вернувшись к себе, осуществить подобное социальное переустройство применительно, разумеется, к национальным и социальным формам. Члены партии через несколько месяцев пребывания в Российской коммунистической республике вернулись бы обогащенные социальным опытом и готовые к будущим задачам.

Сердечно ваш

*капитан Жак Садуль,
член Французской военной
миссии в России (Москва).*

¹ *Тома Альбер* (1878—1932) — французский политический деятель, правый социалист, историк. В 1905—1914 гг. сотрудничал в газете «Юманите». С 1910 г. — один из лидеров парламентской фракции Социалистической партии. С начала 1-й мировой войны вошел в состав французского правительства. С декабря 1915 г. по сентябрь 1917 г. занимал пост министра вооружений. Весной 1917 г. побывал в России. С 1920 по 1932 г. возглавлял Международное бюро труда при Лиге наций.

² *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853—1926) — русский военный деятель, генерал от кавалерии. С начала 1-й мировой войны командовал 8-й армией, с марта 1916 г. — Юго-Западным фронтом, войска которого в мае — августе 1916 г. осуществили крупнейший стратегический прорыв австро-венгерского фронта («Брусиловский прорыв»). 22 мая (4 июня) 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим. После провала июньского наступления 19 июля (1 августа) 1917 г. заменен Л. Г. Корниловым и отозван из Ставки. До 1920 г. служебных постов не занимал. В 1920 г. вступил в Красную Армию и служил в центральном аппарате Народного комиссариата по военным делам.

³ Начальник Французской военной миссии генерал Ж. Лавернь.

⁴ Конференцию стран Антанты для обсуждения целей войны намечалось собрать 28 октября (10 ноября). ЦИК Советов (I созыва) избрал своим делегатом М. И. Скобелева, которому поручил руководствоваться на Парижской конференции специально разработанным Наказом. Временное правительство не признавало полномочий Скобелева, отвергло и инструкцию ЦИКа, в которой четко указывалось, что «договор должен быть построен на принципе „Мир без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение”». Союзники также не поддерживали выдвинутых русскими демократическими слоями условий. В связи с падением Временного правительства конференция в назначенный срок не состоялась. Позднее, 30 ноября 1917 г., собравшись в Париже на межсоюзническую конференцию, ее участники обсуждали уже не цели войны, а «русский вопрос». Садуль излагает содержание предполагавшегося скобелевского доклада весьма приблизительно и поверхностно.

⁵ *Скобелев Матвей Иванович* (1885—1938) — русский политический деятель, с 1903 г. — социал-демократ, один из лидеров меньшевиков. После февральской революции избран товарищем председателя Петроградского Совета, товарищем председателя ЦИК I созыва. Министр труда в первом и втором коалиционных Временных правительствах. После Октябрьской революции эмигрировал, отошел от меньшевиков. По возвращении в Россию работал в различных советских учреждениях.

⁶ *Брантинг Карл Яльмар* (1860—1925) — шведский политический

и государственный деятель, один из основателей и руководителей Социал-демократической партии Швеции. В 1917—1918 гг. — министр финансов, с 1920 по 1925 г. — премьер-министр. Октябрьскую революцию встретил враждебно.

⁷ *Гюисманс Камиль* (1871—1968) — бельгийский политический деятель, профессор филологии, журналист. В 1904—1919 гг. — секретарь Международного социалистического бюро II Интернационала, занимал центристскую позицию. Многократно входил в бельгийское правительство, в 1946—1947 гг. — премьер-министр.

⁸ *Вильсон Томас Вудро* (1856—1924) — американский государственный деятель. В 1913 г. стал президентом США от Демократической партии и оставался на этом посту до 1921 г. После Октябрьской революции был одним из организаторов военной интервенции США против Советской России. В январе 1918 г. выступил с собственной программой мира («14 пунктов»).

⁹ *Французская секция Рабочего Интернационала* (Французская социалистическая партия) — основана в Париже 23—25 апреля 1905 г. на объединительном съезде Французской социалистической партии, Социалистической партии Франции и ряда других социалистических организаций.

¹⁰ *Лига наций* — международная организация, созданная после окончания I мировой войны по условиям Версальского мирного договора 1919 г. Существовала до апреля 1946 г. СССР входил в Лигу наций с сентября 1934 г. по декабрь 1939 г.

¹¹ *Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.* — международные соглашения, устанавливающие закон и обычаи войны, права и обязанности нейтральных стран, а также порядок мирного разрешения международных споров.

¹² *Ирредентизм* — националистическое движение в Италии в конце XIX — начале XX в. за присоединение к Италии пограничных земель, частично населенных итальянцами и не вошедших в состав Италии при ее воссоединении.

¹³ *Лонге Жан* (1876—1938) — французский политический деятель, один из лидеров Французской социалистической партии и II Интернационала. Активно сотрудничал во французской социалистической печати. После Октябрьской революции осуждал военную интервенцию против Советской России.

¹⁴ *Лафон Эрнст* — видный французский социалист, один из адресатов Ж. Садуля.

¹⁵ *Паги* — сотрудник французского посольства.

¹⁶ *Вейль Жорж* (1882—?) — немецкий социал-демократ, уроженец Эльзаса. Во время I мировой войны перешел на сторону французов, поступив добровольцем во французскую армию, за что был исключен из Социал-демократической партии Германии, лишен депутатских полномочий и объявлен дезертиром.

¹⁷ *Барту Жан Луи* (1862—1934) — французский государственный деятель. Многократно входил во французское правительство. В 1913 г. занимал пост премьер-министра, выступал за укрепление Антанты. После Октябрьской революции — сторонник франко-советского сотрудничества.

¹⁸ *Дантон Жорж Жак* (1759—1794) — деятель Великой французской революции, адвокат. После свержения монархии 10 августа 1792 г. — министр юстиции в правительстве жирондистов. Проявил особую смелость и энергию при защите Парижа от австро-прусской интервенции в 1792 г. Искал компромисса между борющимися пар-

тиями, призывал к ослаблению революционной диктатуры и террора. По приговору революционного трибунала якобинцев казнен 5 апреля 1794 г.

¹⁹ *Робеспьер Максимильен* (1758—1794) — деятель Великой французской революции, один из руководителей якобинцев, фактически глава революционного правительства в 1793—1794 гг. Казнен термидорианцами.

²⁰ *Ламартин Альфонс* (1790—1869) — французский писатель-романтик, политический деятель. Член Временного правительства в 1848 г. Резко критиковал якобинцев.

²¹ *Церетели Ираклий Георгиевич* (1882—1959) — русский и грузинский политический деятель, меньшевик. После февральской революции вернулся из ссылки в Петроград, стал одним из лидеров меньшевистской партии. Избран членом исполкома Петроградского Совета и членом ЦИК Советов I созыва. В мае 1917 г. занял пост министра почт и телеграфов. После Октябрьской революции возглавил антибольшевистский блок в Учредительном собрании. До установления Советской власти в Грузии — член грузинского Учредительного собрания, лидер грузинских меньшевиков. После установления Советской власти в Грузии эмигрировал во Францию, затем в США.

²² *Савинков Борис Викторович* (1879—1925) — один из руководителей партии эсеров, организатор ряда террористических актов. Писатель. После февральской революции занимал пост товарища военного министра Временного правительства, а затем — пост военного генерал-губернатора Петрограда. После Октябрьской революции — один из организаторов контрреволюционных мятежей. Возглавлял «Союз защиты Родины и свободы». Эмигрировал, в Париже был представителем «правительства» Колчака. В 1924 г. арестован после нелегального перехода советско-польской границы. По суду приговорен к 10 годам тюремного заключения, погиб в тюрьме.

²³ На территории Румынии в Яссах находился штаб французского генерала *Бертело*.

²⁴ *Дюбрейль Луи* (1862—1924) — социалист, генеральный секретарь Французской социалистической партии и Французской секции II Интернационала. Сотрудник и редактор ряда социалистических газет.

²⁵ «*Единство*» — легальная газета, издававшаяся в Петрограде группой меньшевиков «Единство» во главе с Г. В. Плехановым. Выходила в мае — июне 1914 г. и в марте — ноябре 1917 г.

²⁶ *Поль Пенлеве* возглавлял правительство Франции в 1917 г. с 12 сентября по 13 ноября. В 1917—1919 гг. занимал также пост военного министра.

²⁷ *Мариинский дворец* в Петрограде. Построен в 1839—1944 гг. После февральской революции до июля 1917 г. был резиденцией Временного правительства. В октябре в Мариинском дворце располагался предпарламент. Захвачен по приказу ВРК 25 октября солдатами и матросами революционных частей.

²⁸ *Авксентьев Николай Дмитриевич* (1878—1943) — один из лидеров партии эсеров (был членом ЦК). После февральской революции — член исполкома Петроградского Совета и председатель Всероссийского Совета крестьянских депутатов. В июле — сентябре 1917 г. занимал пост министра внутренних дел Временного правительства. В Октябрьские дни — председатель Предпарламента. После Октябрьской рево-

люции — один из организаторов контрреволюционного движения в Поволжье и в Сибири. Эмигрировал в конце 1918 г.

²⁹ *Стеклов (наст. фам. Нахамкис) Юрий Михайлович* (1873—1941) — в социал-демократическом движении с 1893 г. Сотрудничал в большевистских органах печати. После февральской революции член исполкома Петроградского Совета, занимал позицию «революционного оборончества». На 2-м Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК. С октября 1917 г. редактор газеты «Известия ВЦИК». Занимался журналистикой, научной и административной работой.

³⁰ *Смольный институт* благородных девиц в Петрограде. Построен в 1806—1808 гг. архитектором Дж. Кваренги. 1 (14) июля 1917 г. все три этажа здания были по вертикали разделены на две половины между институтом и Петроградским Советом и ЦИК, которые переехали в Смольный 4 августа из Таврического дворца. С 16 октября в Смольном начал работу Военно-революционный комитет Петросовета. Здесь же разместились органы РСДРП (б). В дни восстания Смольный стал центром всех революционных сил. 1(14) ноября 1917 г. руководству института было предписано освободить все помещения. До марта 1918 г. Смольный оставался резиденцией Советского правительства, где жил и работал Ленин.

³¹ *Дан (наст. фам. Гурвич) Федор Ильич* (1871—1947) — один из лидеров меньшевиков, публицист, врач. После февральской революции занимал позицию «революционного оборончества», избран членом исполкома Петроградского Совета и Президиума ЦИК I созыва. Октябрьскую революцию встретил враждебно. В 1922 г. выслан за границу.

³² *Чернов Виктор Михайлович* (1873—1952) — лидер и теоретик партии эсеров, член ЦК. После февральской революции член Петроградского Совета, член ЦИК I созыва. С мая по август 1917 г. занимал пост министра земледелия Временного правительства. После Октябрьской революции — один из руководителей «Комитета спасения родины и революции». В январе 1918 г. — председатель Учредительного собрания. Организовывал контрреволюционное движение. Эмигрировал в конце 1918 г.

³³ *Каменев (наст. фам. Розенфельд) Лев Борисович* (1883—1936) — государственный и политический деятель, член РСДРП с 1901 г. В 1917 г. избран в члены ЦК партии, исполкома Петроградского Совета и ЦИК I созыва. После Октябрьского вооруженного восстания избран на пост Председателя ВЦИК. 8(21) ноября заменен на этом посту Я. М. Свердловым. Проявлял непоследовательность и колебания в проведении ленинской линии ЦК. Член советской делегации на Брест-Литовских мирных переговорах. С марта 1918 г. — председатель Моссовета.

³⁴ *Лапинский П. Л. (Левинсон Я.)* (1879—1937) — польский коммунист, экономист, публицист. В 1906—1918 гг. был одним из руководителей ППС — «левицы». В дальнейшем один из деятелей Коммунистической партии Польши. В 20-х гг. — сотрудник Наркоминдела.

³⁵ Имеется в виду первый женский батальон, сформированный в Петрограде младшим унтер-офицером (с июня — прапорщик) 28-го Полоцкого пехотного полка М. Л. Бочкаревой. В охране Зимнего дворца принимали участие 137 женщин (2-я рота этого батальона).

³⁶ На 12(25) ноября Временное правительство назначило выборы в Учредительное собрание, созыв его намечался на 28 ноября (11 декабря). После победы Октябрьской революции СНК постановлением от 27 октября (9 ноября) подтвердил дату выборов 12(25) ноября.

Однако в назначенное время из-за плохой организации и контрреволюционной настроенности части выборщиков выборы удалось провести не во всех округах. 28 ноября на открытие Учредительного собрания приехало небольшое число депутатов. Учитывая активную антисоветскую агитацию, проводимую меньшевистскими партиями, Советское правительство отсрочило время открытия заседаний Учредительного собрания. Впоследствии срок созыва назначили на 5 января 1918 г.

³⁷ Художественно-историческая комиссия по приемке ценностей Зимнего дворца по распоряжению наркома просвещения А. В. Луначарского провела 28—29 октября обследование ущерба, нанесенного дворцу. Общий ущерб оценен в 2 миллиона рублей. Это значительно меньше, чем по слухам, распространявшимся антибольшевистской прессой.

³⁸ Для расследования дела о насилиях над женским батальоном была создана специальная комиссия Петроградской городской думы. В ходе расследования выяснилось, что факты о «зверских насилиях» над женщинами-солдатками, сообщавшиеся в антибольшевистской прессе, в основном не подтвердились: изнасилованы были трое и одна покончила жизнь самоубийством.

³⁹ *Комитет общественного спасения для защиты Родины и революции* — официальное название «Комитета спасения родины и революции». Создан в ночь на 26 октября 1917 г. в Петрограде для борьбы с большевиками, захватившими власть в ходе Октябрьского вооруженного восстания. В Комитет вошли эсеры (Н. Д. Авксентьев, А. Р. Гоц, В. М. Зензинов, В. М. Чернов и др.), меньшевики, представители городской думы, члены ЦИК Советов I созыва, ушедшие со II Всероссийского съезда Советов, представители Почтово-телеграфного союза, Предпарламента и многих других общественных организаций. После подавления 29 октября юнкерского мятежа Комитет распался, его деятели образовали «Союз защиты Учредительного собрания».

⁴⁰ *Нуланс Жозеф* (1864—1939) — французский политический деятель, дипломат. В 1917—1918 гг. — посол в России. После Октябрьской революции занимал активную антисоветскую позицию.

⁴¹ «*Дело народа*» — газета, орган партии эсеров, с июня 1917 г. — орган ЦК партии эсеров. Выходила ежедневно с 15(28) марта 1917 г. до 14(27) января 1918 г. в Петрограде. Позднее несколько номеров вышло в Самаре и Москве. Окончательно закрыта за контрреволюционную деятельность 30 марта 1919 г.

⁴² «*Новая жизнь*» — издавалась в Петрограде ежедневно с 18 апреля (1 мая) 1917 г. по июль 1918 г. Инициатором создания газеты была группа социал-демократов-интернационалистов и писателей, объединившихся вокруг журнала «Летопись». В редакцию входили М. Горький, Н. Н. Суханов, В. А. Строев и др.

⁴³ *Мальви Жан Луи* (1875—1949) — государственный деятель Франции, радикал-социалист. В 1914—1917 гг. занимал пост министра внутренних дел. Троцкий был изгнан из Франции за антимилиитаристскую деятельность в годы его министерства.

⁴⁴ *Гогенцоллерны* — династия прусских королей; впоследствии германских императоров (1871—1918).

⁴⁵ *Каледин Алексей Максимович* (1861—1918) — русский военный деятель, генерал от кавалерии. 17(30) июня 1917 г. на Большом войсковом круге избран атаманом Донского казачества. После Октябрьской революции организовал контрреволюционные выступления

казаков на Дону, после подавления мятежа 29 января (11 февраля) 1918 г. сложил полномочия атамана и застрелился.

⁴⁶ *Нодо Людовик* — французский журналист, корреспондент буржуазной газеты «Le Temps» («Время»), фактически официального органа Министерства иностранных дел Франции.

⁴⁷ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870—1918) — военный деятель, генерал от инфантерии. После февральской революции командовал войсками Петроградского военного округа. С 19 июля (1 августа) по 27 августа (9 сентября) — главком. В конце августа 1918 г. поднял мятеж, после разгрома которого революционными войсками арестован, 19 ноября (2 декабря) бежал в Новочеркасск. Руководитель и организатор белогвардейского сопротивления. Убит 13 апреля 1918 г. при штурме Екатеринослава.

⁴⁸ *Верховский Александр Иванович* (1886—1938) — военный деятель, генерал-майор. После февральской революции в июле — сентябре 1917 г. командовал войсками Московского военного округа, сотрудничал с эсерами и меньшевиками. 30 августа (12 сентября) назначен военным министром Временного правительства. Стронник выхода России из войны и демобилизации армии. Из-за несогласия с этим Временным правительством 22 октября (4 ноября) вышел в отставку. После Октябрьской революции не признавал Советское правительство. Вскоре изменил свои взгляды и в феврале 1918 г. вступил в Красную Армию.

⁴⁹ *Гоц Абрам Рафаилович* (1882—1940) — один из лидеров партии эсеров, член ЦК. После февральской революции лидер фракции эсеров в Петроградском Совете, товарищ председателя ЦИК Советов I созыва, член Предпарламента. После Октябрьской революции возглавлял контрреволюционную борьбу против большевиков. В 1920 г. арестован, осужден по процессу партии эсеров в 1922 г., амнистирован.

⁵⁰ *Дестре Жюль* (1863—1936) — бельгийский социалист, адвокат. С сентября 1917 г. по 1918 г. — бельгийский посланник в России.

⁵¹ *Коллонтай Александра Михайловна* (1872—1952) — государственной и политической деятель, советский дипломат. После февральской революции входила в исполком Петроградского Совета. В июле 1917 г. арестована Временным правительством. На VI съезде РСДРП(б) заочно выбрана членом ЦК. Участвовала в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. В первом составе Советского правительства занимала пост наркома государственного призрения.

⁵² *Пуанкаре Раймон* (1860—1934) — французский буржуазный политический и государственный деятель. С 1913 по 1920 г. — президент Франции.

⁵³ *Русанов Николай Сергеевич* (1859—1939) — русский революционер, народоволец, затем эсер. Сотрудничал в «Вестнике Народной воли». В 1901 г. участвовал в основании «Вестника русской революции» — теоретического органа эсеров. После Октябрьской революции эмигрировал.

⁵⁴ *Чайковский Николай Васильевич* (1850—1926) — русский политический деятель. В конце 60-х гг. XIX в. — член революционного кружка народников. С 1874 по 1906 г. жил в эмиграции. В 1910 г. легализовался, отошел от политической жизни, стал активным деятелем кооперативного движения. После февральской революции член ЦК Объединенной трудовой народно-социалистической партии («трудовик»), член исполкомов Петросовета и Всероссийского Совета

крестьянских депутатов. После Октябрьской революции активный противник большевиков, член белогвардейских правительств на территории России. В январе 1919 г. эмигрировал.

⁵⁵ Жена Л. Д. Троцкого — Седова Наталья Ивановна, сыновья Лев и Сергей.

⁵⁶ *Клемансо Жорж Бенжамен* (1841—1929) — политический и государственный деятель Франции, лидер партии радикалов. С 16 ноября 1917 г. по 18 января 1920 г. возглавлял французское правительство, ввел режим военной диктатуры в стране.

⁵⁷ *Нератов А.А.* — заместитель министра иностранных дел Временного правительства, бывший царский дипломат.

⁵⁸ *Клод Анэ* — французский журналист.

⁵⁹ *Терещенко Михаил Иванович* (1886—1956) — русский политический деятель, крупный землевладелец, сахарозаводчик, финансист. Примыкал к прогрессистам. После февральской революции со 2(15) марта занимал пост министра финансов, а с 5(18) мая по 25 октября — министра иностранных дел Временного правительства. Сторонник продолжения войны до победы. После Октябрьской революции эмигрировал.

⁶⁰ *Самба Марсель* (1862—1922) — один из лидеров Французской социалистической партии, журналист. С августа 1914 г. по сентябрь 1917 г. был министром общественных работ во французском правительстве.

⁶¹ *Поль-Бонкур Жозеф* (1873—1972) — французский политический и государственный деятель, юрист. Депутат парламента, многократно занимал министерские посты, в том числе пост министра иностранных дел. С 1916 г. член Французской социалистической партии.

⁶² *Бриан Аристид* (1862—1932) — французский государственный деятель, дипломат. В правительстве проводил антирабочую политику. В течение ряда лет возглавлял правительство Франции, в том числе с 29 октября 1915 г. по 17 марта 1917 г.

⁶³ *Лаваль Пьер* (1883—1945) — французский реакционный политический деятель, правый социалист. Неоднократно с 1925 г. входил в правительство Франции и возглавлял его. После победы Октябрьской революции занимал активную враждебную позицию по отношению к большевистскому правительству. В годы II мировой войны сотрудничал с фашистской Германией, за что казнен по приговору суда.

⁶⁴ *Гольденберг Иосиф Петрович* (1873—1922) — социал-демократ, с 1903 по 1914 г. большевик. В 1917—1919 гг. примыкал к группе «Новая жизнь». В 1920 г. вновь вступил в партию большевиков.

⁶⁵ *Ганецкий (наст. фам. Фюрстенберг) Яков Станиславович* (1879—1937) — деятель польского и русского революционного движения. Член Социал-демократической партии с 1896 г. В марте — ноябре 1917 г. — член Заграничного представительства ЦК РСДРП(б). Один из редакторов выходившего в Стокгольме на немецком и французском языках «Русского бюллетеня “Правды”». После победы Октябрьской революции — на ответственных дипломатических постах и государственной работе.

⁶⁶ *Радек Карл Бернгардович* (1885—1939) — видный деятель российского и международного рабочего движения, известный публицист. В социал-демократическом движении с начала 1900-х годов, в большевистской партии с 1917 г. После Октябрьской революции работал в Наркомате иностранных дел, позднее активный деятель Коминтерна, член ЦК партии.

⁶⁷ *Парвус (наст. фам. Гельфанд) Александр Львович* (1869—1924) — участник российского и германского социал-демократического движения. С 1903 г. — меньшевик, автор теории перманентной революции. С 1915 г. издавал на немецком языке журнал «Колокол». Жил в Германии. С 1918 г. отошел от политической деятельности.

⁶⁸ *Бьюкенен Джордж Уильям* (1854—1924) — английский дипломат. Посол в России в 1910—1918 гг., был главой дипломатического корпуса стран Антанты. После победы Октябрьской революции активно поддерживал все антибольшевистские выступления.

⁶⁹ *Крыленко Николай Васильевич* (1885—1938) — участник российского революционного движения, государственный и партийный деятель. Член РСДРП(б) с 1904 г. В период февральской революции служил в чине прапорщика в действующей армии, работал в газете «Солдатская правда». В октябре 1917 г. член Петроградского ВРК. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав СНК в качестве члена Комитета по военным и морским делам. 9(22) ноября 1917 г. назначен Верховным главнокомандующим. С 1918 г. занимал ответственные посты в органах юстиции.

⁷⁰ *Шляпников Александр Гаврилович* (1885—1937) — революционер, политический и государственный деятель. Член РСДРП с 1901 г. После февральской революции участвовал в организации Петросовета и Красной гвардии. С марта 1917 г. член исполнительной комиссии Русского бюро ЦК. Член Петербургского комитета РСДРП(б). Председатель правления Петроградского союза металлистов и председатель Временного ЦК Всероссийского союза металлистов. В первом составе Советского правительства занимал пост народного комиссара труда.

⁷¹ *Монтаньяры* — революционно-демократическая группа депутатов Конвента в период Великой французской революции (Гора).

⁷² *Жирондисты* — политическая группировка, фактически партия в период Великой французской революции, представляла интересы торгово-промышленной и земледельческой буржуазии. Постепенно жирондисты из консервативной партии превратились в контрреволюционную.

⁷³ *Сокольников (Бриллиант) Григорий Яковлевич* (1888—1939) — видный государственный и партийный деятель. Член РСДРП(б) с 1905 г. После февральской революции избран членом Московского комитета и Московского областного бюро РСДРП(б), член редакции «Правды». После Октябрьской революции входил в состав делегации на Брест-Литовских переговорах. В дальнейшем на ответственной и партийной работе.

⁷⁴ Переговоры с Германией о перемирии начались в Брест-Литовске 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Состав первой советской делегации: А. А. Иоффе — руководитель, Г. Я. Сокольников, С. Д. Мстиславский, Л. М. Карахан, А. А. Биценко (Камеристая), а также солдат Н. К. Беляков, матрос Ф. В. Олич, рабочий П. А. Обухов и крестьянин Р. И. Сташков.

⁷⁵ *Гофман Макс* (1869—1927) — германский генерал. С сентября 1916 г. начальник штаба, а фактически — командующий германскими войсками на Восточном фронте.

⁷⁶ *Иоффе Адольф Абрамович* (1883—1927) — видный советский дипломат. С 1903 г. меньшевик. В большевистскую партию вступил в августе 1917 г., на VI съезде РСДРП(б) избран кандидатом в члены ЦК. В Октябрьские дни — член Петроградского ВРК, Петросовета.

В ноябре 1917 г. — январь 1918 г. председатель, затем консультант советской делегации в Брест-Литовске.

⁷⁷ *Мирбах Вильгельм* (1871—1918) — граф, германский дипломат. В 1915—1917 гг. — германский посол в Афинах (а не в Риме, как пишет Садуль). С апреля 1918 г. — посол в Москве. Убит 6 июля левыми эсерами.

⁷⁸ *Альтфатер Василий Михайлович* (1883—1919) — один из первых адмиралов русского флота, перешедших после Октябрьской революции на сторону Советской власти, контр-адмирал.

⁷⁹ *Вандервельде Эмиль* (1866—1938) — лидер Рабочей партии Бельгии, председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Октябрьскую революцию встретил враждебно.

⁸⁰ *Ренодель Пьер* (1871—1935) — один из реформистских лидеров Французской социалистической партии, публицист. С 1914 по 1920 г. — редактор газеты «Юманите».

⁸¹ *Шейдеман Филипп* (1865—1939) — один из лидеров крайне правого крыла германской социал-демократии.

⁸² *Ллойд Джордж Дэвид* (1863—1945) — английский государственный деятель, дипломат, лидер партии либералов. В 1916—1922 гг. — премьер-министр Англии.

⁸³ *Гендерсон Артур* (1863—1935) — один из лидеров лейбористской партии, английского профессионального движения. После февральской революции приехал в Россию для агитации за продолжение войны.

⁸⁴ *Макдональд Джеймс Рамсей* (1866—1937) — английский политический деятель, один из основателей и лидеров Независимой рабочей партии и Лейбористской партии. В начале I мировой войны занял пацифистскую позицию, затем поддерживал буржуазию.

⁸⁵ Здесь, вероятно, имеется в виду газета «Der Völkerfriede» («Мир народов»), которая издавалась в Петрограде иностранной коммунистической группой, созданной при ЦК РСДРП(б), на немецком языке в 1917—1918 гг.

⁸⁶ *Жорес Жан* (1859—1914) — деятель французского и международного социалистического движения, антимилитарист, историк. В 1902 г. возглавил Французскую социалистическую партию, в 1904 г. основал газету «Юманите». Написал 4-томную «Историю Великой французской революции» и ряд других работ по истории Франции. Убит за антимилитаристскую пропаганду 31 июля 1914 г.

⁸⁷ «*День*» — либерально-буржуазная газета, после февральской революции перешла в руки меньшевиков, выходила в Петербурге в 1912—1917 гг.

⁸⁸ *Карно Лазар Никола* (1753—1823) — французский политический и военный деятель. Организатор вооруженной борьбы в революционной Франции с интервентами и роялистами.

⁸⁹ 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.) Совнарком вынес решение о предоставлении Ленину отпуска на 3—5 дней. 24—27 декабря 1917 г. (6—9 января 1918 г.) Ленин жил в Финляндии в санатории «Халила», где написал ряд статей.

⁹⁰ *Дюма Шарль* (1883—?) — журналист и публицист, член Социалистической партии Франции, депутат парламента. В годы I мировой войны занимал позицию социал-шовиниста, за что его резко критиковал В. И. Ленин. Их политические разногласия стали причиной того, что Ленин 21 декабря 1917 г. отказался принять Шарля Дюма, о чем тот прислал, ссылаясь на свое давнее знакомство с Лениным.

⁹¹ *Кюльман Рихард* (1873—1948) — в августе 1917 г. — июле

1918 г. — статс-секретарь ведомства иностранных дел Германии, возглавлял германскую делегацию на мирных переговорах в Брест-Литовске. Занимал антисоветскую позицию.

⁹² *Чершин Оттокар* — в 1917 г. австро-венгерский министр иностранных дел, граф.

⁹³ Отец Александры Михайловны Коллонтай — Домонтович Михаил Алексеевич (1830—1902) — генерал; муж — Коллонтай Владимир Людвигович (1867—1917) — генерал-майор; крестный отец — Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905) — русский военный теоретик и педагог, генерал от инфантерии.

⁹⁴ *Стейнлен Теофиль* (1859—1923) — французский график. Сотрудничал в социалистических журналах. Остро показывал социальное неравенство, ужасы войны, революционную борьбу.

⁹⁵ *Гинденбург Пауль* (1847—1934) — германский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал, представитель реакционных и шовинистических элементов германского империализма.

⁹⁶ Имеется в виду послание конгрессу В. Вильсона 8 января 1918 г. с изложением условий мира, которые состояли из 14 статей.

⁹⁷ *Раковский Христиан Георгиевич* (1873—1941) — видный деятель международного коммунистического движения, дипломат. Член РСДРП(б) с 1917 г. После Октябрьской революции в качестве комиссара-организатора Совнаркома РСФСР участвовал в русско-румынских переговорах, а затем в мирных переговорах с Центральной украинской радой. В 1918 г. возглавил Комитет по борьбе с контрреволюцией на Украине, в течение нескольких лет был председателем Совнаркома Украины.

⁹⁸ 31 декабря 1917 г. (13 января 1918 г.) Совнарком направил румынскому правительству ультиматум по поводу разоружения и арестов полков 49-й дивизии. В тот же день Председатель СНК В. И. Ленин предписал арестовать немедленно всех членов румынского посольства и румынской миссии, а также служащих официальных румынских учреждений. Цель ареста — выражение решительного протеста против враждебных действий румынского правительства. На следующий день, 1 (14) января, все арестованные были освобождены из Петропавловской крепости.

⁹⁹ *Спиридонова Мария Александровна* (1884—1941) — один из лидеров партии левых эсеров, с ноября 1917 г. — член ЦК. После Октябрьской революции — член ВЦИК и его Президиума.

¹⁰⁰ *Руднев В. В.* — эсер, земский врач. Летом 1917 г. избран московским городским головой, в Октябрьские дни возглавлял Комитет общественной безопасности — контрреволюционную организацию.

¹⁰¹ Начальник караула Таврического дворца матрос Балтийского флота, анархист А. Г. Железняков сообщил В. М. Чернову полученную от П. Е. Дыбенко инструкцию: всем присутствующим покинуть зал заседания, так как время позднее и караул устал.

¹⁰² *Мергейм Альфонс* (1881—1925) — французский профсоюзный деятель, синдикалист. С 1905 г. — один из лидеров федерации металлистов и Всеобщей конфедерации труда Франции.

¹⁰³ *Шарль Альбер, В. Грифюзэль* — деятели французского профсоюзного движения, отстаивавшие независимость профсоюзов, стихийность рабочего движения, противопоставляли профсоюзы партии рабочего класса.

¹⁰⁴ *Мейера Баргелеми* (1879—?) — французский социалист, журналист, занимает центристские позиции. Член правления Французской социалистической партии.

¹⁰⁵ *Прессман Адриэн* (1879—?) — французский социалист на центристских позициях.

¹⁰⁶ *Гед Жюль* (1845—1922) — один из организаторов и руководителей французского социалистического движения и II Интернационала. В 1914—1915 гг. — государственный министр Франции.

¹⁰⁷ *Залкин Иван Абрамович* (1885—1928) — член партии с 1903 г., с 1908 по 1917 г. — в эмиграции. С конца ноября 1917 г. работал в Наркоминделе РСФСР.

¹⁰⁸ *Чичерин Георгий Васильевич* (1872—1936) — советский государственный деятель, дипломат, член РСДРП(б) с января 1918 г. В августе 1917 г. арестован в Великобритании как секретарь «делегатской комиссии» по делам возвращения политэмигрантов в Россию. 3 января 1918 г. по настоянию Советского правительства освобожден, по возвращении в Россию назначен 29 января заместителем наркома по иностранным делам. С 24 февраля — глава советской делегации на переговорах с Германией. С 30 мая 1918 г. — нарком иностранных дел РСФСР.

¹⁰⁹ Дядя Г. В. Чичерина — Борис Николаевич Чичерин (1828—1904) — русский историк, теоретик государства и права, публицист, философ. В 1882 г. избран московским городским головой.

¹¹⁰ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах утвержден на заседании коллегии Народного комиссариата юстиции 19 января 1918 г. (подписал М. Рейснер). 20 января, после внесения В. И. Лениным поправок, декрет принят на заседании СНК. Участие А. М. Коллонтай в принятии декрета в документах не отражено.

¹¹¹ *Шнейдер* — семья финансовых магнатов во Франции. Фирма «Шнейдер и К^о», основанная в 1836 г. братьями Этьеном и Адольфом Шнейдер, возглавляет до настоящего времени один из крупнейших концернов Франции «Шнейдер-Крезю».

¹¹² *Леопольд Баварский* — генерал-фельдмаршал, германский принц, главнокомандующий Восточным фронтом, участник мирных переговоров в Брест-Литовске.

¹¹³ Американский посол в России Фрэнсис Дэвид (1850—1927). В 1918 г. — старшина дипломатического корпуса.

¹¹⁴ *Робинс Раймонд* (1873—1954) — американский общественный и политический деятель, бизнесмен, полковник. С октября 1917 г. руководитель американской миссии Красного Креста. Последовательно выступал за нормализацию советско-американских отношений.

¹¹⁵ *Локкарт Роберт Гамильтон* (1887—1970) — английский дипломат. В 1915—1917 гг. — генеральный консул в России. С января 1918 г. глава британской миссии при Советском правительстве. Один из организаторов контрреволюционного заговора послов. В августе 1918 г. арестован и в октябре выслан из России.

¹¹⁶ *Пишон Стефан* (1857—1933) — французский политический деятель, дипломат. В 1917—1920 гг. — министр иностранных дел Франции.

¹¹⁷ *Дыбенко Павел Ефимович* (1889—1939) — советский военачальник, член РСДРП(б) с 1912 г. В 1917 г. председатель Центробалта. После Октябрьской революции вошел в первый состав Советского правительства в качестве члена Комитета по военным и морским делам, затем нарком по морским делам. С октября 1918 г. и до конца гражданской войны командовал частями и соединениями Красной Армии на различных фронтах.

¹¹⁸ *Рязанов (наст. фам. Гольдендах) Давид Борисович* (1870—1938) — видный советский общественный и партийный деятель.

В социал-демократическом движении с 90-х гг. XIX в. С 1917 г. — на профсоюзной работе. В 1918 г. — непримиримый противник Брестского мира. С 1921 г. — директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса.

¹¹⁹ *Бухарин Николай Иванович* (1888—1938) — видный советский государственный и партийный деятель, ученый, публицист. В большевистской партии с 1906 г., с 1911 г. — в эмиграции. После Октябрьской революции — редактор «Правды», член Политбюро ЦК партии, член Исполкома Коминтерна. В 1918 г. возглавлял группу «левых коммунистов».

¹²⁰ *Петров Федор Никитич* — заведовал хозяйственным отделом Наркомата иностранных дел. Трагически погиб в Туркестане.

¹²¹ П. Е. Дыбенко в феврале 1918 г. командовал отрядом моряков под Нарвой. За сдачу германским войскам Нарвы отдан под суд в мае 1918 г. По суду оправдан, но из партии исключен, восстановлен в 1922 г. с зачетом партийного стажа с 1912 г.

¹²² *Ванков Семен Николаевич* (1858—1938) — генерал, артиллерист. В период I мировой войны широко известен как организатор заводов военного снаряжения. После Октябрьской революции перешел на сторону Советской власти. Работал над восстановлением промышленности в России, в частности металлургической, занимался научно-технической и педагогической деятельностью.

¹²³ *Эрве Гюстав* (1871—1944) — французский социалист, публицист и адвокат. С 1905 по 1918 г. — член Французской социалистической партии. Октябрьскую революцию встретил враждебно.

¹²⁴ *Ге Александр (наст. фам. Голбер)* (год рожд. неизвестен — 1919) — государственный деятель, журналист. С 1905 г. — анархист-коммунист. В 1918 г. был членом ВЦИК. Убит 21 января 1919 г. белогвардейцами.

¹²⁵ *Гуковский И. Э.* (1871—1921) — советский государственный деятель, в революционном движении с 1898 г., большевик. С 9 марта 1918 г. — заместитель наркома по делам финансов, затем полпред РСФСР в Эстонии.

¹²⁶ *Зиновьев (наст. фам. Радомысльский) Григорий Евсеевич* (1883—1936) — видный государственный и политический деятель. В социал-демократическом движении с 1901 г. С 1908 по 1917 г. — в эмиграции. Активно сотрудничал в большевистской печати. С декабря 1917 г. — председатель Петросовета. В 1919—1926 гг. — председатель Исполкома Коминтерна. В течение ряда лет многократно избирался членом ЦК партии, членом Политбюро.

¹²⁷ Имеются в виду выступления В. И. Ленина на заседании ВЦИК 29 апреля с докладом об очередных задачах Советской власти, а также его работа «Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти».

¹²⁸ 23 апреля московские газеты опубликовали заявление Нуланса, в котором он обосновывал необходимость высадки японских войск во Владивостоке, а также доказывал целесообразность военных действий союзников на территории России «для защиты общих интересов». В ответ на это заявление Наркоминдел направил правительству Франции ноту, в которой указывал на недопустимость подобных заявлений и выражал уверенность, что Французское правительство немедленно отзовет своего посла Нуланса. Однако ответа не последовало, посол отозван не был и оставался в России до 15 декабря 1918 г.

¹²⁹ 2 декабря 1851 г. во Франции был совершен государственный переворот, в результате которого установился режим военно-бур-

жазной диктатуры Луи Наполеона Бонапарта, сопровождавшийся разгулом полицейского террора; в стране через год была провозглашена империя.

¹³⁰ *Скоропадский Павел Петрович* (1873—1945) — генерал царской армии, крупный помещик Черниговской и Полтавской губерний. С 29 апреля по 14 декабря 1918 г. был гетманом Украины, являлся ставленником германских империалистов. Эмигрировал в Германию.

¹³¹ *Семенов Григорий Михайлович* (1890—1946) — атаман Забайкальского казачьего войска, есаул. После февральской революции — комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию добровольческих частей. После Октябрьской революции поднял мятеж против Советской власти, после поражения которого бежал в Маньчжурию. В августе 1918 г. с помощью интервентов установил в Забайкалье диктаторский режим. Будучи разгромлен отрядами Красной Армии, бежал за границу.

¹³² «*Раннее утро*» — ежедневная газета, выходила в Москве с 1907 по 1918 г.; именовалась «беспартийно-прогрессивным органом», фактически придерживалась линии кадетской партии.

¹³³ *Камков (наст. фам. Кац) Борис Давидович* (1885—1938) — один из организаторов и лидеров партии левых эсеров, член ЦК. После февральской революции член Петроградского комитета эсеров, выступал против войны, за переход власти к Советам. После Октябрьской революции — член ВЦИК и его Президиума. Выступал против заключения Брестского мира, за выход левых эсеров из СНК в марте 1918 г.

¹³⁴ *Карелин Владимир Александрович* (1891—1938) — один из организаторов партии левых эсеров, член ЦК. После Октябрьской революции избран членом ВЦИК. В декабре 1917 г. вошел в состав СНК в качестве наркома имуществ Республики. Член советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске. В марте 1918 г. в знак протеста против заключения Брестского мира вышел из СНК. В 1918 г. эмигрировал.

¹³⁵ *Паскаль Пьер* — французский офицер, впоследствии перешел на сторону Советской власти, вступил во французскую коммунистическую группу, созданную при ЦК РКП(б), входил в руководящее бюро этой группы. Автор исследования о творчестве пророка Аввакума.

¹³⁶ Приведенные Садулем цифры не точны. В действительности на съезде присутствовали 1164 делегата с решающим голосом, из них 773 большевика, 353 левых эсера, 17 максималистов, 4 анархиста, 4 меньшевика-интернационалиста, 3 члена других партий, 10 беспартийных.

¹³⁷ *Скрыпник Николай Алексеевич* (1872—1933) — революционер, участник борьбы за Советскую власть на Украине. После февральской революции — секретарь Центрального совета фабзавкомов Петрограда, на VI съезде РСДРП(б) избран кандидатом в члены ЦК. С декабря 1917 г. народный секретарь труда и промышленности, в 1918 г. — председатель Советского правительства Украины, член ВУЦИК.

¹³⁸ *Аванесов (наст. фам. и имя Мартиросов Сурен Карпович) Варлаам Александрович* (1884—1930) — советский государственный деятель, большевик с 1914 г. После февральской революции член большевистской фракции Моссовета и его президиума. После Октябрьской революции избран членом Президиума и секретарем ВЦИК.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. М. Иванова. Об авторе «Записок»</i>	3
Записки о большевистской революции	
1917 г.	14
1918 г.	156
1919 г.	370
<i>Комментарии.</i>	388

Жак Садуль

ЗАПИСКИ О БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917—1919

Технический редактор Л. П. Емельянова
Корректор Н. И. Скворцова

Сдано в набор 18.09.89. Подписано в печать 06.04.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,0. Усл. кр.-отт. 21,53. Уч.-изд. л. 22,90. Тираж 60 000 экз. Изд. № 4830. Заказ № 620. Цена 3 р. 00 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.